8196 10-90

76 2/13

Ohk X VIIIb
Ocn

ПЛОДЫ ТРУДОВЪ
ПРОЗОИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ
Г: Барона А: Галлера.

Вельможи Гуменскаго-Юкскаго, и Еклагненскаго, Кавалера Сѣверной Звѣзды, Президента Королевскаго собранія наукъ въ Геттингѣ, и економическаго общества въ Бернѣ.

Римской, и Россійской Импера:

и

Королев: Французской, Аглинской, Прусской и Шведской; Голландской, Эдимбургской, Бононской, Аркадской, Баварской, Крейнской и Упсальской Академіи, и словесныхъ наукъ многихъ обществъ почтеннаго Члена.

ЧАСТЬ I.я

содержащая въ себѣ

ИЗОБРАЖЕНІЕ САМОВЛАСТНАГО ВЪ ГОСУДАРСТВѢ ЕДИНОНАЧАЛІЯ

въ образѣ Усонга восточной повѣсти

описанное.

Переводъ съ Нѣмецкаго языка тщаніемъ

Н: П:

Печатана во градѣ Святаго Петра 1783го года
въ вольной типографіи у Шнора.

Извѣстнова [illegible]
[illegible]

Куплена 1803 года
[illegible] мѣсяца 24 числа
[illegible]
[illegible]

ЕГО
ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ,

Двора
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
оберъ-камергеру,
дѣйствительному
ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,
Императорскаго
Московскаго университета
КУРАТОРУ,

Орденовъ: святаго Апостола Андрея, святаго Александра Невскаго, святаго Владимира, бѣлаго орла и святыя Анны

КАВАЛЕРУ.

Всеусерднѣйшее приношенiе

отъ трудившагося въ переводѣ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НК Р
Инвент. № 295023
193 г.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО,

Милостивый Государь мой!

Излишнимъ бы было съ стороны моей покушенїемъ то, когдабъ предпринялъ я здѣсь, будучи во всемъ почти, до разсужденїя о различныхъ знанїяхъ касающемся, весьма недостаточнымъ, выхвалять преизящныя качества знаменитаго автора творенїя сего предъ *Вашимъ Высокопревосходительствомъ*, такъ какъ свѣдущемъ о многомъ въ свѣтѣ мужѣ. Довольно ощутительная отъ того польза всѣмъ возлюбленнымъ моимъ соотчичамъ и здравыя мысли на подвигахъ единой добродѣтели токмо основанїе свое сооружающїя, побудили меня нынѣ приложить неусыпное старанїе въ переводѣ на Россїйской языкъ не только сей книги, но и всѣхъ сочиненїй даже сего славнаго ученаго мужа, жившаго въ нынѣтекущемъ столѣтїи, изданныя имъ прозою на многихъ Европейскихъ дїалектахъ; раздѣля оныя

для удобнѣйшаго чтенія по величинѣ ихъ на многія части, и приписавъ притомъ каждой приличное содержанію названіе, съ приложеннымъ къ тому въ перьвой части его же трудовъ спискомъ о *Усонгѣ*, многихъ восточныхъ странъ Владѣтелѣ. И хотя силы мои впрочемъ весьма слабыми въ томъ почесться должны, чтобъ трудъ сей возмогъ уподобиться сколько ниесть самому подлиннику, чтобъ выраженіи его столь же ясны были на нашемъ, какъ и на томъ языкѣ, съ котораго вознамѣрился я переложить ихъ, и чтобъ наконецъ слогъ перевода столь же чистъ и внятенъ былъ, каковымъ и оной; однакожъ, безпримѣрное *Ваше* во всемъ великодушіе, *Ваши* великіе успѣхи, доказанные при многихъ случаяхъ ученому свѣту въ различныхъ знаніяхъ, споспѣшествующихъ къ изощренію ра-

зума, и *Ваше* безпристрастное во всемъ сужденïе, принудили меня принять на себя смѣлость покуситься посвятить Высокому Имяни *Вашего Высокопревосходительства* сей начальный опытъ ревностнѣйшаго моего усердïя, предпринятой по мѣрѣ силъ моихъ; увѣряя себя, что встрѣчающïеся въ немъ многïе недостатки благосклонно *Вы*, *Милостивѣйшïй Государь*, простить мнѣ не отречетесь, дабы впредь поощрить меня чрезъ то тѣмъ еще болѣе къ принесенïю, хотя и слабаго впрочемъ знанïя моего, въ жертву любезному отечеству; не смотря на то, что тѣмъ самымъ могу я лишить случая можетъ быть гораздо превосходнѣйшаго предъ собою во всемъ соучастника въ данѣ, обязывающей каждаго вѣрнаго сына отечества произвесть ощутительнѣе удовольствïе и пользу въ почтенномъ нащемъ сообществѣ.

Утвердясь такимъ образомъ на семъ намѣренїи, подвергаю я какъ переводъ сей, такъ и себя купно высокому покровительству *Вашему* съ искреннѣйшею моею преданностїю, съ коею есьмъ, и пребуду навсегда

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

Милостиваго Государя моего!

всенижайшїй слуга,

П:.

АВТОРОВО ПРЕДИСЛОВІЕ.

Личина, коею прикрываемъ былъ Усонгъ въ первомъ изданіи книги сей, не нужна уже болѣе вовсе нынѣ. Всѣмъ извѣстно, да и самъ я не стараюсь скрывать того, что предпріялъ я нѣкогда намѣреніе выдать въ свѣтъ нѣкоторыя примѣчаніи о трехъ знатнѣйшихъ родахъ правленія, въ образѣ приличныхъ тому толикагожъ числа повѣстей. Злоупотребленіи самодержавной власти, и нѣкія доводы, къ укращенію сего страшнаго рода правленія служащія, кажутся лучше всего быть приличными къ изображенію Государя восточныхъ странъ; а особливо потому, что безпредѣльная власть онаго есть единая токмо, которую страны сіи съ самаго еще начала общежитія знаютъ довольно, такъ, что оная составляетъ сущее наслѣдіе древнѣйшихъ времянъ; а не новая, на паденіи вольности основанная, власть. Выборъ владѣтельнаго Князя, хотя и зависилъ впротчемъ отъ собственнаго моего произвола, къ чему изобралъ я и нѣкотораго Короля также, одареннаго дѣйствительно великими свойствами, и коего существенная гисторія есть та самая, въ которой изображаю я

болѣе мои мысли. Оный, и его образъ правительства, не были столь извѣстны много, чтобъ благопристойность могла ограничивать меня въ томъ весьма, когда опишу я нѣсколько, какъ о немъ, такъ и о его распоряженіяхъ, болѣе, нежели повѣствуетъ о томъ самая гисторія; но я остаюсь при всемъ томъ при нравахъ странъ восточныхъ; да и самое учрежденіе Государства сего, думаю, взято либо съ Китая, или оное было подлинно таковымъ при потомкахъ Усонга въ Персіи: ибо переобразовать нѣсколько обычаи позволѣно уповаю автору, что и Г: Расину упускаемо было иногда, когда онъ приступалъ токмо къ тому въ своихъ сочиненіяхъ. Естьлижъ выдуманной повѣсти приписать достоинство настоящей гисторіи разсудится за благо кому, то должно оную непремѣнно учинить столь сходною съ тѣмъ, чтобъ различіе между ими не весьма обличало перьвую въ глазахъ знающихъ читателей.

Впротчемъ, въ послѣднемъ семъ изданіи не только перемѣнено иное, но и приумножено еще нѣсколько предъ прежнимъ. Я имѣлъ предъ собою жестокія укоризны, которыя могли бы служить мнѣ поводомъ весьма много исправить себя, когдабъ падали оныя токмо на дѣйствительно слабыя мѣста сего

ма-

малаго моего сочиненія; а притомъ и типографскихъ погрѣшностей, приписанныхъ мнѣ въ порокъ, избѣжать мнѣ не безъ труда было бы можно. Но Англичане, жалующіеся на недостатокъ сильнаго въ немъ умоначертанія, ошибаются совершенно въ моемъ намѣреніи, кое ни на какое ложное предразсужденіе творенія не простирается вовсе. Подражатели же добродѣтели, вольности и благополучія рода человѣческаго, извинятъ надѣюсь, для благаго намѣренія моего, встрѣчающіяся здѣсь погрѣшности, кои протчіе часто собирать въ одно мѣсто охотно тщатся.

ГАЛЛЕРЪ.

ВЪ Бернѣ 9 Іюня
1777 года.

Предувѣдомленїе.

КЪ посвященїю нѣсколькихЪ часовЪ на переводЪ списка сего, коего сочинитель вовсе неизвѣстенЪ, а притомЪ и сокращенїе онаго, принужденЪ я былЪ согласиться единственно по желанїю нѣкоторой особы, достойной совершенно моего вЪ томЪ уваженїя.

Сей *Усонгъ*, котораго Португалльцы *Усумомъ* называютЪ, былЪ дѣйствительно одинЪ изЪ величайшихЪ и славнѣйшихЪ Государей вЪ Персїи, о коемЪ *Педро Бизарро* повѣствуетЪ точно слѣдующими словами: „*Усонгъ*, говоритЪ онЪ, былЪ величаваго вида, весьма притомЪ проворенЪ, и имѣлЪ силу чрезвычайную: черты лица его заключали вЪ себѣ не малое достоинство, приличное знатнѣйшаго рода человѣку; а душевныя свойства онаго, какЪ то, великодушїе, постоянство, щедрость, разумЪ и тщеславїе, привлекали не только каждаго удивленїе, но сверхЪ того и желанїе, какЪ видѣть, такЪ и слышать онаго (*).„

КЪ завладѣнїю Персїи, употребилЪ онЪ весьма короткое время, и обладалЪ несравненно большимЪ количествомЪ земель, нежели всѣ его предшественники и потомки даже; а особливо сЪ стороны Запада вЪ Месопотамїи и Арменїи. ОнЪ оказывалЪ от-

(*) ИзЪ Персидской гисторїи, книги XЙ, на листѣ 263-мЪ.

личную благосклонность вЪ разсужденіи ХристіянЪ, и жилЪ вЪ великомЪ согласіи сЪ своею супругою, урожденною Княжною Трапезонтскою, которая оставалась безпрестанно вЪ законѣ своихЪ предковЪ. Его войны сЪ Турками, ЕгипетскимЪ СултаномЪ *Абюседомъ*, и протчими другими владѣтелями Персіи, описаны подобнымЪ же почти образомЪ западными писателями, какЪ и вЪ семЪ самомЪ спискѣ.

Смерть постигла его по увѣренію многихЪ 6*го* числа Января мѣсяца 1488*го* года (*), во время пребыванія *Барбары* при дворѣ его вЪ достоинствѣ посла отЪ Венеціянской Республики, описаніе посольства коего хранится и по нынѣ вЪ Венеціи во всякой цѣлости, такЪ какЪ и *Контариніево*, занимавшемЪ самоежЪ сіе мѣсто послѣ (**). Дочь сего *Усонга* была за мужемЪ за АлидомЪ *Гайдеромъ*, коея сынЪ *Исмаилъ* былЪ начальникомЪ рода Императорскаго, проимянованнаго СофискимЪ.

Но извѣстіи восточныхЪ писателей не согласуютЪ вовсе во многихЪ мѣстахЪ сЪ онымЪ, коего АвторЪ полагаетЪ Монгальской породы, вмѣсто того, что другіе утвер-

(*) Читай *Барбаро* на листѣ 479*мъ*. НапротивЪ того другіе гисторики помѣщаютЪ случай смерти *Усонга* вЪ 1478*мъ* году, а по *Гербелотову* увѣренію воспослѣдовала оная будто бы вЪ 1482*мъ* году, вЪ которое время *Барбаро* подлинно находился при дворѣ ПерсидскомЪ.

(**) Смотри *Ганвая* вЪ послѣдованіи повѣствованія онаго.

утверждаютъ происхожденіе онаго отъ Туркомановъ, народа столь порочнаго, и столь зверскаго, такъ, что съ трудомъ и поверить можно, чтобъ оной могъ произвести Государя столь искуснаго въ знаніяхъ, и столь прославившагося своими душевными дарованіями. Известно также и то впротчемъ, что *Тимуръ*, считая себя огорченнымъ *Баїзетомъ*, Султаномъ Турецкимъ, призывалъ некогда на помощъ къ себе некотораго Туркомана. Путешествіе же *Усонга* не известно было вовсе народамъ западнымъ, хотя и упоминаютъ оне между протчимъ о его тесномъ дружелюбіи съ Венеціянами, и посольстве къ нему *Цены*, *Барбары* и *Контарины* похоже съ нашимъ Авторомъ. Сверьхъ того, вместо дочери, полагаютъ они *Усонгу* несколько сыновей, кои по мненію ихъ пережили все будто бы онаго. Притомъ, сіижъ самые гисторики приписываютъ другимъ Государямъ различныя учрежденіи, учиненныя однакожъ симъ самымъ, для утвержденія внутренняго состоянія Государства сего, что въ Персіи и поныне еще наблюдать стараются; а жена его перьвая и не наимянована вовсе, ниже названа какимъ ни есть имянемъ, кроме какъ упомянута просто токмо Княжною Китайскою.

Итакъ, усмотрелъ я подлинно, что повествователи восточные утверждаютъ иногда совсемъ другое, нежели западные о *Усонге*; а особливо, когда говорятъ они,

что нѣкоторые изъ преемниковъ *Чентисовыхъ* владѣли будто бы въ Персіи почти до нашихъ времянъ; но время, употребленное мною на трудъ сей, не позволило мнѣ точно разсмотрѣть истинну въ сихъ различныхъ извѣстіяхъ, и я успѣлъ только, приведши въ нѣкоторой порядокъ списокъ сей, сократить оной, а особливо описаніе *Верибеніево* послѣднихъ времянъ *Усонга*, о коемъ, сочелъ за нужное, умолчать лучше, потому, что извѣстіе о томъ, будучи сопряжено съ помрачающими добродѣтели различными любовными повѣстями, казалось мнѣ весьма непристойнымъ къ такой гисторіи, въ которой оныя вообще сильно выхваляемы. Впрочемъ видно довольно ясно, что *Усонгъ* подкрѣпляемый своимъ послѣднимъ другомъ, предался совершенно на высочайшую надежду, происходящую отъ Христіянскаго ученія.

Я оставляю притомъ въ семъ изданіи имяна, какъ людей, такъ и упоминаемыхъ мѣстъ въономъ, въ образѣ восточнаго нарѣчія.

А къ томужъ, и извинить себя прошу благосклонныхъ читателей въ томъ, что принялся я за дѣло, приличное болѣе Автору гораздо моложе лѣтами, нежели я.

УСОНГЪ.

КНИГА I.я

Двожди уже возобновлялся родъ человѣческій съ того времяни, какъ Императорское поколѣніе *Івена* принуждено было оставлять престолъ Китайскій. Потомки полу-бога *Огута* и сильнаго *Ченгиса* были потомъ погружены въ древнею ихъ посредственность; и какъ состояли онѣ въ немаломъ количествѣ, то каждый изъ сихъ Государей, живучи посреди своей Орды, питался со всѣми своими подданными отъ одного токмо скотоводства и охоты. Сокровища Китайскія, драгоцѣнныя одежды, пышность паланкиновъ (*), многочисленная свита мандариновъ и блѣскъ престола, изчезли тамъ вовсе, и кожа тигра, или другаго какого свирепѣйшаго звѣря, награда сраженія наиопаснѣйшаго поистиннѣ! составляла совершеннѣйшее украшеніе владычества потомковъ обладателя свѣта.

Одинъ

(*) Подъ симъ разумѣется родъ крѣселъ, кои въ немаломъ употребленіи въ Индіи носятъ на плѣчахъ.

Одинъ изъ сихъ военачальниковъ старѣйшаго поколѣнія Великаго *Кублая* неустрашимый *Тимуръ-ташъ*, будучи превосходнѣйшимъ предъ всѣми прочими себѣ равными, расположился ставкою своею на западномъ берегу Коконора (*), многочисленныя стада коего занимали наипространнѣйшія поля, и вѣрные его подданные жили подъ властію онаго въ совершенномъ между собою согласіи, и въ надлежащемъ спокойствіи. Въ продолженіе несносныхъ жаровъ лѣтнихъ удалялся иногда Государь сей въ Уланскія горы, гдѣ находилъ онъ обыкновенно и защиту отъ зноя солнечнаго, и изобильную жатву, какъ для войска, такъ и скота своего. Провождая такимъ образомъ жизнь нѣкоторое время, вспомнилъ наконецъ *Тимуръ-ташъ* нѣкогда, что онъ происходилъ также отъ крови *Івена* (**), потомки коего, будучи удручены сильно властію бонзовъ, и низвержены съ престола щастливымъ *Гунгвуемъ*, нѣкоторымъ изъ рабовъ оныхъ, возчувствовалъ скоро сердце свое преисполненнымъ не укротимою ненавистію ко всему духовенству Китайскому, суевѣріе коего смягчило

(*) Сіе значитъ большое озеро въ странѣ Монгаловъ, примыкающееся къ западной части провинціи Китайской, *Шензою* имянуемой.

(**) Читай о семъ всеобщую гисторію Свѣта.

гчило весьма слабыя сердца Ченгидовъ въ такое время, когда различныя оныхъ пристрастїи наполняли дворъ Китайскїй вѣроломными министрами, и Государей своихъ погружали всячески въ роскоши и слабости. Не могъ избѣгнуть также ненависти его и родъ Минговъ, зная, что потомки начальника сего, бывшаго недостойнымъ рабомъ монашескимъ, обладали наисильнѣйшимъ престоломъ вселенной, и наслаждались всѣми преимуществами сына небеснаго, а притомъ и Имперїею, которую почиталъ онъ единственнымъ своимъ законнымъ наслѣдїемъ.

Итакъ, не смотря на слабость войска своего, состоящаго изъ небольшаго только числа Монгаловъ, *Тимуръ-ташъ* почиталъ мщенїе въ томъ за непремѣнный себѣ долгъ; чего ради началъ онъ съ стороны западной вести безпрестанную войну съ обожаемымъ жрецомъ, которой жителей Лассы принудилъ воздавать себѣ честь сїю; а съ востока распространилъ набѣги свои на многїя сосѣдственныя провинцїи Китая. Сїи безпрестанные походы, производимые примъ со врагами своихъ предковъ, приучили Орду его вскорѣ къ искуству оружїя, и его воины учинились наконецъ не только наисовершеннѣйшими въ томъ; но даже превосходили еще и тѣхъ самыхъ,

коими

коими предводительствовали нѣкогда потомки великаго *Ченгиса*. Побѣды, одерживаемыя ими надъ непрїятелями своими, служили награжденїемъ за ихъ неустрашимую храбрость; они скоро учинились страшными всѣмъ своимъ сосѣдямъ, и надежда, кою полагали они на собственныя свои силы, дѣлала ихъ вовсе почти непобѣдимыми.

Въ нѣкоторой день, какъ *Тимуръташъ* стремился нападать съ отборною своею конницею съ западной стороны своего владѣнїя на непрїятелей, усмотрѣлъ онъ вдругъ по близости озера Цилы приближавшуюся къ себѣ многочисленнѣйшую толпу народа Тибетскаго. Блѣстящее сїе шествїе великолѣпїемъ своимъ, неизвѣстнымъ вовсе впрочемъ въ необитаемыхъ сихъ мѣстахъ, шло по дорогѣ къ Лассѣ; на преужасномъ слонѣ утвержденъ былъ, видно, богатый шатеръ, окружаемый со всѣхъ сторонъ притомъ различныхъ цвѣтовъ шолковыми завѣсами; множество возницъ распещренныхъ прекраснѣйшимъ образомъ, и слѣдующихъ сзади, казались наполненными женскимъ поломъ, изъ коихъ большая половина нагружена была различными поклажами и наидрагоцѣннѣйшими вещами. Распущенныя знамена украшали всю сїю многочисленную свиту; а воору-

оруженные воины, прикрывавшїе оную, были одѣты столь великолѣпно, что и самаго *Далай-Ламы* подданные не всегда могли равнятся въ убранствѣ съ сими проводниками.

При таковомъ вовсе нечаемомъ *Тимуръташемъ* зрелищѣ, кидается онъ вдругъ на подобїе сокола, стремящагося сильно за устрашенною добычею, на конвой Тибетской, разгоняетъ его тотчасъ, и принуждаетъ оставлять побѣдителю не сметныя ихъ сокровища.

Не удовольствовавшись тѣмъ, приближается онъ потомъ къ слону, желая нетерпѣливо разсмотрѣть пристальнѣе успѣхи своей побѣды; но въ какое приходитъ удивленїе, когда видитъ раскрывшїяся завѣсы, и представшею глазамъ его красоту въ полномъ сїянїи величества, просящую притомъ милости у своего побѣдителя на такомъ языкѣ, коего не разумѣлъ онъ вовсе. *Тимуръташъ* не будучи никогда еще зараженъ любовїю до сего времяни, и не видавъ впротчемъ ни единой подобной прелести изъ окружавшихъ его безпрестанно женщинъ Монгальскихъ, почувствовалъ страсть любви сильно овладѣвшею сердцемъ его при семъ случаѣ; потому, что доставшаяся ему въ плѣнъ Княжна, была такой красоты, которая помрачала все,

что

что ни случалось только видать въ жизни сему Князю. Она имѣла прекраснѣйшій станъ, преисполненный нѣжности взглядъ, большіе пламянные глаза, и благороднѣйшія черты лица, украшающія особливымъ образомъ женщинъ Кашемирскихъ, превосходя оныхъ сколько внешностію своею, а не менѣе и достоинствомъ въ разсужденіи своей знатной природы; ибо подлинно была она дочь нѣкотораго владѣтельнаго Князя сей благополучной страны, которую препровождали тогда въ супруги *Далай-Ламѣ* (*), младому юношѣ, посвященному еще вновь фо.

Тимуръ-ташъ возчувствовалъ тотчасъ, говорю, въ себѣ сильное движеніе при семъ случаѣ, которое совсемъ для него казалось новымъ. Его сердце не испы-

(*) Сего *Далай-Ламу* и понынѣ обоготворяютъ еще при жизни его въ Китаѣ: ибо ламы, или жрецы Тангутскіе и Тибетскіе стараются всегда увѣрять народъ, что фО, то есть БОГЪ, оживотворяетъ будто бы самъ сего *Далай-Ламу*, и когда мнимый полу-богъ сей умираетъ, то юноша, похожей нѣсколько на умершаго, бываетъ обыкновенно выбираемъ на его мѣсто, и потомъ назначаемъ къ сей высокой степени чести для посвященія его фО. Таковому то юношѣ была везена сія Княжна Кашимирская въ супруги, которой впротчемъ въ здравомъ разсужденіи каждаго ни что иное есть, какъ обыкновенный человѣкъ.

испытало до того ничего, кроме единаго дѣйствія побѣдоноснаго воина, и сего жестокаго удовлетворенія, кое обыкновенно производитъ усытительное мщеніе. Онъ представлялъ себѣ живо, что случай сей можетъ быть наипріятнѣйшимъ для него предмѣтомъ удовольствія, и чаялъ отъ сего времяни найти болѣе щастія въ любви, нежели наслаждаться могъ онъ онымъ когда ни есть въ славѣ, храбрости и своемъ мщеніи; чего ради обошолся онъ съ плѣнною Княжною со всякою учтивостію, происходящею единственно изъ глубины его сердца, которая ни къ склонностямъ, ниже къ какимъ либо обычаямъ не привлекаетъ человѣка. Его взоръ и наружныя движеніи обнадеживали ее ясно, что она вовсе ничего не имѣла страшится въ семъ ея состояніи, и что найдетъ она у Монгаловъ конечно тожъ самое къ себѣ почтеніе и любовь, коихъ бы ожидать надѣилась она и въ Лассѣ. Большую часть людей изъ ея свиты отпустилъ онъ назадь; а оставилъ только малое число женщинъ, коихъ собственный выборъ опредѣлилъ тогда быть при госпожѣ своей, и посадивъ ее потомъ на прекраснѣйшую лошадь, поспѣшалъ между тѣмъ самъ сокрыться съ нею въ горахъ.

По прибытіи его на мѣсто, вся Орда ему подчиненная поздравляла искреннѣй-

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №

шимъ образомъ побѣдоноснаго *Тимуръ-таша*, и каждой изъ его вѣрноподданныхъ старался всячески засвидѣтельствовать прекрасной плѣнницѣ свое наиусерднѣйшее участіе, къ коей сильная страсть Государя ихъ не была уже тайною болѣе. Она скоро научилась говорить по Монгальски отъ своего страстнаго любовника, которой былъ еще тогда довольно молодъ; и хотя видъ онаго означалъ впротчемъ совершеннаго въ немъ Монгала, но веселое сложеніе души его придавало всему онаго тѣлу видъ и поступки, приличныя его роду; и какъ Принцессы восточныя приобыкли уже подвергать себя не рѣдко тому, коему жребій ихъ опредѣлялъ обыкновенно: ибо никогда почти не случалось того, чтобъ могли онѣ самопроизвольно дѣлать въ томъ свои сравненіи, ниже имѣть случай къ какой надеждѣ въ выборѣ себѣ супруга, то *Шегеристана* (такъ называлась дочь владѣтеля Кашимирскаго) приняла съ удовольствіемъ безпритворные къ себѣ знаки горячности своего побѣдителя, и учинилась съ самагожъ того время его супругою.

Таковымъ поступкомъ однакожъ огорчилъ сильно *Тимуръ-ташъ* всѣхъ жителей Тибетскихъ, по чему принужденъ онъ былъ непремѣнно удвоить свои нападеніи про-

противъ сего народа, коего мщенія имѣлъ онъ и безъ того основательную причину опасаться весьма, и что самое подало ему случай воспользоваться потомъ многими преимуществами и различными выгодами надъ его непріятелями. Вскорѣ послѣ того принесла ему прекрасная его супруга сына, которой точное ея имѣлъ подобіе: въ немъ ни чего не предвѣщало Монгальскаго духа, кромѣ одной неутомимой силы его естественнаго сложенія; а необыкновенный онаго ростъ, въ сравненіи съ прочими равныхъ лѣтъ съ нимъ дѣтьми, придалъ имя ему долгаго (*): его глаза, черты лица, и даже цвѣтъ самый, были точно его матери; а преимущества души блистали совершенно по всей наружности, и означались ясно изъ всѣхъ онаго движеніи.

Родитель его принялъ самъ на себя трудъ въ его воспитаніи, наставляя онаго во всѣхъ упражненіяхъ, приличныхъ Скиѳскому Князю: ибо ни кто изъ Монгаловъ не натягалъ столь исправно лука, никто не обуздывалъ свирепость дичайшей лошади съ толикою бодростію, никто, говорю, не боролся съ толикимъ проворствомъ, или не противился ярящимся волнамъ Коконора столь

(*) По Персидски значитъ *Гассанъ алъ-тавиль*.

чрезвычайнымъ образомъ, какъ сей *Тимуръ-ташъ.* Онъ слѣдовалъ повсюду съ преужаснѣйшимъ жаромъ за своимъ родителемъ, когда тотъ стремился только поражать ожесточеннаго тигра, и всегда восхищалось сердце его, когда смертоносное орудїе онаго прободало внутренность какого ни есть лютаго звѣря; такъ что *Усонгъ* (сїе было имя молодаго сына *Шегеристаны*) при всей своей младости пресѣкалъ уже самъ наконецъ быстрой полѣтъ прыткой шонгары (*). Въ самыхъ еще младыхъ лѣтахъ своихъ, сносилъ уже онъ терпѣливо всѣ тягости и безпокойствїи отъ охоты происходящїя, и презиралъ часто наиужаснѣйшїя опасности случающїяся притомъ.

Тимуръ-ташъ имѣлъ впротчемъ между усерднѣйшими своими подданными при себѣ еще и нѣсколько изъ вѣрныхъ Китайцовъ, кои, не хотя подвергнуть себя беззаконному неистовству *Минга*, избрали лучше послѣдовать въ злополучїи скрывающемуся побѣгомъ потомку *Іевна.* Одинъ премудрый мужъ изъ сего великаго рода, достигшїй въ познанїи наисовершеннѣйшимъ образомъ ученїя славнаго *Конг-фуцїя*, будучи точнымъ примѣромъ исполненїя онаго, выбранъ былъ

(*) Хищная птица, извѣстная на Сѣверѣ подъ имянемъ сокола.

былЪ для сооруженія добродѣтели вЪ сердцѣ младаго сего Князя. *Усонгъ*, пѣкущійся впротчемЪ почерпнуть много изЪ нравственной науки, столь приличной благороднымЪ своимЪ склонностямЪ, находилЪ самЪ вЪ себѣ семя всѣхЪ добродѣтелей, и чувствовалЪ довольно, что правосудіе, добронравіе и великодушіе, сіи три дѣйствія добродѣтели состовляютЪ непремѣнно человѣку совершенное блаженство. ОнЪ воздыхалЪ не рѣдко о славѣ, приличной и нужной весьма равныхЪ лѣтЪ и состоянію его человѣку; его достойное честолюбіе, казалось преимущественнѣйшимЪ, разумнѣйшимЪ и справедливѣйшимЪ предЪ всѣми воспитавшимися сЪ нимЪ вЪ одно время. ОнЪ приобрѣлЪ не менѣе также охоты сколько кЪ украшенію его разума, а не менѣе того и кЪ укрѣпленію различными тѣлодвиженіями тѣло свое; читывалЪ часто Шукингу (*), и зналЪ выбирать изЪ оной мѣста, достойнѣйшія примѣчанія: словомЪ, его сердце имѣло довольно силы прилѣплятся кЪ добродѣтели и преимуществу всѣхЪ времянЪ и различныхЪ народовЪ.

 Обо-

(*) Слово ШукингЪ значитЪ духовную Китайскую книгу, вЪ коей собраны лучшіе премудрѣйшіе примѣры древнихЪ Государей и ихЪ министровЪ, сочиненія *Конг-фуція*.

Ободренный поощренїемъ такимъ образомъ родителей своихъ, и приводящїй въ удивленїе всѣхъ своими успѣхами *Усонгъ*, хотя и не старѣе былъ еще четырнатцати лѣтъ, но отличными своими дарованїями превосходилъ уже совершенно свой возрастъ; при всемъ томъ однакожъ, не могъ онъ обуздать никакъ страсти, вкоренившейся глубоко въ его мысли къ прїобрѣтенїю чести, и надлежащаго искуства въ военныхъ подвигахъ, не надѣясь впротчемъ ни мало получить на то позволенїя отъ любящихъ его чрезмѣрно родителей; - чего ради, какъ въ то самое время Монгалы его приготовляли себя къ обыкновенному своему набѣгу на провинцїю Шензу: ибо нѣкоторая часть отборнаго войска назначена была непремѣнно выступить въ поле противъ древнихъ непрїятелей Ченгидовъ, то *Усонгъ* предпринялъ также намѣренїе присудствовать при томъ скрытно. Онъ сыскалъ тайнымъ образомъ для себя прекраснѣйшую лошадь и нужное оружїе, и переобразовавъ себя между тѣмъ въ другое одѣянїе, сокрылся съ однимъ изъ своихъ товарищей *Шериномъ* называемымъ, которой по своему добронравїю и отмѣнной смѣлости, имѣлъ болѣе сходства съ его нравомъ, нежели всѣ протчїе Монгалы; а различество-

чествовали только между собою одними лѣтами: ибо *Шеринъ* былъ нѣсколько его постарѣе. Для лучшагожъ прикрытія своего намѣренія, изобралъ онъ причиною отъѣзда своего вымышленную имъ охоту, которая должна была происходить будто бы на мѣстѣ, весьма отдаленномъ отъ пути къ Шензѣ. Онъ изыскалъ удобное время удалится отъ двора своего родителя, когда Монгальскія войска находились уже на цѣлой день разстоянія отъ ставки ихъ Государя, и старался потомъ всячески поспѣшать настичь оныхъ. Увидѣвъ сего Князя, приняли онѣ тотчасъ его къ себѣ волонтеромъ, яко усерднаго доброжелателя Орды своей, и отдѣленной корпусъ сей слѣдовалъ за нимъ съ немалою охотою, въ то время, когда огорченный сею потѣрею *Тимуръ-ташъ*, считая сына своего уже пропадшимъ, разослалъ искать онаго по всѣмъ на Западъ лежащимъ мѣстамъ своего сосѣдства.

Скиѳы сіи переправились вскорѣ чрезъ Желтую рѣку вплавь, убѣгая всячески большой стѣны, построенной со стороны Китая, и распространясь потомъ по разнымъ мѣстамъ за оною находящимся, гдѣ происходили обыкновенно лучшія ярмонки различными товарами, и гдѣ народъ считалъ себя быть

во всякой безопасности, приобрѣли въ непродолжительномъ времяни величайшую добычу; но непріятели ихъ принуждены были тѣмъ самымъ привести себя въ надлежащее состояніе отмстить имъ за то подобнымъ же образомъ.

Ливангъ неся тогда на себѣ званіе Цонгты (*) въ Сетшуенѣ и Шензѣ, былъ человѣкъ умной и ни къ чему непристрастной, достойной поистиннѣ наслѣдникъ *Конг-фуція*, которой старался присовокуплять къ преизящнымъ дарованіямъ сердца своего наирѣдкія преимущества разума. Онъ не осмѣлился никакъ подвергнуть себя перьвому стремленію Монгалъ, вышедши съ войскомъ своимъ онымъ на встрѣчу; но ожидалъ ихъ возвращенія назадъ, когда они, обрѣмянены будучи добычею, во всякой безопасности и совершенномъ безпорядкѣ, обыкновенномъ слѣдствіи онаго, пойдутъ обратно въ свои стѣпи; чего ради выбралъ онъ для произведенія намѣренія своего въ дѣйство, довольно узкое мѣсто, лежащее между покрытыми густымъ лѣсомъ различными холмами и пригорками, чрезъ кои Скиѳы непремѣнно итти были должны, и съ искуснѣйшими изъ своихъ воиновъ, при-

(*) Слово Цонгта значитъ Вице-роя, или намѣстника двухъ провинціи.

приобыкшихъ лучше къ сраженїю въ сей нагорной провинцїи, нежели на полуденной странѣ Китая, засѣлъ въ сокрытыхъ ущелинахъ, имѣя при себѣ притомъ не малое число людей, кои помощїю воспочисленнаго пороха стрѣляли свинцовыми пулями изъ сдѣланныхъ желѣзныхъ трубокъ (*), оружїя гораздо превосходнѣйшаго въ опасности, и причиняющаго болѣе вреда непрїятелямъ, нежели стрѣлы Скиѳскїя, котораго Монгалы не знали еще вовсе, и коему не имѣли они ни чемъ столь смертоноснымъ къ оборонѣ своей противится; притомъ имѣлъ онъ также у себя и изъ металла вылитыя большїя трубы съ наипространнѣйшею пустотою, таскаемыя обыкновенно лошадьми, изъ коихъ стрѣляли каменными ядрами съ преужасною силою, которой никакая стѣна не могла противостоять впротчемъ, и дѣйствїе коей тѣмъ ужаснѣе происходить могло въ сомкнувшейся кучи, такъ, что оная совершенно могла бы истребить все Монгальское войско безъ остатку.

Приобыкшїе презирать непрїятелей своихъ Монгалы, прибыли скоро безъ наималѣйшаго подозрѣнїя къ сей страшной

 до-

(*) Подъ симъ разумѣются прежнїя ружья, каковыя употреблялись до изобрѣтенїя гораздо способнѣйшихъ послѣ.

долинѢ, гдѣ погибѣль имЪ давно уже была приуготовлена. Они шли весьма тихо по тому мѣсту, по причинѣ множества плѣнныхЪ, ведомыхЪ ими сЪ собою, а притомЪ и богатой добычи, обрѣменявшей ихЪ тогда сильно, какЪ вдругЪ услышали преужасной трескЪ, происходящей отЪ смертоноснаго орудія. Смерть похищала при семЪ случаѣ храбрыхЪ СкиѳовЪ сЪ верьху, сЪ сторонЪ и сЪ зади изЪ за кустарниковЪ, прикрывавшихЪ ихЪ непріятелей, такЪ, что не имѣли они и удовольствія даже видѣть вЪ глаза оныхЪ, не только чтобЪ сражатся сЪ ними. *Усонгъ*, коего непрактикованная до того храбрость, внушаемая однимЪ токмо естественнымЪ побужденіемЪ, и привлекавшая его вЪ наивеличайшія опасности, кинулся тотчасЪ кЪ передовымЪ своимЪ войскамЪ, гдѣ ободряя каждаго изЪ находившихся около его, кричалЪ безпрестанно, чтобЪ они спѣшили обратится назадЪ, и старатся выттти изЪ сего пагубнаго мѣста, дабы напасть имЪ удобнѣе можно было сЪ тылу на своихЪ непріятелей. Небольшое число изЪ отважнѣйшихЪ его воиновЪ послѣдовали немедлѣнно за нимЪ, и кинулись не тѣряя время на гвардію Цонгты. Младый Ирой открылЪ самЪ кЪ тому путь своею саблею, и пробился скоро даже до по-

злащеннаго дракона, служащаго знакомъ верьховной власти Вице-роя. Онъ надѣялся при семъ случаѣ опрокинуть самаго предводителя противной себѣ стороны, и доставить чрезъ то безопасный проходъ своимъ войскамъ сквозь низложенныхъ имъ непріятелей; но число неустрашимыхъ его послѣдователей, не въ силахъ было подкрѣпить сего дерзскаго предпріятія; они окружены стали вдругъ со всѣхъ сторонъ; часть оныхъ погибла на Китайскихъ копьяхъ, а остальные всѣ были обезоружены тотчасъ.

Напротивъ того, чрезмѣрною запальчивостію обѣемлемый *Усонгъ*, достигъ столь близко Цонгты, что Вице-рой сей легко могъ самъ разсмотрѣть его. *Ливангъ* увидѣвъ онаго, сочелъ тотчасъ его однимъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ, пришедшихъ отъ страны отдаленнѣйшей Запада, и не могъ удержатся, чтобъ не удивлятся весьма благородному и величавому его виду. Онъ приказалъ окружавшимъ его особу старатся всячески захватить сего прекраснаго юношу, что весьма и не трудно исполнить можно было: ибо *Усонгъ* упалъ въ самое то время съ лошади, убитой тогда подъ нимъ. Его отвели потомъ съ его товарищемъ и протчими, взятыми въ то время въ плѣнъ, въ

сто-

столицу провинцїи Шензы, несравненно великой городъ Синганъ, которой въ величинѣ своей и самой Императорской столицѣ городу Пекингу не уступалъ ни мало. *Ливангъ* принятъ былъ тамъ по возвращенїи своемъ, какъ настоящїй избавитель земли той; и народъ, удивлявшейся и безъ того не мало преизящности различныхъ въ немъ добродѣтелей, нашолъ при семъ случаѣ изъ побѣдоноснаго его благоразумїя въ предводительствѣ войскъ новыя причины къ умноженїю ему своего величайшаго почтенїя.

Радость о сей побѣдѣ воспрепятствовала Вице-рою говорить съ чужестраннымъ плѣнникомъ; а только спросить у него велѣно было о его отечествѣ и причинѣ, побудившей его вступить вооруженною рукою въ миролюбно пребывающѣе Государство? *Усонгъ*, знавъ довольно природную недовѣрчивость Китайцовъ, и опасаясь обьявить о происхожденїи своемъ изъ рода *Івенскаго*, потому что подвергалъ онъ тѣмъ какъ себя, такъ и протчихъ захваченныхъ въ плѣнъ не избежимой смерти, вознамѣрился Вице-роя оставить для того о себѣ въ неизвѣстности, обьявивъ только, что онъ Монгалецъ, Орда коего находится въ дальномъ оттуда разстоянїи, и гораздо преимущественнѣйшая вовсемъ

предъ

предъ протчими таковымижъ. Итакъ опредѣлено ему было быть подъ присмотромъ у придворнаго садовника, гдѣ поручили оному смотрѣть за разными рѣдкими птицами въ звѣринцѣ, коихъ нарочно содержалъ Вице-рой для увеселенія своей дочери.

Десяти лѣтняя *Лїосуя* была единая дщерь, составлявшая все удовольствїе сего премудраго родителя, которая, лишившись въ малолѣтствѣ еще своей матери, нѣкоторой Княжны поколѣнїя Императорскаго изъ дому *Минговъ*, пользовалась совершенною горячностїю нѣжнаго сердца *Ливанга*. Ея образъ былъ несравненной красоты; но душевныя дарованїи сердца притомъ состовляли полную надежду родителя, которой зналъ совершенно въ томъ всю силу. Нѣжныя и благородныя чувствїи, и природная горячность, соединенная съ проницательнымъ разумомъ, процвѣтались въ ней различными науками; а память и остроумїе ея украшались наилучшими примѣрами древнихъ мудрецовъ и полубоговъ, кои перьвые ввели надлежащїй порядокъ и здравые законы въ родѣ человѣческомъ (*).

Но

(*) Какъ то *Vао, Шунгъ-Vю, Вуангъ, Венвангъ*, и тому подобные.

Но тѣ, кои спаслись бѣгствомъ отъ пораженія Монгаловъ, принесли между тѣмъ печальнѣйшую вѣсть въ горахъ Уланскихъ: подробное извѣстіе, учиненное ими *Тимуръ-ташу* о поступкахъ молодаго человѣка съ ними присудствовавшаго, подтвердило совершенно въ сомнѣніи сего горестію объятаго Государя погибѣль любезнѣйшаго его сына при семъ случаѣ; напротивъ того и *Усонгъ* съ своей стороны не зналъ вовсе средства къ доставленію о себѣ каковаго либо извѣстія родителямъ своимъ, и какъ свѣденіе о потомствѣ въ немъ *Івена* непріятелямъ его, казалось ему неминуемымъ бѣдствіемъ, сколько для него, стольскожъ не менѣе и для его въ томъ ходатая, или отъ себя посланнаго къ Вице-рою, то вознамѣрился онъ уступить тогда равнодушно своей участи. Природное спокойствіе его духа учинило злощастную судьбу онаго гораздо сноснѣйшею, нежели то чаять было можно въ лѣтахъ столь младаго Принца, а чрезмѣрное его любопытство нашло скоро пріятное удовольствіе въ произрастеніи цвѣтовъ и неусыпномъ стараніи, которое долженъ онъ былъ употреблять въ звѣринцѣ, бывшемъ тогда подъ его смотреніемъ; при всемъ томъ однакожъ не остался онъ долго въ сихъ уничиженныхъ упражненіяхъ.

Позади

Позади палатъ Вице-роя находились пространнѣйшіе сады, въ кои изъ близь лежавшихъ холмовъ (*) протекали изобильные источники, которые останавливались иногда въ нарочно вырытыхъ прудахъ, гдѣ содержались дорогія рыбы и птицы, красотою перьевъ своихъ всѣхъ протчихъ превосходящія, или имѣли быстрое свое теченіе иногда на подобіе рѣкъ чрезъ насажденныя рощи различныхъ родовъ древами и порядочными проспектами. Небольшая долинка, окруженная со всѣхъ сторонъ крутыми и тѣнистыми пригорками, пресѣкаема была тамъ источникомъ воды чистой, которой, протекая скрозь ущелину нѣкоторой каменной горы, выходилъ по пространномъ своемъ теченіи весьма удивительнымъ образомъ въ концѣ оной, и около отверстія коего приложена была потаенная излучинами тропинка, не примѣтная почти вовсе, и ведущая въ другой обширной садъ: стезя сія заграждалась при выходѣ своемъ не проходимою густою рощею, и не примѣтна бы была дѣйствительно, естьлибъ не открывала оную не большая дорожка, проложенная ко храму, сооруженному на нѣкоемъ возвышенномъ пригоркѣ.

Лїосуя

(*) Такимъ образомъ устроены обыкновенно сады и палаты въ Китаѣ.

Лїосуя имѣла въ ближайшемъ саду къ ея покоямъ въ вырытомъ небольшомъ прудѣ такъ называемую золотую рыбу, кою по обыкновенїю своему кармливала она часто изъ собственныхъ своихъ рукъ; ея невинная младость находила удовольствїе дѣлать довольными и сихъ безгласныхъ животныхъ, кои ни мало не въ силахъ были возблагодарить ей за то подаже. Упражняясь такимъ образомъ повседневно сею прїятною для нѣе забавою, случилось нѣкогда ей, наклонившись не осторожно, упасть въ прудъ, гдѣбъ конечно могла она захлѣбнутся свободно, естьлибъ *Усонгъ* не предъуспѣлъ въ томъ своею помощїю: ибо примѣтившїя то ея женщины поднявъ тотчасъ преужасный крикъ, хотя и бросились было къ ней на помощь столь скоро, сколько суптельныя ноги женщинъ Китайскихъ могли позволить только, но прибыли туда уже довольно поздно.

Хотя и зналъ онъ впротчемъ, что возбранялось подъ жестокимъ наказанїемъ входить въ садъ сей, посвященной единственному удовольствїю *Лїосуи*, его пола человѣку; но по случаю находясь въ сосѣдственной съ онымъ рощѣ, и упражняясь въ преслѣдованїи за нѣкоторою такъ называемою золотою курицею преузорочныхъ перьевъ, ушедшею тогда изъ звѣринца,

ринца, и сокрывшуюся между густыми кустами, услышалЪ онЪ вдругЪ необычайный крикЪ сихЪ рыдающихЪ ея женщинЪ. СоболѢзнованïе онаго о всякомЪ вообще нещастïи, не допустило размышлять его долго вЪ сомнѢнïи, бѢжать ли ему туда на помощЪ, или остатся на мѢстѢ; но принудило тотчасЪ, перескочивЪ чрезЪ ограду сада того, бросится вЪ прудЪ, и вЪ тужЪ минуту вытащить Княжну на берегЪ.

Она была безЪ чувствЪ, чего ради принужденЪ онЪ былЪ, вытаскивая изЪ воды оную, держать ее нѢкоторое время вЪ своихЪ объятïяхЪ: вЪ продолженïе чего разсмотрѢлЪ онЪ довольно прекрасные томные и вЪ половину токмо сомкнутые глаза ея, такЪ какЪ и несравненныя притомЪ прелести вЪ сей красавицѢ, кои по среди ужаснаго страха блистали вЪ полномЪ сïянïи на ея нѢжномЪ лицѢ. НаконецЪ испустила она тяжкïй вздохЪ, когда *Усонгъ* старался всячески возвратить ей прежнïя чувства; она взирала потомЪ на избавителя своего сЪ видомЪ особливаго примѢчанïя, смѢшеннымЪ сЪ нѢжною тѢнïю природной стыдливости, вЪ блѢдныя щоки коего начиналЪ вступать по немногу слабой цвѢтЪ розы. *Усонгъ* отдавЪ ее тотчасЪ восхищеннымЪ радостïю о избавленïи ея прислужницамЪ,

удалился оттуда самъ поспѣшно, знавъ довольно обычаи страны той, а не менѣе и чрезвычайное подозрѣніе, коимъ преисполнены будучи законы, наблюдаютъ строго за состояніемъ прекраснаго пола.

Княжна принесена была послѣ того въ ея покои, гдѣ принята она была тотчасъ въ объятіи ея нѣжнаго родителя; и хотя *Ливангъ* хранилъ весьма обычаи отечества своего; но душа его, будучи преисполнена великодушіемъ, не допустила добродѣтельному сему мужу отъ того воздержатся, чтобъ не оказать при семъ случаѣ сердечнаго своего чувствія чужестранцу, которой преступилъ законъ Государственный, подвергавшей онаго величайшей опасности въ сохраненіи жизни дорогой его дочери, безъ чего бы дни его были ему почти несносными; чего ради, приказавъ представить себѣ *Усонга*, говорилъ онъ ему слѣдующее: „Молодой чужестранецъ, сказалъ Цонгта, увидѣвъ его предъ собою, какъ обязанъ я тебѣ наивеличайшею благодарностію, то скажи, чемъ могу я наградить тебя за столь важную услугу, оказанную тобою мнѣ нынѣ?„

Усонгъ смотрѣлъ весьма пристально въ то время на Вице-роя, когда сей произносилъ вышеупомянутыя слова, съ приличною рода его благопристойностію, не

не говоря ни слова. Лѣстное воображенїе представило ему тотчасъ цѣну свободы и удовольствїя, коибъ родители и сродники его приобрѣсти могли при семъ случаѣ; но преимущество, представившее въ самое сїе время мыслямъ его намѣренїе, познать и утвердить себя сильно въ премудрости Китайской, а къ томужъ и прїятное воображенїе о младой Княжнѣ, одержало совершенно верьхъ надъ перьвымъ его умоначертанїемъ „Всемилостивѣйшїй Государь, сказалъ онъ ему на то, я будучи чужестранцомъ, какъ не безъизвѣстно уже вамъ, и зная нѣсколько о премудрыхъ учрежденїяхъ великаго сего Государства, прошу въ знакъ высокой вашей милости, которую оказать вы за малую услугу намѣряетесь мнѣ нынѣ, позволить мнѣ остатся нѣкоторое время при дворѣ вашемъ, дабы могъ я познать основательнѣе законы, обычаи и преизящныя знанїи, кои чрезъ многїе вѣка спомоществуютъ толико похвальному порядку сей славной Имперїи, и кои служутъ притомъ истиннымъ основанїемъ общественнаго благополучїя всѣхъ подданныхъ оной."

Сверьхъ того не безъизвѣстно было также младому юношѣ, коликими преимуществами изобиловало премудрое, богатое, многолюдное, обселенное и на-

уками своими прославившееся столь Государство Китайское предЪ его непросвѣщеннымЪ отечествомЪ. ОнЪ зналЪ, что понятїе его МонгаловЪ, было еще вЪ совершенномЪ младенческомЪ образѣ, и столь же невинно, какЪ и само естество, произведшее ихЪ; и видѣлЪ ясно, что одинЪ недостатокЪ вЪ просвѣщенїи и познанїи наукЪ дѣлалЪ ихЪ настоящими невѣждами; но что притомЪ имѣли они всѣ способности учинится народомЪ наиблагополучнѣйшимЪ, естьлибЪ только премудрый Законодатель могЪ привести вЪ надлежащїй порядокЪ природныя дарованїи, закрытыя еще подЪ завѣсою неистовства; таковымЪ то самымЪ благодѣтелемЪ народа моего, могЪ бы и я учинится несомнѣнно, внушало ему сердце его тогда, хотя не словами, но живѣйшими чувствїями, кои суть безпредѣльныя и безгласныя побужденїи онаго.

„Младый чужеземецЪ, сказалЪ ему на то Вице-рой, когда стремисся ты кЪ премудрости, то получить тебѣ оную легко можно будетЪ; ты свободенЪ сЪ сихЪ порЪ, и я обѣщаю тебѣ, употребить всевозможное мое старанїе вЪ наставленїи тебя вЪ томЪ надлежащимЪ образомЪ.„

Великодушїе сего почтеннаго мужа простиралось даже и до вѣрнаго *Шеоина*, которой также получилЪ свободу, дабы

не

не оставалось ничего желать болѣе попечительному *Усонгу* Сей младый Князь старался потомъ упражнятся усерднѣйшимъ образомъ въ познанiи премудрости подъ присмотромъ искуснѣйшихъ наставниковъ, промысленныхъ ему Цонгтою, кои учинили его вскорѣ въ состоянiи употреблять съ пользою похвальнѣйшiе примѣры древнихъ Монарховъ, управлявшихъ Китаемъ. Онъ нашолъ въ безпристрастномъ правосудiи Государей сихъ, въ неусыпномъ ихъ старанiи о благополучiи народовъ своихъ, въ чрезмѣрныхъ трудахъ о общественной пользѣ, и въ несравненномъ порядкѣ оныхъ лучшихъ распоряженiи при всѣхъ случаяхъ, сильное побужденiе, которое восхищало его душу. „Такъ бы и я мыслилъ, то бы и я сдѣлалъ," говорилъ *Усонгъ* самъ съ собою. Ему казалось, что чѣмъ вещь была лучше, тѣмъ менѣе имѣла оная затрудненiя; потому что не зналъ онъ еще вовсе никакой препоны, случающейся подражателю человѣколюбiя, когда оной вознамѣрится токмо сердечно дѣлать добро въ жизни.

Хотя впротчемъ обычаи Китайцовъ и препятствовали ему видѣть прекрасную *Лiосую*; однако при всемъ томъ занимала она наипрiятнѣйшее упражненiе его сердца. Онъ находилъ тысящу

средствъ къ доставленію себѣ къ ней доступа, и какъ всѣ ея прислужницы почитали въ немъ избавителя обожаемой ими Принцессы, то вспомоществовали онѣ охотно всѣмъ его намѣреніямъ. Иногда посылывалъ онъ къ ней рѣдкія цвѣты и дорогія цвѣтущія Нипponскія произрастеніи, находимыя имъ отъ части въ горахъ, а болѣе въ садахъ знатныхъ господъ; либо подносилъ ей въ подарокъ разнообразно испещренныхъ перьями птичекъ, коимъ ловъ изобрѣталъ онъ единственно по Скиѳскому обыкновенію; или доставлялъ ей списки съ новыхъ сочиненій, доставаемыхъ имъ отъ своихъ учителей. Узнавъ же нѣкогда о пріуготовленіяхъ, чинимыхъ во дворцѣ ко дню празднества ея рожденія, прилѣпилъ онъ тайнымъ образомъ къ нѣкоторой пирамидѣ, находившейся въ саду Принцессы, нѣсколько стишковъ своего сочиненія, коими доказывалъ онъ усердное свое участіе въ благополучіи Минговъ (*), во

(*) Да будетъ впрочемъ извѣстно, что Императорское поколѣніе внучатъ *Ченгиса* называлось *Іевенскимъ*, а родъ *Гонг-вуя*, царствовавшаго до времянъ *Усонги* и послѣ онаго, имяновался *Мингскимъ*. Сверьхъ того имѣютъ Китайцы также своего баснословнаго *фонгоанга* или такъ называемаго Феникса, о которомъ, думаютъ они, что оной показывается только во владѣніе благополучно царствующихъ изъ ихъ Государей.

во владѣнїе коихъ родился будто бы Фениксъ. Младая Княжна видя сїе, смѣялась всему тому, и принимала все оное съ непорочною невинностїю, приличною столь ея возрасту.

При всемъ томъ не забывалъ онъ также, что онъ и самъ былъ Княжескаго рода, которой родился съ тѣмъ единственно, дабы управлять нѣкогда своимъ народомъ; чего ради не упускалъ онъ ни одного случая, чтобъ не присудствовать на уэдїенцїяхъ и публичныхъ собранїяхъ, даваемыхъ Вице-роемъ своимъ подданнымъ; удивлялся весьма тому, какимъ образомъ искусные опыты премудрости въ дѣлахъ Государственныхъ могли разрывать свободно въ единое мгновенїе узы затрудненїя, и находили стезю, способствующую къ выходу ихъ изъ чуднаго Лабиринта. Онъ взиралъ съ наивеличайшимъ удовольствїемъ на распоряженїи, коими *Ливангъ* защищалъ свое владѣнїе отъ разныхъ недостатковъ; усматривалъ великое благоразумїе, которымъ содержалъ онъ права земледѣльца съ преимуществами гражданина въ совершенномъ равновѣсїи, зная награждать усердїе крестьянина, и преподавать средство бѣдному рукомѣсленнику къ доставленїю себѣ достаточнаго пропитанїя своими трудами. Но *Усонгъ*

 чув-

чувствовалъ притомъ, что не всегда могъ онъ наслаждатся симъ прекраснымъ ученіемъ, и потому спѣшилъ всячески заниматся просвѣщеніемъ, преподаваемымъ ему благоразуміемъ Вице-роя. Однако Князь сей, былъ еще весьма молодъ, и притомъ столь горячаго сложенія, что не былъ въ силахъ скрывать долго безпокоющую его страсть любви. Проводя такимъ образомъ цѣлые два года въ Синганѣ, наконецъ непоколебимое его стараніе во всевозможномъ угожденіи Принцессѣ, начело становится подозрительнымъ наистрожайшимъ изъ ея приставницъ; не смотря однакожъ на то, продолжалъ онъ начатое имъ намѣреніе производить безпрестанно, и доходилъ до того даже, что иногда принимывалъ на себя смѣлость входить въ тотъ самой садъ, гдѣ Княжна провождала время своей забавы, которой служилъ не только посвященнымъ ея уединенію, но и заповѣданнымъ даже для другихъ, кромѣ приближенныхъ къ ней женщинъ; однако всегда находилъ онъ новыя причины къ извиненію въ употребляемой имъ при таковыхъ случаяхъ сей вольности. Въ цвѣтахъ, присыланныхъ имъ къ ней, находились часто небольшіе стишки, коихъ главнѣйшія выраженіи состояли единственно въ прославленіи пре-

лестей молодой красавицы; онъ изъяснялъ въ оныхъ неутушимой пламень своей страсти, и прикрывалъ только вымышляемыми различными подобіями мѣста, кои касались до имяни сей Принцессы.

Итакъ, находившіяся при ней женщины, видя безпрестанно продолжающимися таковые его поступки, разсудили наконецъ за нужное объявить Вице-рою о неосторожности молодаго чужестранца. Сей мудрый начальникъ не преминулъ тотчасъ учинить надлежащаго всему соразмѣра, чего только обычаи Государства и собственная его честь требовали отъ него при семъ случаѣ, сравнивая между тѣмъ и то, что достойныя похвалы качества молодаго *Усонга*, и оказанная ему услуга онымъ представляли въ его защищеніе; чего ради призвавъ къ себѣ сына *Тимуръ-ташева*: „Молодой человѣкъ, говорилъ онъ ему, да будетъ то извѣстно тебѣ, что сынъ нѣкоторой змѣи просилъ нѣкогда у дракона дщери себѣ въ замужество; но драконъ спросилъ его немедлѣнно, гдѣ бы были его крылья?„ Загадка сія вселила тотчасъ въ сердце младаго Князя память *Огута* и *Чингиса*, безсмертную славу *Кублая* (*) и все величество рода онаго;

(*) Сей былъ перьвый Императоръ Китайскій поколѣнія *Iвенскаго*.

въ разсужденіи чего, отвѣтствовалъ онъ Вице-рою съ приличною скромностію на то слѣдующее: „Сынъ змѣи той, хотя и имѣетъ у себя крылья; но оныя не видны только.„ Отвѣтъ сей не понравился весьма огорченному тѣмъ жестоко властелину, и чтобъ яснѣе открыть смыслъ речей своихъ чужестранцу, то сказано ему было притомъ, что дщерь великихъ Минговъ ни чуть не съ тѣмъ рождена была, чтобъ обитать ей въ ставкахъ Скиѳскихъ, и чтобъ онъ вспомнилъ притомъ свое заблужденіе, что онъ, находясь тамъ для познанія премудрости законовъ и разумныхъ обычаевъ единственно, остерегатся всячески долженъ былъ, дабы не лишить себя вовсе своими противными благопристойности поступками сей высокой милости, оказываемой ему. Объятый сильно чувствительностію, и воспаленный жестоко уликами сими младый *Усонгъ*, разрываетъ тотчасъ верьхнюю на себѣ одежду, и открываетъ чрезъ то Вице-рою желтой поясъ, служащій знакомъ Императорской крови, которой носилъ онъ всегда при себѣ: въ самое то время открылъ онъ явную досаду съ пристойною притомъ величавостію обиженнаго сильно потомка Царскаго: „Сынъ *Івена*, продолжалъ говорить онъ, и внукъ славнаго

Чен-

Ченгиса, не можетъ ни мало страшится теперь равнятся съ Мингомъ. Итакъ, называй меня нынѣ такъ, какъ только тебѣ за благо разсудится: ибо презрѣніе сіе гораздо для меня горше, нежели самая смерть."

Ливангъ почитая весьма впрочемъ молодаго юношу, и устрашась отъ ужаснаго сего извѣстія, коимъ подвергалъ онъ себя наивеличайшей опасности, не разсудилъ за нужное приступать къ скорѣйшему рѣшенію въ изслѣдованіи важнаго сего дѣла. Онъ повелѣлъ взять *Усонга* распаленнаго гнѣвомъ, и заключить тотчасъ въ особливой покой, гдѣ содержать его приказалъ однакожъ безъ всякаго насилія со всевозможнымъ стараніемъ. Въ послѣдующій день кликнулъ онъ паки къ себѣ онаго, и говорилъ ему съ видомъ повелительнаго выраженія, приличнаго всѣмъ Китайскимъ министрамъ, заслуживающимъ тѣмъ не рѣдко себѣ справедливѣйшее почтеніе: что пребываніе молодаго чужестранца не могло продолжатся долго въ Имперіи по извѣстнымъ ему самому важнѣйшимъ причинамъ, что сохраненіе его будетъ служить непремѣнно знакомъ истиннаго вѣроломства противъ сына неба (*), и что не въ его силахъ

(*) То есть Императора.

силахъ состоитъ даже позволить возвратится ему въ его отечество, потому что судьба Іеновъ опредѣлила единожды навсегда погибать онымъ; но буде чужестранецъ, прибавилъ онъ, принудитъ себя препровождать остатокъ жизни своей въ отдаленнѣйшей странѣ края свѣта, то плодородныя семена премудрости, посѣенныя глубоко въ сердце онаго, возрѣютъ статся можетъ въ немъ нѣкогда къ содѣйствію благоденствія какого ни есть народа вселенной.

По окончаніи сихъ увѣреній, отвѣтствовалъ *Усонгъ* Сетшуенскому и Шензіенскому Намѣстнику съ приличною величавостію крови Ченгидовъ: „Опредѣленное мнѣ мѣсто въ свѣтѣ, говорилъ онъ, будетъ тѣмъ для меня пріятнѣе, чѣмъ далѣе отлучитъ оно *Усонга* отъ престола Минговъ.

Послѣ того приказалъ Вице-рой тотчасъ отправить отъ себя сего молодаго юношу, и увѣдомилъ между тѣмъ письмомъ одного изъ своихъ товарищей, такогожъ Намѣстника Кантчуйскаго (*), что какъ нѣкто изъ чужестранцовъ, по весьма важнымъ причинамъ, высланъ нынѣ изъ Имперіи; то въ разсужденіи оказанныхъ имъ мно-

(*) Европейскаго кантона, или губерніи.

многихъ услугъ ему, проситъ онъ отправить его на перьвомъ суднѣ въ наиотдаленнѣйшія западныя страны, и притомъ употребить всевозможное старанiе о неоставленiи его при отъѣздѣ надлежащимъ образомъ; а сверьхъ того и позволить ему воспользоватся всемъ тѣмъ, что ни дано ему будетъ только нужнаго къ продолженiю онаго путешествiя.

Усонгъ видя себя такимъ образомъ принужденнымъ удалится навсегда отъ любезнѣйшей своей *Лiосуи*, и не въ силахъ будучи противоборствовать въ томъ страсти своей при всемъ своемъ здравомъ разсужденiи, чтобъ не простится съ нею въ послѣдней разъ, не пропускалъ ни единой минуты къ разьѣдованiю всякими образами, когда молодая сiя красавица пойдетъ въ свой садъ, и наконецъ по многимъ его въ томъ старанiямъ, удалось ему нечаянно встрѣтить оную подлѣ самаго того пруда, изъ коего освободилъ онъ ее столь удачно, въ такое время, когда менѣе всего помышляла она о томъ. Увидѣвъ ее, бросился онъ тотчасъ къ ногамъ ея: „Прекраснѣйшая дщерь небесная (*), вскричалъ онъ благимъ матомъ, *Усонгъ* хотя и достойный тебя

(*) По Персидски, значитъ сiе внука дѣтей небесныхъ, то есть Императорская.

тебя родомъ своимъ; но далекъ весьма впротчемъ дарованіями его предъ твоими. Ахъ! для чего не имѣю я преимуществъ *Шунга*, и по чему не могу я надѣятся вовсе учинится нѣкогда сыномъ новаго *Vуя* (*)? Буде же сему быть такъ должно, то увѣнчай всемогущій тіенъ (**) преизящныя дарованія твои неразрывными узами супруга, имѣющаго подобное моему сердце, и внуши ему къ тебѣ равное тому почтеніе, котораго воспламенила уже ты сильно страстію къ себѣ нѣкогда.„ Окончавъ слова сіи, замолчалъ онъ потомъ, и слезы изъ глазъ его пролили впервыя еще источникъ при семъ случаѣ.

Тронутая таковымъ изъясненіемъ *Ліосуя*, знавъ совершенно силу всей строгости законовъ Китайскихъ, отвратилась тотчасъ назадъ, и удаляясь отъ него прочь, не преминула идучи сказать между тѣмъ: „*Усонгъ* витъ чужестранецъ, слѣдовательно не знаетъ онъ всей строгости законовъ нашихъ; а

(*) Во второмъ колѣнѣ царствовавшихъ Государей въ Китаѣ, принялъ сей *Vу Шунга*, за его великую добродѣтель, въ свои зятья, назначивъ его послѣ себя наслѣдникомъ престола.

(**) Имянованіе, приписываемое Китайцами единому божеству.

а по тому не можно и взыскивать на немъ много." Подходя такимъ образомъ тихими шагами къ своимъ приближеннымъ женщинамъ, почувствовала она въ себѣ сильное сердечное безпокойствіе, воображая разлуку свою съ столь милымъ человѣкомъ, и вспомнивъ притомъ, что случилось то на самомъ томъ же мѣстѣ, гдѣ оной спасъ жизнь ея съ опасностію своей собственной. Не удовольствовавшись тѣмъ, обратила она вторично нѣжный свой взоръ къ той странѣ, гдѣ онъ находился въ настоящемъ изумленіи, съ приличнымъ полу ея и состоянію вздохомъ, довольно впротчемъ ему вразумительнымъ, что оставляетъ она его не безъ сожалѣнія.

Усонгу не трудно было понять тотчасъ силу сего движенія, которое скоро познаетъ сердце чрезъ самое естество; онъ опамятовавшись, бросился не тѣряя время съ мѣста, и спѣшилъ сокрытся въ лѣсъ, не столько отчаяніемъ угнѣтаемъ будучи, сколь преисполненъ былъ чрезмѣрной отъ того радости.

Наконецъ день отъѣзда его наступилъ уже, въ которой долженъ онъ былъ отправится непремѣнно изъ Сингана съ вѣрнымъ его *Шериномъ*, и не смотря на всю свою печаль принужденъ былъ наконецъ разстатся съ онымъ.

По

По прибытїи его въ Кангчую, нашолъ онъ многочисленныя сокровища, отправленныя съ нимъ отъ Цонгты Шензїенскаго, состоящїя въ золотыхъ вещахъ, шелковыхъ матерїяхъ и во многихъ различныхъ работахъ, производимыхъ трудолюбивыми Китайцами; Шукинга съ пятью священными книгами мудрецовъ древнихъ, была также въ числѣ драгоцѣнныхъ подарковъ *Ливанга*, коими снабдилъ оный на дорогу любимаго имъ весьма *Усонга*, изъ коихъ въ одной нашолъ онъ и приложенное его къ себѣ письмо слѣдующаго содержанїя:

„Хотя и не воззрю уже я никогда болѣе на образъ благоустроеннаго *Усонга*; „но знаю притомъ, что оный наставленъ „и приуготовленъ довольно мною, какъ „чадо, разлучающееся навсегда съ своимъ „родителемъ, любить и почитать безпрестанно премудрость и добродѣтель. „*Усонгъ* имѣетъ дарованїи, извѣстно „мнѣ, могущїя устроить его весьма полезнымъ роду человѣческому, и буде „употребитъ онъ достойнымъ образомъ „свыше низпосланныя ему силы свои, то „всегда можетъ несомнѣнно надѣится „отъ всесильнаго неба, сдѣлатся соучаствующимъ членомъ неизреченной онаго „благости.„

Усонгъ

Усонгъ прочитавъ сïе письмо, облобызалъ съ искреннѣйшимъ движенïемъ сердца и чувствительнѣйшею благодарностïю сей новый знакъ горячности къ себѣ своего благодѣтеля, родителя прелестной его *Лïосуи*; но между тѣмъ плаванïе его было весьма благополучно, и купецъ, которому поручена была сïя должность, выпустилъ наконецъ онаго въ Ачинѣ, нѣкоторой отдаленнѣйшей пристани, куда суда Китайскïя вовсе почти не заходили уже. Младый Принцъ, разсуждая впротчемъ будучи на кораблѣ въ уединенïи о превратности своего состоянïя, изобралъ напослѣдокъ настоящей образъ жизни для остальныхъ дней своихъ, вознамѣрившись твердо слѣдовать по оному: онъ предпринялъ проѣхать различныя земли, для вящаго удовлетворенïя своему любопытству, и тѣ Государства, гдѣ процвѣтала премудрость, коей учрежденïе дѣлало наищастливѣйшими народы. Въ бытность его въ Сингановѣ, сколько чрезъ чтенïе книгъ древнихъ мудрецовъ, а не менѣе и достойный всякаго примѣчанïя похвальный примѣръ *Ливанговъ*, утвердилось въ немъ усерднѣйшее желанïе приуготовить себя надлежащимъ образомъ въ попеченïи къ благополучïю людей служащемъ: ибо, не имѣлъ онъ сверьхъ того ни къ чему

болѣе стремленія, окромѣ одной невинной токмо страсти къ прекрасной и добродѣтельнѣйшей его *Ліосуи*.

Прибывъ въ Ачинъ, увидѣлъ онъ, что область сія управляема была тогда Государемъ неспокойнымъ и жестокимъ; научась же во время пребыванія своего въ Китаѣ сей умѣренной воздержности, помощію коей свободно можно было защищать жизнь и состояніе каждаго гражданина противъ строгости законовъ столько, что не нужно вовсе было притѣснять несноснымъ образомъ всего общества, позналъ онъ совершенно различіе обоихъ сихъ Государствъ между собою. Тутъ случалось видать ему каждой почти день по пустому своенравію Царя Ачинскаго безъ всякаго удостовѣренія, правосудія, обличенія, а часто и безъ наималѣйшаго преступленія даже иныхъ попираемыхъ ногами лютѣйшихъ звѣрей, другихъ прекращающихъ жизнь свою отъ смертоноснаго меча, и многихъ погибающихъ подданныхъ различными образы, за то только единственно, что не могли онѣ угодить страшному жестокосердію варвара. „Сходно съ симъ царствовалъ бы и самой тигръ, говорилъ *Усонгъ*, видя такой безпорядокъ, естьлибъ небо опредѣлило только владычествовать нѣкогда на земли свирепому

репому звѣрю сему." Вѣ Государствѣ семѣ, весьма подобномѣ впрочемѣ Китайскому, не видно было вовсе никакихѣ полезныхѣ учрежденій и законовѣ; тамѣ не было ни приносящихѣ великую пользу людямѣ каналовѣ, коибѣ неутомимыя руки гражданѣ ископали для облегченія внутренной коммерціи, ни пашенѣ, обработанныхѣ трудолюбивыми земледѣльцами, ни горѣ, на вершиныбѣ коихѣ всходить возможно было свободно; ни единаго изѣ сихѣ огромныхѣ зданій, кои услаждаютѣ взорѣ и удовольствіе народа; ниже самыхѣ училищѣ, кѣ просвѣщенію разума человѣческаго служащихѣ; ни чего, говорю, не представлялось тамѣ глазамѣ, кромѣ густыхѣ и непроходимыхѣ лѣсовѣ, или скаредныхѣ хижинѣ, кои служили убѣжищемѣ скрывающимся невольникамѣ отѣ злонравія безчеловѣчнаго ихѣ властелина.

Взирая такимѣ образомѣ сѣ отвращеніемѣ на состояніе подданныхѣ Царя Ачинскаго, нашолѣ *Усонгѣ* между тѣмѣ вѣ домѣ повѣреннаго вѣ дѣлахѣ Китайскихѣ министра, у коего оставилѣ его начальникѣ судна изѣ Кангчуя, нѣкотораго Моллу, почитаемаго святымѣ подѣ имянемѣ Гадши (*), которой возвратился

 тогда

(*) Симѣ имянемѣ называютѣ обыкновенно тѣхѣ, кои ходятѣ по обѣщанію вѣ Мекку.

тогда только изъ Мекки. Онъ знавъ нѣсколько языкъ Китайской, и видая часто молодаго Принца, полюбилъ онаго скоро; одинъ видъ сего чужестранца обѣщалъ уже каждому, кому ни случалось только видать его, весьма въ немъ многое; а благородные и скромные притомъ поступки прилѣпляли всѣхъ разумныхъ людей сердца безъ изъятія къ оному. Изъ ежедневнаго съ нимъ обращенія узналъ Молла сей, что *Усонгъ* вознамѣрившись путешествовать повсюду, искалъ такой страны, коей бы жители щитали себя во всемъ благополучнѣйшими, и гдѣбъ добродѣтель находилась въ наивеличайшемъ почтеніи. „Молодой человѣкъ, говорилъ ему Молла, всѣ сіи восточныя страны вообще подвержены жестокому игу самовластія, и не знаютъ вовсе никакихъ другихъ законовъ, кромѣ единой необузданной власти своихъ повелителей; но гораздо далѣе на Западъ есть Государство, Мисръ (*) называемое, которое, имѣя довольно великое сходство съ Китайскимъ, считается однимъ изъ непобѣдимѣйшихъ царствъ въ свѣтѣ. Земля тамъ, какъ и въ Тефингѣ изрыта различныхъ родовъ нужнѣйшими каналами, кои нѣкоторая рѣка, имѣющая на весьма

(*) Восточное имя Египту.

весьма дальное разстоянїе ко внутренней части полудня теченїе свое, наполняетъ въ извѣстныя времяна года, и орошаетъ чрезъ то самое изобильными своими водами всю землю Государства сего, такъ, что причиняетъ тѣмъ совершенно неизреченное плодородїе оной. Столь далеко, колико токмо зрѣнїе человѣческое обнять пространства въ силахъ, изображаетъ Египетъ безконечный садъ, гдѣ щедрое естество приноситъ по меньшей мѣрѣ тритцать долей отъ каждаго посѣеннаго земледѣльцомъ семя. Дорогїя пальмовыя деревья, покрываютъ тамъ въ безчисленномъ множествѣ находящїяся густѣйшїя рощи, и пространнѣйшее мореплаванїе наполняетъ обширныя свои пристани различными восточными товарами и искуснѣйшимъ рукомесломъ трудолюбивыхъ народовъ, распространившихся еще далѣе на Западъ."

„Сверьхъ того, Мисръ имѣетъ еще и то величайшее предъ прочими Государствами преимущество, что единое токмо достоинство производитъ въ немъ правителей, а изъ оныхъ наконецъ и самихъ Царей даже. Изъ дватцати четырехъ Государей, раздѣляющихъ по себѣ все сїе Государство, ни одинъ не наслѣдуетъ своему родителю; ибо всѣ они суть дѣти собственныхъ ихъ по-

двиговъ; тотъ единственно восходитъ тамъ на престолъ изъ оныхъ, котораго отмѣнныя отъ протчихъ достоинства отличаютъ токмо. Не рѣдко случается, что чужестранецъ, сущій почитай невольникъ (*) подкрѣпленный прежде повиновенїемъ и необходимостїю; а потомъ, учинившись способнымъ своими дѣлами, имѣетъ также къ тому удобнѣйшїй случай. Однимъ словомъ, Мисръ есть совершенное отечество заслугъ и храмъ добродѣтели, ободренной безпрестанно достойнѣйшимъ награжденїемъ.„

Сїе увѣдомленїе Моллы понравилось столь *Усонгу*, и произвело въ немъ толикое желанїе видѣть страну сїю, что при перьвомъ случаѣ благопрїятнаго время отправился онъ непремѣнно въ Джидду, куда ѣздили многїе Мусульманы, путешествовавшїе въ Мекку, и учи-

---

(*) Сїе извѣстїе опровержено было вовсе многими писателями; но со времянъ *Усонга* и до самаго паденїя Имперїи Мамелюковъ даже, видно, что безпрестанно были невольники, или рабы, сказать иначе, на престолѣ въ Египтѣ; а со времянъ завоеванїя Турками онымъ, сїе служило почти и настоящимъ обычаемъ для Беїевъ, управлявшихъ Египтомъ подъ властїю Пашей тамъ находившихся. Изъ онагожъ числа можетъ почестся и нынѣ владѣющїй Египтомъ Султанъ *Али-бей*, которой прежде также ни что иное, какъ токмо простой невольникъ былъ.

учинившейся другомъ ему Молла, вознамѣрился также ѣхать съ нимъ вмѣсти посетить въ другой разъ гробъ своего пророка. Праздное время продолжительнаго ихъ плаванія, подало между тѣмъ *Усонгу* свободной случай научится по Арабски, въ чемъ наставлялъ его Молла сей. Онъ читалъ Алкоранъ съ не малымъ удовольствіемъ; естественное свѣтило провождало его мысли часъ отъ часу къ познанію единаго существа, и ему казалось весьма страннымъ, что мудрецы Китайскіе упоминали весьма рѣдко о Богѣ, и то токмо съ свободнымъ духомъ, какъ будто бы оное для нихъ совсемъ постороннѣе дѣло было. „Тіенъ, говорилъ *Усонгъ*, считается только совершеннымъ тамъ защитникомъ Государства (*) и Императора; но здѣсь нахожу я высочайшее существо сіе общимъ, какъ моимъ, такъ и всѣхъ смертныхъ на земли.„ Однѣ чудеса только, о коихъ *Усонгъ* не слыхивалъ и названія даже упоминаемымъ въ Китаѣ, выдумованныя обыкновенно Бонзами для прославленія ихъ вѣры, и служащія ужасомъ мудрецамъ оныхъ, заставляли сомнѣваться токмо сего благоразумнаго мужа писанію Алкорана.

(*) Предписанныя закономъ жертвы Богу, отправляетъ обыкновенно одинъ только Императоръ въ Китаѣ.

ВЪ Джиддѣ разстался Усонгъ потомЪ сЪ своимЪ пріятелемЪ магометаниномЪ Моллою, и нашедЪ тамЪ готовое кЪ отЪѣзду судно, отправился немедлѣнно вЪ городЪ СуецЪ. ВЪ Алкагиру (*) прибылЪ онЪ вЪ то самое время, когда СултанЪ, сЪ приличнымЪ великолѣпіемЪ знаменитѣйшаго Царя, приказалЪ между протчимЪ открыть большой каналЪ, дабы впускать вЪ оной воду изЪ рѣки Нила. Князья всего Государства, и чиноначальники войскЪ ЧеркесскихЪ, должны были непремѣнно присудствовать при томЪ вЪ наивеликолѣпнѣйшемЪ челорѣ на прекраснѣйшихЪ лошадяхЪ АрабскихЪ. Во всемЪ Египтѣ торжествовали имянитой день тотЪ наиторжественнѣйшимЪ образомЪ, и всеобщая радость сіяла тысящми различныхЪ увеселеній; самЪ Усонгъ находилЪ весьма страннымЪ силу повелѣнія при семЪ случаѣ, чрезЪ кое одинЪ токмо человѣкЪ могЪ причинять величайшее плодородіе вЪ цѣломЪ Государствѣ. ОнЪ повѣрилЪ тотчасЪ тогда, что всѣ выгоды онаго, описанныя ему прежде Моллою, были весьма справедливы; но усмотрѣвЪ вскорѣ различныя замешательства и чрезвычайную нечистоту вЪ Алкагирѣ, сравнивЪ притомЪ владычествую-

(*) То есть КаирЪ.

ствующей безпорядокъ въ Египтѣ съ строгимъ правленiемъ Китая, и увидѣвъ неистовство салдатъ Черкесскихъ, кои поступали съ простымъ народомъ подобно какъ съ невольниками, нашолъ онъ скоро, въ какомъ неустройствѣ жили Маммелюки, управлявшiе тамъ всемъ Государствомъ, и съ каковою скоростiю одинъ Бей былъ притѣсняемъ и погубляемъ другимъ равнымъ себѣ; узнавъ же къ тому, что грабежъ былъ тамъ настоящимъ обычаемъ между гражданами, и видя, что ужаснѣйшее насилiе заступало мѣсто всѣхъ почти законовъ, возчувствовалъ онъ совершенное соболѣзнованiе въ великодушнѣйшемъ своемъ сердцѣ. „Ахъ! не въ единомъ ли Китаѣ поистиннѣ обитаетъ премудрость и добродѣтель, и не подъ единымъ ли при томъ правленiемъ благополучнаго рода Минговъ?„ вскричалъ добродѣтельный сей Принцъ, и потомъ замолчалъ тотчасъ, удручаемъ будучи жестокою печалiю, воздыхая безпрестанно.

Въ бытность свою въ Мисрѣ, узналъ онъ также въ непродолжительное время, что не достоинство вовсе, но сущее токмо насилiе открывало тамъ путь къ благополучiю человѣку, и тотъ самой находился ближе къ заступленiю престола, коего мечь омочался жесточае

въ крови своихъ собратій. Итакъ, преисполненный любовію къ добру и справедливости *Усонгъ*, возчувствовалъ скоро сильное отвращеніе къ странѣ той, гдѣ онъ ни того ни другаго вовсе найти не могъ.

Между тѣмъ однакожъ, вздумалось ему испытать всѣхъ чужестранныхъ протчихъ народовъ, кои находились въ Египтѣ болѣе для торговли. Его намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ узнать совершенно, нѣтъ ли между западными Государствами такого, гдѣбъ можно было надѣится ему найти наконецъ то, чего искалъ онъ столь усерднымъ образомъ? Въ сихъ мысляхъ будучи, ходилъ онъ часто въ нарочно устроенныя мѣста, куда собирались всѣ торгующія различныхъ странъ люди, частію для совѣта въ купеческихъ дѣлахъ своихъ, а болѣе и для препровожденія времяни въ разныхъ невинныхъ забавахъ, наслаждаясь новоизобрѣтеннымъ пріятнымъ напиткомъ (*), гдѣ находясь нѣкогда, вступилъ онъ въ разговоръ съ нѣкоторымъ Венеціяниномъ, сродникомъ посла республики той, прибывшимъ недавно въ Алкагиру, по имяни *Каѳарино Ценомъ*.

Какъ

(*) Подъ симъ разумѣется кофей, которой вошолъ съ сихъ времянъ только въ употребленіе между людьми.

Какъ поступки *Усонга* обыкновенно были весьма пріятны и обращеніи его со всѣми ласковы, то не трудно ему было тотчасъ обратить на себя все любопытство Венеціянина; а особливо въ разсужденіи отдаленности страны той, изъ коей онъ по видимому быть казался: ибо житель Китайской, за коего считаемъ оной былъ тамъ, служилъ величайшею рѣдкостїю для Европейца въ тогдашнѣе время.

Усонгъ началъ разговоръ свой съ *Ценою* во перьвыхъ о политическихъ учрежденїяхъ земель западныхъ. „Государь мой, спросилъ онъ у онаго, не изъ такой ли вы страны, естьли смѣю спросить васъ, гдѣ процвѣтаютъ науки, и достоинства нравовъ находятся въ почтенїи? ибо, видъ и поступки ваши доказываютъ довольно, прибавилъ *Усонгъ*, что есть такїя народы, коимъ не справедливо приписываютъ имя варваровъ:„ Въ таковыхъ выраженїяхъ говорилъ Принцъ на Арабскомъ языкѣ, чему *Цено* улыбался только слушая. „Естьли восточныя жители, сказалъ онъ въ отвѣтъ *Усонгу*, считаютъ насъ варварами, то мы не менѣе оныхъ почитаемъ таковымижъ; и хотя нѣкто изъ нашихъ единоземцовъ (то есть *Маркъ Полъ*) сообщилъ намъ нѣкоторыя извѣстїи о вели-

величествѣ и премудрости Каѳая; но вообще считаются однѣ только Европейцы просвѣщеннѣйшими въ свѣтѣ, такъ, что когдабъ *Усонгъ* имѣлъ свѣденїе о законахъ Венецїянскихъ, ихъ правленїи, богослуженїи, художествахъ и военномъ порядкѣ, кои происходятъ тамъ, то повѣрилъ бы, думаю я, что мы имѣемъ великїя преимущества предъ народомъ, между коимъ встрѣтились мы другъ съ другомъ.„

Всѣ сїи обьясненїи о отечествѣ *Цены*, принудили *Усонга* сдѣлать ему довольно вопросовъ, а оной напротивъ того не преминулъ также съ своей стороны учинить ему подробнаго описанїя о учрежденїяхъ въ Китаѣ. Онъ видѣлъ подлинно изъ существа торговли, что суда Венецїянскїя, проѣзжавшїя въ Александрїю, способствовали не мало къ доказательству въ просвѣщенїи сего Государства какъ въ наукахъ, такъ не менѣе и художествахъ; корабли оныхъ были лучше устроены и оснащены, нежели въ Китаѣ, и во всемъ украшенїи ихъ виденъ былъ превосходнѣйшїй вкусъ и удивительнѣйшее изобрѣтенїе. Итакъ, по окончанїи срока сродственника *Цены* въ порученныхъ ему дѣлахъ отъ республики въ Алкагирѣ, *Усонгъ* вознамѣрился безпрекословно отправится съ сими двумя госпо-

господами въ Венецїю. Его природная ко всему склонность, способствовала ему научится скоро говорить по Италїянски, а долговремянное плаванїе, по причинѣ продолжавшейся долго тишины на море, доставило ему и удобной между тѣмъ случай упражнятся съ успѣхомъ какъ въ чтенїи, такъ и письмѣ, такъ, что по прибытїи его въ Венецїю, могъ онъ уже свободно изъяснять все на семъ языкѣ, что онъ ни хотѣлъ только.

Сей великолѣпїемъ своимъ знаменитый городъ, находился тогда въ наилучшемъ состоянїи своея силы. Самой *Тиръ* не имѣлъ даже никогда подобнаго владычествованїя въ разсужденїи его коммерцїи; во времяна Дожи *Θомы Моцениги*, немногимъ за долго до прибытїя туда *Усонга*, находилось въ гавани онаго болѣе трехъ тысящь большихъ кораблей разныхъ державъ, вооруженныхъ до тритцати шести тысящь матросовъ, богатства коего поистиннѣ были несметныя. Сверьхъ того, каждой годъ отправлялъ городъ оной въ чужестранныя гавани товаровъ болѣе нежели на десять миллїоновъ червонныхъ, и собиралъ ежегодно за одинъ токмо грузъ до двухъ миллїоновъ червонныхъ доходу: ибо, вся торговля Индѣйская происходила въ Венецїи чрезъ Александрїю. Однимъ

сло-

словомѣ, Венецїане были общими повѣренными вѣ дѣлахѣ, до купечества касающихся, всѣхѣ западныхѣ народовѣ.

Приближаясь кѣ сему городу, взиралѣ *Усонгъ* сѣ удивленїемѣ на высокїя онаго башни; чѣмѣ ближе достигалѣ онѣ кѣ онымѣ, тѣмѣ болѣе умножалось любопытство его вѣ разсматриванїи зданїй сихѣ, выходящихѣ почти изѣ самыхѣ водѣ морскихѣ; и хотя видалѣ онѣ огромнѣйшїе города вѣ Китаѣ, но единое вообраленїе представлять себѣ мысленно посреди моря столицу, управлявшую цѣлыми Государствами, казалось взору его сверьхѣ естественнымѣ. Онѣ находилѣ гораздо болѣе прочности вѣ сихѣ зданїяхѣ, сооруженныхѣ всѣхѣ изѣ дикаго камня, и болѣе великолѣпїя вѣ тамошнихѣ храмахѣ; арсеналы ихѣ казались ему лучше снабденными, и служба Божїя отправлялась здѣсь сѣ большимѣ благоговенїемѣ, чего не производило вовсе духовныхѣ попеченїе вѣ Китаѣ, окромѣ единаго ребяческаго, такѣ сказать, идолопочитанїя Бонзовѣ, кои гораздо болѣе оказывали кѣ тому усердїя своего, нежели слабое воображенїе внушило то ихѣ предкамѣ.

Но ни что не смущало столько молодаго *Усонга*, какѣ учрежденїе вѣ Венецїянскомѣ правленїи. Вѣ Китаѣ, гдѣ

не

не знаемо было вовсе другаго рода правленія, кромѣ единаго самовластія, не имѣли даже и понятія о чиноначальномъ правленіи. Тамъ почитали множество Боговъ безъ всякаго сомнѣнія, не воображая однакожъ того, чтобъ возможно было имѣть и много Государей; но что здѣсь великое число господъ, правительствуя совокупно и единодушно, съ равною притомъ между собою властію, и что знатнѣйшіе изъ гражданъ могли зависить отъ самыхъ нижайшихъ, то казалось *Усонгу* совершеннымъ еще мракомъ невѣденія и истинною баснѣю, утверждаемою якобы съ другаго свѣта не вѣдущимъ на землѣ людямъ. Его удивленіе увеличилось еще болѣе, когда сказано ему было, что въ западныхъ странахъ всѣ народы, прежде будучи вольными, самопроизвольно покорились большимъ властямъ, удостоеннымъ ихъ собственнымъ выборомъ. Онъ не понималъ, по чему въ тѣхъ мѣстахъ находилось такого рода правленіе, кое не извѣстно было вовсе въ другихъ краяхъ свѣта, ниже могъ онъ представить себѣ того, какимъ образомъ равныя силы другъ другу имѣющія люди, могли быть согласными въ разсужденіи узаконеніевъ, кои долженствовали непремѣнно происходить изъ ихъ разсужденія, видя двоякій

родъ

родъ народа, изъ коихъ одинъ повелѣвалъ, хотя и весьма менѣе составлялъ впротчемъ часть онаго, а другой, превосходящїй въ томъ гораздо, повинующимся, не чая никогда достичь очереди себѣ въ чести сей.

Но сколь ни велико было предразсужденїе его въ своихъ мысляхъ противъ правленїя благородныхъ особъ въ республикѣ, однако находилъ онъ въ Венецїи, что оно могло совершенно согласовать съ общественнымъ благосостоянїемъ: ибо народъ, казался ему быть во всемъ преизбыточнымъ; онъ обиталъ въ изрядныхъ жилищахъ, не смотря на то, что труды онаго были весьма умѣренны; художества процьѣтали тамъ также, какъ и въ Китаѣ, и все, что ни споспѣшествовало токмо къ пользѣ и удовольствїю людей, производилось тамъ безпрестанно; благородныя казались быть постоянными въ ихъ знатности, законы дѣйствовали въ семъ мѣстѣ съ тою же самою строгостїю противъ ихъ, какъ и противъ всѣхъ протчихъ, и великое преимущество оныхъ не препятствовало ни мало къ ихъ наказанїю въ случаѣ каковаго либо преступленїя. Сверьхъ того не видно ему было вовсе того рабскаго уничиженїя, кое въ Китаѣ люди противъ равныхъ себѣ людей оказывать ста-

стараются; однимъ словомъ: истязанїе, и различныхъ родовъ мучительство, не составляли тамъ вовсе скипетра законовъ.

За всемъ тѣмъ, увидѣлъ *Усонгъ* скоро, что состоянїе военное гораздо преимущественнѣе устроено было въ Венецїи, нежели въ тщеславящейся Имперїи Минговъ; во всемъ войскѣ наблюдаемъ былъ тамъ лучшїй порядокъ, искуство и надлежащее повиновенїе, такъ, что научился онъ самъ при семъ случаѣ врожденному побужденїю къ военной дисциплинѣ, не извѣстному вовсе дѣйствїю салдатамъ странъ восточныхъ, то есть, истинному честолюбїю. Онъ узналъ притомъ, что у Европейцовъ похвальная смерть превосходила всякой стыдъ, и что побѣгъ считался тамъ у многихъ народовъ наипоноснѣйшимъ и гнуснѣйшимъ поступкомъ въ жизни.

Касательножъ до неплодородїя, то, увѣдомился онъ подлинно, что голодъ столь обыкновенной, и столь сильно дѣйствуемой впротчемъ въ Китаѣ, было нещастїе весьма рѣдкое въ Венецїи, кое тамъ весьма мало людей памятовали, и чтобъ во времяна ихъ правленїе чувствовало хотя малѣйшїй недостатокъ, до того относящейся. Ему доказано было сверьхъ того, что вообще при

всѣхъ владѣющихъ дворахъ Европейскихъ не только Государи сами, но даже и Принцы крови оныхъ не оканчивали жизнь свою насильственнѣйшимъ какимъ ни есть образомъ, не имѣя вовсе почти нужды страшится каковаго либо возмущенія, а тѣмъ менѣе помышлять когда о лишеніи своемъ престола, что напротивъ того въ Китаѣ весьма не рѣдко случались таковые всякаго презрѣнія достойные нарушители покоя, какъ напримѣръ извѣстный довольно *Чу*, истребившій родъ законнаго Императора, и предавшій потомъ престолъ *Ченгисовъ* и *Кублаевъ* въ руки недостойнаго поколѣнія, происходящаго изъ самой даже подлости, дѣтямъ своимъ.

Итакъ, чѣмъ болѣе увѣрялъ себя *Усонгъ* въ томъ, что въ нравахъ, законахъ и обычаяхъ народовъ западныхъ находилось семя пользы общественной, основанія спокойствія и безопасности, а особливо истиннаго усердія, побуждающаго людей къ дѣламъ великимъ, тѣмъ сильнѣе стремилось его желаніе распознавать совершенно сіи преимущества, кои казались принадлежащими Европейскимъ народамъ.

Цено представилъ притомъ ясно любопытствующему во всемъ *Усонгу*, сколь восточное самовластіе уничижаетъ

разумъ

разумъ народа: „Однимъ Государямъ, говорилъ онъ, присвояютъ только тамъ всегда всю честь именитыхъ дѣлъ, учиненныхъ сплошъ разумными его подданными; а оной напротивъ того единымъ своимъ взоромъ погружаетъ знатнѣйшихъ изъ его подданныхъ въ бездну злощастія, и распространяетъ потомъ свободно поносное ругательство самопроизвольнымъ образомъ на весь народъ; но вмѣсто того стремленіе сіе, служащее по его мнѣнію къ своему возвышенію, дѣлами своими ослабѣваетъ сильно часъ отъ часу, и изчезаетъ наконецъ вдругъ. Изключенный по симъ обстоятельствамъ отъ истиннаго пути славы народъ, стремится паки подвергнуть себя новому игу, гораздо несноснѣйшему еще предъ прежнимъ, и не имѣя вовсе ни на что надежды болѣе, преисполненъ будучи страха и отчаянія, прибѣгаетъ оной потомъ къ гнусному ласкательству сильныхъ людей въ Государствѣ, предпочитая вмѣсто чести, въ коей отчаевается каждой гражданинъ, зловредный прибытокъ, уступаемый ему отъ сихъ охотно, и презрительнѣйшее сладострастіе, искупаемое имъ тогда.„

„Въ большей части земель восточныхъ, продолжалъ говорить *Цено*, утушаетъ жестокость правленія всѣ чув-

ствїи побудительнаго усердїя, могущаго безъ сомнѣнїя привести въ восхищенїе сердце. Довольно извѣстно, что первые Государи Китайскїе старались было всячески искать добродѣтели въ своихъ народахъ, дабы приближить оную какъ можно къ престолу, съ изключенїемъ даже и собственныхъ своихъ дѣтей, уступая скипетръ тому, кого считали они быть токмо достойнѣйшимъ онаго. Долгое время допускали они подданныхъ своихъ совѣтовать о всемъ съ собою, приемля съ охотою отъ нихъ оное, и чувствуя недостатки свои, признавались въ томъ чистосердечно, оставляя всю честь вѣрному рабу, осторожностїю и старанїемъ коего учинено было какое либо полезное дѣло въ Государствѣ; но и въ самомъ Китаѣ древняя сїя простота Государей изчезла наконецъ нынѣ, чрезъ порочное ласкательство.„ Въ чемъ и *Усонгъ* принужденъ былъ согласится съ *Ценою* при семъ случаѣ. „Награжденїи, продолжалъ говорить Венецїянинъ, начали раздѣляемы быть по совѣту недостойныхъ придворныхъ евнуховъ, знатные Мандарины стали притѣснять безвинно народъ, единственно изъ какой либо корысти, и бремя ига опрокинулось совершенно на всѣхъ подданныхъ великаго сего Государства. Хотя и случается ино-

иногда впротчемъ, что похвальные примѣры прежнихъ добродѣтельныхъ Императоровъ, и непреодолимое красноречїе древнихъ мудрецовъ, трогаютъ сильно сердце инаго и изъ нынѣшнихъ Самодержцевъ, побуждая искать своего удовлетворенїя въ благосостоянїи Государства; но зло вкорѣнилось уже весьма глубоко, и сердца народныя погрузили себя въ совершенную пучину злополучїя и всегдашняго презрѣнїя, онѣ не въ силахъ уже ощущать болѣе никакихъ похвальнѣйшихъ и полезнѣйшихъ желанїй.„

„Напротивъ того у народовъ на Западѣ обитающихъ, равенство гражданъ сохранялось гораздо долѣе, надъ коимъ Государи одними полководцами токмо, или исправными блюстителями учреждены были, не имѣя впротчемъ ни малѣйшей власти надъ народомъ. Что ни учинялъ каждой изъ сочленовъ общества полезнаго оному, то оставалось ему собственнымъ наслѣдствомъ, и слава похвальнаго дѣла, имъ учиненнаго, оставалась навсегда крѣпкою и непоколебимою; тысяща ободренїй, служащїя величайшимъ примѣромъ почтенїя согражданамъ, награждали каждаго добродѣтельнаго человѣка въ то время, когда завистливый самовластецъ взиралъ можетъ быть на приписываемыя безчисленныя похвалы

оному съ безпокойнымъ духомъ, кои Богамъ, и одному только ему, долженствовали, думалъ онъ, посвящаемы быть непремѣнно. Не приобыкшія сносить обидъ и всякаго посрамленія вольныя народы, оставались чувствительными въ высочайшемъ степени къ каждому безчестію, предпочитая оному самую смерть лучше: ибо жить безъ чести, казалось глазамъ ихъ, настоящею бездною безпрестаннаго бѣдствія."

"Но по чемужъ учинились Государства западныя вольными, спросилъ его *Усонгъ*, а на востокѣ осталась въ оныхъ власть и по нынѣ еще безпредѣльною?"

"Сколько ни знаю я изъ повѣствованія о свѣтѣ, отвѣчалъ *Цено*, то нѣтъ ни Государей ни правительства въ странахъ совершенно неплодородныхъ, гдѣ люди, не имѣя вовсе почти средствъ къ своему пропитанію, живутъ повсюду разсѣянными. Подъ сѣвернымъ поясомъ (*) находятся такія народы, кои живучи подъ желѣзнымъ небомъ, (сіе разумѣть должно въ аллегорическомъ смыслѣ) и имѣя землю, состоящую въ однихъ каменьяхъ величины сверьхъ естественной, и льдѣ, питаются однимъ только тѣмъ, что волнующееся море опредѣляло имъ

(*) То есть въ Гренландіи.

имъ въ пищу. Сіи народы, говорю, не имѣютъ вовсе ни начальства, ни правосудія, ниже какого наказанія между собою. Онѣ рѣдко вступаютъ въ брань, по причинѣ обширнаго пространства земли ихъ, ни чего нѣтъ у нихъ общаго, и живутъ какъ звѣри, съ коими великое онѣ имѣютъ сходство по симъ обстоятельствамъ, безъ всякаго другъ съ другомъ сообщенія и правленія надъ собою."

"Въ странахъ холодныхъ, наполненныхъ притомъ различными родами звѣрей, продолжалъ говорить *Цено*, люди живутъ нѣсколько тѣснѣе между собою: ибо страхъ, происходящій отъ ежечастной опасности обезпокоиваннымъ быть сильно лютыми звѣрями, принуждаетъ ихъ соединятся другъ съ другомъ для своего защищенія. Сіи народы суть также вольныя, и всѣ сочлены оныхъ равны также не менѣе вышеупомянутыхъ между собою. Ихъ ожесточенный духъ къ снесенію тяжчайшихъ трудовъ, не допускаетъ ни страшится, ни обуздывать себя чемъ либо, онѣ не подвергаютъ естественнаго преимущества своей вольности ни какому Тирану, а оставляютъ токмо начальнику своему одну ограниченную власть, которая издревле еще пресѣклась у нихъ по нѣкоторой необходимости. На сихъ то

 осно-

основанїяхъ, находились всѣ владычества въ Европѣ при ихъ началѣ.„

„Въ странахъ же изобилующихъ умѣреннымъ воздухомъ, гдѣ небольшое количество пахатной земли могло съ успѣхомъ довольствовать великїя семьи народа, люди жили соединясь взаимно, строя различныя селенїи, а потомъ и самыя города даже. Число обселенїя оныхъ умножалось отъ времяни до времяни, а ссоры и тяжбы между гражданами ихъ и каждымъ таковымъ городомъ съ сосѣдственнымъ другимъ, еще и того болѣе. Природа учинила жителей странъ сихъ къ различнымъ страстямъ гораздо чувствительнѣе и привязаннѣе, во гнѣвѣ и ненависти ихъ жесточае, и во всѣхъ оныхъ склонностяхъ превосходно невоздержнѣе. Жаръ и сильное стремленїе сихъ слабостей, произвели наконецъ сущее зло; и зависть со мщенїемъ, разорвали бы потомъ совершенно узы обществъ сихъ, когдабъ не обузданы онѣ были принужденными токмо средствами. Въ таковомъ случаѣ возъимѣли разумнѣйшїя изъ нихъ люди прибѣжище къ избранїю верьховныхъ начальниковъ, то есть самыхъ Государей, коимъ поручено было скорѣйшее исполненїе высочайшей ихъ власти, дабы обуздать сильное стремленїе общественнаго вреда, и прекра-

кратить опасныя слѣдствїи жестокихъ пороковъ; но сїи, будучи вооружены полнымъ самовластїемъ, начали распространять оное вскорѣ не ограниченнымъ образомъ надъ слабыми и поколебимыми страхомъ сердцами, на Востокѣ жившими людьми: все можно было свободно учинить съ ними, устраша ихъ только сначала, потому что члены ихъ не окрѣплены были ни жестокостїю воздуха, ни необходимою крайностїю тягчайшей какой работы, какъ живущихъ народовъ на Сѣверѣ. Съ сихъ то поръ самыхъ начались, говорю, впервыя наслѣдственные, и по собственному соизволѣнїю управлявшїе, властелины; и къ игу рабства приобыкшїй нерадивый народъ единожди, не внушалъ уже болѣе никогда послѣ рожденнымъ дѣтямъ своимъ прїятнаго воображенїя о вольности."

Усонгъ навыкая такимъ образомъ часъ отъ часу съ не малымъ во всемъ успѣхомъ, преподаваемомъ ему *Ценою*, и научася говорить между тѣмъ языку земли той совершенно, гдѣ находился онъ тогда, предпринялъ наконецъ небольшое путешествїе по заливу Адрїатическаго моря; онъ взиралъ съ удовольствїемъ во время пути его на порядокъ и проворство, съ коими начальникъ судна того управлялъ онымъ: "Здѣсь видно, гово-

говорилъ онъ самъ съ собою, довольно ясно слѣдствіе и польза совершенно неоспоримой силы:„ сіе необходимымъ казалось ему тамъ, гдѣ малѣйшее замедлѣніе въ повиновеніи погубляло конечно все общество, находившееся на суднѣ.

По возвращеніи своемъ назадъ, осматривалъ онъ Венеціянскія войска, кои отправляла тогда республика противъ своего сосѣда Герцога Миланскаго, и не преминулъ слѣдовать самъ за онымъ волонтеромъ. Находясь при отдѣленномъ семъ корпусѣ, удивлялся онъ чрезвычайно искуству Европейцовъ, кои, недавно узнавъ еще только употребленіе пороха и дѣйствуемыя имъ орудіи, умѣли уже обращатся съ тѣмъ гораздо лучше, нежели самые Китайцы, считающіеся перьвыми изобрѣтателями онаго въ свѣтѣ. „И сіе преимущество, говорилъ *Цено* своему пріятелю, есть неоспоримое слѣдствіе вольности и похвальнаго соревнованія къ чести. Чрезъ оное всѣ науки и художества оживотворяются и просвѣщаются непремѣнно, возвышаясь часъ отъ часу, потому, что каждой художникъ стремится всячески превзойти равныхъ себѣ соучастниковъ въ знаніи; но въ Китаѣ сынъ, приемля по наслѣдству отъ отца рукомѣсло его, остается при одномъ толькоономъ во всю жизнь

свою;

свою; онъ не представляетъ себѣ, чтобъ могъ онъ имѣть успѣхъ когда въ другихъ превосходнѣйшихъ знанiяхъ, ниже узнать надѣится нѣчто болѣе своихъ предковъ; напротивъ того и сей не печется о томъ ни мало, оставляя своему сыну художество свое такимъ же, какимъ получилъ и самъ онъ отъ своего предшественника.»

Исправное впротчемъ устроенiе войскъ Европейскихъ, наблюдаемый порядокъ въ ихъ шествiи и стоянiи, чрезмѣрная точность присмотра, и удивительное повиновенiе власти, простирающееся отъ самаго главнаго начальника до послѣдняго рядоваго воина, неустрашимость въ нападенiяхъ, и стремительнѣйшее желанiе предохотниковъ къ наиопаснѣйшимъ предпрiятiямъ, все сiе, говорю, восхищало сильно бодраго *Усонга*. Его Монгалы, сравниваемые имъ съ Европейцами, казались ему не иначе тогда, какъ настоящими дикими звѣрями, преисполненными отчаянiя, и вооруженными одною только натурою; а Китайцы сущими невольниками, коимъ хотя и можно было дать оружiе, но не льзя было вперить никакъ въ нихъ храбрости.

Въ разсужденiи гражданскаго правленiя и исполненiя надлежащаго во всемъ правосудiя, находилъ онъ также не хуже

ихъ устроенными тамъ Китая. „Честолюбїе, говорилъ *Усонгъ*, удерживаетъ здѣсь судей отъ всякой несправедливости, потому что общественное осужденїе наказывало ихъ за то жестоко; напротивъ того въ Китаѣ, считается та только чрезвычайною добродѣтелїю, которая дѣлаетъ онаго правосуднымъ. *Ливангъ*, хотя и былъ справедливъ по истиннѣ; но рѣдко однакожъ случается то, что небо низпосылаетъ Государству другаго подобнаго ему, а повседневно наказываетъ оно только оное чрезмѣрною жадностїю корыстолюбивыхъ Мандариновъ."

Итакъ, понялъ онъ наконецъ довольно, какимъ образомъ согласїе могло пребывать въ верьховномъ совѣтѣ знатныхъ людей, равныхъ въ достоинствѣ между собою въ республикѣ: ибо всѣ оныя единогласно сообразовались заключенному намѣренїю и волѣ большинствомъ голосовъ. Онъ разсмотрѣлъ, что первенство самовластныхъ соучастниковъ въ правленїи, долженствовало происходить единственно отъ преимущества дарованїй, и что тысящи опроверженїи оныхъ не въ силахъ были покорить общему мнѣнїю единаго лица, когда оно силою доказательствъ, основанныхъ на истинныхъ правилахъ закона и здраваго разсужденїя

огра-

ограждено довольно, или посредствомъ своего красноречія сильно защищаемо было: ибо и въ томъ заключается особливое преимущество, чтобъ довести побужденіе къ тому до надлежащаго совершенства, которое не только къ чести, но и къ самой власти надежнѣйшимъ путемъ быть можетъ.

Не смотря однакожъ на то, *Цено* самъ принужденъ былъ, хотя и не безъ огорченія впротчемъ, признатся своему новому другу, что всѣ сіи преимущества должны будутъ непремѣнно изчезнуть, естьли число благородныхъ сихъ особъ, участвующихъ въ правленіи, начнетъ уменьшатся нѣкогда: ибо вольностію преимуществующее Государство щастливо только до того время, покуда правители онаго пребываютъ независимыми одни отъ другихъ, и соединены между собою единымъ союзомъ пользы общественнаго благополучія. Въ многочисленномъ правленіи равныхъ другъ другу въ достоинствѣ знатныхъ, не въ силахъ имѣть союзъ крови и дружбы частной ни сильнѣйшаго дѣйствія, ни опаснѣйшаго внушенія; онъ разширяется только въ нераздѣльномъ маломъ числѣ, чему легко противится можетъ большое независящее; но въ умаляющемся числѣ соучастниковъ правленія напротивъ того, можетъ сей

же

же самый союзъ частный переобразовать всю пользу Государства по желанію малаго числа соединенныхъ сотоварищей во власти: кровь, дружество и взаимныя пользы, могутъ такимъ образомъ составить нечувствительно такое соединеніе власти, коему весь остатокъ независимыхъ сочленовъ не будетъ въ силахъ ни мало противостоять уже, и тогда то частныя предразсужденіи нѣкоторыхъ изъ сильныхъ гражданъ усилятся болѣе, нежели самая общественная польза Государства всего. „Но ахъ! прейди часъ сей въ моей жизни, вскричалъ добрый гражданинъ сей, въ которой изъ благородныхъ людей нѣкто возъимѣлъ бы таковое пагубное и поносное намѣреніе чести его, въ предпочтеніи пользы собственной, пользѣ отечества своего.„

Такимъ то образомъ провождалъ время тогда Князь Коконорскій въ городѣ Венеціи, онъ примѣчалъ, разсуждалъ, сравнивалъ и упражнялся тамъ ежедневно въ столь полезныхъ и столь необходимо нужными казавшихся ему познаніяхъ, какъ наконецъ война, въ которую вступила республика сія съ сильнымъ *Морадомъ* (*), принудила оставить его оное мѣсто.

Георгій

(*) Подъ симъ имянемъ разумѣется *Амуратъ* II й.

Георгій Кастріотъ, наслѣдникъ Θомы, Князя Эпирскаго, учинившейся чрезмѣрною своею храбростію, вовсе почти невѣроятною впротчемъ, наперсникомъ Султана Турецкаго, былъ одинъ изъ совершеннѣйшихъ Ироевъ вѣка того; его удивленія достойная смѣлость, не уступала ни мало необычайнымъ человѣчеству врожденнымъ силамъ, такъ, что ни кто не дерзалъ по истиннѣ сравнивать себя съ сими двумя превосходнѣйшими его дарованіями. Ощущая въ себѣ такимъ образомъ оба сіи преимущества, и знавъ притомъ довольно неоспоримое ни мало право къ возвращенію лишеннаго престола Эпирскаго, по всему ему принадлежащаго, отдѣлившись нѣкогда въ продолженіе самаго сраженія отъ *Морода* съ отборнымъ корпусомъ людей, удостовѣренныхъ въ непоколебимой къ нему вѣрности, лишилъ онъ тѣмъ совершенно преимущества въ побѣдѣ онаго; принудивъ между тѣмъ стражу печати Султанской отправить повелѣніе въ городъ Кроію, столицу сего королевства, на учиненіе его наслѣдникомъ всего Эпира, и не упустилъ потомъ самъ поспѣшать привести все то въ надлежащее исполненіе. Ему хотя и удалось сіе произвести съ желаемымъ успѣхомъ въ дѣйство; но *Морадъ* приказалъ тотчасъ слѣ-

слѣдовать за нимъ многочисленному и избраннѣйшему корпусу изъ своего войска Янычаръ, кои въ тогдашнѣе время считались настоящимъ ужасомъ всѣхъ народовъ въ свѣтѣ. Во время сего произшествія, Венеціянская республика не была также спокойна между протчимъ; подданныя оной, взирали на чрезмѣрную силу Оттоманъ съ не малымъ страхомъ, которой грозилъ имъ еще издали, и кои, приближаясь часъ отъ часу къ нимъ, готовились вскорѣ опрокинуть всю свою силу и на оную; чего ради благоразуміе вѣрныхъ сыновъ сего отечества, наставляя оныхъ безпрестанно отвращать злополучіе въ отдаленности отъ предѣловъ его, принудило республиканцовъ послать неустрашимому *Кастріоту* помощъ, требуемую имъ немедлѣнно; а *Усонгъ* не могъ также противится долго страсти своей при семъ случаѣ, служить подъ знаменами столь великаго воина, прославившагося уже не менѣе и дѣлами своими, воспѣваемыми обыкновенно громогласно стихотворцами.

Война сія происходила жесточайшимъ образомъ, и сраженіи были кровопролитнѣйшія; сильныя мысцы неустрашимаго Грека обращали въ ничто всѣ преимущества, кои многочисленность и искуство

со-

составляли непрїятелямъ его при различныхъ случаяхъ. Двое молодыхъ республиканцовъ, привязанныхъ сильно къ *Усонгову* великодушїю, а еще болѣе къ превосходству душевныхъ его дарованїй, слѣдовали за нимъ повсюду, и составляли всегда въ свитѣ съ вѣрнымъ притомъ *Шериномъ* сотоварищей его путешествїя, и всѣхъ преизящныхъ дѣлъ онаго. Напротивъ того *Усонгъ* не отставалъ также ни на минуту отъ Эпирскаго Князя и при самыхъ даже ужаснѣйшихъ опасностяхъ, провождаемъ будучи жаромъ младости, и чувствуя умножавшимся въ подражанїи храброму предводителю войскъ Греческихъ усердїе свое въ то самое время, когда страшная смерть не преставала преслѣдовать его со всѣхъ сторонъ. Неумѣренная запалчивость молодаго сего Принца, допустила его пробратся нѣкогда къ самой особѣ Султанской, куда смѣлые Албанцы, не смотря на все свое усердїе къ оному, не могли слѣдовать за нимъ; онъ былъ тотчасъ окруженъ отвсюду, и лишилсябъ безъ сомнѣнїя жизни предъ глазами Султанскими, естьлибъ Государь сей, не менѣе былъ великодушенъ сколько и храбръ.

Итакъ, въ другой разъ случилось сїе, что смѣлость и прекрасный видъ

Ченгида (*) спасли его совершенно отъ смертоноснаго орудія, готовившагося пасть непремѣнно на главу онаго; потому что *Морадъ* приказалъ пощадить тогда сего молодаго человѣка По окончаніи сраженія велѣлъ онъ привести его предъ себя, и вопрошалъ съ удивленіемъ гледя на него, по какой бы причинѣ сдѣлался онъ непріятелемъ Султану, которой вооружался единственно для наказанія возмутителя общаго и его покоя? ибо образъ *Усонговъ* измѣнилъ ему и при семъ случаѣ, открывъ въ немъ человѣка совсемъ не Европейской природы.

Кокєнорскій Князь, учинивъ съ достодолжнымъ подобострастіемъ знаки почтенія своего Оттоманскому Государю, отвѣчалъ ему потомъ слѣдующимъ образомъ: „Я родился, говорилъ онъ, на отдаленнѣйшихъ предѣлахъ Востока, и странствуя по многимъ странамъ западнымъ, искалъ тамъ добродѣтели и благоразумія, кои удалось мнѣ найти наконецъ, вижу я, въ лицѣ моего побѣдителя нынѣ."

Морадъ, коего сердце не менѣе было преисполнено нѣжности, сколько и духъ онаго заключалъ въ себѣ неустрашимости, не преминулъ разсмѣятся, слыша слова

(*) То есть правнука *Ченгиса*, великаго завоевателя, котораго западныя народы *Ченгисъ-Ханомъ* называютъ.

слова молодаго сего человѣка, и спроситъ его притомъ: не желаетъ ли онъ служить такому Государю, въ которомъ признаетъ онъ обьявленныя имъ достоинства? „Будучи принятъ весьма благосклонно въ Венецiи, отвѣчалъ ему на то *Усонгъ* чистосердечно, считаю я сильно обезчестить себя тѣмъ, когда обнажу токмо мечь противъ своихъ благодѣтелей „

„По меньшей мѣрѣ не долженъ ты вооружатся болѣе противъ Турокъ, сказалъ *Морадъ* потомъ. *Я* отправлю тебя возвратно на Востокъ; ибо кажется мнѣ, продолжалъ говорить онъ улыбаясь, что ты уже довольно понялъ искуство владѣть оружiемъ.„

Султанъ приказалъ тотчасъ послѣ того истребовать у полководца Венецiянской республики всѣ вещи, принадлежавшiя *Усонгу*, и повелѣлъ отвести его на нарочномъ суднѣ въ Эскандерскую гавань (*), откуда долженствовалъ онъ отправится чрезъ Галепъ въ Персiю.

Хотя *Усонгъ* и желалъ было видѣть впротчемъ другiя Европейскiя Государства, дабы познать всюду состоянiе земель управляемыхъ Монархами; но онъ долженъ былъ подвергнуть себя непремѣнно паки определенiю судьбы своей. Вѣрный *Шеринъ* привезъ къ нему все принад-

(*) Городъ Александрiя разумѣется подъ симъ.

надлежавшее оному, и они оба вмѣстѣ отправились потомъ вскорѣ чрезъ Эскандеръ въ многолюднѣйшій городъ Галепъ, построенной на подобіе Амфи-театра на различныхъ по степенямъ раздѣленныхъ пространныхъ холмахъ.

Между тѣмъ, не преминулъ также *Усонгъ*, не смотря на краткость времяни бытности своей въ лагерѣ Оттоманскомъ, употребить всячески своего примѣчанія въ разсужденіи приращенія и сей славной Имперіи. Турки, происходившіе отъ народа вовсе неизвѣстнаго, учинились вскорѣ, зналъ онъ, обладателями всей малой Азіи и восточной части Европы, подъ предводительствомъ шести токмо Государей, величайшія достоинства коихъ, не взирая на то, что каждой почти изъ нихъ былъ сущій разбойникъ и неутомимый притомъ войсководитель, вспомоществовали много къ ихъ величеству; а *Амуратъ* превосходилъ даже и всѣхъ его предшественниковъ преизящнѣйшими преимуществами души своей, коего сердце преисполнено было совершенно нѣжности и великодушія, весьма рѣдкихъ по истиннѣ дарованіи въ человѣкѣ, подобнаго его состоянія, которой вступилъ на престолъ совсемъ противъ желанія своего сердца, стремящагося единственно къ спокойствію и миро-

любію.

любiю. Онъ былъ искреннѣйшiй обожатель всевысочайшей Власти: двожди покушался онъ оставлять престолъ, дабы совершенно посвятить себя долгу сохраняемаго имъ свято и ненарушимо закона, и толикожъ разъ принужденъ былъ принимать на себя власть паки предводительствовать войсками, по причинѣ единогласно убѣждаемаго сильно его желанiя Оттоманскаго народа, которой отчаявался вовсе въ побѣдѣ надъ своими непрiятелями, не будучи управляемымъ онымъ. *Амуратъ* сей, обладалъ духомъ твердости и постоянства, будучи безпрестаннымъ властелиномъ надъ своимъ сердцемъ по среди наивеличайшихъ опасностей; готовымъ всегда, не только вести народъ свой въ самое пламя, но и имѣть безпрестанно даже предъ глазами страшное непрiятельское войско, которой, какъ управлять всѣми дѣйствiями каждаго сраженiя, употребляя въ пользу всякое преимущество, такъ и защищать себя благоразумнѣйшими средствами противъ наиопаснѣйшихъ случаевъ, зналъ совершенно.

Всѣ Султаны впротчемъ до него бывшiе, не оставляли никогда войскъ своихъ; ни кто не зналъ изъ нихъ еще вовсе сладости Гарема (*), въ чемъ всѣ

(*) Подъ симъ названiемъ значитъ Серраль.

протчїе восточные Государи находили безпрестанно совершенное свое благополучїе. Оттоманы почитали въ нихъ не только наслѣдственныхъ властелиновъ; но притомъ и наискуснѣйшихъ полководцевъ въ ихъ народѣ. Каждый Султанъ, имѣя при себѣ всегда сыновей своихъ, возрастать старался оныхъ съ самой еще младости на подобїе свирепѣйшихъ звѣрей въ сраженїи, къ одержанїю побѣдъ надъ непрїятелями ихъ отечества.

Но всего страшнѣе казалось размышляющему глубоко *Усонгу* учрежденїе Янычаръ: предмѣтъ особливо достойный каждаго вниманїя. Они выбираемы были обыкновенно изъ сильнѣйшихъ и острыхъ отъ природы молодыхъ людей, коихъ наставляли потомъ безпрестанно въ воинскихъ упражненїяхъ. Отлучены будучи отъ супружества и отъ протчихъ всѣхъ трудовъ жизни гражданской, жили они всегда въ палаткахъ, и въ самое даже мирное время. Отъ многочисленныхъ побѣдъ, одержанныхъ ими надъ своими непрїятелями, приобучили они себя довольно къ понесенїю безчисленныхъ трудовъ, вспомоществовавшихъ имъ не мало къ прїобрѣтенїю новыхъ преимуществъ надъ воевавшими съ ними народами. Они считали себя вовсе непреодолимыми, и потому самому ни что не могло противо-

стоять

стоять ихъ страшной силѣ. Между всѣми ратоборцами времянъ тѣхъ, были они искуснѣйшими въ употребленіи огнестрѣльнаго оружія, вновь еще только изобрѣтеннаго тогда, и не находилось подлинно ни какой пѣхоты въ свѣтѣ, которая бы въ силахъ была выдержать постоянно ударъ оныхъ. Вся естественная бодрость лучшихъ войскъ западныхъ, не довольно сильна была снести жестокаго стремленія сихъ храбрыхъ Янычаръ, потому что они одни были изъ всѣхъ военнослужащихъ въ свѣтѣ, которые упражнялись безпрестанно въ приличныхъ салдату екзерциціяхъ, и вовсе не такъ, какъ въ войскахъ Европейскихъ набираемы и паки распускаемы, смотря по обстоятельствамъ; но оставались навсегда препровождающими всю свою жизнь подъ знаменами въ поле. Чрезмѣрная храбрость *Кастріота*, и безчисленное множество всадниковъ *Тимура*, хотя и могли безъ сомнѣнія одерживать надъ ними совершеннѣйшія преимущества; но по застарѣлости ихъ, такъ сказать, въ военныхъ упражненіяхъ, всѣ протчія народы, кои не употребляли оружія, какъ только по одной необходимости, и потомъ по прошествіи опасности, оставляя паки оное, должны были непремѣнно уступать ихъ великому искуству.

Будучи нѣкоторое время въ Галепѣ, вознамѣрился потомъ Усонгъ, сѣвъ на судно въ Басрѣ, проѣхать чрезъ Индостанъ въ страны, управляемыя еще нѣкоторыми потомками *Ченгиса.* Онъ намѣренъ былъ посвятить тамъ услуги свои храбрѣйшему и разумнѣйшему изъ сихъ Государей, предпринявъ впротчемъ покориться настоящему произволу судьбы, необходимостямъ коей ни кто изъ смертныхъ не только противостоять, но ниже предвидѣть въ силахъ былъ.

Проѣзжая такимъ образомъ совсемъ вооруженнымъ обширныя стѣпи между Галепомъ и Басрою находящїяся, видѣлъ онъ славный въ древности городъ Пальмиру, въ развалинахъ коей, соединялись остатки древняго великолѣпїя богатыхъ гражданъ ея съ плачевными слѣдами жестокости завоевателей оной, и гдѣ скитающїеся Аравляне, воздвигаютъ обыкновенно свои ставки между мраморными столпами развалѣнныхъ трїумфальныхъ сводовъ, во время опасныхъ своихъ набѣговъ на сосѣдственныя съ тѣмъ мѣстомъ селенїи. Продолжая свое путешествїе чрезъ сїи необитаемыя вовсе ни кѣмъ мѣста, принужденъ онъ былъ по ночамъ ѣхать по среди горячихъ песковъ пустой Аравїи, а по восхожденїи солнца имѣть отдохновенїе подъ тѣнїю гу-

густыхъ пальмовыхъ древесъ, какъ нѣкогда по утру еще рано, увидѣлъ онъ нечаянно выходящаго изъ лѣсу почтеннаго и сединами украшеннаго мужа, провождаемаго прекраснѣйшимъ юношею.

Въ то самое время, когда солнце начало только освящать перьвыми блѣстящими своими лучами поверьхность горъ Аравїйскихъ, двое показавшихся Аравлянъ растянулись тотчасъ на землѣ, и старикъ, простерши руки свои къ небу, началъ произносить слѣдующїя слова, голосомъ изображающимъ искреннѣйшее чувствїе души его (*).

„Господь всѣхъ народовъ, всего мїра и всѣхъ вѣковъ! Ты низпосылая нынѣ снова знаки Твоей неизреченной щедроты, уличаешъ только тѣмъ недостойный родъ смертныхъ въ ужаснѣйшихъ его беззаконїяхъ Твоими величайщими благодѣянїями. Сїе, весьма ясное свѣтило для слабыхъ очей рода человѣческаго, служитъ истиннымъ свидѣтельствомъ оному благотворящаго всевысочайшаго Существа, источника всея жизни, всея милости и всея красоты его неизмѣримаго понятїемъ Зиждителя. О когдабъ созерцающїй свѣтъ вѣчнаго сего свѣтила могъ проникнуть

(*) О усердїи Магометанъ въ ихъ молитвахъ, читай *Гвиса* ученое путешествїе въ Грецїю, кн: 1*я*, стр: 416*я*.

когда ни есть слабыя сердца наши, дабы всѣ смертныя могли возчувствовать, сколь неудобопонятное милосердіе Твое составляетъ ихъ благоденствіе, и что вѣчность Твоя, есть только единственный предмѣтъ всего бытія ихъ!„

Эмиръ сей: ибо онъ былъ Князь нѣкотораго Аравійскаго поколѣнія, и преемникъ *Аліеваго* исповѣданія, пресѣченъ былъ въ семъ мѣстѣ ужаснѣйшимъ крикомъ нѣсколькихъ Бедвиновъ, жрецовъ солнечныхъ. „Умри, кричали сіи слѣпые подражатели, умри вѣроломный нарушитель закона, и неистовый хранитель преемниковъ великаго Пророка. (*)„ Они бросились было уже съ преклоненными своими копьями на сего набожнаго и ничемъ не вооруженнаго престарелаго мужа, и лишилибъ непремѣнно онаго жизни, естьлибъ *Усонгъ* не воспрепятствовалъ имъ въ томъ поспѣшно. Онъ видя отъ начала до конца все сіе произшествіе, возчувствовалъ вдругъ въ сердцѣ своемъ при семъ случаѣ, съ достойнымъ сожалѣніемъ о столь одаренной добродѣтелію душѣ, жестокое отвращеніе къ насильственному душегубству, которое намѣрялись

(*) Послѣдователи *Аліева* ученія, проклинаютъ *Абубекера*, *Омара* и *Отмина*, какъ незаконныхъ преемниковъ *Магомеда*, и похитителей законнаго права *Алія*.

лись было они исполнить немедлѣнно; чего ради опрокинулся онъ тотчасъ со всею своею храброю свитою на сихъ злодѣевъ, отважнѣйшіе изъ коихъ остались на мѣстѣ, а протчіе разсыпались всѣ въ разныя стороны.

Старикъ, произносившій молитву прежде, протянувъ руки свои къ своему храброму избавителю: „Благодарю Всевышняго, говорилъ онъ, благоволившему вмѣстить душу столь великодушную въ такое прекрасное тѣло, каковымъ твое я вижу нынѣ;„ и молодой человѣкъ, которой дѣйствительно былъ сынъ сего Эмира, не преминулъ также бросится къ ногамъ побѣдителя ихъ непріятелей, стараясь всячески выражать ему свою искреннѣйшую благодарность, соединенную съ тысящью различныхъ похвалъ.

„Пойдемъ, послѣдуй за мною въ жилище мое, сказалъ потомъ почтенный старикъ, дабы благословить и возблагодарить тебя могъ я тамъ, дорогой соучастникъ премудраго Провиденія.„ Онъ пошолъ послѣ того впередъ, а *Усонгъ* слѣдовалъ за нимъ въ небольшую долину, гдѣ разбиты были чорныя палатки семьи Эмира, около нѣкотораго источника. Каждое утро удалялся благочестивый сей мужъ къ сторонѣ отъ своихъ товарищей, въ уединеніи приносить на единѣ жертву

Богу:

Богу: имя его было *Гассанъ*, которой имѣлъ щастіе пережить въ жизни своей всѣхъ подданныхъ, покоренныхъ его родителемъ. Все, что ни имѣлъ онъ въ своей власти, повергъ онъ тотчасъ по прибытіи въ ставку къ ногамъ великодушнаго своего избавителя; но *Усонгъ* отрекся отъ всего, кромѣ того токмо, чтобъ позволить ему проводить съ нимъ нѣсколько времяни въ семъ его уединеніи.

Сердце *Гассана* преисполнялось между тѣмъ часъ отъ часу искреннѣйшимъ благоговеніемъ, и не могло утомлятся ни на минуту отъ прославленія милосердія Творца его. „*Я* льщусь соединится съ Нимъ вскорѣ, говорилъ онъ, сія восхищенная во мнѣ мысль, возноситъ уже душу мою отъ земли въ верьхъ, которая погружается въ ногахъ моихъ, чувствуя я. Ахъ! достойнѣйшій юноша, продолжалъ говорить добродѣтельный мужъ сей, буде не довольно еще извѣстно тебѣ можетъ быть понятіе о семъ Существѣ высочайшемъ, то приими въ цвѣтущей младости жизни твоей сіи послѣднія увѣщаніи, готовящагося къ прекращенію дней своихъ нелицемѣрнаго твоего друга, въ знакъ награжденія за твое великое благодѣяніе, оказанное ему нынѣ.„

„Слава, богатство и различныя удовольствіи въ жизни сей маловремянной, суть

суть ни что иное, какъ только забавы безразсуднаго дѣтства, кои благій Отецъ человѣковъ не отвергаетъ отъ нихъ вовсе, потому, что онѣ всѣ на земли здѣсь настоящія еще подлинно дѣти; но не всегдажъ, знать должно, останутся онѣ таковыми; предъ концомъ ихъ, другая жизнь предстоитъ имъ непремѣнно, жизнь, говорю, не премѣняющаяся никогда болѣе, и продолжающаяся во вѣки вѣковъ, достоинство коей не влечетъ за собою ни малѣйшихъ забавъ, сходствующихъ съ мірскими; а почтеніе и постоянное сложеніе ея, дѣлаетъ всѣ упражненіи здѣшняго свѣта вовсе презрительными, коими твари Его провождаютъ все время пребыванія своего въ мірѣ. Въ тщаніижъ приобрѣсти великую Твою милость въ настоящей жизни человѣка о Господи! состоитъ только одна премудрость, постигать мыслями своими безмѣрное благо существа Твоего, горѣть искренною къ Тебѣ любовію, повиноватся Твоему закону, и исполнять непремѣнно волю Твою: съ таковымъ то намѣреніемъ единственно получили мы душу безсмертную и никогда не премѣняющуюся, коей земля конечно не достойна никогда.„

Слезы текли притомъ изъ глазъ почтеннаго сего мужа, а нѣжными чувствіями преисполненная душа молодаго Ироя

сме-

смешивала между тѣмъ и свои также съ оными. Такимъ то образомъ наставлялъ *Гассанъ* каждой день присудствія внимавшаго *Усонга* въ семъ мѣстѣ о величествѣ добродѣтели, сильнѣйшемъ преимуществѣ всякаго добра, и о чрезмѣрномъ благополучіи кротости въ человѣкѣ. Итакъ, *Усонгъ*, будучи чувствительно тронутъ тѣмъ, не похваляя притомъ ни мало насильственнаго возвышенія *Магомеда*, устремился всѣми своими чувствами къ познанію токмо единаго Бога, и утвердился совершенно въ признаніи Существа всѣхъ высочайшаго; въ знакъ же воспоминовенія тому, вознамѣрился онъ принять имя *Гассана*, признавая себя сыномъ человѣка праведнаго, открывшаго ему путь къ настоящему спасенію.

По прошествіи нѣсколькихъ дней потомъ, возобновилъ *Усонгъ* паки свое путешествіе. Онъ приближаясь уже къ Анѣ наипрекраснѣйшему городу, построенному на двухъ берегахъ Ефрата, и лежащему на самомъ концѣ стѣпи, гдѣ земля начинала уже по немногу открывать свои преимущества, украшенныя притомъ трудами земледѣльцовъ. Лѣсъ, изъ древесъ пальмовыхъ состоящей, покрытыя поля изобильнѣйшею жатвою, и цвѣтущіе огромнѣйшіе сады, всѣ сіи источники величайшаго изобилія, говорю,

кида-

кидались взору человѣческому повсюду вѣ окрестности странѣ сей прекрасной рѣки, жители коихѣ однакожѣ наслаждались мало естествомѣ имѣ преподаваемымѣ добромѣ симѣ. Вѣ сіи злощастныя времяна, ежедневно слышны были только одни тамѣ чинимыя насилїи и грабежи. Какѣ *Усонгъ* встрѣтилѣ вторично на дорогѣ другаго Эмира сѣ покрытою седыми власами главою, которой, бѣжавѣ благимѣ матомѣ ему на встрѣчу, рвалѣ на себѣ одежду, оказывая знаки сильнаго своего отчаянія. „Ахѣ! кричалѣ онѣ изѣ всей силы, они отняли у меня дочь, единое поколѣніе толикихѣ Ироевѣ, и драгоцѣннѣйшее сокровище всего моего рода: тамѣ влекутѣ ее вѣ обьятїи беззаконія, служащаго кѣ вѣчному ея посрамленію; а я, я злощастный родитель, видя ея совершенную погибѣль, нё вѣ силахѣ избавить ее отѣ того.„ Такимѣ образомѣ произносилѣ престарелый мужѣ свои стѣнанїи, отвѣчая на вопросы, чинимые ему *Усонгомъ.*

Правнукѣ *Ченгисовъ* обратившись потомѣ на всѣ стороны, усмотрѣлѣ вдругѣ вдали на пути, идущемѣ кѣ городу, ужасную пыль, посреди коей примѣтилѣ онѣ издали вельблюда, гонимаго сильно множествомѣ провожатыхѣ людей. Онѣ кинулся тотчасѣ поспѣшно по слѣдамѣ оныхѣ,

оныхъ, и настигъ скоро молодую Княжну, рвавшую на себѣ прекрасныя власы, и требующую съ чрезвычайнымъ воплемъ помощи столь часто, сколько позволяли ей только открывать уста ея похитители; будучи окружена со всѣхъ сторонъ не малою толпою на лошадяхъ сидящихъ разбойниковъ.

Хотя число людей его и не равно было весьма съ противною ему стороною, а потому и нападенїе съ стороны онаго казалось опаснѣйшимъ; однако *Усонгъ* не размѣрялъ предпрїятїя сего съ своими силами, его сердце слѣдовало нѣжной чувствительности, терзавшей оное жестокимъ образомъ: онъ бросился не теряя время на сїю толпу, состоявшую изъ служителей Князя Анасскаго, похитившихъ дочь Эмира, и поспѣшавшихъ предать ее беззаконному неистовству господина своего, сына нѣкотораго предводителя войскъ сильнаго *Тимура*. Наподобїе сущей львицы, у коей похищали малыхъ дѣтей ея, съ помощїю лучшаго своего оружїя, прыткихъ лошадей и великаго искуства въ упражненїяхъ, до войны касающихся; а особливо воспаленъ будучи жаромъ при взорѣ на сїе беззаконное насилїе, кинувшись онъ на сихъ злодѣевъ, одержалъ наконецъ совершенный верьхъ надъ ними, и освободилъ совершенно притѣсняемую невинность.

Она

Она была наисовершеннѣйшей красоты дѣвица, подобной коей по *Лїосуѣ* никогда не видывалъ еще *Усонгъ*. „Несравненная прелесть, вскричалъ онъ увидѣвъ ее, поспѣшай сколько возможно утѣшить въ отчаянїи находящагося своего родителя.„ Онъ оборотилъ потомъ тотчасъ вельблюда, и дщерь Эмирова, которая впервыя еще, представъ безъ покрывала глазамъ молодаго чужестранца, закраснѣвшись на подобїе процвѣтающей розы, въ замешательствѣ семъ позволила вести себя всюду оному, опустивъ притомъ глаза свои въ землю, не дерзая даже и возблагодарить тогда пристойнымъ образомъ своего избавителя.

Они настигли скоро отчаяннаго старика, коему горесть воспрепятствовала находится въ дальномъ разстоянїи отъ того мѣста, гдѣ *Усонгу* удалось освободить ее изъ рукъ злодѣевъ оной. Найдя наконецъ то, что миляе всего ему было въ жизни, съ нуждою могъ повѣрить онъ въ томъ глазамъ своимъ: „Ты ли это, ахъ! любезнѣйшая *Эметѣя*? вскричалъ въ восхищенїи отъ радости Эмиръ, въ прежнемъ ли еще твоемъ дѣвствѣ вижу я тебя теперь? добродѣтельный родъ твой освобожденъ ли сталъ нынѣ отъ безчестїя? и нѣжный твой родитель можетъ ли быть увѣренъ сними потомъ

въ могилу безъ наималѣйшаго поношенія?„

„Но мѣсто сіе опасно, продолжалъ говорить онъ, по изъявленіи начальныхъ движеній чрезмѣрныя радости, поспѣшимъ великодушный чужестранецъ сокрыть въ безопасное мѣсто найденное мною сокровище мое.„ Онъ повелъ потомъ *Усонга* въ лѣсъ весьма сначала прозрачный, которой однакожъ мало по малу становился темнѣе, и чрезъ густоту коего наконецъ не могъ проникнуть даже и самой дневной свѣтъ почти вовсе; но Эмиру свѣдома была тамъ довольно нѣкоя сокрытая стезя, которая проложена была около пальмовыхъ деревьевъ къ одной лощинкѣ, прикрываемой сильною густотою оныхъ, гдѣ воздвигнутъ былъ его станъ.

По вступленіи въ оной, бросилась *Эметѣя* тотчасъ въ объятіи своей матери, закрывши притомъ лицо свое отъ стыда въ ея пазуху: „Прости, говорила она, прости дщерь твою за то, что она открытою допустила видѣть себя противному полу ея людямъ; потому, что она была въ рукахъ варваровъ, кои не разумѣютъ вовсе хранить узаконенныхъ обычаевъ.„ Нѣжная мать сія, омывала потомъ токами слезъ любезнѣйшую свою дочь отъ радости. „Украшеніе рода своего,

его, кричала она притомъ, войди безопасно паки въ заключенную хижину твоихъ родителей, ты еще все остаесся по прежнему дражайшимъ нашимъ дѣтищемъ.»

Добродѣтельный *Абуширъ*, (такъ назывался Эмиръ тотъ) опасаясь впротчемъ мщенія и неистовой власти Князя Анайскаго, и будучи побуждаемъ самъ ненавистію противъ онаго по наисправедливѣйшимъ къ тому причинамъ: ибо каждый Аравлянинъ, тронутый въ чести и горячности своей, есть совершенно разъяренный лютый тигръ, отправилъ немедлѣнно по сей причинѣ нарочно нѣсколько изъ своихъ вѣрныхъ служителей ко всѣмъ живущимъ въ пустыняхъ Княжескимъ поколѣніямъ, расположеннымъ по разнымъ мѣстамъ въ стѣпи отъ Басры до Галепа. Великодушные Эмиры, приказалъ онъ спросить у оныхъ, соглашаются ли они единогласно позволить похищать дщерей ихъ и честь свою? и намѣрены ли допустить нѣкогда погрузится славному роду ихъ въ презрительное поношеніе.

Неутолимый жаръ, коимъ снедаемо было ожесточенное сердце стараго *Абушира*, заразило скоро и протчихъ Аравійскихъ Князей тѣмъ же самымъ пылающимъ мщеніемъ: они и безъ того всѣ ненавидѣли смертельно Князей прави-

тельствовавшихъ, коихъ различныя притѣсненїи сносить они безпрестанно принуждены бывали: ибо оные подкрѣпляли власть свою обыкновенно посредствомъ наемныхъ войскъ, между которыми ни правилъ обряда воинскаго, ниже предѣловъ неистовства наблюдаемо было когда.

Итакъ, всѣ Эмиры собрались вскорѣ одинъ по одному къ озлобленному *Абуширу*, и составили посредственное собою войско въ нѣсколько недѣль. *Джунеидъ*, сынъ почтеннаго *Гассана*, прибылъ также туда съ не малымъ числомъ людей, расказавъ между тѣмъ протчимъ своимъ сотоварищамъ о удачномъ избавленїи, какъ собственно его, такъ и своего родителя, отъ смерти, которымъ долженствовалъ онъ единственно великодушїю и храбрости *Усонга*. Увидѣвши же тамъ онаго, восхищался онъ отъ радости, обладая сердцемъ его совершенно чрезъ свою непорочность, сообщивъ ему притомъ благословенїе отъ *Гассана*, безпрестанно тронутаго къ нему искреннѣйшею благодарностїю.

Напротивъ того *Усонгъ*, также не празденъ былъ между новыми своими друзьями: его удивленїе заслуживавшїе поступки и чрезмѣрная ко всѣмъ ласка, провождающая всѣ его предпрїятїи, произвели ему скоро въ нихъ великое почтенїе.

чтенiе. Онъ уговаривалъ часто Аравлянъ, мало приобыкшихъ къ сопротивленiю, приуготовить себя надлежащимъ образомъ противъ ихъ непрiятелей, заслуживающихъ всякое презрѣнiе, окромѣ одного сильнаго упорства въ сраженiи. Всѣхъ жителей пустынныхъ, сражавшихся обыкновенно на лошадяхъ, научилъ онъ порядочно строится сомкнутыми плотно рядами, и представлять непрiятелю фронтъ, испещренный копьями и протчими ручными орудiями, предвидя довольно, что ни что не въ силахъ было противостоять неустрашимости смѣлыхъ лошадей оныхъ, и удару страшныхъ ихъ копей.

Между тѣмъ Князь Анасскiй, будучи одинъ изъ славнѣйшихъ разбойниковъ, и притомъ человѣкъ сладострастнѣйшiй, обидя жестокимъ образомъ Эмира, считалъ при всемъ томъ имѣть справедливѣйшее право всячески ему мстить за учиненное имъ съ стороны своей себѣ препятствiе, въ лишенiи удовлетворенiя гнусной его похоти надъ безпорочною онаго дочерью; хотя и должна бы была уличать его совѣсть непристойною ни мало роду его страстiю; но онъ приобыкъ уже признавать въ себѣ все то неоспоримымъ достоинствомъ, что помощiю меча своего приобрѣтать онъ только могъ;

чего ради, собравъ тотчасъ свои войска, а притомъ получа также и нѣкоторое вспоможенїе отъ другихъ своихъ сверстниковъ, кои принимали участїе въ раздѣленїи на многїя части пришедшей въ упадокъ Персїи, и изъ коихъ многїе происходили отъ роду полководцевъ *Тимуровыхъ*, пошолъ съ ними общими силами противъ его непрїятеля.

Оба сїи войска встрѣтились вскорѣ между собою, потому что искали онѣ взаимно другъ друга. *Усонгъ*, предводительствовавшїй съ стороны Эмировъ, истребовалъ позволѣнїе отъ оныхъ командовать частїю отборнаго войска своему прїятелю *Джунеиду*, дабы остатся ему въ засадѣ позади нѣкотораго возвышеннаго мѣста, примыкавшагося къ полю баталїи, хотя впротчемъ и не легко ему было получить то, чтобъ высокомѣрныхъ Аравлянъ принудить унизить себя къ военнымъ хитростямъ.

Эмиры напротивъ того, составляли часть конницы, устроенной *Усонгомъ* по образу Европейцовъ, которые, опустя вдругъ по сдѣланному знаку повода свои и преклоня копья, начали перьвые сраженїе, кинувшись съ преужасною смѣлостїю на непрїятеля и опрокинувъ тотчасъ онаго конныхъ всадниковъ; но сїя непрїятельская конница, прикрывавшая всю

свою

свою пѣхоту, причинявшую не малой вредъ Аравлянамъ своимъ страшнымъ огнестрѣльнымъ орудїемъ, принудила скоро уступить мѣсто сраженїя противной ихъ сторонѣ, и удалится оттуда въ сильномъ безпорядкѣ; но *Джунеидъ* напалъ между тѣмъ вдругъ на одно крыло, подавшейся впередъ сей пѣхоты сзади, и разбилъ оную безъ всякаго труда. Сраженїе сїе происходило потому весьма не долго; разсѣянные Аравляне вступили тотчасъ опять, собравшись вмѣсти, въ прежнею ихъ должность, и упустили весьма малое число своихъ непрїятелей живыми, потому что не было у нихъ вовсе лошадей, коибъ могли сравнятся съ прыткостїю лошадей Арабскихъ.

Побѣжденныя такимъ образомъ войски, изобрали путь свой прямо къ Анѣ, не съ тѣмъ однакожъ вовсе, чтобъ заключить себя тамъ: ибо народъ Арабской никогда не предпринимаетъ защищать себя въ стѣнахъ отъ непрїятеля, а всегда въ полѣ, въ намѣренїи истребить онаго совершенно; но какъ алчный Князь Анаскїй погибъ самъ между протчими, истоптанъ будучи лошадьми во время сраженїя, то жители города сего, возрадуясь симъ лестнымъ для нихъ щастїемъ, вышли оттуда на встрѣчу Эми-

рамъ съ масличными вѣтвїями и со всѣми знаками радости, по причинѣ одержанной ими побѣды, почитая ихъ настоящими своими избавителями отъ тиранской власти. Онѣ увидѣли себя наконецъ освобожденными вовсе отъ тягчайшаго ига, подъ коимъ имѣнїе, честь и самая ихъ жизнь, была безпрестанно подвержена неизбѣжимому бѣдствїю, оставаясь въ безопасности въ рукахъ безчеловѣчнаго Государя, притѣснявшаго ихъ наиужаснѣйшимъ образомъ.

При перьвомъ взорѣ на сїе удачное завоеванїе, вскричалъ великодушный *Абуширъ*: „Мы, рожденные въ Аравїи, говорилъ сей добродѣтельный мужъ, не требуемъ вовсе во владѣнїе себѣ городовъ, однакожъ хотимъ награждены быть непремѣнно при семъ случаѣ, знакомъ чему, послужить имѣетъ собственная ваша благосклонность. Всѣмъ извѣстно довольно между нами, что обязаны мы побѣдѣ сей единственно разумнымъ совѣтамъ пришлаго въ страны наши чужестранца, которой спасъ и жизнь и честь всѣхъ собратїй, живущихъ въ мѣстахъ здѣшнихъ; то признайте единогласно, великодушные соучастники общаго благополучїя, въ немъ дружелюбнаго себѣ сосѣда, отдавъ ему городъ Ану, предаваемый нынѣ добровольно въ руки достой-

нѣй-

нѣйшаго и способнѣйшаго изъ насъ управлять онымъ! Но что похвальнѣе служить можетъ для Аравлянина приличнаго награжденія добродѣтели, и чемъ болѣе надѣится кто изъ насъ оказать благодѣянія гражданамъ онаго, какъ не доставленіемъ токмо единственно имъ добраго властелина?„

Совѣтъ престарелаго *Абушира* одобренъ былъ всѣми Эмирами, присудствовавшими тогда тамъ, они подтвердили награжденіе сіе общимъ согласіемъ, и *Усонгъ* объявленъ былъ тотчасъ Княземъ Анасскимъ.

Эмиръ радовался потомъ чрезвычайно возвышенію на сіе достоинство своего искренняго друга, и дабы не оставить ни малѣйшей стези къ его въ томъ особливому участію, то согласился онъ уступить ему и прекрасную *Эметѣю*, которую младый Князь сей освободилъ изъ рукъ похитившихъ ея злодѣевъ прежде. Во всей Аравіи, не находилось по истиннѣ толикихъ совершенствъ, совокупленныхъ въ одно мѣсто, каковыми преимуществовала сія Княжна предъ протчими, равными съ ея поломъ особами, а *Усонгъ* находился въ такомъ возрастѣ, когда глаза прелестей имѣютъ безпредѣльнѣйшую власть надъ сердцемъ; но *Джунеидъ*, увидя ее за день до того нечаянно, когда пока-

казалась сія прекрасная дщерь при вооруженіи *Абушира* на сраженіе, и надѣвала на него Талисманъ (*), который по суевѣрію Аравлянъ долженствовалъ предъохранять его отъ всѣхъ опасностей, *Джунеидъ* воспламенился, говорю, съ самаго того время къ ней чрезвычайною любовію, и открылся въ томъ тотчасъ великодушному правнуку *Ченгиса*. Итакъ, достойный всегда приписываемыхъ похвалъ себѣ *Усонгъ*, убѣдилъ наконецъ Эмира прервать тѣсныя узы союза, коими родитель прекраснѣйшей *Эметѣи* хотѣлъ было соединить себя съ нимъ, испрося оную для своего друга, спасши чрезъ то, какъ самъ *Дженеидъ* признавался, жизнь его вторично.

Усонгъ принявъ такимъ образомъ владѣніе новой своей власти, вспомнилъ притомъ изреченныя ему премудрымъ *Ливангомъ* послѣднія слова, и взиралъ на градъ Ану, какъ на истинный примѣръ, которой низпосылало ему небо, дабы допустить случай испытать оному, достоинъ ли онъ былъ царствованія. Достиженіе подобной чести съ столь благими намѣреніями, есть по истиннѣ совершенное доказательство достохвальнаго владѣнія.

Съ

(*) Аравляне обыкновенно преданы были сему суевѣрію.

Съ сего время, научился *Усонгъ* познавать разумнѣйшихъ и искуснѣйшихъ въ дѣлахъ изъ своихъ подданныхъ: онъ совѣтовалъ обыкновенно съ начальниками каждой фамилiи, призывалъ всегда предъ себя всѣхъ тѣхъ, о коихъ достойныхъ дарованiяхъ и изрядныхъ качествахъ похвала доходила до его слуху; испытывалъ разсудительными и притомъ довольно ясными вопросами, образъ ихъ мыслей; записывалъ все, что ни слышалъ и ни познавалъ самъ собою о ихъ преимуществахъ, въ нарочно сдѣланную имъ книгу подъ заглавiемъ достоинства, поручая немедлѣнно исправленiе различныхъ должностей оказывавшимъ ему превосходнѣйшiя свои дарованiи, кои въ своемъ родѣ простирались до нѣкотораго только особливаго предмѣта исполненiя, наблюдалъ прилѣжно за ихъ поведенiемъ, и находя оныхъ потомъ достойными своея довѣренности, повѣрялъ имъ дѣла гораздо важнѣйшiя предъ прежними.

Въ судьи, выбиралъ онъ обыкновенно изъ разумнѣйшихъ гражданъ Анаскихъ; но при всемъ томъ, не оставлялъ посещать самъ всегда устроенныя собранiи правосудiя, повелѣвая въ присудствiи своемъ имъ изслѣдывать правы законовъ естественнаго и гражданскаго, располагать оныя въ ту и въ другую стороны,

и отвѣчать на случавшїеся притомъ вопросы: слушая же ихъ въ томъ разсужденїи, подтверждалъ то своимъ дружескимъ одобренїемъ, или поправлять старался случающїяся ошибки при сихъ случаяхъ, обьясняя притомъ правила, по коимъ долженствовалъ судъ различать дѣла всѣ.

Онъ учредилъ между протчимъ для себя небольшой корпусъ тѣлохранителей, которой составилъ изъ избранныхъ молодыхъ людей дворянства, поруча обучать оныхъ *Шерину*, *Ривѣ* и *Антонину*, двумъ послѣднимъ спутникамъ своимъ изъ Европы: повелѣвалъ часто самъ ими, наставляя ихъ искуснѣйшимъ образомъ въ разныхъ тѣлодвиженїяхъ собственнымъ своимъ примѣромъ; училъ ихъ равнятся въ рядахъ, ходить въ надлежащемъ порядкѣ, исправно натягивать лукъ, и наконецъ приобучать себя по нѣскольку къ употребленїю Европейскаго огнестрѣльнаго орудїя, назначалъ самъ награжденїи, раздавалъ оныя, и повышалъ въ чины тѣхъ, кои отличали себя отъ другихъ своимъ отличнымъ примѣчанїемъ и проворствомъ.

Не имѣвъ же ни малѣйшаго пристрастїя къ роскоши, не содержа большаго числа войскъ наемныхъ, и ощущая отвращенїе вовсе къ удовольствїю серраля; до-

доходы его не истощевали почти никакъ, чрезъ что освободилъ онъ себя не только совершенно отъ необходимости въ собиранiи большихъ сборовъ съ своихъ подданныхъ; но и уступилъ еще притомъ половину подати народу, которую городъ Ана платить принужденъ былъ прежде, освободя также жителей отъ всѣхъ притѣсненiй, кои во владѣнiе прежнихъ ихъ Государей, каждой, имѣвшiй нѣкоторую токмо власть, невозбранно чинить надъ ними могъ во всякое время.

Выискивая увѣчныхъ и бѣднѣйшихъ людей въ ихъ хижинахъ, доставлялъ онъ перьвымъ изъ сихъ достаточное пропитанiе чрезъ различныя легкiя и соразмѣрныя ихъ силамъ упражненiи; напротивъ того другимъ, давалъ земли и скотъ, коего надавали ему съ излишествомъ благодарные Эмиры; и какъ предѣлы владѣнiя его не весьма велики были, то сiе самое подало ему удобнѣйшiй случай узнать вскорѣ каждаго почти изъ своихъ подданныхъ, изъ коихъ добродѣтельнѣйшихъ выхвалялъ онъ обыкновенно, ободряя притомъ различными преимуществами оныхъ; порочнѣйшихъ же и ленивыхъ съ начала увѣщавая, потомъ гнѣваясь на нихъ, а наконецъ, и самое наказанiе употреблялъ не рѣдко съ таковыми.

Добро-

Добродѣтель Государя, составляетъ впротчемъ совершенное благополучїе его владѣнїя, и подданные не могутъ не любить такого Монарха, которой печется столь много о благосостоянїи ихъ, которой не возбраняетъ имѣть свободный къ себѣ доступъ каждой жалобы, во всякой нуждѣ помогая всячески, и которой ни какую заслугу и достоинство не оставляетъ безъ награжденїя. Итакъ, слава о премудромъ *Усонгѣ* восходила до небесъ изъ сердецъ народа его, и распространилась вскорѣ по всѣмъ окрѣстнымъ мѣстамъ, кои имѣли только съ жителями Аны нѣкоторыя сношенїи. Множество различныхъ небольшихъ областей, свергнувъ съ себя иго ихъ тиранновъ, предавались охотно покровительству единаго достойнаго Государя, любящаго съ молодыхъ лѣтъ своихъ престарелыхъ людей Месопотамїи. (*)

Между тѣмъ, Государство Персидское находилось тогда также въ замешенныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ. Сѣверныя онаго провинцїи управляемы были *Абюседомъ*, внукомъ *Тимура*, насильственнѣйшимъ впротчемъ Государемъ; *Шеганъ-Шахъ*, Туркоманъ будучи природою,

(*) Писатели западные полагаютъ прежнѣе правленїе *Усонга* надъ нѣкоторою токмо частїю Дїарбекира, лежащаго къ Сѣверу.

родою, имѣлъ подъ жестокимъ своимъ игомъ Адербейчанъ, Иракъ, Фарсъ и Керманъ; Мурза *Іюсуфъ* владѣлъ Ширасомъ; Багдатъ же, Басра, и многїе другїе города и области состояли во владѣнїи разныхъ не большихъ владѣтелей, пребывавшихъ безпрестанно въ войнѣ между собою, притѣсняя и раззоряя подданныхъ своихъ содержанїемъ многочисленныхъ войскъ и величайшихъ серралей, такъ, что во всей Персїи слышенъ былъ повсюду токмо стонъ и вопль, испускаемыя къ небу злощастными подданными.

Дїарбекиръ (*) повергся съ усердїемъ въ руки *Усонга*; а Багдатъ и Басра просили у него помощи, и искали щастїя имѣть его своимъ Государемъ; по чему принужденъ онъ былъ раздѣлять попеченїи и старанїи свои вдругъ на многїя части, приумножа притомъ гораздо и военную свою силу, состоящую въ наемныхъ войскахъ; но природная бодрость его духа учинила труды сїи при семъ случаѣ весьма сносными, и предмѣтъ помышленїя, о коемъ не истреблялъ онъ никогда изъ своихъ мыслей учинится нѣкогда настоящимъ дѣйствїемъ благословеннаго Провидѣнїя, умѣряли возрастающїя часъ отъ часу ему затрудненїи владыче-

(*) Читай *Бизарро* о возмущенїяхъ Персидскихъ.

дычества, премѣняя оныя въ совершенныя наконецъ утѣхи.

Повседневно почти между тѣмъ приходили изъ всѣхъ мѣстъ Персїи толпами разумнѣйшїя и искуснѣйшїя люди къ *Усонгу*, признавая его достойнымъ къ освобожденїю удрученнаго человѣчества, и убѣждая притомъ онаго всячески старатся не допускать погибать въ глазахъ своихъ почти толико тысящъ невинно страждущаго въ нищетѣ и изнеможенїи народа. Такимъ образомъ, несравненное великодушїе *Усонга* подвигнуто будучи наконецъ сожалѣнїемъ, возчувствовало сильное побужденїе къ великому и благому предпрїятїю, учинится при семъ случаѣ избавителемъ столь обширнаго Государства; но не смотря однакожъ на свою младость, предвидѣлъ онъ довольно величайшїя затрудненїи въ покоренїи тиранновъ столь сильныхъ, и ужасался, помышляя о безчисленныхъ потокахъ неоцѣненной крови, долженствовавшей пролїятся непремѣнно его побѣдами; чего ради совѣтовалъ онъ долго съ почтеннымъ *Гассаномъ* о семъ отважнѣйшемъ предпрїятїи, сообщалъ ему всѣ учиненныя со стороны подданныхъ Персїи себѣ предложенїи и убѣдительнѣйшїя прозьбы, требуя у сего набожнаго мужа мнѣнїя въ своемъ предпрїятїи къ избавленїю Государства

дарства сего от несноснаго ига и бѣдствія служащем. *Гассанъ* не предвидя в сем дѣйствіи, по истиннѣ ироическом, ни чего, кромѣ единаго благополучія многих милліонов людей: ибо восточныя народы, знал он, приобыкли считать за ничто малѣйшее преимущество нераздѣльнаго количества, когда способствуют только обстоятельства к пріобрѣтенію общаго блага; а кровь нѣскольких достойных людей, казалась ему не дорогою вовсе, учинится искупительною цѣною Персіи, не оставил ободрять *Усонга* всячески при сем случаѣ в принятіи услуги нещастных Персіян за благо.

Итак, вознамѣрился наконец правнук *Ченгисовъ* приступить к исполненію наиотважнѣйшаго своего предпріятія, подтвержденнаго совѣтом добродѣтельнѣйшаго человѣка из смертных. Он набрал у благопріятствующих ему весьма Князей Арабских многочисленной корпус конницы, состоящей из войск избраннѣйших людей и охотников, коих получил он весьма скоро: ибо каждой усердствовал чрезвычайно служить под предводительством полководца столь почтеннаго. *Джунеидъ*, изторгнувшейся из объятій прекрасной *Эметѣи*, не из послѣдних был также,

пришедшихъ къ нему на помощъ, приведши къ нему съ собою множество вооруженныхъ, и по большей части благородныхъ Аравлянъ: сосѣди его Курдистанцы прислали къ нему въ подкрѣпленіе лучшей вспомогательной корпусъ, которой былъ потомъ долго безпрестанно твердѣйшею подпорою Царей Персидскихъ. Весь Дїарбекиръ и Алгецира готовились принять оружїе за своего возлюбленнѣйшаго благодѣтеля, такъ, что *Усонгу* осталось только наконецъ выбирать изъ всего великаго сего числа храбрѣйшихъ и отважнѣйшихъ. Такимъ образомъ, собралъ онъ войско въ непродолжительное время, не столь хотя многочисленное, сколько искусное впротчемъ, сказать можно, которое обучалъ онъ самъ во всѣхъ военныхъ дѣйствїяхъ подъ предводительствомъ начальниковъ, выбранныхъ имъ еще въ Анѣ.

Перьвый изъ возчувствовавшихъ силу его оружїя, былъ *Шеганъ-Шахъ*, поколѣнїя Чорныхъ Овецъ имянуемаго. Онъ былъ уже пожилыхъ лѣтъ человѣкъ; но жестокїй, преисполненный чрезмѣрной роскоши, и преданный гнуснѣйшему пороку пьянства; Государь сей, покушался было съ начала истребить осторожнаго *Усонга* одною разсыпною своею конницею, однако смерть ускорила пресѣчь жизнь его не-

невоздержною. *Усонгъ* напалЪ на него ночью, погруженнаго вЪ пьянствѢ и внѢ состоянiя противится ему. ОнЪ зажегЪ потомЪ лагерь своихЪ непрiятелей, и нещастныя войска Туркоманна принуждены были вЪ сiю ужасную нощЪ покорится оружiю остроумнаго побѢдителя, видя себя сколько отЪ меча, столько не менѢе и отЪ жестокаго пламя со всѢхЪ сторонЪ погибающихЪ безЪ всякой пощады. СамЪ ВластелинЪ ихЪ погибЪ вЪ продолженiе сраженiя, такЪ, что ни кто не спасся почти при семЪ случаѢ изЪ непрiятельскаго войска, кромѢ малаго числа успѢвшихЪ спастись побѢгомЪ; а похищенныя коварнымЪ безчеловѢчiемЪ тирана сокровища учинились всѢ потомЪ добычею АравлянамЪ и КурдамЪ, кои ободрили себя чрезЪ то еще сильнѢе кЪ новымЪ завоеванiямЪ.

ГассанЪ-Али, сынЪ *Шегановъ*, во всемЪ впротчемЪ сходствующiй весма сЪ своимЪ родителемЪ, собравЪ потомЪ вЪ скорости всѢ свои силы, возвратился немедлѢнно сЪ преимущественнѢйшимЪ вЪ десять разЪ предЪ *Усонговымъ* войскомЪ; но казалось, что сильное Провиденiе препровождало ощутительнѢйшимЪ образомЪ Ченгида на престолЪ *Кировъ* и *Нуширвана*. ОнЪ встрѢтилЪ *Гассана-Али* уже полупобѢжденнаго такЪ сказать:

ибо *Абюседъ*, внукъ побѣдоноснаго *Тимура*, выступя въ поле, дабы атаковать его, принудилъ войски нещастнаго сего Принца оставить онаго съ малымъ числомъ людей только, по чему *Усонгу* ни малѣйшаго труда не было преодолѣть уже остатокъ сей, при которомъ случаѣ *Гассанъ-Али* убитъ былъ самъ.

Сильный *Абюседъ* приближился между тѣмъ къ Адербейчану, которому войско *Усонга* весьма слабо было покусится дать баталію; но благоразумный Князь Анаскій, знавъ довольно преимущество, кое могъ онъ безсомнѣнно имѣть отъ легкой своей Арабской конницы, раздѣлилъ оное въ разные деташементы, изъ коихъ каждой имѣлъ свое назначенное разстояніе, гдѣ долженствовалъ онъ ежедневно чинить поиски надъ непріятелемъ, и общее мѣсто всѣхъ паки соединенія. Аравляне исполняя въ точности сіе приказаніе, пресѣкли тотчасъ *Абюседу* всю комуникацію, перехватывая всѣ припасы, привозимые изъ разныхъ мѣстъ для его войска; и когда чежолая непріятельская конница начинала только показыватся, то разсѣявъ свои эскадроны, и соединясь потомъ паки въ скоромъ времяни, возобновляли всѣ единодушно свои нападеніи; а наконецъ *Усонгъ* построился со всемъ войскомъ своимъ при Карабагѣ столь выгодно,

годно, что *Абюседъ* не смѣлъ даже предпринять и напасть на него.

Но какъ между восточными войсками не находится вовсе другаго союза съ предводителемъ онаго; кромѣ единаго успѣха ихъ оружїя: ибо нещастїе лишаетъ ихъ совершенно бодрости, и разрываетъ узы взаимнаго между ими соединенїя; онѣ оставляютъ тотчасъ начальника, коего участь не довольно щастлива къ прїобрѣтенїю имъ побѣды; то и *Абюседъ* равнымъ образомъ, будучи оставленъ своими салдатами, претерпѣвавшими во всемъ великой недостатокъ, захваченъ былъ наконецъ оными, и приведенъ предъ великодушнаго *Усонга*, которой увидѣвъ внука великаго *Тимура*, встрѣтилъ побѣжденнаго своего непрїятеля слѣдующими словами: „Я сожалѣю о участи твоей по истиннѣ, хотя напалъ ты на меня и безъ всякой впротчемъ причины; однако изъ человѣколюбїя моего, позволяю я тебѣ жить со мною, дабы научить тебя знать покорятся твоему жребїю.„ Но великодушное намѣренїе побѣдителя не достигло желаемаго въ томъ предмѣта; нѣкоторые изъ Персїянъ, кои не могли забыть жесточайшихъ насилїй, чинимыхъ *Абюседомъ* противъ нихъ прежде, употребивъ случившееся нѣкогда отсудствїе *Усонга* въ

въ свою пользу, умертвили его жестокимъ образомъ. (*)

Усонгъ видя такимъ образомъ во всемъ успѣхъ своего предпріятія, не оставилъ гнать остатки поколѣнія Черныхъ Овецъ, и завладѣлъ безъ потерянія почти единой души Фарсомъ у повелѣвавшихъ онымъ. Кгорассанъ, управляемый разными Владѣльцами изъ рода *Тимурова*, и изнеможенный уже междоусобными войнами, при приближеніи арміи *Усонговой* тотчасъ покорился непобѣдимому его оружію, лишившись своихъ предводителей, кои ушли всѣ къ Усбекамъ; а *Бадицциманъ* предался самъ побѣдителю, учинившемуся славнымъ повсюду своимъ несравненнымъ великодушіемъ, которой отведенъ былъ въ Таврисъ, гдѣ *Усонгъ* содержалъ его приличнымъ образомъ его званію. Мурза же *Іюсуфъ*, правительствовавшей въ Ширасѣ, былъ весьма легкою жертвою побѣдоносному оружію Анасскаго Князя.

Хотя для Европейцовъ впрочемъ и невозможною казалась почти вовсе скорость, съ которою въ восточныхъ странахъ происходили завоеваніи цѣлыхъ Госу-

(*) Напротивъ того западные Гисторики утверждаютъ, что онъ осужденъ былъ на смерть якобы нарочнымъ, учрежденнымъ къ тому самимъ *Усонгомъ*, военнымъ совѣтомъ.

сударствѣ; но въ Персїи не находилось никакихъ укрѣпленїй и защитъ, могущихъ препятствовать сильно непрїятелю; а сверьхъ того и ожесточенныя сердца народовъ противъ жестокаго правленїя бывшихъ ихъ Государей, спѣшили другъ предъ другомъ предавать себя въ руки возлюбленнаго всѣми *Усонга* (*). Множество малыхъ Владѣтелей были низвержены самыми ихъ подданными, и сїе обширное Государство завоевано было подлинно безъ потери побѣдителю почти единаго изъ его друзей.

Будучи въ Касвинѣ, созвалъ онъ тотчасъ всѣхъ знатнѣйшихъ изъ Персовъ, престарелыхъ людей въ народѣ, начальниковъ фамилїй и разумнѣйшихъ мужей въ Государствѣ, кои въ непродолжительномъ времяни собрались вкупѣ на нѣкоемъ пространномъ ровномъ мѣстѣ, гдѣ безчисленное множество лошадей оныхъ занимали всю обширность поля сего; а войски, побѣдившїя толико непрїятелей подъ предводительствомъ *Усонга*, окружали между тѣмъ ихъ начальника съ наи-

(*) Поспѣшность сего завоеванїя Персїи, происходившая не болѣе какъ въ теченїе двухъ-лѣтняго время, утверждается и всѣми западными Гисториками купно, кои различествуютъ только тѣмъ отъ восточныхъ, что полагаютъ оное пятью годами послѣ, нежели подлинно происходило сїе.

торжественнѣйшимъ великолѣпїемъ: онѣ имѣли многочисленныя знамена, отнятыя у непрїятелей, военныя украшенїя Князей побѣжденныхъ, и протчїе знаки величества полководцовъ *Тимуровыхъ*, безпрестанныя восклицанїи коихъ предвозвѣщали единогласно сему собранїю высокопочитанїе, коимъ преисполнены онѣ были къ ихъ премудрому, великодушному и храброму предводителю, которой посреди всѣхъ опасностей столь величайшей войны, открылъ имъ путь безъ всякой почти потери къ совершенной побѣдѣ.

Показавшійся тогда напротивъ того *Усонгъ*, изображалъ себя въ видѣ настоящаго воина, придававшаго особѣ его и безъ того уже предварительной новой блѣскъ наичрезвычайнѣйшимъ образомъ. „Почтенные Персы, говорилъ онъ, вы нарочно собраны сюда нынѣ съ тѣмъ, чтобъ единодушно назначить Государя Имперїи вашей, которая раздѣлена была, какъ не безъизвѣстно вамъ, на двадцать различныхъ Княжествъ, и что варвары попирали недостойными своими ногами самое древнѣйшее и сильнѣйшее Государство свѣта, котораго раздѣленныя части раззорены нынѣ вконецъ почти неистовыми поступками Владѣтелей оныхъ, друзья мои. Итакъ, избирайте теперь самопроизвольно достойнаго ему начальника,

ника, могущаго свободно доставить оному прежнюю его славу." Да здравствует *Усонг* Пади-Шах (*), вскричали все единогласно, присудствовавшія тогда там, столь же победоносный как *Кир*, и не менее премудрый как *Нуширван*; и да продлится царствованіе Его столь же долго, как и *Салора* (**). Таковой был глас слышан от одного края безчисленнаго собранія народа до другаго, и ни единаго не доставало Персіянина, которой бы отрекся тогда не присовокупить гласа своего к сему всеобщему восклицанію.

„Ваша доверенность, отвечал *Усонг* с чрезмерно тронутым видом подвергавшемуся ему тогда добровольно народу, почтенные Персы, весьма велика при сем случае; но в силах ли полно будет соответствовать *Усонг* желаніям сим, хотя весь предмет его

(*) Сіе наимянованіе составляло древній титул Царей Парфянских, которой изображен на двух медалях втораго столетія *Вологеса IIго*. (читай о том *Свентона филилла* части под литерами L, P и I.) Турецкій Султан приемлет оной обыкновенно за Императорской, испорченной впротчем у Европейцов чрез сіе слово Пади-Шаха; но Владетели Персидскіе, поколенія *Алидов*, употребляли его безпрестанно.

(**) Время владенію Государя сего полагается до семидесяти лет.

жизни состоитЪ токмо вЪ томЪ единственно, чтобЪ пещись усерднѣйшимЪ образомЪ о безпрестанномЪ вашемЪ благополучїи. »

ИтакЪ, посреди всеобщаго сего крика, преисполненнаго знаками искреннѣйшей радости, *Усонгъ* вступилЪ наконецЪ на престолЪ *Кировъ*, опоясавшись притомЪ славнымЪ мечемЪ Ироя *Рустана* (*), почитавшимся священнымЪ орудїемЪ, и хранившимся сЪ достодолжною честїю почтенїя кЪ оному. ОнЪ раздѣлилЪ потомЪ все, что ни имѣлЪ только у себя, друзьямЪ своимЪ АравлянамЪ, КурдамЪ и новымЪ своимЪ подданнымЪ ПерсїянамЪ, считая себя довольно богатымЪ надеждою, остававшеюся при немЪ навсегда. Эмиры возвратились послѣ славнаго сего произшествїя удовольствованными, и притомЪ щедро награжденными за свои услуги, вЪ свои жилища; одинЪ *Джунеидъ* токмо, у коего между тѣмЪ родился сынЪ, не могЪ вознамѣрится разстатся скоро сЪ достойнымЪ своимЪ другомЪ *Усонгомъ*.

(*) Одного изЪ древнѣйшихЪ ИроевЪ прежнихЪ ПерсовЪ, коего память изображена вЪ различныхЪ монументахЪ, вылитыхЪ изЪ мѣди, величины чрезвычайнѣйшей.

УСОНГЪ.

КНИГА II.я

Перьвые дни царствованія новаго Императора, не были однакожъ освобождены отъ сильнаго безпокойствія. *Усонгъ*, вступя на престолъ Персидскій съ льстящею обыкновенно легкомысленной юности надеждою, не оставилъ между тѣмъ чувствовать неизмѣримую тяжесть условія, коимъ подвергъ онъ себя пещись безпрестанно о благополучіи новыхъ своихъ подданныхъ. Будучи чужестранцомъ, безъ всѣхъ законныхъ правъ крови, и вовсе неизвѣстнымъ еще почти Персіянамъ, принялъ онъ правленіе на себя неизмѣримаго въ пространствѣ Государства, терзаемаго нѣсколько вѣковъ уже назадъ тому внутренними различными неустройствами, въ которомъ не было ни законовъ, ни обрядовъ, ни учрежденія; и кое, пребывая всегда злополучнымъ подъ властію слабыхъ Государей, потеряло всю привязанность наконецъ къ онымъ; гдѣ войски, доходы, правосудіе и обычаи находились въ величайшемъ безпорядкѣ, и гдѣ все сіе долженствовало быть приведено въ надлежащій порядокъ, и притомъ еще вдругъ непремѣнно.

По среди всѣхъ сихъ ужаснѣйшихъ забошъ, воспоминовенїе о прекрасной *Лїосуи* воспламенилось вновь въ *Усонговомъ* нѣжномъ сердцѣ. „Предчувствованїе премудраго *Ливанга* свершилось уже нынѣ, говорилъ онъ вѣрному своему *Шерину*, ступай, отнеси дары сїи и письмо имянитому Цонгтѣ Шензїенскому и добродѣтельной его дщери.„ Снабдя же наперсника своего при отправленїи въ назначенной путь множествомъ различнаго рода рѣдкостей, привезенныхъ имъ еще изъ Европы, присовокупя къ тому не малое количество и драгоцѣннѣйшихъ вещей Персидскихъ, отпустилъ онъ его наконецъ отъ себя.

Въ тожъ самое время, не преминулъ Императоръ также писать и къ премудрѣйшимъ правителямъ Венецїянской республики, къ коимъ отправилъ онъ *Риву*, для совершенїя чрезъ то важнаго впредь сооружаемаго въ мысляхъ его предпрїятїя, снабденнаго притомъ великолѣпнѣйшими подарками.

По окончанїи всего того, первѣйшїй предмѣтъ намѣренїя его состоялъ въ томъ единственно, чтобъ изъискивая средства, служащїя къ исправленїю горестнаго состоянїя Персїи, возстановить наконецъ упадшее сїе Государство. Онъ собиралъ все въ памяти своей при семъ слу-

случаѣ, чему ни учили его только древніе мудрецы Китайскіе, и что кромѣ того зналъ онъ изъ опытовъ искуснаго *Ливанга*, сравнивая все оное съ тѣмъ, что происходило въ собственныхъ его глазахъ у разумнѣйшихъ правителей Венеціянской республики и добродѣтельнаго *Морада*; а природное его проницаніе провождало онаго въ настоящей лабиринтѣ сей, изъ коего нѣсколько пожилыхъ Персовъ, достоинства которыхъ узнать удалось ему вскорѣ, помогли ему наконецъ найти нитку, способствующею къ избавленію его отъ совершеннаго въономъ заблужденія.

Занятъ будучи такимъ образомъ безпрестанно о томъ мыслями, составилъ онъ съ самаго начала произведенія предпріятія своего въ дѣйство надлежащій чертежъ собственной своей жизни: онъ началъ пробужатся отъ сна съ восхожденіемъ солнца, приказывалъ тотчасъ отпирать всѣ двери царскихъ чертогъ своихъ, куда Персы должны были обыкновенно входить къ нему предписаннымъ изъ нихъ каждому особливымъ порядкомъ; тѣ, кои просить имѣли нѣчто, могли имѣть щастіе отдавать сами Государю прошеніи свои, и получать притомъ рѣшеніе на оныя въ теченіи весьма кратчайшаго времяни. Исполненіе правосудія

въ законныхъ дѣлахъ, было предлагаемо и разрѣшаемо въ его присудствїи. По выслушанїи всѣхъ частныхъ дѣлъ, упражнялся *Усонгъ* обыкновенно съ министрами своими въ дѣлахъ до Государства касающихся, кои по раздѣленїю, учиненному имъ, раздѣлены были на назначенные дни: около вечера ѣзжалъ онъ всегда верьхомъ, показываясь своему народу, и освѣдомляясь притомъ о всѣхъ обстоятельствахъ гражданскаго порядка и правосудїя; а повѣренныя его, смѣняющїяся впротчемъ ежедневно между собою, принуждены бывали оставатся при немъ до самой нощи, дабы увѣдомлять его о всемъ, что ни происходило токмо важнаго въ Государствѣ, а паче его столицѣ. Онъ отвергалъ удовольствїе не только отъ различныхъ охотъ, игоръ и великихъ торжествъ; но даже и отъ самой музыки: „Часы Государскаго времяни, говаривалъ обыкновенно *Усонгъ*, принадлежатъ только народу и Государству его." Въ однихъ дружелюбныхъ обращенїяхъ и чтенїи гисторїи, искалъ онъ совершеннаго себѣ удовольствїя, коимъ обыкновенно посвящалъ только время послѣ полудня, когда зной солнечный не позволялъ ему занимашся ни какою работою.

Какъ

Какъ Персія, которою *Усонгъ* управлять готовился нынѣ, несравненно распространена была болѣе, нежели городъ Ана, то не могъ онъ вовсе ласкать себя надеждою въ обозрѣніи очевидно самимъ собою дѣлъ нижнихъ судовъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ Государства, по чему принужденъ былъ наконецъ возъимѣть прибѣжище въ изъискиваніи вѣрныхъ и добродѣтельныхъ рабовъ, зрѣніемъ бы коихъ могъ онъ свободно проницать самъ, и прекращать зло, вкоренившееся глубоко слабостію и нерадѣніемъ прежнихъ Государей; чего ради разослалъ онъ въ каждую провинцію по уполномоченному отъ себя посланнику (*), называя ихъ симъ имянемъ, коихъ употреблялъ онъ по большей части изъ тѣхъ, которыхъ постоянство и справедливость испыталъ еще будучи въ Месопотаміи. Главная ихъ должность, препорученная имъ отъ Императора, состояла въ томъ, чтобъ они принимали присягу въ вѣрности къ Государю отъ народа, и объявили оному, что до перьваго Наура (**) учреждены быть имѣютъ генеральные списки установлен-

(*) *Шарденъ* приписываетъ имъ титулъ надсмотрщиковъ, которое званіе называлось *Миссидоминики*, то есть, разсыльные бояра въ родѣ *Карловинговъ*.

(**) Науръ значитъ празднество новаго года.

вленной во всемъ цѣны, кое правосудіе престола и необходимости Государства требовали непремѣнно; касательножъ до подати, то ожидалъ онъ отъ каждаго Персїянина оной по собственному его въ томъ благоразсужденїю, соображая ее съ своимъ состоянїемъ, и предоставляя притомъ всегда преимущество собственной необходимости домашней.

Вся Персїя, будучи весьма тронута симъ рѣдкимъ великодушїемъ новаго своего Монарха, исполнила тотчасъ все, касающееся до сего повелѣнїе, такъ что сборъ подати народной превышалъ гораздо того, чтобъ Усонгъ потребовалъ, естьлибъ онъ самъ вздумалъ предписать оную.

Сверьхъ того, приказано было также вышеупомянутымъ посланникамъ узнавать обстоятельно каждому изъ нихъ въ своей провинцїи о людяхъ разумнѣйшихъ, ко всему способнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ, испытывать ихъ дарованїи, разсматривать пристально ихъ состоянїе, и употреблять потомъ изъ оныхъ объ достойнѣйшихъ старанїе, представляя ихъ къ различнымъ званїямъ въ исправленїи Государственныхъ дѣлъ и въ самые судїи даже, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ выборъ таковаго подтвержденъ былъ не менѣе трехъ извѣстныхъ об-

ществу

ществу того мѣста человѣкъ, съ прописанїемъ притомъ достаточнѣйшихъ доказательствъ въ способности каждаго изъ сихъ удостоеннаго, которое избранїе долженствовали хранить во всякой готовности къ проѣзду Государя ихъ чрезъ каждую провинцїю, и назначенные оными должны были ему непремѣнно представлены быть.

Онъ не оставилъ также увѣдомить притомъ посланниковъ сихъ, что никому не проститъ онъ того, которой бы покусился обмануть его въ чемъ либо, и увѣрилъ наконецъ въ томъ всѣхъ, что тотъ лишится имѣетъ совершенно его милости, которой представитъ ему человѣка порочнаго или неспособнаго въ кандидаты; а особливо, когда еще узнаетъ онъ, что оной допустилъ себя уловить какимъ ни есть къ тому лихоимствомъ.

Итакъ, до наступленїя того Наура за нѣсколько мѣсяцовъ, предпринялъ Императоръ свое путешествїе по всему Государству: онъ объѣхалъ всѣ пятнадцать провинцїи обширной Персїи, остонавливаясь на нѣсколько токмо дней въ главныхъ городахъ каждой изъ оныхъ. Во время пребыванїя своего тамъ, принималъ онъ отъ всѣхъ жалобы и прозьбы, заставлялъ предлагать себѣ нужды и недостатки каждаго уѣзда, и старался

испытывать самъ назначенныхъ ему къ различнымъ званіямъ людей на искушеніе, изъ коихъ назначалъ онъ наконецъ на одинъ токмо годъ тѣхъ, кои въ речахъ и отвѣтахъ своихъ доказывали ему болѣе протчихъ разума и живѣйшихъ чувствій къ добродѣтели. Всѣхъ же изслѣдованныхъ такимъ образомъ, вносимы были имяна потомъ въ книгу достойныхъ, и ежегодно посланники сіи обязаны были представлять Государю, какія отмѣнныя заслуги и недостатки примѣчали они изъ нихъ въ каждомъ, и кѣми имянно находили они за способное приращать число то.

Въ продолженіе проѣзда *Усонгова* чрезъ Государство его, нашолъ онъ между тѣмъ большую часть городовъ разоренными, множество селеніевъ оставленныхъ жителями, и запущенными вовсе разныя водяныя теченіи (*), яко вещи въ сожитіи людей необходимѣйшей, безъ помощи коей вся Персія была бы совершенною пустынѣю: „Вотъ какія плоды, говорилъ онъ вздыхая *Джунеиду*, неспособныхъ Государей, кои не любятъ своихъ подданныхъ.„ Чего ради, приказалъ онъ

(*) Сіе самое наблюдаемо было весьма нѣкоторымъ разумнымъ везыремъ въ продолженіе седмагонадесять столѣтія, которой недостатокъ сей почиталъ общею всѣхъ людей погибелїю.

онѣ немедлѣнно вычистить и исправить всѣ протоки и каналы, и назначилѣ великія тѣмѣ награжденіи, кои откроютѣ впредѣ какіе либо источники вновь, или засорившимися; закупалѣ у сосѣдей своихѣ Курдовѣ вѣ не маломѣ количествѣ лучшей скотѣ, и раздѣлялѣ оной по неимущимѣ своимѣ подданнымѣ безѣ всякой отѣ того прибыли, такѣ, чтобѣ онѣ не прежде, какѣ по прошествіи трехѣ лѣтѣ начинали оплачивать казнѣ оной, и вѣ продолженіе другихѣ трехѣ лѣтѣ старались бы совершенно избавить себя отѣ сего казеннаго долга; приказывалѣ соединять рѣки, имѣвшія теченіе свое внѣ Государства, различными каналами и дѣлать исправныя слюзы для орошенія сухихѣ долинѣ и возвышенныхѣ плоскихѣ мѣстѣ; учредилѣ отличныя награжденіи вѣ разсужденіи старанія о насажденіи древесѣ плодоносныхѣ, а особливо для заведенія шолковыхѣ червячковѣ такѣ называемаго дерева шелковицы, вѣ пользу тѣхѣ, кои учинятѣ то преимущественнѣе предѣ протчими, сѣ удостовѣрительнымѣ притомѣ обѣщаніемѣ, отдать тому половину цѣны со всего того вѣ перьвой годѣ, а другую замѣнять вѣ казну за то число, которое оставатся будетѣ у него вѣ остаткѣ по прошествіи трехѣ лѣтѣ.

Для поправленія раззоренныхъ и обветшалыхъ зданіи повелѣлъ онъ требовать у гражданъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оныя находились, сверьхъ обыкновенной подати соразмѣрной каждому помощи; а въ разсужденіи запущенія въ поправкѣ полевыхъ дорогъ и мостовъ, хотя и изъ давныхъ времянъ происходило то впротчемъ, объявилъ свое намѣреніе привести всѣ оныя въ лучшее состояніе въ неукоснительномъ времяни, къ произведенію чего въ дѣйство, казна обязывалась снабдить двумя частями, Государство же должно было принимать на себя третію, за работу оныхъ. За всемъ тѣмъ, обѣщалъ онъ чаще посещать присудствіемъ своимъ каждую провинцію своего владѣнія: „Тотъ будетъ истинной другъ мой, говорилъ *Усонгъ*, которой обработывать не отречется лучше свою землю, и которой доставлять будетъ Государству болѣе дѣтей, воспитанныхъ надлежащимъ образомъ.„

Повсюду собиралъ онъ художниковъ и торговыхъ людей, ободрялъ ихъ всячески, и заставлялъ ихъ открывать себѣ, что искуство и естество производили въ каждомъ мѣстѣ, и что тотъ и другой въ силахъ были болѣе производить въ дѣйство къ пользѣ всего общества; а особливо, что положеніе и преимущество

каждой страны могли обѣщать свободнѣе и дешевлѣе съ преподаванïемъ притомъ средствъ въ исправленïи и приращенïи сихъ плодовъ труда и безцѣнныхъ даровъ попечительнаго Провидѣнïя: всѣ сïи наставленïи бывали подробно описываны, и съ умолчанïемъ о имянахъ, преподававшихъ оныя, отдаваны были другимъ разумнѣйшимъ изслѣдователямъ для точнаго каждому изъ нихъ расмотрѣнïя. „Персïя, говорилъ благоразумный *Усонгъ*, хотя и довольно бѣдна сама собою, но имѣетъ притомъ изобильнѣйшïе источники богатствъ.„

Государственные сборы, казались ему быть важнѣйшимъ предмѣтомъ предъ всемъ его безпрестанномъ вниманïи: онъ вспомнивъ о откупахъ, бывшихъ въ сильномъ употребленïи у Оттоманъ, такъ какъ и о учрежденïи оныхъ, кои видалъ онъ въ настоящемъ дѣйствïи въ Китаѣ, нашолъ скоро нѣкоторыхъ и изъ своихъ министровъ, кои совѣтовали ему о установленïи того въ Персïи: „Малое Государство, говорили они, можетъ само собою управлять своими доходами, разсматривать щоты и охранять себя отъ коварства обманщиковъ; но въ Имперïи, столь пространнѣйшей какова Персïя, наиприлѣжнѣйшïй присмотръ Государя не довольно силенъ возпрепятствовать,

чтобъ злато не прилѣплялось въ большомъ количествѣ къ рукамъ алчныхъ сборщиковъ; и естьлибъ корыстолюбїе не поощряло проворства сихъ повѣренныхъ исполнять съ раченїемъ ихъ должность, то нечувствительная оныхъ лѣность лишала бы Государя половины почти его ежегодныхъ доходовъ. Помощїю откуповъ, продолжали говорить они, Императоръ могъ вдругъ обозрѣвать безцѣнную жатву всего своего обширнѣйшаго Государства, и предварять всякїя жалобы своихъ подданныхъ, отдавая откупы сїи на кратчайшїй срокъ токмо, и наказывая каждое притѣсненїе, чинимое народу откупщиками, отрѣшенїемъ таковыхъ вовсе отъ сей должности.„

Усонгъ научась впротчемъ тому довольно въ Китаѣ, что Государь долженъ быть совершеннымъ отцемъ народа своего, чувствовалъ въ сердцѣ своемъ подлинно съ сильнѣйшимъ движенїемъ важность сего званїя. „Никогда, говорилъ онъ подданнымъ своимъ, не выпущу я изъ рукъ моихъ сего величайшаго преимущества въ содѣланїи добра мнѣ порабощенному народу. Естьли саранча *) опу-

(*) Въ Персїи былъ древнїй обычай, употребляемый еще и въ прошедшемъ столѣтїи, что по воспослѣдованїи подобнаго нещастїя, жители страны той, гдѣ оное случалось, собирались

опустошаетъ поля, то должны ли подданныя платить ту же самую подать, какая собиралась до того съ нихъ? буде зараза истребляетъ весь нужной скотъ у земледѣльца, то можетъ ли давать онъ оброкъ съ земли своей, когда онъ не въ силахъ ни обработывать оной, ниже собирать съ нѣе что? Но откупщикъ удвоиваетъ тогда всѣ поборы, полагаетъ на все всевозможную неизвѣстность, и на каждой убытокъ свой, сколь бы малъ онъ ни былъ, дѣлаетъ вычетъ изъ всей суммы, которую платить онъ долженъ Государю его за откупъ, чрезъ что случается обыкновенно, что Государь поноситъ великой ущербъ, и теряетъ всю прибыль, происходящую отъ откуповъ; а у народа выманиваетъ таковой откупщикъ чрезъ тысящу различныхъ ухищренїй столько, сколько можетъ онъ при чрезвычайнѣйшей роскоши своей жертвовать тѣмъ различнымъ своимъ страстямъ, что бы служить могло безъ сомнѣнїя къ содержанїю земледѣльца и всей его семьй.„ Ибо *Усонгъ* взиралъ съ величайшимъ соболѣзнованїемъ будучи у

тотчасъ ко двору, и представляли Государю о неурожаѣ, или о опустошенїи саранчею полей своихъ, по чему получали всегда предъ прочими себѣ облегченїе какъ въ подати, такъ и другихъ собираемыхъ съ нихъ поборовъ.

Турокъ на ужасное беззаконіе таковыхъ грабителей, и сильную отъ оныхъ нищету всѣхъ подданныхъ, не смотря на то, что во владѣніе разумнѣйшаго и лучшаго Государя тамъ происходило сіе.

Чего ради, вознамѣрился Императоръ послѣдовать при семъ случаѣ точно учрежденію, происходящему въ Китаѣ и Индостанѣ, собирая съ земли самъ весь Государственный доходъ свой (*): понеже со времянъ царствованія премудраго *Нушурвана* приемлемъ былъ въ большей части провинціяхъ Персіи обычай дѣлать нарочныя описи всѣмъ границамъ сей великой Имперіи съ подробнымъ притомъ изъ-

(*) Хотя и считалъ было я, увѣдомляя о семъ, сходно съ господиномъ *Пуавромъ* въ изданной имъ книгѣ подъ названіемъ Философическаго Путешествователя, что въ Китаѣ неизвѣстны были другіе поборы, кромѣ поземельной подати; но г: П: *Наваретто*, жившій долгое время въ Китаѣ, и знавшій довольно языкъ земли той, увѣрилъ меня нынѣ совсемъ тому въ противномъ: то есть, что въ Китаѣ сбираются поголовныя деньги, платится пошлина и другіе прочіе чинятся сборы. Въ Индостанѣжъ напротивъ того, подлинно производится одна только поземельная плата, которая однако во владѣніе нынѣшнихъ чужестранныхъ и жестокихъ Государей страны той, возвысилась до седьмой доли даже со всѣхъ земляныхъ плодовъ, и при всемъ томъ не достигла еще настоящей степени своего предѣла, по чему оная подражается и во многихъ провинціяхъ Франціи нынѣ.

изъясненіемъ ихъ пространства, полагая тутъ же и чрезвычайныя обширности водъ, кои по мѣрѣ каждаго поля раздѣлены бывали въ точности. *Усонгъ* зналъ сверьхъ того довольно, что въ Индостанѣ древніе Цари, кои по причинѣ великихъ своихъ благодѣяній къ подданнымъ обожаемы будучи, собирали обыкновенно трехъ десятую долю отъ жатвы на свою часть, и при отдачѣ подати сей, народъ считалъ еще притомъ времяна сіи настоящимъ златымъ вѣкомъ. „Вся Персія вообще, говорилъ онъ, не имѣетъ столько, сколько сіи поля плодоносныя, гдѣ пшено ростетъ въ таковомъ изобиліи на берегахъ Ганга и Каверы (*): и по тому то самому бѣднѣйшій народъ имѣетъ необходимо нужду въ помощи и попеченіи объ ономъ, такъ какъ и всѣ недостатки Государства равнымъ образомъ не требуютъ ни мало отягчены быть несносными налогами.„ Въ разсужденіи чего, положилъ онъ на каждую пашню плодородной земли годовой пошлины половину унціи (**) чистаго серебра, которая не составляла и двенадцатой

(*) Рѣка, имѣющая теченіе свое въ Короманделѣ, и орошающая водою своею поля покрытыя пшеницею.

(**) Каждая унція составляетъ два лота вѣсу.

доли даже отъ всего количества собираемой жатвы. За всемъ тѣмъ, оставалось еще весьма много земли излишной, которая моглабъ быть отдаваема на откупъ, составя тѣмъ не малый доходъ всему Государству, и отъ коей опредѣлить бы можно было достаточное содержанїе общественнымъ расходамъ, или наконецъ то служить имѣло знатнѣйшею помощїю неимущимъ ничего людямъ.

„Сборъ Государственныхъ доходовъ, говорилъ *Усонгъ* въ своемъ совѣтѣ, долженъ устроенъ быть столь простъ, чтобъ каждымъ правительствомъ города могъ оный безъ нужды производимъ быть; какъ же скоро составленъ и запутанъ онъ такъ, какъ въ Европѣ, то требуетъ оный множество нарочно употребленныхъ къ тому отъ правительства людей или приставовъ, кои суть ни что иное, какъ сущая толпа хищныхъ птицъ, раздирающихъ безпрестанно сердца народныя, и коихъ при всемъ томъ Государь обязанъ кормить и содержать еще достойнымъ образомъ; но въ Персїи каждый пахарь долженъ былъ платить оброкъ свой серебромъ, по размѣру своего имѣнїя, правительству близь лежащаго города, а оное отдавало потомъ провинцїяльному своему казначею, чрезъ что всѣ доходы доходили до Государственной казнахранитель-

тельницы безъ всякаго ущерба и во всякой цѣлости какъ для Государя, такъ и всего народа; и какъ накладка сія назначалась обыкновенно въ одной пропорціи по размѣру земли, то не могло ни мало произойти въ томъ каковаго либо замешательства, а къ томужъ и выдача была безъ всякаго затрудненія. Сія умѣренная подать не въ силахъ обнищать вовсе Персіи, и Государь не оставитъ также обогатится притомъ надлежащимъ образомъ. (*)"

"Итакъ, случится ли пагубная бѣда какая гдѣ? низпошлетъ ли разгнѣванное Божество непріятеля, которой бы поплѣнилъ всѣ земли, или откажутъ ли небесныя свѣтила въ дожжѣ и теплотѣ плодородной землѣ? то ничего не было легче для Государя, какъ быть увѣдомлену чрезъ сихъ своихъ вѣрныхъ посланниковъ о жалобахъ народа его, дабы измѣрять въ томъ степень величества ихъ нещастія, и предъуспѣвать старатся погибѣль оныхъ родительскимъ своимъ милосердіемъ."

"Но

(*) По самому умѣренному изчисленію, Персія можетъ собирать вышеупомянутымъ образомъ вдругъ годоваго доходу до 1,500,000 марковъ серебра, полагая каждой изъ оныхъ по полуфунту ровно.

„Но при сей самой подати не должно быть уже никакой другой болѣе (*). Трудолюбїе художника, хотя и могло бы безъ сомнѣнїя удѣлить нѣсколько Государству отъ прїобрѣтенной имъ прибыли, и великїй промыселъ имѣющїй богачь помочь бы могъ нѣкоторою частью отъ своего прибытка необходимости, въ ономъ не рѣдко случающейся; но цѣна приобрѣтенной отъ того прибыли учинилась бы весьма затрудительною, и справедливость вовсе невозможною почти: ибо художникъ сталъ бы опасатся приумножать старанїе и искуство въ трудахъ своихъ, потому что долженъ бы онъ былъ раздѣлять уже съ Государемъ плоды приращенїя своей работы. Словомъ, нѣтъ ничего несноснѣе накладки въ Государствѣ, которая не имѣетъ положеннаго соразмѣра совершенно, и которая ненависть можетъ увеличить столько, сколько похлебство облегчитъ оную.„

„Самый земледѣлецъ даже не долженъ быть ни мало подверженъ возвышенїю по-

(*) Въ таковой странѣ, доходы коей состоятъ повсюду только въ однихъ земныхъ плодахъ, можетъ конечно одна вышеупомянутая подать достаточною быть Государству: но въ Голландїи, гдѣ различныя манифактуры равную же почти часть доходовъ сей подати составить безъ нужды могутъ, одни поземельные сборы не довольно уже велики будутъ.

подати при приращенїи своей жатвы; ибо прибыль сїя должна непремѣнно принадлежать одному ему собственно, и умножать все его наслѣдство, такъ какъ нерадѣнїе лѣниваго напротивъ того слѣдуетъ быть наказываемо чрезъ то, что оной за безплодїе его земли, по причинѣ собственной своей неосторожности, принужденъ будетъ толико же платить въ казну, сколько и перьвой, у котораго сильной урожай на оной сдѣлалъ его богатымъ. „

Чего ради, одинъ токмо налогъ прибавилъ *Усонгъ* въ Государствѣ къ сбираемому съ земли, то есть пошлину съ ввозимыхъ товаровъ въ Имперїю; но и та была весьма умѣренная: ибо намѣренїе его ни чудь не въ собиранїи сокровищъ отъ торговли состояло, а дабы знать только чрезъ то извѣстное количество входящихъ и исходящихъ товаровъ во всемъ Государствѣ: симъ самымъ средствомъ открылъ онъ глубину ранъ, отъ коихъ Персїя теряла, такъ сказать, свои жизненные соки, и сталъ предъуготовленъ наконецъ въ старанїи залѣчать оныя всячески, узнавъ во перьвыхъ, какихъ родовъ товары вступали въ Государство, и изъ коихъ какїя могли быть полезными, и какїя имянно замѣнены собственными продуктами: понеже съ не малымъ из-

избыткомъ одаренъ онъ былъ дальновидностїю, чтобъ не ощущать необходимости въ содержанїи равновѣсїя въ торговлѣ; потому что никакое Государство не могло величатся какимъ либо благополучїемъ, когда то, что приходитъ ежегодно отъ чужестранныхъ торговлѣю, превосходитъ въ цѣнѣ того, что отсылаетъ само оно. Почему сей былъ начальнѣйшїй предмѣтъ Императора въ разсужденїи коммерцїи и доходовъ Государственныхъ, другой же, послѣдующїй ему, и весьма близко подходящїй къ оному, состоялъ въ томъ, что касалось до правосудїя и гражданскаго порядка.

Впротчемъ, видѣлъ онъ также довольно ясно во всѣхъ законоположенїяхъ Венецїянской республики, что равновѣсїе между состоянїемъ гражданскимъ и военнымъ зависело токмо отъ одного изъ перьвѣйшихъ попеченїй премудраго Государя. Сїя республика, бывшая впротчемъ безпрестанно почти въ войнѣ, не терпѣла между тѣмъ никогда ничего со стороны войска; что напротивъ того въ Римѣ обыкновенно престолъ поколебаемъ бывалъ либо Преторїянскою гвардїею, или протчими легїонами, и что самая Карѳагена, по окончанїи перьвой Пунической войны въ Сицилїи претерпѣла гораздо болѣе опасности со стороны

соб-

собственныхъ своихъ войскъ, нежели отъ побѣдоносныхъ своихъ непріятелей Римлянъ.

Венеціянская республика, хотя и опредѣляла всегда изъ чужестранныхъ людей полководцами надъ своими войсками, кои не имѣли ни зависимости, ни соединенія каковаго въ странѣ оной вовсе; но они принимаемы бывали обыкновенно на одно только назначенное время, будучи столь хорошо награждаемы за услуги свои, столь и наказываемы строго притомъ за вины и оплошности ихъ. Чтожъ касалось до правленія, учрежденія дѣлъ въ Государствѣ, правосудія, гражданскаго порядка, доходовъ и разныхъ должностей въ гражданскомъ обществѣ, то ни что изъ сихъ не зависело никогда отъ воинскаго званія; чрезъ то самое весь народъ оставался вовсе ни отъ кого независимымъ, и довольное равновѣсіе пребывало всегда тамъ противъ всякаго тщеславія и насилія войнской силы.

Напротивъ того въ Римѣ, сила военная ограждена была всегда полною властію; когда сенатъ тамъ помышлялъ случалось иногда о вольности, то мечь Преторіянской гвардіи угнѣталъ тотчасъ первое стремленіе дѣйствія оной: немного потребно было вооруженныхъ людей для низверженія съ престола

великo-

великодушнаго *Гальбы*, и возведенія на оной товарища распутства ненавидимаго всѣми *Вителла*(*). Сенатъ и народъ были обезоружены, а потому самому и безсильны чинить имъ въ томъ какое либо сопротивленіе. Многочисленная гвардія въ укрѣпленномъ весьма лагерѣ, служила настоящимъ игомъ страшной столицѣ свѣта, коего свергнуть съ себя ни мало не въ силахъ была она.

Благоразумный *Усонгъ* считалъ также не мало и то погрѣшностію, которая, думалъ онъ, со времянемъ разрушить имѣла въ конецъ Государство Оттоманское, потому что губернаторы различныхъ провинцій тамъ, были въ одно время и самыми полководцами, предводительствовавшими многочисленнѣйшими войсками. „Тамъ не находится вовсе никаковаго равновѣсія, говорилъ сей великій Монархъ, и народъ принужденъ безпрестанно томится подъ игомъ совершеннаго рабства; тамъ нѣтъ ниже двухъ разныхъ корпусовъ даже, коибъ пеклись сколько нибудь о взаимной пользѣ, и моглибъ быть соблюдены въ предѣлахъ повиновенія верьховнѣйшей власти. Необу-

(*) Въ подлинникѣ хотя и упомянуто о *Неронѣ*; но я разсудилъ за нужное поставить *Вителла*, потому что оной царствовалъ въ Римѣ послѣ *Гальбы*.

обузданная власть губернаторовъ навлекаетъ тамъ гораздо болѣе страха престолу, нежели всѣ строжайшія повелѣнїи восточныхъ Государей. Вооруженному правителю не столько есть причины страшится Султана при возмущенїи его противъ онаго, сколько тайной клеветы чернаго Евнуха: зараженное дыханїе сего послѣдняго не менѣе смертельно, какъ и пагубнѣйшія слѣдствїи мятежа для нарушителя спокойствїя Государскаго. При таковомъ безпорядкѣ, не находитъ Паша ни единой зависящей власти, которая бы покусилась возстановить препону стремленїю его честолюбія, онъ жертвуетъ народомъ военной силѣ, и въ случаѣ удачнаго успѣха въ его предпрїятїи, владычествуетъ потомъ помощїю оной безпредѣльно и ни отъ кого независимо; но покуда подобный *Баїязетъ* или *Морадъ* есть главою надъ своими войсками, самъ повелѣваетъ оными, самъ присматриваетъ за ними, и умножаетъ сїянїе престола собственными своими достоинствами, по то время Государство Оттоманское ничего не имѣетъ страшится вовсе: ибо все поколѣнїе Императорское въ Китаѣ, продолжаетъ разсуждать разумный воспитанникъ *Ливанговъ*, началось Ироями, а окончалось порочнѣйшими и гнуснѣйшими Владѣтелями.

Сладострастїе серральское и затмевающїя утѣхи чувствъ, бываютъ всегда бѣдственнѣйшимъ состоянїемъ Султановъ; ихъ Государство разрываетъ между тѣмъ свои узы, и каждый Паша стремится наконецъ быть самъ владычествующимъ Властелиномъ.„

По симъ причинамъ старался *Усонгъ* всячески избѣжать сихъ вредныхъ неосторожностей въ правленїяхъ восточныхъ; чего ради, отлучилъ онъ тотчасъ отъ военной власти все то, что касалось до управленїя Государственными доходами, правосудїемъ и гражданскимъ порядкомъ. Его войски имѣли въ лицѣ губернатора провинцїи, главномъ судьѣ правительства и казначеѣ, а особливо въ депутатѣ, или Императорскомъ посланникѣ, неусыпныхъ надъ собою надзирателей, кои пресѣкали перьвыя соружающїяся мысли къ какому либо возмущенїю, и обращали тотчасъ въ ничто все покушенїе готовящихся нарушить общественное спокойствїе. *Усонгъ* не преминулъ воспретить также закономъ своимъ опредѣлять искусныхъ генераловъ въ провинцїи, удерживалъ ихъ всегда около себя, и давалъ имъ мѣста при своемъ дворѣ; а присмотръ за войскомъ, поручалъ между тѣмъ имѣть различнымъ военачальникамъ. Онъ расположилъ всю

свою

свою военную силу по когортамъ, то есть, баталïонамъ, вмѣсто легïоновъ или полковъ: ибо зловредныя слѣдствïи неудовольствïя въ столь многочисленномъ и тѣснымъ сожитïемъ соединенномъ корпусѣ, считалъ онъ гораздо будетъ сильнѣе и опаснѣе.

Чтожъ касается до гражданскаго порядка, то приказалъ онъ, при самомъ началѣ еще возшествïя своего на престолъ Персидскïй, чрезъ посланныхъ своихъ депутатовъ учредить въ каждомъ селенïи и каждомъ городѣ по особливому начальнику и по одному уполномоченному отъ него офицеру, для исправленïя дѣлъ не терпящихъ времяни, которой бы имѣлъ при себѣ еще и нѣсколько помощниковъ для дѣлъ не столь великой важности стоящихъ. Въ большихъ городахъ повелѣлъ *Усонгъ* быть Дарогамъ (*), въ малыхъ Калентарамъ (**), а въ каждомъ селенïи по старшинѣ: всѣ сïи правленïи состояли непосредственно подъ властïю губернатора, которой обыкновенно выбирать долженъ былъ къ тому изъ подчиненныхъ ему мѣстъ, и изъ числа тѣхъ, кои въ нижнихъ мѣстахъ будучи, оказали преимущественнѣе предъ протчими не

(*) То есть, полицемейстерамъ, или блюстителямъ управы гражданскаго благочинïя.

(**) Сïе есть званïе городничаго.

малыя способности достоинствъ своихъ; но съ тѣмъ однакожъ, чтобъ о всемъ томъ доходило непремѣнно свѣденіе до двора Императорскаго: хотя и зналъ онъ впротчемъ, что бремя столь обширнѣйшей Имперіи будетъ весьма несноснымъ для Государя въ обозрѣніи всего самимъ собою, и для того то самаго, оставилъ повсюду губернаторамъ и посланникамъ своимъ на произволъ ихъ весь выборъ нижнихъ мѣстъ и произвожденіе подчиненныхъ онымъ; при всемъ томъ, считалъ онъ однако нужнѣйшимъ то, чтобъ оба сіи начальника при каждомъ таковомъ случаѣ помышляли и объ отчетѣ, имѣющемъ быть непремѣнно потребованнымъ отъ нихъ Императоромъ о побудительныхъ причинахъ ихъ опредѣленія, испытывая всякими образы постоянство въ достоинствахъ ими произведенныхъ людей, что *Усонгъ* и подлинно наблюдалъ часто, то въ той, то въ другой провинціи Государства своего, или поручалъ иногда исполнять сіе надежнѣйшимъ изъ своихъ повѣренныхъ, такъ, что весьма опасно было обмануть его въ чемъ либо: ибо при таковыхъ случаяхъ не дѣлалъ онъ вовсе ни малѣйшаго помилованія.

Самыя сіи производимыя начальства употреблялись къ собиранію сбора ежегодной

годной Государственной подати, коимъ *Усонгъ* назначалъ съ своей стороны всегда достаточное содержанїе, дабы пресѣчь чрезъ то всѣ покушенїи старатся дѣлать имъ себѣ нѣкое приращенїе не позволительными средствами, ниже допускалъ ихъ къ каковой возможности исполнять то при другихъ случаяхъ.

Правосудїе имѣло тамъ слѣдственно собственныхъ своихъ начальниковъ, что до того все было самовластнымъ въ Персїи, и кромѣ совершеннаго насилїя ни какихъ другихъ законовъ не извѣстно было въ оной вовсе. Чего ради *Усонгъ*, приказавъ собрать всѣ законы премудраго *Нуширвана*, и сократя оные наилучшимъ образомъ, дополнивъ впротчемъ мѣста тѣ, гдѣ обстоятельства времянъ и обычаевъ требовали того непремѣнно, разослалъ особые списки въ каждое судебное мѣсто, дабы устроить повсюду образъ въ производствѣ настоящаго суда: во всѣхъ провинцїяльныхъ столицахъ учредилъ онъ по особливому правленїю судопроизводства, къ чему никогда не назначалъ онъ верьховное начальство мѣста того, единственное упражненїе коихъ должно было имѣть только предмѣтомъ правосудїе. Члены присудствїя онаго награждаемы были всегда отличнымъ образомъ, и оставались въ почтенїи отъ

самаго даже Императора; большинство голосовъ утверждало тамъ обыкновенно каждое опредѣленіе, и разумнѣйшій изъ присудствовавшихъ имѣлъ начальнѣйшее преимущество и управленіе производимымъ дѣламъ въ оныхъ. Маловажныя дѣла оставались при рѣшеніи сихъ судовъ, а протчія переносимы бывали для лучшаго изслѣдованія въ Императорскій Дыванъ, или верьховный придворный совѣтъ, гдѣ Государь самъ присудствовалъ не рѣдко, и притомъ вовсе еще нечаянно являлся тамъ, восходя нарочно на престолъ, сооруженный въ томъ мѣстѣ для подобныхъ случаевъ, откуда слушалъ онъ причины несогласія и тяжбъ сторонъ челобитчичьихъ.

При всемъ томъ однакожъ не наказывалъ онъ смертію тѣхъ, кои по вкоренившемуся сильно въ сердца восточныхъ народовъ обычаю ко взяткамъ, обличаемы были въ собираніи оныхъ, щадя кровь своихъ подданныхъ не менѣе своей собственной; но заставлялъ таковыхъ терпѣть невозвратное отверженіе отъ всѣхъ дѣлъ въ Государствѣ, а иногда и лишеніе даже самой чести: сей законъ наблюдалъ онъ съ чрезмѣрною строгостію, запретилъ также подъ великимъ наказаніемъ приносить къ самому себѣ во всякое время подарки, сколь бы ни были онѣ маловажны впротчемъ,

чемЪ, зная, что естьли Государь имѣть будетЪ кЪ тому право, то и знатныя не преминутЪ выманивать оныя у народа вяще еще своимЪ насилїемЪ.

Ежегодно посланники его должны были обЪѣзжать свои провинцїи, гдѣ вЪ продолженїе того подаваемы имЪ были подробные сЪ учрежденныхЪ тамЪ нарочно книгЪ списки, содержащїе вЪ себѣ производство каждаго дѣла, вступавшаго вЪ правленїе: они разсматривали судейскїя опредѣленїи, и найдя кого изЪ подданныхЪ недовольнымЪ рѣшенїемЪ оныхЪ, долженствовали отбирать у того всѣ обстоятельства дѣла; по усмотренїи же учиненной вЪ томЪ ошибки, обязаны бывали дѣлать увѣщанїи впредь поступать осторожнѣе; а вЪ случаѣ частаго повторенїя ими того, должны судьи тѣ были являтся уже и предЪ самымЪ ГосударемЪ, коихЪ поступки разсматриваны бывали обыкновенно вЪ верьховномЪ совѣтѣ, а иногда и самимЪ даже ИмператоромЪ; и когда кто изЪ таковыхЪ обличаемЪ бывалЪ послѣ того еще вЪ какихЪ либо погрѣшностяхЪ, то исключаемЪ онЪ былЪ вовсе изЪ списковЪ людей при должностяхЪ находящихся, о чемЪ обнародывалось притомЪ и во всемЪ Государствѣ сЪ описанїемЪ причинЪ его отрѣшенїя; итакЪ, весь народЪ имѣлЪ

 не-

неоспоримое право прибѣгать къ право-судїю своего Властелина: „Подданныя мои, говорилъ *Усонгъ*, должны быть непремѣнно свѣдущи о томъ попеченїи, которое обязанъ имѣть я, дабы привести ихъ въ надлежащую безопасность отъ всякихъ несправедливостей: ибо и самое невѣденїе даже есть совершенный порокъ, какъ скоро во вредъ только служитъ оной.„

Таковыми похвальными учрежденїями тронутые Персїяне, вспомнили тотчасъ времяна прежнихъ своихъ Государей. „Сїе время, кричалъ народъ повсюду, оживотворяется и возобновляется нынѣ; тысяща лѣтъ назадъ, съ самыхъ еще времянъ царствованїя премудраго *Нуширвана* (*), какъ правосудїе изчезло вовсе изъ сего Государства; но оно приходитъ въ прежнѣю свою силу нынѣ неусыпнымъ старанїемъ *Усонга* низпосланнаго ему самимъ небомъ.„

Но

(*) То есть, великаго *Хозроя*, почитаемаго Греками, побѣдителемъ *Іустина IIго* Импе: Гре: (†), коего побѣды Персы уважаютъ менѣе, нежели его чрезмѣрное правосудїе.

(†) Въ подлинникѣ хотя и поставлено имя *Велисарїя* полководца *Іустинїана* великаго, токмо по гисторїи извѣстно, что *Хозрой* Царь Персидскїй производилъ войну съ Греками при владѣнїи *Іустина IIго* Императора, и потому по самому, вмѣсто *Велисарїя*, почелъ я за нужное помѣстить здѣсь въ выноскѣ онаго, а не сего великаго полководца.

Но состоянїе войскЪ ПерсидскихЪ сокрушало при всемЪ томЪ весьма Императора: онЪ не могЪ скрыть того безпокойства, что военныя его силы истребляли большую часть вЪ народѢ людей земледѢлїе исправляющихЪ, отлучали ихЪ отЪ супружническаго состоянїя, и занимали такими должностями, кои имѢли только времяна свои. ОнЪ зналЪ, что должности частныя военнаго званїя человѢка, препятствовали весьма исполнять ежедневно гражданскїя, и что великїе расходы, отЪ коихЪ терпя много Государство, а особливо во время войны, дѢлаютЪ и самую подать равно тягостною и несносною, коей бремя жесточае всего для подданныхЪ.

ПритомЪ, извѢстно было *Усонгу* и то также, что Персїя не могла никакЪ держатся безЪ достаточныхЪ силЪ военныхЪ; Оттоманны хотя и были, думалЪ онЪ, заняты еще войною сЪ странами западными, и притомЪ вЪ дальнѢйшемЪ отЪ него разстоянїи; но легко можно думать было, что Византїя, ослабѢвая часЪ отЪ часу, падетЪ наконецЪ непремѢнно вЪ короткое время; знаяжЪ, что преемнику *Константинова* престола не оставалось уже ничего болѢе принадлежащаго за внешностїю стѢнЪ его столицы, и что Кади воздвигнулЪ уже су-

дилище свое подлѣ самаго почти престола сего злощастнаго Государя; судилъ онъ довольно разсудительно, что буде обезоруженная Византія покорена будетъ совершенно Оттоманнамъ, то честолюбіе побѣдителя сего конечно принудитъ онаго обратить побѣдоносное свое оружіе и противъ Востока. Ему извѣстно было, сколь дѣла непріятеля сего были славны, и что безъ войскъ, безпрестанно наставляемыхъ въ воинскомъ искуствѣ, не возможно будетъ никакъ Персамъ противостоять оному, которые должны были притомъ состоять изъ хорошей пѣхоты, и снабдены быть исправнымъ огнестрѣльнымъ орудіемъ, дабы могли противится они съ желаемымъ успѣхомъ стремленію храбрыхъ Янычаръ; но какъ оружіе сіе было почти неизвѣстно еще вовсе въ Персіи, то вообще и оказывали всѣ величайшее отвращеніе служить въ пѣхотѣ.

Провинція Кгорассанъ отверста была со многихъ сторонъ Усбекскимъ Татарамъ, народу между двадцатью владѣтельными Князьями раздѣленному, съ коимъ ни подъ какимъ видомъ не возможно было сохранять мира долгое время, и кои, хотя не въ силахъ были завоевывать пространныя земли, однако могли притомъ опустощать оныя, и повергать

въ

вЪ нищету жителей, обитавшихЪ вЪ сосѣдствѣ сЪ ними, что самое необходимо требовало содержанія многочисленной легкой конницы, а кЪ томужЪ и всегда готовой кЪ удерживанію ихЪ отЪ частыхЪ набѣговЪ.

Но провинція КандагарЪ имѣла напротивЪ того вЪ АвганахЪ страшнаго себѣ непріятеля, народа совершенно военнаго, которой помощію различныхЪ побѣдЪ, одержанныхЪ имЪ вЪ разныя времяна вЪ Индіи, нѣсколько уже разЪ полагалЪ основаніе многимЪ особливымЪ ГосударствамЪ, гдѣ оной подЪ имянемЪ ПатановЪ служилЪ ужаснымЪ страхомЪ всѣмЪ обитавшимЪ тамЪ ИдолопоклонникамЪ; слѣдовательно, и вЪ семЪ мѣстѣ потребны были также лучшія войска, для удержанія во всегдашнемЪ страхѣ суровѣйшаго народа, нежели Персіяне были.

Почему самому, принужденЪ былЪ *Усонгъ* искать способнѣйшаго средства кЪ доставленію надлежащей безопасности Государству своему, не притѣсняя притомЪ ни мало и не ослабѣвая оное истребленіемЪ народа. ОнЪ узналЪ вскорѣ, что Курды (*), народЪ вЪ горахЪ обитав-

(*) Западные Гисторики полагаютЪ вмѣсто КурдовЪ ТуркоманновЪ; но сіи дикіе грабители кажутся вовсе неспособными кЪ военному искуству; КорпшижЪ напротивЪ того, считались

тавшей, суровой, нелюдимой и отважной, вольной и неимѣющей у себя настоящаго Государя или каковаго начальника, жившей безпрестанно въ палаткахъ на западныхъ границахъ Персїи и отъ скотоводства только питавшейся, искали его дружелюбїя: ибо благоразумїе и чрезмѣрное великодушїе *Усонга*, распространяли повсюду въ окрестностяхъ Государства Персидскаго слухъ, служившей къ его пользѣ, такъ, что одно имя его облегчало уже всѣ великїя предпрїятїи онаго; онъ заключилъ съ сими горными людьми выгодной для себя договоръ, коимъ оставались онѣ въ предѣлахъ своихъ безпрестанно свободными, отдавая токмо Персїи нѣсколько тысящъ вооруженныхъ ратоборцовъ, которые должны были составлять настоящее зерно всей силы Персидскаго Государства. Исправный выборъ изъ сихъ храбрѣйшихъ данниковъ, служилъ Императору охранительнымъ корпусомъ, и изъ сихъ то наконецъ выбиралъ *Усонгъ* большею частїю въ лучшїе свои полководцы; протчїежъ жили безпрестанно въ своихъ ставкахъ на западной границѣ, упражняясь всегда въ воен-

издревле храбрѣйшимъ народомъ въ Азїи. Впротчемъ извѣстно также, что *Саладинъ* и *Келаунъ*, двое начальниковъ поколѣнїя Египетскихъ Султановъ, были оба природные Курды.

оенной дисциплинѣ и другихъ до войны касающихся дѣйствіяхъ: они прикрывали западныя Персидскія провинціи наикрѣпчайшимъ загражденіемъ, твердѣйшей груди настоящаго военнаго народа. Итакъ, радовался тому *Усонгъ* несказанно, что чрезъ легкое благодѣяніе, оказанное имъ онымъ, могъ онъ за малѣйшій наемъ, а болѣе за надежду въ повышеніи состоянія ихъ, приобрѣсти себѣ силу, чрезъ что Персія могла удобно сохранить лучшую свою кровь.

Грузія не состояла еще впротчемъ тогда подъ зависимостію Персіи; но надежная плата, льстящая честь служить подъ покровительствомъ сильнѣйшаго Государя Азіи, и не минуемая награда за оказанныя услуги, побудили Грузинцовъ въ не маломъ количествѣ приходить къ нему изъ горныхъ жилищъ своихъ, такъ что *Усонгъ* составилъ изъ нихъ скоро исправнѣйшую конницу, коей во всей Азіи почти подобной не было тогда, поруча оной совершенное охраненіе важнаго Кандагара.

Въ Кгорассанѣ, укрѣпилъ онъ нѣкоторыя горныя крѣпости, въ коихъ жители провинціи той въ случаѣ могли имѣть безопаснѣе убѣжище, и гдѣ, при нечаянномъ нападеніи Усбековъ, дѣтей своихъ и лучшее изъ своего имѣнія могли они

со-

сохранять переноси. На границахъ разставилъ онъ повсюду Персидскую конницу, которая будучи снабдена прекраснѣйшими лошадьми и саблями, изъ острѣйшаго металла сдѣланными, подъ предводительствомъ, каждое достоинство преизящно награждавшимъ начальникомъ, устрашенныхъ Усбековъ въ короткое время превзошла силою. Остроумный *Усонгъ* приказалъ между тѣмъ на многихъ возвышенныхъ мѣстахъ разкласть въ нѣкоторыхъ разстоянїяхъ нарочныя кучи дровъ, при каждой изъ коихъ, находился крѣпкой караулъ, кои при нападенїи проворныхъ Татаръ зажигаемы были всѣ въ одно время, такъ, что вся страна та въ одинъ часъ была отъ опасности въ надлежащей осторожности. По таковому знаку собравшїеся Персїяне въ назначенныхъ имъ мѣстахъ, слѣдовали не теряя время прямо на непрїятелей, положенїе коихъ первый восходящїй дымъ измѣнялъ онымъ тотчасъ. Итакъ, Усбеки, въ коихъ ни малѣйшее побужденїе къ чести страхъ смерти не уменшалъ впротчемъ, потерявъ скоро охоту подвергать жизнь свою даромъ мечу Персидскому, оставили вовсе свои набѣги на страны Государства сего.

Для большагожъ ободренїя войскъ своихъ, собиралъ *Усонгъ* оныя обыкновенно

венно при ежегодном своем разъездѣ по Государству; приказывал им в своем присудствіи упражнятся в различных военных тѣлодвиженіях, как то, в ходьбѣ, битвѣ, нападеніи и осажденіи; давал отличавшимся притом из рядовых нѣкоторыя особливыя награжденіи, состоявшія в чалмах, из серебра сдѣланных масличных вѣтвіях, лавровых вѣнцах и медалях; награждал также пристойно и начальников, повышая заслуживавших на высочайшія степени чести, и все то производил он надлежащим образом, потому, что каждаго человѣка преимущества примѣчал он всегда сам пристально.

Но *Усонг* имѣл и того еще важнѣе в мыслях своих предпріятіи: он не хотѣл поручать безопасность своего Государства посторонним людям, честолюбіе коих могло без сомнѣнія, думал он, безсиліе несмысленных Персов употребить в свою пользу, и потому старался всячески всѣх Персіян учинить настоящими защитниками их отечества. Он приказал, чтоб в тѣ времяна, когда земледѣліе не требовало безпрестанной работы, каждую недѣлю, в день свободный, третія часть взрослых людей каждаго селенія собиралась

лась въ назначенныя мѣста съ оружїемъ, упражнялась бы въ военныхъ экзерцицїяхъ, и дѣлала всѣ тѣ примѣры приличные къ войнѣ, чрезъ кои дисциплина производитъ настоящихъ воиновъ. Слѣдовательно, весь народъ наставляемъ былъ безъ чувствительной потери нужнаго времяни въ упражненїи оружїя надлежащимъ образомъ. Граждане получали собственныхъ своихъ соотчичей начальниками и предводителями надъ собою изъ числа побѣдителей, кои съ *Усонгомъ* освободили изъ подъ ига Персїю: имъ также бывали какъ и протчимъ военнослужащимъ порядочно выдаваемы подарки и награжденїи для лучшаго ободренїя, Императоръ присудствовалъ самъ равно и при ихъ упражненїяхъ, оказывая тужъ самую благосклонность съ своей стороны, коею удостоивалъ онъ и состоявшихъ на жалованьѣ. Сверьхъ того, изъ многочисленнаго множества Персовъ, кои способны уже были къ снесенїю оружїя, былъ обыкновенно сотой человѣкъ избираемъ на службу, и изъ сего выбора проворнѣйшихъ и сильнѣйшихъ людей составлялся наконецъ совсемъ особой величайшей корпусъ (*), кото-

(*) Шахъ *Аббасъ* могъ представить вдругъ на лицо 60000 человѣкъ въ Таврисѣ иностраннымъ министрамъ, изъ коего числа ни единаго притомъ не было такого, которой бы считался

которой располагаемъ будучи по городамъ въ мирное время, исправлялъ разныя должности, и чрезъ каждые три года были всѣ тѣ увольняемы паки въ домы, кои открывали въ томъ только свое желанїе, а другїе напротивъ того, набираемые вновь, заступали тотчасъ мѣста ихъ; но отличавшїе себя изъ нихъ помѣщаемы были въ состоящїе на окладѣ жалованья, и возводимы потомъ по заслугамъ на разныя степени достоинства. Посредствомъ сего учрежденїя, приобрѣтали всѣ подданные Персїи надлежащее искуство въ оружїи, которое въ продолженїе военнаго время весьма скоро приходило у нихъ до совершенства; духъ бодрости усугублялся нечувствительнымъ образомъ отъ упованїя, кое Императоръ самъ войску своему внушать старался безпрестанно; они взирали на себя послѣ, не такъ какъ на рабовъ, покоренныхъ жестокосердїю Властелина; но какъ истинныхъ защитниковъ своего отечества и искусныхъ Персидскихъ ратоборцевъ.

Неутомимый въ трудахъ, бодрости и попеченїи о приращенїи своея славы подражавшїй *Усонгъ*, ежедневно устроивать къ лучшему учрежденїи въ Госу-

---

настоящимъ солдатомъ служащимъ въ войскѣ Читай о томъ *Делля Валлу*.

дарствѣ Персидскомъ, увидѣлъ наконецъ прибывшаго обратно изъ Венецiи *Риву*, который возвратясь къ нему оттуда, привезъ съ собою не только знаменитое число сотоварищей, но и не малое къ тому количество огнестрѣльнаго орудiя, служащаго къ вспомоществованiю величайшихъ его предпрiятiй.

Сей ревностный помощникъ намѣренiямъ великаго *Усонга*, доставилъ вѣрно письма онаго какъ Герцогу, такъ и протчимъ господамъ въ Венецiи, которыми далъ знать Императоръ Персидскiй во перьвыхъ Республикѣ о своемъ возвышенiи на престолъ сего Государства, а потомъ, и напоминалъ въ нихъ обязательнѣйшiя условiи въ разсужденiи начатой и продолжавшейся долгое время своей дружбы съ разными господами въ бытность его тамъ: онъ предлагалъ также впредь верьховному правительству Республики сей неразрывный навсегда свой союзъ, и открывалъ въ нихъ мысли свои, что Оттоманны какъ Венецiи, такъ и Персiи равно были опасными непрiятелями; а потому и убѣждалъ прозьбою оную о позволѣнiи въ привозѣ къ себѣ *Ривѣ* знатнаго числа припасовъ, принадлежащихъ до огнестрѣльнаго орудiя, съ нѣкоторыми притомъ искусными въ художествѣ семъ мастерами изъ Брезцiи.

Изъ

Изъ таковыхъ предложеній не трудно было увидѣть Венеціи собственныя ея выгоды, соединенными съ пользою Персидскаго Государства; чего ради, уничиженный на то отвѣтъ Республики, обѣщалъ Императору скорое отъ оной къ себѣ посольство, кое долженствовало лучше утвердить съ нимъ полезныя намѣренія о благосостояніи сихъ обоихъ Государствъ между собою; припасы же и мастеровъ, требуемыхъ *Усонгомъ*, позволѣно было съ охотою взять съ собою *Ривѣ* столько, сколько онъ разсудитъ токмо къ тому за нужное.

Не менѣежъ завиствующій Республики успѣхомъ Оттоманнъ Султанъ Египетскій, отверзъ съ радостію при семъ случаѣ послу Персидскому Сирійскія свои гавани, и обрадованный чрезмѣрно тѣмъ *Усонгъ*, раздѣлилъ тотчасъ привезенныя къ себѣ *Ривою* орудія по всей своей гвардіи; а прибывшимъ съ онымъ художникамъ отведены были особливыя жилища, кои, снабдены будучи различными потребными вещами въ не маломъ количествѣ, должны были упражнятся безпрестанно въ изготовленіи ружей, и литье пушекъ разныхъ калибровъ, которыя въ не маломъ употребленіи служили уже тогда для разрѣшенія участи сраженія и опроверженія наикрѣпчайшихъ городскихъ оградъ.

Сверьхъ того, между разными письмами, полученными *Усонгомъ* съ Запада чрезъ *Риву*, было также одно и отъ *Цены*, которой въ продолженіе своей съ нимъ разлуки получилъ на ряду съ протчими засѣданіе въ верьховномъ совѣтѣ Республики: въ ономъ изъяснялъ онъ бывшему Князю Коконорскому искреннѣйшую свою радость о его благополучіи, и давалъ знать, что онъ несомнѣнно надѣится имѣть удовольствіе въ жизни своей паки увидѣть прежняго его почтеннаго друга.

Но важнѣйшее изъ всѣхъ извѣстіе, усугубило несказанно *Усонгову* радость. *Пулданъ*, нѣкоторый Новіянъ (*) изъ собственнаго его поколѣнія, привезъ къ Императору поспѣшно письмо отъ усердствующаго ему *Шерина*. Сей искренній рабъ господина своего, отправившись чрезъ городъ Ачинъ въ Кангчайской кантонъ, присталъ тамъ къ самому тому купцу, которой прежде, какъ выше упомянуто было, по *Ливангову* повелѣнію доставилъ *Усонгу* при отъѣздѣ его оттуда всѣ маетности, принадлежащія къ путешествію: онъ нашедъ его еще въ живыхъ, узналъ отъ него между протчимъ обстоятельно, что Цонгта Шензіенскій на-

(*) Сіе названіе значитъ природнаго Князя у Ченгидовъ.

находился все въ прежнемъ своемъ званіи, которую милость, сказывалъ тотъ, исходатайствовало ему всеобщее усердіе жителей страны той у Императора Китайскаго. Продолжая такимъ образомъ *Шеринъ* путь свой въ Сингань, и прибывъ наконецъ туда, услышалъ къ большему своему удовольствію, что и дочь Цонгты еще была не замужемъ, хотя и сватались было многіе знатные женихи за сію красавицу, суля притомъ всѣ неоцѣненныя свои сокровища за обладаніе токмо ею; но по причинамъ, вовсе никому неизвѣстнымъ, Цонгта, не смотря ни на что, отказывалъ всегда въ томъ всѣмъ желавшимъ имѣть ея супругою своею.

А какъ *Шерину* довольно уже свѣдомо было все во дворцѣ *Ливанговомъ*, то и не трудно ему было дойти до самаго его. Онъ вручилъ при нѣкоторомъ удобномъ случаѣ, не теряя время, достойному сему господину съ подобающею честію письмо отъ своего Государя, кое было слѣдующаго содержанія:

„*Усонгъ*, Императоръ Персидскій, по„чтенному *Ливангу* здравія желаетъ!

„Заключеніи премудростію одареннаго „мужа, суть обыкновенно истинныя про„рочества. Любезный Его питомецъ, хо„тя и обладаетъ нынѣ впрочемъ вели-

„чайшимъ Государствомъ въ свѣтѣ; но не „прежде почтетъ себя щастливымъ онъ, „покуда не раздѣлитъ престола своего „съ добродѣтельнѣйшею *Ліосуею*, яко „прекраснѣйшимъ отраслемъ наивеличай„шаго мужа между смертными.„

Послѣ того отдалъ *Шеринъ* тотчасъ дары Императорскія, кои довольно выражали его почтеніе къ сему Цонгтѣ: между оными находились различныя книги западныхъ странъ людей, писанныя о законахъ и о гисторіи Государствъ оныхъ, а *Шеринъ*, приемлющій о хорошемъ воспитаніи своего Государя чрезмѣрное попеченіе, былъ самъ притомъ и переводчикомъ сихъ сочиненій, кои премудрому *Ливангу* новымъ и вовсе нечаемымъ служили сокровищемъ, и кои гораздо болѣе почиталъ онъ, нежели всѣ драгоцѣннѣйшія восточныя богатства, потому что оныя казались ему истинными плодами премудрости отдаленнѣйшихъ народовъ, которыхъ въ Китаѣ не иначе, какъ за сущихъ варваровъ считали всѣ.

Но владычествовавшая тогда въ Китаѣ во всемъ осторожность, не позволила усердному попечителю *Усонга* надѣится о полученіи скораго на то отвѣта. Онъ принужденъ былъ не дождавшись онаго, потому что *Ливангъ* предпринялъ помыслить о семъ дѣлѣ нѣсколько, между

тѣмъ

тѣмъ ѣхать къ Монгаламъ, поспѣшая весьма сообщить старому *Тимуръ-ташу* и его супругѣ радостное извѣстїе какъ о здравїи, такъ и о возвышенїи на престолъ Персидскїй ихъ сына, и вручить имъ отъ Императора привезенныя съ собою письма и подарки. Сообщенная сїя вовсе неожидаемая чрезъ толикое долгое время радость о потери возлюбленнѣйшаго ихъ сына, которой достигъ наконецъ до степени высочайшей чести, превосходящей и самыхъ его предковъ страшнаго *Ченгиса*, произвели какъ у родителей отъ радости и восхищенїя слезъ токи, такъ и у всей Орды тысящу свидѣтельствъ всеобщаго удовольствїя. Множество изъ Новїянъ приуготовили себя тотчасъ къ оказанїю самоличнаго усердїя ихъ высокопочтенному сроднику въ своихъ услугахъ, и тысящу храбрѣйшихъ изъ Монгаловъ согласились добровольно служить имъ провожатыми до Персїи. Сїя знаменитая свита, съ согласїя ихъ начальника, родителя Императора, отправившись не теряя времяни въ путь, прибыла скоро въ Кандагаръ, и ожидала тамъ на берегу моря Тсарихскаго Княжну Шензїенскую: ибо *Шеринъ* не утаилъ отъ *Тимуръ-таша*, что онъ надѣится привести великому *Усонгу* и супругу съ собою.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ прибылъ и *Шеринъ* потомъ въ Сингакъ возвратно, привезши съ собою письма отъ Князя *Тимуръ-таша*, въ коихъ сей также просилъ Цонгту о его дочери, свидѣтельствуя притомъ, что онъ съ не малымъ удовольствіемъ принять не упуститъ въ домъ *Ченгисовъ* Принцессу, одаренную толикими достоинствами.

Впротчемъ, не сомнѣвался ни мало и *Ливангъ* также о согласіи на то разумной своей *Ліосуи*, вступившей тогда уже на осмыйнадесять годъ своего возраста, которая до того тысящу причинъ выискивала убѣждать всячески любезнаго своего родителя къ отреченію отъ предлагаемыхъ ей различныхъ замужествъ. Страсть къ ней Князя Коконорскаго, его великія дарованіи и означающій благородство видъ онаго, вперили въ нѣжное сердце глубокомысленной красавицы довольно уже внушенія любви къ сей одаренной преизящными достоинствами особѣ. Съ которой стороны ни старалась сравнивать она только *Усонга* съ своими Китайцами, то находила вездѣ, что всѣ протчія люди казались быть созданными единственно для того, чтобъ онъ одинъ управлялъ оными; малыя добродѣтели, приобрѣтаемыя отъ нравовъ и обычаевъ въ Китаѣ, изчезали, казалось ей, вовсе

предъ

предъ естественною величиною, сїяющей изъ всѣхъ врожденныхъ дарованїй, тогда владѣвшаго Повелителя Персїи.

Не смотря на то однако, предложилъ *Ливангъ* дочери своей о семъ бракѣ подъ видомъ совѣта, ожидая собственнаго ея на то согласїя. „Хотя и знаю я, говорилъ онъ ей, что право родителя твоего неоспоримо управлять должно рукою твоею; но сердце принадлежитъ собственно тебѣ, и я люблю тебя гораздо болѣе, нежели, чтобъ принудить согласится тебѣ на то, чему сердце твое не соотвѣтствуетъ ни мало."

Цонгта имѣлъ и не безъ причины въ томъ сомнѣнїе: ибо поколѣнїе Ївеновъ, коего *Усонгъ* одинъ изъ начальниковъ по справедливости назватся могъ, должно было съ стороны Минговъ не иначе считатся, какъ совершенно непрїятельскимъ родомъ, и хотя въ Китаѣ все, касающееся до женскаго пола, оставалось обыкновенно только въ окружности внутренняго жилища, не доходя никогда въ явную огласку, то не могъ однакожъ *Ливангъ* точно надѣится, чтобъ честь, предлагаемая его роду и учинившая въ Монгалахъ всеобщую радость, могла остатся навсегда при дворѣ Китайскомъ скрытною.

Молодая Княжна не въ силахъ была удержатся отъ сокрытїя врожденной

своей стыдливости при учиненіи сего предложенія достойнаго ея родителя: она потупивъ взоръ свой приличнымъ полу ея образомъ, и павши предъ онымъ на колѣни, отвѣтствовала ему слѣдующими словами: „Принятіе въ родъ свой поколѣнія Івеновъ, можетъ легко подвергнуть опасности любезнаго моего родителя, говорила она, чего ради, не лучше ли ожидать на то согласія ихъ Государя.„

Свенъ-Цонгъ, былъ впротчемъ Государь похвальнѣйшихъ качествъ, хотя пороки и начинали уже нѣсколько въ то время усиливатся повсюду, доведшіе наконецъ родъ *Минговъ* до совершенной погибели; онъ не прекословилъ ни мало, услыша о условіи брака сего: „Потомокъ *Івена*, отвѣчалъ онъ, отдаленъ весьма далеко на Западъ отъ моей Имперіи, и чемъ слѣдовательно можетъ онъ вредить оной? а *Ливангъ*, есть полный властелинъ руки Принцессиной;„ ибо такъ называлъ ея Государь сей подлинно, потому что она происходила изъ его дома.

Итакъ, *Ливангъ* не сомнѣвался уже ни о чемъ болѣе, слыша слова сіи, и хотя въ пребываніи съ дщерію своею находилъ онъ все удовольствіе жизни его, а притомъ и предчувствуя ощутительнымъ образомъ несносную грусть уединенія въ своей старости, лишась

дра-

дражайшей ему собесѣдницы; но благоразуміе онаго заставляло предпочесть удовольствію малѣйшаго время согбеннаго дряхлостію престарѣлаго мужа щастіе процвѣтающей, какъ внѣшною, такъ и наружною красотою дщери. *Лїосуя* обѣщала съ своей стороны также своему родителю безпрекословно во всякомъ повиновеніи, и Цонгта тотчасъ потребовалъ предъ себя прибывшаго ко двору его *Шерина*: „Вотъ отвѣтъ, говорилъ онъ сему вѣрному рабу и другу *Усонга*, которой сообщить долженъ ты Повелителю Персіи. Дочь моя не промѣняла бы конечно ни на какой престолъ Китая, отечества ея, естьлибъ не слѣдовала она единственно сильному побужденію добродѣтели: ибо свѣденїе о *Усонговой* премудрости, съ которою управляетъ онъ перьваго Царя *Кира* Государствомъ, не осталось бы и безъ того долго въ безъизвѣстности Цонгтѣ.„

Въ слѣдствїе чего, Княжна Шензїенская начала приуготовлятся потомъ торжественно по установленнымъ обрядамъ страны той къ совершенному своему отъѣзду; ея старанїи въ томъ, не имѣли однакожъ единаго вида въ укращенїи и великолѣпїи, съ коими Императорская невѣста должна была показатся только; но узнавъ отъ *Шерина* обстоятельно о не-

несвѣдомыхъ еще вовсе въ Персїи художествахъ, кои напротивъ того процвѣтали давно уже въ Китаѣ, вознамѣрилась привести съ собою успѣхами оныхъ гораздо преимущественнѣйшее, нежели самый жемчугъ и драгоцѣнныя каменья, приданое.

Шеринъ не преминулъ также, по полученїи настоящаго отвѣта отъ *Ливанга* въ разсужденїи своего посольства, повергнуть къ ногамъ *Лїосуи* различныя подарки, привезенныя имъ отъ Императора, жениха ея: всѣ дорогїя каменья, великолѣпнѣйшїй Княжескїй уборъ и различныхъ родовъ рѣдкости, попавшїяся въ руки *Усонгу* чрезъ толикое множество побѣдъ, одержанныхъ имъ при разныхъ случаяхъ, были разложены немедлѣнно предъ Принцессою; но что нѣжной *Лїосуи* всего милѣе казалось изъ сихъ сокровищъ, то то было письмо его къ ней. „Щастїе, писалъ онъ между протчимъ, хотя и возвело *Усонга* на сильнѣйшїй изъ престоловъ Востока; но къ чему послужить имѣетъ ему оной, когда строгая добродѣтель *Лїосуи* откажетъ ему въ любви своей. „ „Нѣтъ, говорила въ восхищенїе приведенная отъ того красавица сїя, нѣтъ, *Лїосуя* почитала всегда въ похвальномъ *Усонгѣ* восходящую зорю преславной добродѣтели; то чтожъ должна она чувствовать нынѣ, когда

блескъ

блескЪ достоинствЪ его сЪ совершенной высоты своей освѣщаетЪ весь свѣтЪ?„

Наконецъ, приближилось время кЪ отъѣзду, наступилЪ день и самый часЪ тотЪ, вЪ которой добродѣтельная сія дщерь должна была разстатся наконецЪ сЪ удрученнымЪ лѣтами нѣжнымЪ своимЪ родителемЪ. „Благослови же, любезный и великодушный родитель, благослови отроковицу твою, говорила она стоя на колѣняхЪ и плаваючи вЪ слезахЪ притомЪ. О сколь чувствую я нынѣ щастїе свѣта несовершеннымЪ! —— люби меня, и люби всегда такЪ, какЪ пользовалась я тѣмЪ до сего самаго часа. Вѣчно пребуду я твоею нѣжною и твоею почтенною дщерїю.„ Сильное движенїе горести пресѣкло слова потомЪ сей чувствительной прелести, и *Ливангъ* принужденЪ былЪ силою почти допустить исторгнуть изЪ обЪятїй своихЪ оную; при всей силѣ его премудрости, не могли удержатся стремительнѣйшїе токи слезЪ горячаго сего родителя.

ИтакЪ, отправилась она послѣ того вЪ путь со всею своею свитою и вѣрнымЪ притомЪ *Шериномъ*, который во время дороги сей расказывалЪ ей чрезЪ приближенныхЪ кЪ ней женщинЪ тысящи похвальныхЪ дѣлЪ будущаго ея супруга, коихЪ однако горесть о разлукѣ сЪ добро-

дѣтель-

дѣтельнымъ оной родителемъ, не допускала внимать ей порядочно. По прибытіи Княжны Шензіенской къ морю Тсарихскому, нашла она тамъ ожидавшихъ уже ея съ нетерпѣливостію Новіянъ со всѣми ихъ послѣдователями, долженствовавшими служить къ препровожденію ея въ Персію. Обычаи отечества ея, не позволяли ей впротчемъ никакъ показатся имъ при семъ случаѣ; но тысящу радостныхъ восклицаній оглушали ежечасно почти съ полнымъ звѣрствомъ не украшеннаго ни чемъ естества оной паланкину, которую сіи новыя подданныя окружали безпрестанно съ несказаннымъ удовольствіемъ, и она находилась уже почти на границахъ Кандагара, когда *Пулданъ*, оставивъ ея, привезъ наконецъ о томъ радостное извѣстіе Императору Персидскому.

При сообщеніи того Новіяномъ, восколебалось тотчасъ сердце отъ чрезмѣрной радости у нѣжнаго *Усонга*: онъ обнявъ онаго, въ восхищеніи старался увѣрять его всячески непремѣнною своею дружбою. „Нынѣ, говорилъ онъ возлюбленному своему другу *Джунеиду*, нынѣ почитаю я себя совершенно удовлетвореннымъ за всѣ мои труды, понесенные мною въ моей жизни: радостнѣйшимъ образомъ посвящу я теперь дни мои

благо-

благосостоянію моего Государства, ободряясь каждый часъ сотовариществомъ премудрѣйшей и наидобродѣтельнѣйшей прелести, которая никогда не подвергнетъ себя суетному ласкательству, знаю я, и коей великій духъ восхищать будетъ всегда утомленныя мои чувствіи пріятнѣйшею бесѣдою, соединяющею безпримѣрное удовольствіе съ различными преимуществами духа.»

Онъ далъ знать притомъ всѣмъ своимъ подданнымъ чрезъ своихъ посланниковъ, что Императоръ не требуетъ отъ нихъ при бракосочетаніи своемъ никакихъ излишнихъ поборовъ и издержекъ, увѣряя каждаго о достойныхъ мысляхъ будущей его супруги въ отверженіи надлежащаго празднества при семъ случаѣ, что народу стоить будетъ непремѣнно жертвы можетъ быть, нужной собственнымъ его необходимостямъ; но сочтетъ и то истиннѣйшимъ свидѣтельствомъ привязанности Персіянъ его къ себѣ, естьли не отрекутся онѣ принять будущую ихъ Государыню съ знаками искренной радости и удовольствія, устилая путь шествія различными цвѣтами, и провождая пѣніемъ и пляскою ея особу съ нелицемѣрнымъ восхищеніемъ.

Персіяне не преминули такимъ образомъ, употребивъ съ наивеличайшимъ удо-

удовольствїемъ случай сей, доказать совершенное свое усердїе и искреннѣйшее подобострастїе къ ихъ Государю. Какъ скоро *Лїосуя* взъѣхала только на предѣлы Персидскїе, то путь ея начался подъ безпрерывною цепью устроенныхъ дорогъ, соединенныхъ дугами и распещренныхъ различною зеленью, оживотворяющихся прїятнымъ благовонїемъ цвѣтовъ и распущавшихся древесъ, посреди восхищенной радостїю безчисленной толпы народа земли Персидской. Пространнѣйшїя поля и высочайшїя горы, покрыты были сбѣгавшимися въ скорости подданными на встрѣчу ей, кои всѣ единогласно предвозвѣщали славу нареченнаго ей супруга. Прекраснѣйшїя дѣвицы селенїевъ, выходя изъ своихъ жилищъ, шли порядочно устроенными рядами по обѣимъ сторонамъ паланкина ея и усыпали дорогу безпрестанно цвѣтами; напротивъ того милосердая *Лїосуя* кликала не рѣдко прекраснѣйшихъ изъ нихъ къ себѣ, показываясь имъ и раздавая многимъ щедрою рукою Китайскїя свои подарки.

Самъ Императоръ, будучи въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ и преисполненный жаромъ любовнаго пламя, торопился несказанно выѣхать къ ней на встрѣчу; но не хотѣлъ однако ни въ чемъ престу-

ступить обычаевъ ея отечества, кои запрещали строго каждой невѣстѣ, показывать себя жениху прежде церемонiи бракосочетанiя. Наконецъ, прибыла сiя нетерпѣливо ожидаемая красота благополучно въ Ширасъ, и Седеръ (*) Персидскiй совокупилъ потомъ сiю имянитую двойчатку въ то время, когда нелицемѣрныя граждане пространнаго сего города наполняли воздухъ радостнѣйшими восклицанiями. По окончанiи жертвенныхъ обрядовъ, сняла тотчасъ благоразумная *Лiосуя* съ себя покрывало, и открыла *Усонгу* преизящнѣйшiя преимущества своей прiятности, на коихъ добродѣтель и любовь владычествовали въ одно время. Она была въ настоящемъ еще цвѣтѣ своея прелести, такъ, что весь Китай вообще не могъ по истиннѣ произвести ничего лучшаго; но превосходнѣйшая душа, оживотворяющая всѣ ея прiятности, превозносила ее предъ всемъ сравненiемъ. Она бросилась было при семъ случаѣ на колѣни предъ Императоромъ; однако онъ, не допустивъ ея до того, принялъ тотчасъ въ свои обьятiи наинѣжнѣйшимъ образомъ: „Да здравствуетъ, сказалъ онъ притомъ, безцѣнный даръ щедраго неба. Владычествуй

(*) Санъ Первосвященника.

дражайшая *Лїосуя* вѣчно нынѣ надъ Персїею и въ сердцѣ твоего милаго *Усонга.*"

Ширасъ, выбранъ былъ потомъ Императоромъ мѣстомъ пребыванїя его супругѣ. Умѣренный воздухъ, прекрасные пруды, наполненные чистѣйшею водою и процвѣтающїе различными благовонїе испускающими цвѣтами, виноградомъ и изобилїемъ лучшихъ плодовъ гранатовыхъ древесъ и позлащенныхъ естествомъ яблокъ, пространнѣйшїе сады, дѣлали градъ оный прїятнѣйшимъ во всей Персїи обиталищемъ: сверьхъ того, приказалъ *Усонгъ* обнести его крѣпчайшею стѣною для всякой безопасности отъ непрїятельскихъ набѣговъ; а *Лїосуя* напротивъ того, помышляла о исполненїи наконецъ своего похвальнѣйшаго намѣренїя. Она пеклась, чтобъ въ мѣстахъ нѣсколько песчаныхъ, гдѣ небольшїе камешки препятствовали рости всякой травѣ, посѣяны были шелковичныя сѣмяна въ прямыхъ дорожкахъ, коихъ бы можно было послѣ подрѣзывать всегда ножницами, и надъ коими бы искусные Китайцы научили Персїянъ тѣмъ червячкамъ безъ особливаго присмотра высаживатся, кормится и выивать шолкъ: она находила удовольствїе наставлять сама начальницъ въ искуствѣ собирать оной, показывая

имъ

имъ своеручно работу сію. Такимъ то образомъ подражала *Ліосуя* неоспоримо супруги божественнаго *фоги*.

Иногда, приказывала она носить себя на поля, въ которое время служители ея принуждены были между тѣмъ удалять народъ, слѣдуя обычаю; осматривала травою покрытыя долины, куда бы изъ Корремдеррга (*) спускать въ изобиліи можно было воду: въ таковыхъ мѣстахъ, повелѣвала она строить домы для прядильщиковъ, бѣлильщиковъ, ткачей и красильщиковъ тончайшихъ бумажныхъ матеріи, яко такого товара, которымъ Короманделъ торгуя, отпускалъ его во всѣ восточныя страны.

Она открыла впротчемъ чрезъ искуснѣйшихъ людей, привезенныхъ ею съ собою въ Персію, два, нужные весьма въ сожитіи человѣческомъ, рода землянаго прозрастенія, одно изъ коихъ растоплялось на подобіе стекла, а другое, вспомоществовало дѣлать его таковымъ (**); чего ради, построены были нарочные плавильные горновы, гдѣ, хотя до совершенства Китайскихъ товаровъ и не можно было дойти вовсе, то произошли изъ того по крайней мѣрѣ рабочіе дворы, въ коихъ

 дѣло-

(*) Рѣка, протекающая чрезъ Ширасъ.
(**) Подъ симъ резумѣется фарфоръ.

дѣловалась различная глиняная посуда, которая на самомъ даже столѣ Императорскомъ употреблялась не рѣдко вмѣсто золота и серебра.

Сверьхъ того, навѣдывалась всегда милосердая сія Государыня о бѣдныхъ и не имущихъ ни каковой помощи: разсылала слѣпымъ, неключимымъ, обремяненнымъ многими малыми дѣтьми вдовамъ и сиротамъ, еженедѣльныя подарки и награжденія; выискивала изъ земледѣльцевъ прилѣжнѣйшаго пахаря и попечительнѣйшую матерь: словомъ, безпримѣрная ея щедрота находила удрученныя заслуги и въ самыхъ простыхъ хижинахъ, оказывая все то безъ наималѣйшей огласки, не ожидая вовсе за то себѣ какой либо благодарности.

Супруги и дочери знатныхъ господъ, состояніе коихъ отверзало свободный доступъ имъ къ Государынѣ, научались отъ ней безпрестанно предпочитать добродѣтель всему на свѣтѣ. Она превозвышать старалась предъ ними всячески, во перьвыхъ благополучіе совѣсти, кою никакой порокъ ни мало не обезпокоивалъ, потомъ достоинство супруги, коей единственный предмѣтъ состоитъ въ удовольствіи ея сотоварища и наслажденіи въ согласіи всей семьй; открывала также, что малодушіе въ роскоши

и разныхъ украшенiяхъ, ослѣпляющихъ весьма народъ простой, служитъ всегда почти справедливымъ знакомъ упущенiя въ изощренiи разума и душевныхъ дарованiи. Такимъ то образомъ, *Лïосуя* была по истиннѣ любезнѣйшею наставницею добродѣтели, побужденiе коей въ предложенiяхъ дѣлало ученiе ея прiятнымъ, а собственный примѣръ оной въ томъ, облегчалъ весьма и исполненiе онаго.

Ежедневно изъискивала она новыя невинныя увеселенiи трудолюбивому своему *Усонгу*, когда оный отъ попеченiя о Государствѣ удрученъ будучи, искалъ себѣ покоя въ ея объятiяхъ. Она повторяла ему много разъ, что она новое, и что достойное примѣчанiя находила въ книгахъ своихъ; заставляла своихъ женщинъ представлять предъ нимъ различныя зрѣлища, гдѣ примѣры высочайшей добродѣтели чувствительнѣйшимъ образомъ возобновляемыми видимы бывали довольно; собирала отвсюду рѣдкости, въ чемъ *Усонгъ* находилъ не малое удовольствiе, какъ то, дѣйствiя натуры, художества и разума. Самое различiе между тихимъ нравомъ Императрицы, воспламененнымъ жаромъ любовiю супруга ея, и чуждостiю притомъ *Лïосуи* въ западныхъ обычаяхъ, преподавали случай къ великимъ разсужденiямъ сей достойной двойчатки,

 пере-

перемѣняя и оживотворяя въ одно время ихъ взаимное другъ съ другомъ обращенїе.

Вся надежда будущаго благополучїя Персїи, сооружалась уже въ мысляхъ глубокомысленной супруги благоразумнаго сего Государя, какъ *Цено*, искреннїй другъ *Усонга*, прибылъ наконецъ въ Ширасъ въ лицѣ посла отъ республики Венецїянской. Сей почтенный мужъ, представъ предъ Государя Персидскаго, доказалъ съ своей стороны гораздо болѣе участїя, яко совершенный почитатель достоинствъ новаго Императора, нежели посолъ дружелюбной какой силы, въ возвышенїи великаго потомка *Ченгисова*. Онъ привезъ ему различныя подарки, между коими вновь изобрѣтенныя книги понравились разумному *Усонгу* всего лучше, которыя безъ помощи пера (*); но особливымъ искуствомъ напечатаны были, и кои *Лїосуя* предпочитала и Китайскимъ даже, потому что литеры оныхъ могли нѣсколько разъ служить безпрепятственно, въ Китаѣ же напротивъ того, вырѣзываемыя нарочно къ тому доски, не годились никакъ болѣе къ составленїю другихъ сочиненїи.

Цено

(*) Подъ симъ разумѣется изобрѣтенное искуство печатанїя книгъ, которое тогда было еще вовсе новымъ въ Европѣ.

Цено привезъ также съ собою много новыхъ и способнѣйшихъ изобрѣтеній, въ разсужденіи употребленія огнестрѣльнаго орудія, служащихъ къ проворнѣйшему онаго дѣйствію, а притомъ и довольное число пушекъ, кои, хотя и меньшими предъ прежними стрѣляли ядрами, но поспѣшнѣе были вмѣсто того въ заряд. Словомъ, онъ привезъ съ собою все новое изъ преизобилующей всемъ Европы, что только къ способности жизни и великолѣпію сильнаго Двора восточнаго служить имѣло.

Онъ увѣдомилъ притомъ Императора о мирѣ, заключенномъ между Республикою и благоразумнымъ *Морадомъ*: ибо сколь Венеціи не приносило мало удовольствія величество Оттоманнъ, прибавилъ къ тому *Цено*, однако при всемъ томъ, не можно было отнять чести у сего великаго Султана, которая служила безпрестанно наградою истинной его добродѣтели, потому, что сколь страшна была его сила своимъ непріятелямъ, столь надежна напротивъ того была онаго дружба его союзникамъ.

Не смотря однакожъ на то, Республика поручила при семъ представить Императору всеобщую опасность, коей какъ Европѣ, такъ и Азіи грозилъ побѣдоносный Дворъ сей. *Морадъ*, утвер-

ждала она, завладѣлъ уже всею Ѳракїею и Македонїею, и перенесъ столицу своего владѣнїя въ Эдрену (*), что трепещущему отъ страха Константинополю весьма грозило нещастїемъ по сосѣдству столь близкому. Византїя была безъ силъ и помощи; а Европа раздѣлена была между великимъ множествомъ Государей, кои о малѣйшихъ преимуществахъ пребывали безпрестанно въ несогласїи между собою, и коихъ кратчайшїя и сомнительнѣйшїя соединенїи болѣе оставались втунѣ, нежели оканчивались съ какимъ либо успѣхомъ: ибо ни единый Государь не возбуждалъ надежды въ протчихъ подобныхъ себѣ владѣтеляхъ, не только дѣлами, но ниже старанїями своими, чтобъ онъ могъ всеобщую свободу противъ угрожающихъ Оттомановъ защитить когда либо; понеже *Кастрїотъ* и *Гуннїядъ* могли почестся болѣе неустрашимыми наѣздниками, нежели настоящими Монархами: съ смертїю оныхъ лишилась Европа всего того, что непобѣдимаго *Морада* стремленїе ограничивать могло токмо. Венецїяжъ, хотя и приняла съ своей стороны къ тому всѣ осторожности, будучи вооружена довольно, морскїя силы коей превосходили

(*) То есть, Адрїанополь.

дили и Оттоманновыхъ даже; но на сухомъ пути напротивъ того, была она весьма слаба противостоять многочисленнѣйшимъ войскамъ, обученныхъ военному искуству народовъ.

Оставалось только еще утвердительнымъ положенiемъ правительствующаго совѣта то, чтобъ подвергнуть себя лучше всѣмъ опасностямъ, нежели допустить померкнуть хотя нѣсколько славѣ Республики. „Опасность, говорили благородныя граждане, ни мало не будетъ отвращена уничиженiемъ, она увеличивается тѣмъ сильнѣе бодростiю непрiятеля, которую самажъ она умножаетъ сильно и презрѣнiемъ, кое возбуждаетъ весьма въ своихъ сосѣдяхъ. Византiя испытала то уже довольно; каждый поносный миръ, заключаемый ею съ противными силами, ослабѣвалъ оную часъ отъ часу такъ, что безъ потери единаго сраженiя, разрушилась власть ея въ конецъ. Перьвый походъ, предпринятый Султаномъ противъ оной, долженъ былъ быть совершенно и послѣднимъ."

Чего ради, всѣ знатные республиканцы, представляли сильному *Усонгу* принять въ разсужденiе, сколь близка и самому ему была отъ того опасность. Они увѣщавали его съ покорностiю, какъ единаго защитника равновѣсiя цѣлаго свѣта,

во время мирное увеличить свои силы, дабы приуготовить себя наконецъ къ войнѣ надлежащимъ образомъ, которой Персїя не минуетъ въ скорости, и посвящали сему Государю дружбу свою со всемъ тѣмъ, что только служить могло къ его большему подкрѣпленїю въ семъ наипохвальнѣйшемъ предпрїятїи.

Таковое предложенїе ввергнуло *Усонга* въ не малое размышленїе: напасть на достойнаго *Морада*, когда Персїя не имѣла отъ него никаковаго огорченїя вовсе, казалось противнымъ любви его къ правосудїю, которая управляла совершенно всѣми мыслями Императора. Къ томужъ, находилъ онъ себя и весьма еще слабымъ противостоять столь сильному непрїятелю: Персїяне его противились сильно приобучать себя къ употребленїю огнестрѣльнаго орудїя, презирали всячески служить въ пѣхотѣ, не для того, чтобъ страшились они какой либо опасности; но потому болѣе, что всякой трудъ въ жаркихъ странахъ почитался наивеличайшимъ зломъ, коего всѣ восточныя жители страшатся болѣе всего. Съ великою нуждою довелъ *Усонгъ* нѣсколько только Курдовъ и Персїянъ, кои подъ собственнымъ его руководствомъ вступили въ такое общество, единственное упражненїе и удовольствїе коего состояло

состояло токмо въ дѣйствіи огнестрѣльнымъ орудіемъ.

Но при всемъ его стараніи о благополучіи Персіи, не оставилъ бодрый *Усонгъ* ни на часъ духа смѣлости; съ безпрестаннымъ стремленіемъ надѣился онъ, что все препятствіе въ томъ побѣждено будетъ наконецъ можетъ быть, кое прежнія нападеніи преодолѣть были не въ силахъ. „Ручей убѣждалъ нѣкогда всячески прозьбою гору, говорилъ онъ въ примѣръ Персіянамъ своимъ, позволить ему протечь чрезъ оную; однако гора молчаніемъ своимъ отходила отъ него всегда. Но ручей не оставилъ того выторговать послѣ: онъ работалъ многіе вѣка, покуда могъ сдѣлать только небольшое себѣ отверстіе въ ней, какъ наконецъ, превратясь въ стремительный протокъ, открылъ себѣ самъ свободный путь сквозь оную, который непоколебимое постоянство открыло ему вскорѣ, и превратилъ пустыя мѣста въ наипрекраснѣйшія долины.„

Впротчемъ, не упускалъ старатся *Усонгъ* и о нужныхъ приуготовленіяхъ также въ своемъ войскѣ, какъ то, литье пушекъ и дѣланіи протчихъ снарядовъ, касающихся до оныхъ; но Персіяне его сомнѣвались весьма въ томъ, чтобъ они чрезъ узкія дороги и крутыя горы могли свободно быть переправляемы какимъ образомъ,

разомъ. Онъ приказалъ притомъ изготовить нѣсколько и малыхъ орудіи, коибъ могли быть навьючены на вельблюды, и кои въ сраженіяхъ съ чрезвычайною пользою всегда употребляемы бывали потомъ.

Въ мастерскихъ оружейныхъ оказалось не менѣе также затрудненія: ибо всѣ художества сопряжены обыкновенно неразрывнымъ между собою союзомъ, одно изъ нихъ не можетъ процвѣтать, покуда другое подобное ему не будетъ спомоществовать оному. Тысящи потребныхъ припасовъ недоставало въ Персіи набраннымъ въ Италіи Европейскимъ художникамъ, часть изъ оныхъ померла въ необычайномъ для нихъ климатѣ; а оставшіеся работали съ прискорбіемъ, потому что надежда не ободряла ихъ въ предпріятіяхъ своихъ достигнуть когда либо какого совершенства.

Итакъ, *Усонгъ* не могъ сокрыть о томъ печали своей отъ *Цены* при семъ случаѣ, принудя его обнадежить себя отъ имяни Республики притомъ, помогать ему какъ искусными работниками, такъ ружьями, пушками и протчими къ тому принадлежностями; касательножъ до оставшихся художниковъ въ Персіи, то ободрялъ онъ ихъ всячески пріятными ласкательствами и приличнымъ награжденіемъ, а болѣе всего поощрялъ оныхъ

соб-

собственными опытами своего знанія: ибо художника ни что приохотить не можетъ столь сильно къ работѣ, какъ увѣренiи такого господина, который искуство его довольно цѣнить умѣетъ.

Между тѣмъ, наступило то время, въ которое *Усонгъ* предпринялъ намѣреніе вторично осмотрѣть свое Государство: онъ вознамѣрился при семъ случаѣ доѣхать до Эривана, и посетить Иракъ, Адербейчанъ, Діарбекиръ и Алгецiру. *Джунеидъ* и *Цено* служили ему въ семъ путешествiи спутниками съ не малою свитою любопытнѣйшихъ Персіянъ и нѣсколькихъ Новіянъ, всѣхъ верьхами и притомъ вооруженныхъ порядочнымъ образомъ безъ всякаго великолѣпія, приличнаго обыкновенно восточнымъ Государямъ. Ни гдѣ не допускалъ *Усонгъ* утощать себя во время сего пути, онъ не приставалъ вовсе ни къ кому изъ знатныхъ людей въ домы, и жилъ безпрестанно въ шатрахъ, оставивъ всѣ излишнія пиршества, служащія единственно къ невозвратному убытку народа, кои всегда служутъ въ тягость подданнымъ при отправленiи таковыхъ великолѣпныхъ гостбищей Государю. „Государство должно желать видѣть своего Властелина, а не боятся, говорилъ *Усонгъ*; но чрезмѣрное великолѣпіе Двора,

„причинить только может новое бремя народу.„

Желая таким образом исполнить свое намѣренїе, вырвался онъ наконецъ изъ любезнѣйшихъ объятїи воздыхающей его супруги и поспѣшалъ въ Чегельминаръ, Царскую столицу сильныхъ Гvстаспидовъ, кои избрали себѣ въ прежнїя времяна плодоноснѣйшую долину, чрезъ которую тысяща протекала прозрачныхъ источниковъ, и гдѣ прекраснѣйшїя цвѣты безъ помощи искуства процвѣтая, притягивали нечувствительнымъ образомъ человѣческїй на себя взоръ. *Цено* принужденъ былъ прямо удивлятся на семъ мѣстѣ великолѣпїю развалинъ, коихъ древность страны той превосходила всѣ повѣствованїи, и остаткамъ зданїевъ, безподобная величина которыхъ, превышала по истиннѣ силы рукъ человѣческихъ казалось: въ горахъ закопанными, видимы были работы древнихъ Персидскихъ идолопоклонниковъ, въ необыкновенномъ исполинскомъ ихъ образѣ.

Усонгъ нашолъ на сихъ древнихъ достопамятностяхъ различныя аллегорическїя изображенїи, видѣнныя имъ уже нѣкогда въ Егvптѣ; а особливо летучїй шаръ, которой почелъ онъ совершеннымъ знакомъ нѣкоего божества. Онъ примѣтилъ тамъ также множество столбовъ,

бовъ, коихъ съ нуждою могли охватить нѣсколько человѣкъ, которые призналъ онъ остатками еще палатъ, гдѣ находился прежде престолъ *Кировъ*, и хотя Цено, будучи великимъ знатакомъ, не удивлялся ни мало вкусу рисунка зданія сего; но искусная выдѣлка крѣпчайшихъ камней, приводила его любопытство въ великое удивленіе. Всѣ, бывшія при томъ тогда, признались единодушно, что ни одинъ изъ нынѣшнихъ Государей въ сооруженіи подобнаго зданія не въ силахъ бы былъ собрать довольнаго числа къ тому сокровищей, и у самыхъ искуснѣйшихъ народовъ не доставало бы можетъ быть достаточныхъ машинъ къ подъятію и утвержденію сихъ ужаснѣйшихъ тяжестей.

Замешкавшись такимъ образомъ въ подробномъ разсматриваніи сихъ мраморныхъ и порфѵрныхъ древностей Императорская свита, увидѣлъ между тѣмъ *Джунеидъ* перьвый изо всѣхъ вдругъ на поверьхности нѣкоторой каменной горы восходящее пламя (*): „По чему, спросилъ онъ, на пустой той горѣ находится столь великій огонь?„ „Сей есть вѣчный огнь Геберскій, служащій онымъ вмѣсто храма,

(*) Около Чегельминара находятся много различныхъ Геберскихъ храмовъ, гдѣ хранится такъ называемый огонь священный.

храма, отвѣтствовали ему Персїяне.„ При семъ извѣстїи, почувствовалъ тотчасъ *Джунеидъ*, что онъ былъ *Алїеваго* исповѣданїя: „Возможно ли, вскричалъ онъ обратясь къ Императору, чтобъ истинный богопочитатель, могъ терпѣть обожателей стихїй?„ „Сїи великолѣпныя развалины, отвѣчалъ ему на то *Усонгъ* улыбаясь, служили прежде престоломъ Магамъ, и самъ *Киръ* былъ изъ числа Гебернскаго закона. Для избавленїя Персїи, занята была его преславутая добродѣтель въ продолженїе долговремянной жизни безпрестанными побѣдами, коихъ похвальными плодами наслаждаемся мы еще и нынѣ послѣ двадцатилѣтняго столѣтїя; но оставя шутку, продолжалъ говорить онъ своему другу, должна ли Персїя лишатся для того многихъ тысящъ трудолюбивѣйшихъ рукъ, ссылать лучшихъ земледѣльцевъ въ заточенїе, и цѣлыя земли дѣлать пустынями, потому что бѣдные Гебернцы заблуждаютъ только въ своихъ богослуженїяхъ? Не сносилъ ли *Алїй* и *Магомедъ* христїанъ, коихъ они за сущихъ идолопоклонниковъ считали? не ободрялъ ли самъ *Омаръ Абу-Обеида* своими умягчительнѣйшими совѣтами, который, щадя кровь христїянскую, исторгъ побѣдоносный мечь изъ руки непобѣдимаго

Кга-

Кгаледа (*), потому что оный съ жестокимъ варварствомъ дѣйствовалъ надъ невѣрными.»

„Персія, продолжалъ говорить онъ, итакъ болѣе половины отъ всего ея пространства составляетъ совершенную пустыню; естество, хотя и благословило оную изобильнѣйшимъ плодородіемъ; но людьми вмѣсто того, можетъ назватся она наибѣднѣйшимъ Государствомъ въ свѣтѣ: однѣ работающія руки въ силахъ приобрѣтать токмо пользу отъ низпосланнаго имъ великаго сего дара, и довести трудами своими до того, чтобъ земля питала людей, къ чему единственно и сотворена она. Гебернцы, суть отъ природы миролюбивы и терпѣливы весьма притомъ; статся можетъ, что многія изъ нихъ признаютъ истинну безплотнаго и умомъ едва постигаемаго всевышняго Создателя твари всей, познавъ со временемъ то отъ насъ же самихъ; но кои, въ случаѣ принужденія нашего, удалятся безъ сомнѣнія въ Индостанъ и начнутъ обожать вмѣсто того кумировъ, изъ земли и глины руками смертныхъ содѣланныхъ.»

Продолжая разсуждать подобнымъ образомъ, прибылъ наконецъ *Усонгъ* въ пріятнѣйшую страну, окружавшуюся рѣкою

(*) Изъ Арабской гисторіи *Оклѣя.*

рѣкою Майномъ, мѣсто чистѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ водяныхъ источниковъ, проѣхавъ чрезъ древній Vездекастъ, гдѣ земля произноситъ лучшія плоды въ Персіи, и великій Испаганъ. „Сей городъ, говорилъ онъ будучи тамъ, изображаетъ столицу всего Государства; положеніе его находится отъ всѣхъ предѣловъ Персіи почти въ равномъ разстояніи, и Сендерудъ (*), могъ бы безъ сомнѣнія великія тысящи Персовъ прокормить безъ нужды, снабжая все пространство земли, около онаго лежащей, неизчерпаемымъ плодородіемъ, когдабъ умѣреннѣйшій воздухъ, къ коего пріятности нѣжная *Ліосуя* привыкла чрезвычайно, не отдавалъ преимущества предъ онымъ Ширасу." Однакожъ войны, воспослѣдовавшія вскорѣ, отлучили потомъ Императора въ Таврисъ, что изъ послѣдованія описанія сего усмотрѣть можно.

Городъ Кашанъ, обратилъ также на себя взоръ Государя Персидскаго, потому что оный служилъ пребываніемъ шелкодѣлателей, кои большую часть Востока снабжали лучшими штофами и разными шолковыми и шерстяными матеріями, которыхъ внѣ стѣнъ онаго ни кто лучше сдѣлать не могъ. Въ семъ мѣстѣ, взявъ

Усонгъ

(*) Большая рѣка, протекающая чрезъ Испаганъ.

Усонгъ не малое количество человѣче-
скія и разныхъ животныхъ подобія изо-
бражавшаго тканья, послалъ обязатель-
нѣйшей его весьма Республикѣ, гдѣ ра-
бота сія всѣ западныя художества при-
водила въ не малое удивленіе, принудивъ
притомъ каждаго признаватся тамъ, что
въ Венеціи не было рукъ вовсе, коибъ въ
силахъ были подражать сему великому
искуству Персіянъ.

Въ семъ мѣстѣ, имѣлъ *Усонгъ* случай,
хотя и противъ желанія впротчемъ,
доказать подданнымъ своимъ, что онъ
достоинъ былъ управлять престоломъ
правосуднаго *Нуширвана*. *Цено* примѣ-
тивъ его однимъ вечеромъ необыкновенно
задумчивымъ, спросилъ у него тотчасъ,
чтобъ было такое въ противной уча-
сти столь обременяющее неудовольствіе
Усонга, подъ бремя коего подвергнуть
себя долженствовалъ онъ, и не въ силахъ
бы былъ потомъ противится тому над-
лежащимъ образомъ? „Завтре увидишъ
ты то другъ мой, отвѣчалъ ему Импе-
раторъ.„ Онъ назначилъ тотчасъ быть
на другой день во дворцѣ древнихъ Царей
Персидскихъ Дывану, находившемся тамъ
еще во всякой цѣлости; Князья и знат-
ныя вельможи должны были собравшись
туда, предстоять всѣ около его пре-
стола, а народъ въ не маломъ количествѣ

 окру-

окружалъ палаты сіи. По воспослѣдованіи всего того, *Мустассемъ*, нѣкоторый садовникъ, жившій въ предмѣстіи города Кашана, позванъ былъ туда немедлѣнно: „Взгляни на предстоящихъ здѣсь, сказалъ ему потомъ Императоръ, узнаешъ ли ты того, на котораго имѣешъ причину приносить жалобу нынѣ? Персіянинъ кинувшись къ стопамъ Государя, вотъ самый тотъ, сказалъ онъ притомъ, показавъ на одного изъ Новіянъ, называемаго *Кулкасомъ*, который, будучи одинъ изъ перьвѣйшихъ людей, предводительствовалъ тогда частію Императорской гвардіи.

„Какъ! *Кулкаса*, моего сродника? —— но истинно ли обвиняешъ ты сего почтеннаго мужа," спросилъ *Усонгъ* съ видомъ, изображавшимъ гнѣвъ и удивленіе, въ каковомъ ни кто изъ предстоящихъ не видывалъ почти вовсе еще сего Государя. Новіянъ сей, будучи встревоженъ сильно подобнымъ вопросомъ, палъ на землю, и своимъ молчаніемъ обличалъ себя совершенно въ доказываемомъ на него преступленіи.

„*Кулкасъ*, повторилъ Императоръ смягчившись потомъ нѣсколько, мы не за тѣмъ пришли сюда съ береговъ отдаленнаго Коконора, чтобъ притѣснять здѣсь Персовъ: Мысца всесильнаго Творца

мїра воздвигла меня на престолЪ Государства сего сЪ тѣмЪ единственно, чтобЪ быть правосудїе соблюдающимЪ его намѣстникомЪ вЪ сей странѣ. Награди немедлѣнно твой проступокЪ, которой учинилЪ ты противЪ дочери сего садовника, пойми тотчасЪ ее вЪ свои супруги, и опредѣли ей скоро имянитое сиротское наслѣдство, вЪ случаѣ ея вдовья состоянїя, которое бы ты учинить долженствовалЪ и самой Княжнѣ, взятой тобою изЪ славнаго дома *Ченгисова*: завтрежЪ долженЪ ты доказать мнѣ вЪ томЪ подлинные опыты свидѣтельства, что ты, повинуясь повелѣнїю Государя твоего, исполнилЪ то совершенно.»

НовїянЪ бросился вторично на землю по выслушанїи словЪ ИмператорскихЪ, и удалился потомЪ сЪ видомЪ глубочайшей покорности, означая тѣмЪ настоящее его кЪ нему во всемЪ повиновенїе.

На другой день, явился онЪ паки предЪ Государя сЪ *Мустассемомъ* вмѣсти: „ВотЪ обязательство Государь, сказалЪ *Кулкасъ* сЪ приличнымЪ знакомЪ своего почтенїя, и условїи наслѣдства по моей смерти.»

„ДоволенЪ ли ты *Мустассемъ*? спросилЪ его потомЪ ИмператорЪ,» который, не отвѣтствуя ничего на то, доказалЪ свое удовольствїе однимЪ токмо свидѣтель-

тельствомъ подобающаго уничиженія предъ своимъ Государемъ; но законъ не сего требуетъ удовлетворенія *Кулкасъ*, вскричалъ *Усонгъ* громкимъ голосомъ, повергшимъ преступника въ чрезмѣрный ужасъ: знай, что Персія избрала меня быть единственно ея судіею; правосудіе же есть совершеннѣйшій даръ, повѣренный мнѣ въ сохраненіе отъ Бога, а потому, и не долженствуетъ ли прогнѣвлять Его то жестоко, когда люди, одаренныя свободою, принуждены бываютъ терпѣть насиліе непорочнымъ своимъ дщерямъ предъ глазами поставленнаго Имъ надъ оными? Но какъ я не намѣренъ вовсе проливать кровь великаго *Ченгиса*, того ради, повелѣваю тебѣ бѣжать *Кулкасъ* искать и выбирать страну, гдѣ насиліе и неистовство владычествуютъ безпредѣльно, и гдѣ власть сильнаго честь слабаго безпрепятственно попираетъ ногами. Итакъ, сокройся отъ глазъ моихъ и всей даже Персіи немедлѣнно.„ Новіянъ, повинуясь сему строгому приказанію, оставилъ тотчасъ Государя, и ушолъ къ дикимъ Усбекамъ.

При вечернемъ столѣ, расказалъ потомъ Императоръ дружеской своей бесѣдѣ все происхожденіе бывшаго случая, что *Джунеидъ* и *Цено* напередъ уже довольно отгадать могли: „Выѣхавъ

третъ-

третьяго дня одинъ верьхомъ, началъ говорить онъ, услышалъ я вдругъ ужаснѣйшія жалобы, происходящія изъ пространнаго и великолѣпно устроеннаго нѣкотораго сада: тотчасъ удивило меня сіе несказанно, слыша раздающимися таковыя стенанїи въ мѣстѣ невиннаго удовольствїя, кликнулъ я бывшихъ тамъ людей: Государь мой, вскричалъ отчаянный родитель, увидя меня и сочтя во мнѣ по платью можетъ быть начальника Императорской гвардїи, одинъ изъ товарищей вашихъ, вырвавъ сей часъ у меня насильно изъ объятїй дочь мою, сокрылся съ нею невѣдомо куда; она будучи непорочною въ перьвомъ еще цвѣтѣ своея юности, конечно лишится должна будетъ того нынѣ; а какъ я не въ силахъ былъ сопротивлятся сему похитителю, то поношенїе сїе отъ того будетъ мнѣ конечно стоить жизни."

„Выслушавъ его со вниманїемъ, приказалъ я явится ему на другой день въ Дыванъ, и донести о себѣ чрезъ *Шерина*, который подоспѣлъ между тѣмъ туда также скоро, самому Императору."

„Итакъ, судите теперь друзья мои, продолжалъ говорить *Усонгъ*, сколь сильно боролось мое сердце между долгомъ правосудїя и любовїю собственной моей крови. Не безъизвѣстно, надѣюсь,

многимъ здѣсь, что Новїянъ сей былъ мой близкїй сродникъ, поступкомъ симъ надъ коимъ, огорчаю я можетъ быть всѣхъ Монгаловъ, которыхъ одно имя *Ченгида* привлекло ко мнѣ со всѣхъ предѣловъ свѣта, и коихъ любовь должна служить непремѣнно настоящею подпорою моему престолу; но при всемъ томъ, какимъ образомъ возможно мнѣ было поступить иначе при семъ случаѣ? Какая польза можетъ быть преимущественнѣе должности."

"Въ моемъ отечествѣ, сказалъ на то *Цено*, не защищаетъ никого никакое званїе противъ Государственныхъ законовъ. Нѣкто *Ценожъ* по имяни, одинъ изъ моихъ предковъ, будучи не однократнымъ избавителемъ своего отечества, и никто не могъ не признатся въ томъ, чтобъ храбрость и благоразумїе онаго не покорили побѣдоносную власть непрїятельской Генуи, проступился нѣкогда въ весьма маловажномъ дѣлѣ, и полно виноватъ ли еще подлинно былъ, не извѣстно; однакожъ всѣ лавры, увѣнчивавшїя славные его подвиги, не въ силахъ были защитить онаго отъ достойнаго за то наказанїя: онъ заключенъ былъ въ темницу, сосланъ въ ссылку и исключенъ наконецъ отъ всѣхъ почестей, коихъ ожидать имѣли право великїя

ликiя его заслуги отъ Республики. Но сiе правосудiе, учиненное Государемъ Перcидскимъ, должно быть необходимымъ, продолжалъ говорить Венецiянинъ, которымъ подкрѣпилъ Императоръ тѣмъ сильнѣе еще нынѣ величество своего престола: ибо, гдѣ столько, какъ ни на сердцахъ подданныхъ своихъ, можетъ Государь основывать совершенно владычество и безопасность свою.»

По прибытiи потомъ въ городъ Кому, не оставилъ *Джунеидъ* принести жертвы своей надъ гробницами Имамсадовъ, или достойныхъ потомковъ *Алiя*, кои погребены были въ семъ мѣстѣ, и коихъ Князь сей почиталъ своими предками; но *Усонгъ*, осматривая между протчимъ находившiяся тамъ оружейные заводы, радовался весьма глядя на ружьи, которыя работали тамъ изъ крѣпчайшей стали.

Касвинъ, одинъ изъ славнѣйшихъ городовъ сильныхъ Пареянъ, будучи тогда вовсе уже раззоренными, возбудилъ *Усонга* помышлять о средствахъ, служащихъ къ возстановленiю сей древней столицы; чего ради, вознамѣрился онъ воздвигнуть престолъ свой въ семъ мѣстѣ на нѣсколько времяни: ибо, не нравилось ему то весьма, что восточные Государи опредѣляли обыкновенно одинъ только го-

городъ безпрестанною своею резиденцїею; чрезъ что, почиталъ онъ, лишали они отдаленнѣйшїя провинцїи Государства своего всей пищи и опустошали ихъ въ конецъ, составляя тѣмъ самымъ главу чудовища, похищаемою у протчихъ всѣхъ членовъ жизненный сокъ.

Около Султанїи, нашелъ Императоръ не малую часть большихъ конскихъ заводовъ, кои по причинѣ плодородной земли и чистой воды изъ древнихъ времянъ еще отъ прежнихъ Царей Парѳянскихъ заложены тамъ были; но преимущественнѣе предъ тѣмъ показались ему пространнѣйшїя мѣста, простирающїяся отъ Адербейчана до Тавриса, гдѣ безчисленныя поля покрыты были преизобильнѣйшею травою, которая изъ самой страны сей разширялась даже до самыхъ земель западныхъ, и гдѣ великїя тысящи преузорочнѣйшихъ Персидскихъ лошадей табуны паслись обыкновенно (*).

Занимавшїй не малое пространство земли Таврисъ, былъ одинъ изъ наивеличайшихъ городовъ тогда во всемъ Государствѣ, но какъ и всѣ протчїе города Персидскїе находился безъ всякаго укрѣпленїя. *Усонгъ* осмотрѣвъ оный, увидѣлъ скоро,

---

(*) Подъ имянемъ сей страны разумѣется древняя Мидїя.

скоро, что мѣсто сіе подвержено было безъ наималѣйшей обороны оружію Оттомановъ, и потому самому, приказавъ построить тамъ крѣпость, перенесъ туда не малую часть своей артиллеріи. Онъ выбралъ тутъ также удобное мѣсто для Царскаго жилища, гдѣ сдѣлалъ къ содержанію великолѣпнаго дворца принадлежащія пріуготовленіи, и потомъ, учинилъ оттуда небольшое путешествіе въ Амаданъ, бывшую резиденцію *Діоцеса*, превратившуюся тогда въ пространное токмо селеніе.

Отсюда прибылъ онъ въ Ирванъ, пограничный городъ, который еще болѣе подверженъ былъ власти Оттоманскаго оружія, и заложилъ тотчасъ три соединяющіяся между собою различныя крѣпостцы, кои всѣ выше города на пути къ покрытымъ снѣгомъ безпрестанно горамъ (*) построены были вскорѣ, гдѣ по общему утвержденію ковчегъ *Ноевъ* остановился яко бы нѣкогда, въ которомъ вторый начальникъ рода человѣческаго во время всемірнаго наводненія получилъ себѣ спасеніе.

Въ бытность *Усонга* въ семъ мѣстѣ, находившемся на западномъ краю почти всего

(*) Подъ оными почитать слѣдуетъ такъ называемыя Араратскія горы.

всего Государства, услышалъ онъ произносимыя различныя жалобы на отправленнаго туда отъ себя посланника, который, по отдаленности своей отъ Двора, совершенно свободнымъ въ своихъ поступкахъ себя считая, бралъ великія взятки, и Императору представлялъ въ разные правители и судьи людей неспособныхъ и подобныхъ себѣ въ корыстолюбіи. Государь сей, хотя и не ожидалъ никогда конечно, чтобъ, изъ преисполненныхъ пороками людей, всѣ были выбираемы справедливыя и добродѣтельныя, однако великодушіемъ и строгостію своею, уповалъ онъ несомнѣнно обуздать всякое преступленіе, почему оставилъ онъ тамъ *Шерина*, поручивъ оному разобрать причины негодованія требующихъ удовлетворенія на своего начальника, и какъ обыкновенно случалось, приговоръ тотъ со всѣми обстоятельствами представить послѣ на разсмотрѣніе Императору. Оный признанъ былъ виновнымъ, и *Усонгъ* удостовѣрясь подлинно въ его поступкахъ собственнымъ разсмотрѣніемъ, велѣлъ предстать ему наконецъ въ Дыванъ.

„Ты былъ, приказалъ сказать Государь обвиненному чрезъ возведеннаго имъ на высокія достоинства *Шерина*, довѣренною особою Императора, который, какъ из-

извѣстно тебѣ, не можетъ быть во всемъ свѣдущимъ, и долженъ былъ управлять слѣдовательно глазами повѣренныхъ имъ людей. Онъ надѣился отъ тебя всякаго правосудія и подобающей справедливости, потому что избранъ ты былъ къ почтеннѣйшему званію защитникомъ народа, коего жалобы долженствовалъ бы ты предлагать престолу, и чрезъ то наслаждатся честію, дабы чрезъ тебя притѣсняемыя получали всякую руки помощь; но что заслуживаетъ напротивъ того тотъ, которой въ лѣкарствѣ мѣшая отраву, вмѣсто чаямаго изцѣленія готовитъ страждущему конечную погибель? По симъ причинамъ, повелѣваетъ тебѣ Государь твой сокрытся немедлѣнно отъ очей своихъ. Итакъ, удались въ Керманъ, и не дерзай никогда преступать предѣловъ сей провинціи: тамъ единственно позволяетъ законъ Государства сего провождать тебѣ жизнь по своему благоразсужденію."

Изъ Ирвана поспѣшалъ потомъ *Усонгъ* въ Маусель, древнюю столицу Ассирійской Имперіи, а оттуда въ городъ Ану, который служилъ настоящимъ предмѣтомъ сего путешествія. Собравшейся тамъ въ безчисленномъ множествѣ около Дывана его народъ, превозносилъ похвалы свои сему благополучно царствовав-

вавшему Государю до небесъ даже: изъ старыхъ его подданныхъ въ Анѣ, ни единаго не было такого, которой бы возвышенiемъ своего Властелина не считалъ себя благополучнѣйшимъ въ жизни: каждый изъ прежнихъ его рабовъ, каждый гражданинъ, говорю, стремился всячески до него продратся тогда, и не прежде удовольствованнымъ почиталъ себя совершенно, покуда не облобызалъ и не омочилъ слезами своими отъ восхищенiя стократно подола полы его одежды. Тронутый не лицемѣрною горячностiю народа своего *Усонгъ*, обѣщалъ каждому, припадавшему къ нему изъ нихъ при семъ случаѣ, заслужить старатся еще вяще почтенiе и любовь ихъ къ себѣ.

Князья Аравiйскiе, бывшiе сотоварищами ему въ прежнихъ его походахъ, не преминули также посещать его нѣсколько разъ въ бытность онаго въ Анѣ, и возвращались всѣ одаренными отъ него великолѣпнымъ образомъ. Престарелый *Абуширъ* повторялъ ему тамъ также часто, сколь много одолженъ онъ былъ *Усонгомъ*; одного *Гассана* только обременявшая дряхлость не допускала силы предпринять путешествiе, воспользоватся честiю припасть къ стопамъ своего благодѣтеля. Итакъ, оставивъ Ану, дабы привести берега Евфрата въ луч-

лучшее оборонительное состоянїе, разстался наконецъ *Усонгъ* въ семъ мѣстѣ съ Ценою и *Джунеидомъ*, кои вмѣсти продолжать путешествїе свое долженствовали до города Пальмы. *Цену* снабдилъ онъ искреннѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ отвѣтомъ къ его Республикѣ; обѣщалъ ему имѣть притомъ безпрестанно не дремлющимъ око свое на всѣ предпрїятїи Оттоманнъ, и положить непремѣнно предѣлы ихъ честолюбїю, когда только вознамѣрятся они нарушить благосостоянїе его Имперїи, увѣряя между тѣмъ пребыть навсегда вѣрнѣйшимъ и непоколебимѣйшимъ союзникомъ Венецїи. При всемъ томъ, отправилъ онъ сь нимъ великолѣпныя подарки оной, состоящїя по большей части въ богатыхъ шолковыхъ матерїяхъ, преузорочныхъ коврахъ, цѣлительныхъ мумїяхъ и различныхъ родахъ бальзамовъ, собираемыхъ въ изобилїи въ горахъ Кгорассана и пользуемыхъ страннымъ образомъ всякїя недуги; настоящихъ Безоаровыхъ каменьяхъ (*), чистаго розоваго масла, привозимаго изъ Шираса и превосходящаго въ цѣнѣ самому злату, Тиркиссѣ (**) изъ

(*) Употребляемыхъ въ лѣкарства.

(**) Драгоцѣнной камень прозрачнаго синяго цвѣта, котораго тускъ съ начала происходитъ отъ скорлупы, въ коей родится онъ на

изъ древней горы Фируцъ-ку, жемчугѣ и бирюзѣ, прекрасныхъ лошадяхъ и сабляхъ лучшей стали: обнявъ коего, чистосердечно увѣрялъ его въ непремѣнной къ нему съ стороны своей дружбѣ. „*Усонгъ*, говорилъ Императоръ, пребудетъ навсегда тѣмъ же самымъ противъ истиннаго республиканца *Цены*, каковымъ онъ былъ къ нему и въ Алкагирѣ.“ Любвижъ достойнаго *Джунеида*, отпустилъ онъ отъ себя съ нѣжнѣйшими выраженїями дружества: „Скажи нелицемѣрному подражателю всесильнаго Бога *Гассану*, сказалъ онъ оному, что *Усонгъ* навсегда останется его сыномъ, а твоимъ братомъ.“ При таковыхъ знакахъ взаимной горячности, разстались потомъ трое истинныхъ друзей между собою, и *Усонгъ* отправился немедлѣнно потомъ чрезъ Евфратъ въ городъ Багдадъ.

Сїя столица сильныхъ Повелителей правовѣрныхъ, раззорена была до половины почти *Гулакуемъ*, а въ правленїе слабыхъ и порочныхъ Государей, и вовсе уже оставлена безъ всякаго присмотра; но положенїе оной, окруженное съ нѣкоторыхъ сторонъ рѣкою Тигромъ, служащимъ

подобїе круглаго или продолговатаго нѣсколько зерна, и не бываетъ болѣе орѣха. Камень сей перемѣняетъ впротчемъ отъ времяни цвѣтъ свой, и переобразовывается въ зеленой.

жащимъ настоящею заградою съ южной стороны Персіи, побудило Императора укрѣпить городъ сей наилучшимъ образомъ, снабдивъ его притомъ многочисленнымъ гарнизономъ Персидскимъ.

Отсюда, поѣхалъ онъ въ Басру, столицу мореходной торговли всего Государства Персидскаго. Будучи въ семъ городѣ, не упустилъ онъ развѣдать подробно, какое купечество пріѣзжало туда болѣе, какія товары имянно привозило оно съ Востока и какія вывозило паки изъ Персіи, помышляя даже и на морѣ учинить страшнымъ имя Персіянъ, и надѣясь утвердить со времянемъ дѣйствительное владычествованіе оныхъ въ самомъ заливѣ, имяновавшимся по имяни Государства своего. Онъ видѣлъ довольно, сколь поносно было то для Персіи, что въ Басрѣ находились однѣ только иностранныя суда, и Персіяне отъ произвола чужестранныхъ народовъ должны были зависить, кои товары свои по собственно установленной ими цѣнѣ налагали на подданныхъ его, принуждая оныхъ напротивъ того товары Государства уступать имъ гораздо дешевлѣ, нежели онѣ стоили въ самой вещи, потому что оное не имѣло другаго пути инаго плоды натуры и художества вывозить другимъ мѣстомъ; но *Усонгъ* довольно былъ благора-

разуменъ при семъ случаѣ, чтобъ все сіе не принимать на себя вдругъ, отъ чего самаго морская сила Португалльцовъ и воспрепятствовала совершенно Персіи послѣ при послѣдователяхъ своихъ увеличится силѣ оной.

Изъ Багдада прибылъ Императоръ въ Іондисабуръ, бывшую резиденцію словесныхъ наукъ во владѣніе Сассанъ, которая тогда не токмо раззорена, но и необитаема почти уже была вовсе, и потомъ въ Сустеръ, древнюю великолѣпную столицу великомочнаго *Агасвера*; а оттуда, поспѣшалъ онъ чрезъ Чегельминаръ въ Ширасъ обратно, дабы быть очевиднымъ свидѣтелемъ освобожденію отъ бремяни своей любезной супруги.

Родившуюся ему дщерь при семъ случаѣ, назвалъ онъ *Нуширваною*, которое имя долженствовало служить новымъ доказательствомъ его почтенія, приемлемаго имъ во образъ сильнаго Государя, носящаго нѣкогда на себѣ сіе знаменитое наимянованіе. Правосуднымъ въ мирѣ, непобѣдимымъ въ брани и рачительнымъ во всѣхъ частяхъ всеобщаго благосостоянія, былъ *Нуширванъ* сей безпрекословно прежде, каковымъ *Усонгъ* былъ въ свое время послѣ.

Но нѣжное сложеніе тѣла, сходствующее весьма съ кроткимъ нравомъ Импера-

ра-

ратрицы, привело въ сильное изнеможенie Лiосую при родахъ ея Нуширваны и двухъ Принцовъ, послѣдовавшихъ за оною послѣ. Она ослабѣвая часъ отъ часу потомъ, преодолѣвала однако всячески слабость во всѣхъ ея членахъ, оказывая супругу своему одно только прiятное равнодушiе, врожденное впротчемъ во всѣхъ ея поступкахъ; испросивъ же у супруга своего нѣкогда позволенie въ свободномъ съ собою собесѣдованiи, показала она ему всѣ свои шелковыя работы, фарфоровыя печи, прекрасныя бумажныя живописи и протчiя другiя упражненiи, кои подъ ея рачительнымъ присмотромъ чрезъ неусыпныя старанiи пришли въ отсудствiе его въ настоящее совершенство. Императоръ, взирая на все то съ неизреченнымъ удовольствiемъ, видѣлъ ясно, что естество не заимствовало тамъ ни мало помощи въ искуствѣ произведенiемъ драгоцѣнныхъ червячковъ и приведенiи ихъ работы въ употребительное съ величайшею пользою состоянiе. Онъ разчислилъ скоро съ подробнымъ вниманiемъ, врожденнымъ его понятiю, что шелкъ сей становился гораздо дешевлѣ, нежели тотъ, которой приносили ручныя и человѣческими трудами вскормленныя червячки, и слѣдовательно могъ учинится со времянемъ такимъ товаромъ, которой

всѣмъ Персидскимъ шелковымъ матеріямъ приносить долженствовалъ преимущество предъ протчими; чего ради, приказалъ онъ тотчасъ обнародовать вездѣ чрезъ своихъ посланниковъ въ Государствѣ сіе полезное изобрѣтеніе, дабы шелковыхъ червячковъ на свободномъ воздухѣ по деревьямъ, безъ всякаго прикосновенія людей къ онымъ, оставлять виться самихъ, и раздѣлилъ по нѣкоторымъ способнѣйшимъ къ тому провинціямъ большую часть Китайскихъ мастеровъ сего искуства, коибъ Персіянамъ могли открыть легчайшій способъ, упражняясь въ томъ, достигнуть до сего самопроисходящаго дара щедрой природы.

Не менѣе былъ онъ доволенъ также прекрасно расписанными и тонкостію своею все западное тканье превосходящими бумажными матеріями, коихъ краски безпримѣрно хороши были, и показалъ собою примѣръ всѣмъ своимъ подданнымъ, употреблять оныя на лѣтнее легкое платье: словомъ, Дворъ сей и народъ весь, обожавшей своего Государя, произвелъ фабрикамъ симъ такой расходъ чрезвычайной, что принуждено было вскорѣ умножить число работниковъ на оныхъ, и выписывать нарочно еще новыхъ мастеровъ изъ Китая. Итакъ, Персія приобрѣла чрезъ то наконецъ не-

несметныя сокровища, кои впротчемъ исчезать принуждены бывали ежегодно въ Масулипатанѣ и Суратѣ.

Разсматривая все то съ великимъ примѣчанїемъ Императоръ, и обнимая искренно нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, не преминулъ произнести притомъ слѣдующїя слова: „Хижины сїи, сооруженныя по приказанїю моей возлюбленнѣйшей *Лїосуи*, суть гораздо полезнѣе Государству, нежели всѣ ужасныя зданїи въ Чегельминарѣ и высочайшїя пирамиды въ Гицѣ: ибо истинное величество славы состоитъ въ единой токмо пользѣ, и тотъ только Государь прославить можетъ имя свое, который подданныхъ своихъ учинитъ щастливыми чрезъ прилѣжанїе и собственные ихъ труды. Впротчемъ, безразсуднобъ было сїе весьма, естьлибъ Царица Перїйская (*) наполнила цѣлыя палаты мои златомъ и драгоцѣнными каменьями, и ябъ чрезъ то самое обогатить могъ каждаго Персїянина, а согласилсябъ оставить безъ дѣйствїя и въ презрѣнїи всѣ работы и художества. Хотя и желаю я видѣть народъ свой во всякомъ изобилїи; но хочу притомъ, чтобъ достигъ оной того собственнымъ своимъ прилѣжанїемъ и трудами. Все то на-

(*) Подъ симъ имянемъ разумѣются Магометанскїя волшебницы,

нахожу я въ *Лїосуѣ*, любезные мои соучастники, продолжалъ говорить благоразумный *Усонгъ*, она печется обогащать Персїю новыми художествами, и награждать изобильно пропадавшїя до того сокровища оной.„

Государыня сїя, будучи одарена впротчемъ всѣми преимуществами разума, научилась скоро, по прибытїи своемъ въ Персїю, говорить совершенно языку земли той, и находя въ стихотворствѣ *Саади* не малое подобїе съ премудростїю Китайскою, приказала тотчасъ сему нравоблюстителю, коего тѣло погребено было недалеко отъ Шираса, воздвигнуть великолѣпную достопамятность, похвала которому описана была на сооруженномъ при оной мраморномъ столпѣ; на семъ мѣстѣ опредѣленъ былъ искусный Молла, который каждой день долженъ былъ читать нѣсколько стиховъ сего премудраго стихотворца молодымъ дѣтямъ, и на оныя дѣлать нравоучительныя разсужденїи, коибъ внушать могли въ сердца юныхъ слушателей силу побуждающей къ подражанїю добродѣтели.

УСОНГЪ.

КНИГА III.я

Хотя *Усонгъ* и полагалъ впротчемъ въ мирѣ и тишинѣ совершенное свое удовольствіе, потому что любилъ онъ безмѣрно своихъ подданныхъ; но слава и честь Персіи были ему несравненно всего дороже, безъ коихъ, зналъ онъ, никаковое спокойствіе не могло сохранятся долго. Таковыми размышленіями занятъ будучи безпрестанно, принужденнымъ нашелъ онъ себя наконецъ прибѣгнуть сверьхъ чаянія почти къ оружію. Отправленный отъ него республиканецъ *Цено* былъ задержанъ въ Галепѣ нѣкоторымъ сильнымъ корыстолюбіемъ зараженнымъ намѣстникомъ новаго Египетскаго Султана, обезчесченъ и лишенъ большей части даровъ, везенныхъ имъ Республикѣ, такъ, что не смотря на то, что посланный съ нимъ нарочный знатный Персіянинъ для препровожденія его въ Венецію, представлялъ Черкесскимъ разбойникамъ ясно симъ причиняемую чувствительнѣйшую обиду Императору Персидскому, принужденъ былъ однакожъ *Цено* продолжать свое путешествіе далѣе,

лишенъ будучи многихъ дорогихъ вещей, везенныхъ имъ отъ Персидскаго Государя въ свое отечество.

Итакъ, не могъ оставить *Усонгъ* втунѣ обиду сiю, причиненную послу дружелюбной съ нимъ силы, который ѣхалъ притомъ еще и подъ его защитою; не желая также нарушить и согласiя упущенiемъ того вовсе съ Республикою, которое къ великимъ его предпрiятiямъ казалось ему необходимымъ: чего ради, отправилъ онъ тотчасъ одного изъ своихъ начальниковъ гвардiи по имяни *Мервана*, человѣка превосходнѣйшихъ дарованiй, въ *Алкагиру*. Сему посланному, велѣлъ онъ во первыхъ представить избранному вновь только тогда Султану *Олъ-Малеку-отъ-Ѳагеру*, что Персiя и Египетъ, какъ не безъизвѣстно ему, сопряжены самою натурою между собою тѣсными узами взаимнаго союза, имѣвъ оба сiи Государства общаго себѣ непрiятеля въ Оттоманнахъ; но какъ неразрывное согласiе, владычествовавщее между Персiею и Венецiянскою республикою, имѣло единственное намѣренiе утвердить съ обоими сими Дворами совершенное равновѣсiе противъ прирастающей часъ отъ часу силы сей предпрiимчивой власти, то Императоръ Персидскiй, считая не мало себя обиженнымъ

по-

поступкомъ его намѣстника въ разсужденїи посла Республики учиненнаго, требуетъ отъ Султана надлежащаго себѣ удовлетворенїя, признавъ оной достойнымъ наказанїя, въ которомъ самъ онъ ни малѣйшаго не имѣлъ участїя.

Но Галепскїй намѣстникъ былъ одинъ изъ числа двадцати четырехъ Князей, кои изъ рабовъ учинились Властелинами въ Египтѣ, и состоялъ въ великомъ почтенїи у своихъ сотоварищей, способствовавъ притомъ не мало и своему Государю при возвышенїи его на Султанское достоинство; чего ради, увѣнчанный сей игоносецъ не имѣлъ вовсе ни охоты, ни довольной бодрости наказать преступленїе своего друга и единомысленника, а потому самому и принудилъ посла Персидскаго ожидать не малое время рѣшительнаго на то отвѣта, которой воспослѣдовалъ наконецъ однимъ только неосновательнымъ извиненїемъ въ грабежѣ *Цены*, кое не менѣе казалось быть огорчительнымъ, какъ и самое преступленїе: да сему и удивлятся не можно было; ибо при дворѣ Египетскомъ не находилось тогда вовсе мѣста правосудїю. Султанъ не освобождалъ себя отъ вкушенїя своего сластолюбїя, какъ весьма токмо рѣдко, да и тогда предпринималъ онъ весьма скорое рѣшенїе,

каковое бывало ему присовѣтовано обыкновенно его евнухами или страшными для него Бѣями.

Мерванъ, получа наконецъ себѣ отпускъ отъ двора Египетскаго, поспѣшалъ всячески своимъ возвращенїемъ въ Ширасъ, куда прибывъ онъ, донесъ *Усонгу* о всемъ дѣлѣ, порученномъ ему, обстоятельно, и Государь сей, сколь ни щадилъ впротчемъ проливать кровь своихъ подданныхъ, однакожъ не оставилъ чинить надлежащїя къ войнѣ приуготовленїи. Жившїе въ ставкахъ безпрестанно Курды, получили повелѣнїе немедлѣнно выступить въ походъ, въ Таврисѣ присовокупился къ онымъ не малой корпусъ отборной конницы изъ Грузїи, а половину Персидской наличной армїи привелъ Императоръ самъ, взявъ притомъ нѣсколькихъ и изъ искусныхъ стрѣлковъ огнестрѣльнымъ орудїемъ съ собою, коихъ самъ обучалъ онъ во всемъ. Все сїе войско соединилось вскорѣ между собою на пространныхъ поляхъ Адербейчанскихъ. *Усонгъ* предводительствуя онымъ, повелъ его тотчасъ чрезъ Ербилъ и Мердинъ къ Галепу, и грозилъ неминуемою погибелїю городу Орсѣ, состоявшему подъ владѣнїемъ Султана Египетскаго; сверьхъ того, и *Джунеидъ* поспѣшалъ также между тѣмъ съ имянитымъ числомъ

сломъ охотниковъ изъ Аравлянъ на помощь своему другу, Государю Персидскому.

Хотя древнїе Черкессы и были погружены въ совершенное сладострастїе роскошїю и другими пороками Египтянъ; но какъ ежегодно частые набѣги Татаръ Нагайскихъ и Кримскихъ, а притомъ Кабардинцовъ и Черкессовъ, народъ Мамелюкской старались всячески привести въ безсилїе, то ополчили чрезъ то самое дикїя сїи люди бодрость народа онаго сущею смѣлостїю и бѣшенствомъ, кои суть истинныя преимущества незараженной еще никакими слабостями нацїи. Итакъ, Султанъ не преминулъ показатся также скоро съ многочисленнымъ войскомъ предъ своимъ непрїятелемъ, снабденнымъ сильнѣйшею артиллерїею и большею частїю вооруженныхъ огнестрѣльнымъ орудїемъ.

Между тѣмъ зналъ *Усонгъ* довольно и своихъ Персовъ, сколь разсудительной и великодушной народъ сей покорялся побужденїю къ чести, и сколь храбро нападалъ оной на своего непрїятеля; но извѣстно ему и то было не менѣе, сколь легко изчезала напротивъ того бодрость его въ случаѣ каковаго либо нещастїя: чего ради, выбралъ онъ весьма выгодное мѣстоположенїе для своего стана, приказавъ своей кон-

конницѣ ежедневно покушатся дѣлать небольшія выласки, на коихъ Персидскій мечь и лучшій порядокъ въ рядахъ, соблюдаемый обыкновенно, всегда почти имѣли величайшія преимущества. Чрезъ сіе самое, приобрѣлъ онъ скоро къ себѣ не малую довѣренность отъ всего своего войска, а непріятелю напротивъ того сдѣлалъ оное страшнымъ, приказывая притомъ каждой день народу своему выходить изъ лагеря и строится въ боевой порядокъ. Египтяне дѣлали тожъ самое; но прежде нежели доходило дѣло до настоящаго сраженія, собиралъ Усонгъ оной паки тотчасъ въ лагерь, которой, прикрытъ будучи высотою окоповъ и заставленъ не малою артиллеріею, не имѣлъ никогда никакой опасности. Десять дней сряду выводилъ онъ войски свои то впередъ, то возвращался опять назадъ съ онымъ, покуда наконецъ Черкессы не привыкли совершенно къ симъ неизвѣстнымъ вовсе движеніямъ, считая то уже одною только игрушкою послѣ, когда Персіяне выступали такимъ образомъ построившись; но въ одинадцатый день, когда Мамелюки совершенно считали себя быть безопасными, выступилъ Усонгъ впередъ за два часа еще до восхожденія солнца, и при самомъ освященіи земли лучами онаго, далъ онъ знакъ къ нападенію;

а

а какъ восходящее солнце служило обыкновеннымъ предзнаменованїемъ въ Персїи, то *Усонгъ* разсудилъ за нужное собрать при семъ случаѣ прежде всѣхъ начальниковъ войска своего: „Вспомните, говорилъ онъ имъ съ духомъ преисполненнымъ бодрости, что Персїя обратила весь свой взоръ на васъ, любезные друзья, она помечаетъ дѣла ваши, и наградитъ оныя не оставитъ конечно вѣчною честїю и славою.„ При напоминовенїи слова чести, потому что оно принималось за сигналъ въ семъ Государствѣ со времянъ царствованїя *Усонга*, бросились всѣ Персїяне, оживотворены будучи такъ сказать новымъ пламянемъ бодрости, на неожидаемаго вовсе того непрїятеля: великїя тысящи пали на мѣстѣ, а протчїя оставили поспѣшно всю верьхнюю Сvрїю и Галепъ (*) побѣдителю ихъ въ руки.

Не удовольствовавшись тѣмъ однакожъ, повелъ *Усонгъ* побѣдоносное свое войско нарочно чрезъ прекраснѣйшїя провинцїи Азїи противъ Сvрїи; но намѣренїя не имѣлъ вовсе притомъ ослабѣвать весьма Егvпетъ, какъ такое Государство, которое почиталъ онъ за настоящую ограду Персїи. Онъ обрадовался несказанно

(*) *Бизарро* описалъ подробно сїю побѣду въ своей гисторїи.

занно тому, когда услышалъ, что изъ Алкагиры прибыли къ нему тогда послы, которые предлагали со стороны Султана Егvпетскаго мирные договоры, и не смотря на то, что одержалъ онъ совершенную надъ нимъ побѣду, не желалъ ничего инаго болѣе, какъ тогожъ самаго, въ чемъ прежнее его состояло требованїе: во исполненїе чего, намѣстникъ Галепскїй лишенъ былъ своего достоинства и исключенъ вовсе изъ числа двадцати четырехъ Князей, правительствовавшихъ въ Егvптѣ; похищенныя у *Цены* сокровища отъисканы были тотчасъ и возвращены назадъ всѣ сполна; включеножъ было въ договоры о мирѣ только то, чтобъ дѣла Государства Персидскаго съ Венецїянскою республикою впредь безъ всякаго препятствїя чрезъ земли и гавани Султанскїя производимы быть долженствовали, и какъ люди, такъ и товары свободно пропускаемы были чрезъ оныя; а притомъ и завоеванной бы части Алгецiры остатся навсегда за Персидскимъ владѣнїемъ.

Такимъ образомъ, *Усонгъ* достигъ наконецъ совершенно до своего чаемаго намѣренiя; слава Имперїи стала утверждена, и сїе похвальное предпрїятїе окончано было безъ наималѣйшаго кровопролитїя его подданныхъ, не желая болѣе

зе-

земель, когда Персїя и безъ того, для подкрѣпленїя своего честолюбїя, уже довольно была пространна. Оставивъ же на поляхъ около Тавриса полоняниковъ своихъ, распустилъ онъ потомъ все свое войско, куда кто слѣдовалъ; но до учиненїя еще того, не преминулъ наградить онъ приличными дарами и достойными награжденїями Князей, начальниковъ и многихъ изъ рядовыхъ, бывшихъ подъ его предводительствомъ въ семъ походѣ: итакъ, развѣдавъ самъ подробно о заслуживавшихъ похвалу дѣлъ каждаго, не оставилъ Государь сей ни одного безъ награжденїя; отличившихся же особо при семъ случаѣ, благодарилъ притомъ самолично имянемъ Персїи, а полководцамъ своимъ поручилъ засвидѣтельствовать всему войску его удовольствїе и благодарность за оказанную имъ ревность къ своей должности.

По окончанїи всего того, поспѣшалъ Императоръ въ объятїи прекрасной своей *Лїосуи*, и нашелъ, по прїѣздѣ своемъ въ Ширасъ, прибывшихъ туда въ не маломъ количествѣ Китайскихъ переведенцевъ со многими между ними находящимися различными искусными художниками. Достойный всякаго почтенїя Цонгта, *Ливангъ*, низложилъ добровольно, услышалъ онъ, съ себя всѣ свои достоинства, и уда-

удалился въ Кіофу, мѣсто рожденія имянитаго своего предка *Конг-фу-ція*, гдѣ, какъ утверждалъ онъ самъ, ожидалъ онъ конца своей жизни, упражняясь въ наблюденіи правилъ премудрости; въ писмѣ своемъ къ *Усонгу* давалъ онъ знать между протчимъ, что пороки и различныя отъ того неустройства, начали уже при дворѣ Китайскомъ часъ отъ часу усиливатся, потому что *Ингъ-цонгъ* былъ еще совершенной ребенокъ; а Татары, пользуясь слабостію Государя и всѣхъ его подданныхъ, опустошали безпрестанно Государство, такъ что самъ Императоръ вскорѣ послѣ того захваченъ былъ въ полонъ Монгалами въ нѣкоторомъ кровопролитномъ сраженіи и отведенъ въ Татарію. Итакъ, премудрый *Ливангъ* предвидѣлъ ясно погибель сію, грозящую паденіемъ Государству со времянемъ, которая, хотя и долго спустя послѣ того, однако совершилась истинно, причины коей однакожъ уже и тогда дѣйствительными и неизцѣлимыми быть казались.

Отъ *Тимуръ-таша* пришли также тогда извѣстіи, который въ пріобрѣтенныхъ надъ Китайцами побѣдахъ не малое принималъ участіе; но *Усонгово* благосостояніе утѣшало любезнаго сего родителя несравненно болѣе, нежели всѣ сіи побѣды и преимущества.

Въ

Вѣ тожѣ самое время прибылѣ знатный Аравлянинѣ сѣ письмомѣ и отѣ почтеннаго *Гассана*, которое, имѣлѣ онѣ повелѣніе, самолично вручить Императору Персидскому. Состаревшійся Алидѣ изъявлялѣ вѣ ономѣ любезнѣйшему своему сыну искреннѣйшее участіе вѣ пріобрѣтенной имѣ славѣ, которою прославлялѣ его тогда весь свѣтѣ; „Но одного лишь не доставало токмо кѣ совершенству всѣхѣ его учрежденіи, упоминалѣ онѣ притомѣ; ибо *Гассанѣ* не слышитѣ еще ничего, чтобѣ нѣчто учинено имѣ было вѣ его Государствѣ вѣ разсужденіи закона естественнаго. Мошеи (*) были пусты, и народѣ безѣ всякаго наставленія о промыслѣ всемѣ управляемаго Творца: сіи созданіи Его, одичавѣ безѣ того наконецѣ совершенно, представлялѣ онѣ, не только могутѣ забыть великаго ихѣ пророка; но и самаго Бога даже со времянемѣ.„

Напротивѣ того *Усонгѣ* имѣлѣ всегда искреннѣйшее почтеніе кѣ Существу высочайшему; чтожѣ касалось до чудесѣ великаго пророка, то не довольно еще былѣ онѣ увѣренѣ вѣ томѣ, хотя и зналѣ впротчемѣ, что свѣтѣ обязанѣ весьма *Магомеду*, потому что оный

(*) Или храмы.

удержалъ идолопоклонничество, и своихъ Аравлянъ научилъ признавать единаго только Бога. При всемъ томъ, не забывалъ онъ также вовсе и достодолжнаго богопочитанія: сему благоразумному Государю не безъизвѣстно было, что законъ естественный есть истинный союзъ человѣческаго общества, что по оному всѣ смертныя дѣлались другъ другу единокровными, и что чрезъ то сильнѣйшимъ образомъ дѣйствовало въ сердцахъ подданныхъ повиновеніе ихъ къ Государю, яко опредѣленному надъ ними отъ Бога начальнику: ибо довольно удостовѣрился онъ въ томъ въ бытность свою въ Китаѣ, что безъ страха ко всевысочайшему Существу, люди хотя и наблюдали наружныя добродѣтели; но страстямъ своимъ не въ силахъ были противоположить безъ того довольно сильнаго равновѣсія.

Итакъ, хотя представленіи *Гассана* и весьма основательны были; но *Усонгъ* испыталъ довольно затрудненія въ изъискиваніи достойныхъ служителей Божеству. Онъ не нашелъ во всей Персіи такого училища, гдѣбъ изображалъ кто въ себѣ истиннаго учителя закону естественному, и ни единаго Имама (*), коегобъ

(*) То есть священника.

коегобъ знанïи и душевныя склонности сïе достоинство, приличное начальнику службы Божïей, имѣли нѣкогда.

Чего ради, просилъ *Усонгъ* сего почтеннаго Алида принять на себя трудъ сдѣлать къ тому возможныя учрежденïи, присовѣтовываемыя имъ ему столь усердно, и выбрать, естьли можно, смиреннѣйшихъ и набожнѣйшихъ мужей изъ Аравлянъ, коихъ бы помѣстить можно было въ мечетяхъ большихъ городовъ для богослуженïя; а притомъ, убеждалъ его старатся также и о ученыхъ людяхъ, коибъ способны были преподавать надлежащïя наставленïи юношеству какъ въ законѣ вѣры, такъ и протчихъ наукахъ, потому что считалъ онъ крайнею необходимостïю сколько изображенïе сердца и разума своего народа, столькожъ не менѣе и поправленïе того въ ономъ. Онъ не утаилъ слѣдовательно и того отъ усерднаго *Гассана*, что намѣренïе его простиралось единственно только до почитанïя единаго Бога, а не до различныхъ распрей между исповѣдованïями правовѣрующихъ вовсе, и просилъ того ради стариннаго своего друга изъискивать такихъ мужей, въ выборѣ коихъ состоялъ бы единственно весь предмѣтъ настоящаго ихъ знанïя о Богѣ, и притомъ набожной оныхъ жизни; открывая

ему впротчемъ, что никакъ не презиралъ онъ невинныя обычаи и различныя установленныя священнодѣйствїи; а почитаетъ только ребячествомъ вѣрить тому, чтобъ можно было угодить тѣмъ Богу, что исправляемо быть можетъ и злостїю преисполненными сердцами.

Онъ приказалъ между тѣмъ всѣ по городамъ мошеи привести въ прежнее состоянїе, дабы правовѣрныя могли собираться туда для принесенїя достодолжной жертвы Богу, выбралъ чрезъ своихъ правителей честныхъ и знающихъ людей, коибъ по праздничнымъ днямъ читали народу тѣ статьи изъ Алкорана, кои Молла *Абдулъ* изъ Тавриса (*) и Молла *Магомедъ Раце-Эмуни*, ученикъ онаго, выбрали оттуда, и въ коихъ содержались великїя свойства Божїй, должность соображать себя съ предписанїемъ всевысочайшаго Существа, и притомъ правила, достигать до сего душеспасительнаго средства, кои означены были тамъ ясно. Симъ чтецамъ, позволилъ онъ сверьхъ того присовокуплять побудительнѣйшїя доказательства изъ всеобщихъ законовъ натуры и нравственной науки, буде коихъ недоста-

(*) Сїе учрежденїе осталось только между одними Алидами нынѣ.

ставало къ тому въ Алкоранѣ; а пять ежедневныхъ молитвъ приказано было читать всѣмъ правовѣрнымъ безъ изъятія.

Всѣмъ служителямъ богослуженія, назначилъ Усонгъ достаточное содержаніе, кои пользовались десятою долею съ земли собираемаго оброка; однакожъ не хотѣлъ онъ при всемъ томъ ввѣрять имъ никакой должности въ судебныхъ мѣстахъ, какъ у Оттомановъ введено сіе было въ употребленіе, ниже намѣренъ былъ изключать оныхъ отъ зависимости правосудія. Онъ зналъ довольно изъ гисторіи западныхъ народовъ, сколь ужасныя слѣдствіи имѣли погрѣшности Назарейскихъ Князей (*), слабостію коихъ, возпользуясь духовные, возстановили не только особыя владѣніи; но и достигли даже до степени настоящей власти цѣлаго Государства, которая, истощевая силы народа, притѣсняла всю вольность, и самый престолъ Помазанниковъ опровергнуть была въ силахъ, кои намѣрялись только полагать нѣкоторые предѣлы перьвоначальству сего состоянія людей: ибо перьвенствующій въ мечети Султанской Молла не столько считался гла-

(*) Подъ сими разумѣются Христіянскіе Государи въ Европѣ.

главою всему духовенству, сколько настоящимъ надзирателемъ надъ самимъ его Государемъ.

Между тѣмъ, испыталъ довольно *Гассанъ*, сколь трудно было находить людей, сердцабъ коихъ преисполнены были истинною, произносимою ихъ устами; но онъ производилъ сіе, сколько могло токмо допустить къ тому всеобщее поврежденіе рода человѣческаго; онъ выбиралъ самъ изъ честнѣйшихъ людей въ духовенство, приманивалъ къ себѣ изъ отдаленнѣйшихъ пустынь премудрѣйшихъ затворцевъ, оставившихъ всѣ суеты мірскія, и сіе малое число, которое могъ онъ собрать только въ скорости, послалъ немедлѣнно къ Персидскому Императору, снабдивъ притомъ оныхъ всѣми потребными наставленіями, который, по прибытіи ихъ къ себѣ, поручилъ имъ тотчасъ всѣ Царскія мечети въ знатнѣйшихъ городахъ Персіи, изъ коихъ большая часть были Алиды рода *Госсейна*, пророка, потомки которыхъ и въ послѣдующихъ времянахъ заступали весьма долго первѣйшія мѣста въ духовенствѣ.

Но съ преимущественнѣйшимъ успѣхомъ предъ вышеупомянутымъ установленіемъ учредилъ *Усонгъ* вездѣ по городамъ различныя училища: ибо каждой Пер-

Персїянинъ, будучи остеръ отъ природы, приуготовленъ уже былъ слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ къ наукамъ, принадлежащимъ къ нравоученїю, разуму и всякому изчисленїю; а Государство изобиловало въ тогдашнее время многими славными стихотворцами, основательными нравоучителями и великими звѣздочетцами; не удовольствовавшись же тѣмъ, учредилъ онъ сверьхъ того и верьхнїя школы, въ которыхъ не только посредственныя состоянїемъ люди (*); но и самыя знатнѣйшїя даже въ Персїи, занимали великїя мѣста, наставляя отроковъ въ глубочайшихъ вообраaженїяхъ, кои юношество подъ премудрымъ ихъ присмотромъ съ не малымъ тщанїемъ понимать старалось; а чадолюбивое попеченїе Государя, и неусыпное такъ сказать усердїе въ поощренїи различными отличностями искуснѣйшихъ изъ нихъ въ наукахъ, доставляли всѣмъ похвальнымъ симъ учрежденїямъ надлежащїй успѣхъ. Онъ приказывалъ имъ упражнявшимся въ наукахъ на публичные и вовсе нечаенные вопросы, кои по жребїю доставались каждому, дѣлать надлежащїе отвѣты: при таковыхъ экзаменахъ бы-

(*) Смотри о семъ въ *Шардиновомъ* описанїи его путешествїя.

бывалъ онъ обыкновенно самъ, буде же время не допускало его присудствовать самому тамъ, то поручалъ сїе особливо назначаемымъ отъ него къ тому знатнымъ господамъ: опыты знанїя молодыхъ сихъ людей, доказыванныя притомъ, бывали вносимы въ присудствїи всѣхъ, находящихся тогда въ тѣхъ мѣстахъ, въ особыя для того сдѣланныя книги, и кто трижди заслуживалъ себѣ похвальное въ успѣхахъ своихъ при сихъ случаяхъ свидѣтельство, тотъ могъ увѣренъ быть въ своемъ повышенїи: изъ таковыхъ, приказывалъ *Усонгъ* обыкновенно выбирать въ судїи, кои однако цѣлые три года долженствовали слушать дѣла и научатся производить оныя въ нижнихъ судахъ прежде, и по изслѣдованїи новаго, но также публичнаго опыта въ достоинствахъ, опредѣляемы уже были потомъ настоящими засѣдателями въ судахъ. Для прекращенїяжъ въ томъ каковаго либо злоупотребленїя, дабы подкупъ и подарки не украсили нѣкогда преимуществомъ сущее незнанїе предъ искуствомъ и славою, кои истиннымъ служили награжденїемъ справедливыхъ заслугъ и достоинствъ, бралъ Императоръ всякую осторожность, будучи въ томъ настоящимъ свидѣтелемъ коварства Китайскихъ учрежденїй.

Онъ

Онъ надѣился, что отъ стеченія любопытныхъ Персіянъ и оныхъ остраго понятія, которое примѣченнаго недостатка или порока защищать не привыкло вовсе, отвратить легко могъ при сихъ публичныхъ свидѣтельствахъ юношеству всякое внушеніе къ предательству и похлебству; сверьхъ того, каждый судія и повѣренный Императорскій, долженъ былъ стыдится въ присудствіи толикихъ знающихъ свидѣтелей дѣлать одобреніе въ способности удостоенному, буде то противно было истиннѣ: ибо всеобщій утвердительный законъ Государя Персидскаго состоялъ единственно въ томъ, чтобъ строго наказывать того, кто его покусится обмануть только въ чемъ; а при семъ случаѣ никаковой обманъ не могъ сокрытся ни мало, потому что весь городъ, присудствуя притомъ, примѣчалъ рачительно изслѣдованіи способностей юношества. Жребійжъ, препятствовалъ впротчемъ притомъ всякому презрительному мирволію: съ вечера производимъ бывалъ обыкновенно оный, и запечатыванъ потомъ Государственною печатью; а по восхожденіи солнца возобновляемы были паки сіи изслѣдованіи.

Сверьхъ того, учредилъ *Усонгъ* еще другой родъ школъ, коимъ Персія доб-

добнаго примѣра не находила ни въ какомъ другомъ народѣ. Онъ приказалъ построить великія зданіи (*), въ коихъ разные художники, будучи снабдены Государственною платою, работали безпрестанно всякія вещи для Двора единственно: онъ предпочиталъ въ оныхъ тѣ знаніи, при коихъ особливая требовалась сила вымысла, и гдѣ прямый разумъ, а не единое упражненіе, искуству вящее придавать могло совершенство; чрезъ то самое, имѣлъ онъ всегда у себя искусныхъ живописцевъ и архитекторовъ. Одни выработывали тамъ изъ стали и мѣди ружья, пистолеты и протчее тому подобное для Императора, другіе вышивали шелками цвѣты съ натуры и инныя подобіи естества, нѣкоторые обдѣлывали съ надлежащимъ вкусомъ драгоцѣнныя каменья сосѣдственнаго Индостана и Персидскій жемчугъ въ золото и серебро; а иные ткали бархаты и различныя шелковыя матеріи, коихъ добротѣ никакой другой народъ подражать не могъ; протчіежъ раскрашивали шелкъ и шерсть прекраснѣйшими, а притомъ и прочнѣйшими красками, въ которыхъ знающія Европейцы

вели-

(*) Читай о семъ описаніе Испагана г: *Шардина.*

великой и донынѣ имѣютъ недостатокъ. Искуснѣйшїе изъ сихъ рукомесленниковъ, бывали щедро награждаемы, и цѣна всѣмъ ихъ работамъ предоставлена была собственному ихъ произволу; сверьхъ же того, были они и обнадежены притомъ всегдашнею милостїю Государя во всю свою жизнь. Посредствомъ сего премудраго учрежденїя, приобрѣла Персїя вдругъ не только великое множество совершенно искуснѣйшихъ художниковъ; но притомъ и прекраснѣйшїя училища для всего Государства, которое наслаждалось большїя столѣтїи и послѣ смерти *Усонга* неисчетными плодами его благоразумїя; и какъ Персїяне не могутъ вовсе впротчемъ считатся чего либо изобрѣтателями, потому что природное въ нихъ нерадѣнїе умягчаетъ дѣйствїи ихъ дарованїя, то свободно можно чрезъ постороннихъ и вывезенныхъ знающихъ художниковъ, а притомъ и чрезъ предпрїимчивыхъ Европейцевъ Персїянамъ подать довольно достойный примѣръ, которой бы служилъ къ облегченїю подражающаго природнаго ихъ расположенїя; такъ что каждаго Государства предшественники не имѣли столь удачнаго успѣха въ художествахъ, каковой оные доказали въ нихъ довольно свѣту.

И

И подлинно, Персія достигла тогда не ложно во многихъ художествахъ на высочайшій степень своея славы, такъ что и понынѣ дѣлаютъ тамъ наидрагоцѣннѣйшія парчи и другія золотыя матеріи. Въ Іездѣ ткутъ такіе штофы, коимъ цѣна за каждый локоть до двадцати четырехъ (*) унцій серебра простирается; Персидскія обои служутъ украшеніемъ всѣмъ Государствамъ свѣта; прозрачная тонкая глиненая посуда ихъ и рисовка оной, гораздо крѣпче и прочнѣе, нежели самая Чингтечингская; кожевная выдѣлка, токарное искуство, оловянное и мѣдное мастерство, ружейная, лучная и стальная работа, имѣютъ по справедливости въ Персіи преимущество предъ всѣми восточными странами. Шелкъ произвелъ въ послѣдующихъ времянахъ наибогатѣйшій товаръ къ вывозу изъ Персіи; Государство оное получало за сію драгоцѣнную пряжу ежегоднаго доходу болѣе четырехъ тысящъ центнеровъ серебра (**). Всѣ сіи источники неусыпнаго старанія о пользѣ Государства хвалы достойнаго *Усонга* наградили то, что Персія изъ другихъ земель принуждена была прежде къ необхо-

(*) Читай о томъ *Шардина* томъ VII.

(**) Сіе составляетъ на нашъ щетъ 420000 фунтовъ серебра.

обходимому употребленію своему или роскоши заимствовать, кои впротчемъ столь много излишнихъ вещей обыкновенно требуютъ. Она обогатясь чрезъ то сама, обогатила въ одно время и своего Повелителя совершенно.

Самая даже забава, услаждающая чувствіи человѣческія, не осталась безъ попеченія Императора. Онъ велѣлъ въ Ширасѣ, а потомъ въ Таврисѣ и Испаганѣ, заложить Государственные сады: высокіе ряды прекрасныхъ тѣнистыхъ деревьевъ, Чинарскими имянуемыхъ, искусно сдѣланныя каскады, біющіе чистою водою фонтаны и дорогія овощныя деревья, приготовлены были тамъ къ утѣшенію народа: ибо Императоръ запретилъ настрого, лишать каждаго Персіянина удовольствія въ свободномъ входѣ въ увеселительныя сіи мѣста, такъ какъ и употребленіи различныхъ плодовъ, растущихъ тамъ въ изобиліи, кои, утверждалъ онъ, единственно содѣланы и разведены были для его подданныхъ (*).

Такимъ образомъ, возчувствовала Персія скоро совершенно новое свое благосостояніе: всѣ провинціи оной доказывали

(*) О семъ пространнѣе увидѣть можно во IIмъ томѣ *Делла Валлы*.

вали неизреченное удовольствїе, и торжествовали настоящее ихъ благополучїе. Подземельные протоки и каналы были возобновлены тогда, кои Персїи служили истиннымъ Ниломъ, и безъ коихъ бы оная была дѣйствительно сухою пустынею: по врожденному искуству народа сего, и необходимостїю притомъ приведеннымъ до совершенства искуствомъ, вырытъ былъ наконецъ каналъ на двенадцать саженъ глубины подъ землею, продолжавшейся на цѣлой день ѣзды. Сверьхъ того, найдены были также различные рудники въ гористой части Персїи, коими учинены были плодородными оставленныя до того вовсе земли. Около Бендемира, Сендеруда и протчихъ Персидскихъ рѣкъ лежащїя поля, сдѣлались пространнѣйшими садами посредствомъ сихъ благотворящихъ водъ, коими напоена была жаждущая сїя столь долго земля. Всѣ сїи страны обселены были скоро жителями, искавшими многїя времяна щастїя жить подъ столь милостивымъ и премудрымъ покровительствомъ. Книги, въ кои записываны были платежи, собираемые съ оброчныхъ земель и веденный порядокъ въ раздѣлѣ водъ, увеличивались ежедневно, а доходы Имперїи возрастали съ благополучїемъ подданныхъ оной при умноженїи новыхъ сограждань въ Государствѣ.

Послѣ

Послѣ таковыхъ учрежденiи, предпринялъ *Усонгъ* паки новое путешествiе, которое хотя труднымъ, а притомъ и опаснымъ весьма быть казалось; но каждый долгъ составлялъ сущую необходимость для сего Государя, отъ коей никакiя затрудненiи не въ силахъ были освободить его; чего ради, изобралъ онъ путь свой при семъ случаѣ прямо къ Керману. Сiя провинцiя была вовсе почти безъ воды, и представляла собою настоящее песчаное море, гдѣ сильные вѣтры ежеминутно покрывали новымъ пескомъ дороги; итакъ, принужденъ былъ *Усонгъ* приказывать тамъ возить на вельблюдахъ нужную воду; но не желая вовсе никого допустить сносить то послѣ себя, что самъ терпѣлъ прежде, велѣлъ онъ вырыть колодцы, въ кои вода теченiе имѣла весьма тихое изъ находящихся на нѣкоторыхъ отдаленныхъ весьма возвышенныхъ мѣстахъ рудниковъ; для облегченiяжъ жителей, приказалъ подѣлать при каждомъ изъ оныхъ по восточному обыкновенiю публичныя гостинницы, а дороги украсить высокими по мѣстамъ столбами, кои разставлены должны быть были такъ другъ отъ друга, чтобъ всегда слѣдуемый за однимъ виденъ быть могъ другому. Цѣлыя семнадцать сутокъ проводилъ

водилЪ *Усонгъ* такимЪ образомЪ безЪ всякаго покоя, будучи безпрестанно на жестокомЪ жару, покуда наконецЪ достигнуть могЪ онЪ Кермана, и то не болѣе, какЪ опустошенной деревни.

Но его благое намѣреніе было потомЪ награждено преизбыточно: сію опустошенную почти вовсе страну нашелЪ онЪ послѣ уже совершенно обселенною и обработанною. Гебернцы, оставивЪ совсемЪ уѣздЪ ПатанянЪ (*) и БаллушанЪ (**), искали вЪ покровительствѣ *Усонги* спокойной себѣ жизни. ИхЪ усердіе и труды исправили совершенно землю, которая устроена была на подобіе плодороднаго сада, и самая даже степь покрыта была многочисленными стадами овецЪ, коихЪ тонкая шерсть при употребленіи свѣжей травы падала сама собою. Преимущество сіе казалось *Усонгу* новымЪ сокровищемЪ для Персіи, которое цѣною своею ни вЪ чемЪ не уступало почти шелку: ибо легкія изЪ сей шерсти тканныя матеріи почитались наровнѣ сЪ шелковыми. ПритомЪ, нашелЪ онЪ вЪ семЪ мѣстѣ также весьма прекрасную гли-

(*) Жившія вЪ горахЪ народы между Персіею и МултаномЪ.

(**) Народы, обитавшія между КерманомЪ и СиндомЪ.

глиняную посуду, которая работалась тамъ довольно искусно.

Тутъ, долженъ былъ *Усонгъ* разбирать нѣкоторую ссору, происшедшую между его правителемъ и Беніянцами. Намѣстникъ Императорскій требовалъ отъ сего древнѣйшаго народа изъ всѣхъ протчихъ, чтобъ и оной въ свою очередь несъ также равную съ другими Государеву службу, и упражнялся бы въ обыкновенныхъ военныхъ экзерциціяхъ; но Беніянцы, ужасаясь весьма пролитія крови человѣческой, въ какомъ бы то случаѣ ни было, презирали всячески слѣдовательно и рукомесло военное, то есть, всякое орудіе. *Усонгъ*, вспомня тотчасъ, что народъ сей былъ одинъ изъ полезнѣйшихъ подданныхъ Персіи, не разсудилъ за нужное принуждать оной къ чему либо противному ихъ совѣсти. „Никогда, говорилъ сей милосердый Монархъ, не должно приводить людей во искушеніе, заставляя ихъ предпочитать вѣчное добро временному.„ Онъ освободилъ вовсе миролюбивыхъ сихъ подданныхъ его отъ ношенія на себѣ бремяни оружія за небольшей налогъ, возложенной имъ на каждаго человѣка, которой раздѣленъ былъ послѣ по Персіянамъ, и кои одни только впредь должны были исполнять то; а Беніянцы услыша сіе, и бросившись къ ногамъ

Усонга, прославляли всячески преемника престола *Кирова* и *Густасла* (*).

Отсюда, поспѣшалъ *Усонгъ* чрезъ такіяжъ самыя пустыя песчаныя степи въ Гомронъ. Ѣдучи дорогою, удалось ему видѣть между протчимъ Генгизскія растеніи, отъ коего трудолюбивые Геберны ежедневно обрѣзывали новыя отрасли отъ высунувшагося изъ земли корня онаго, и котораго сокъ наидрагоцѣннымъ товаромъ считается въ Индіи, служащимъ не малымъ приращеніемъ богатству Персіянъ; но тѣлесныя силы ко всѣмъ перемѣнамъ безпокойствія окрѣпчалаго *Усонга*, не довольно были сильны противостоять чрезмѣрной густотѣ воздуха, гнилости воды и зараженнымъ парамъ, выходящимъ изъ земли въ тѣхъ мѣстахъ: онъ занемогъ въ Гомронѣ опасною горячкою въ то самое время, когда намѣренъ былъ только осматривать самъ земчужную ловлю въ Багрейнѣ. Ослабѣвшій жестоко Императоръ, отнесенъ былъ въ скорости въ пальмовыя рощи, окружающія подошвы горъ Генайской и Герунской, гдѣ воздухъ былъ совершенно здоровой, гдѣ прозрачные источники оживотворяли землю и гдѣ весна

(*) *Дарій*, сынъ *Гидасловъ*, разумѣется подъ симъ имянемъ.

весна владычествовала безпрестанно. Онъ прибылъ въ сїю благополучную страну едва дыханїе одно только имѣя; но искусные лѣкаря изъ Лара (*) удержали скоро жестокое стремленїе смертельной сей болѣзни, помощїю лимоновъ въ горячей сей странѣ и сока охлаждающихъ дынь; а перемѣна воздуха, утушала также между тѣмъ понемногу внутреннїй жаръ, снѣдавшїй часъ отъ часу жизненныя силы *Усонга.*

Во всемъ Государствѣ распространился вскорѣ слухъ о опасности, въ которой находился Императоръ; а послѣдовавшее за тѣмъ скоропостижно извѣстїе, провозвѣстило повсюду даже и кончину уже онаго. Вся Персїя возтрепетала о сей невозвратной своей потери; потому что все Государство страдало многихъ людей вѣка подъ жестокимъ игомъ зловредныхъ Государей, и ни единый старикъ не могъ вспомнить о Властелинѣ онаго, изъ которыхъ бы каждый не былъ совершеннымъ варваромъ: въ сїе то самое время, говорю, должно было по общему мнѣнїю лишится Государя, перьвые года коего почитали всѣ подданныя настоящею

(*) И *Делла Валла* похваляетъ оныхъ въ своей гисторїи.

только утреннею зарею, предшествовавшею плодоносному дню, въ продолженіе котораго благословенное небесное свѣтило въ полномъ своемъ сіяніи на всю Персію проницательныя лучи свои разширять долженствовало. Матеря принуждали дѣтей своихъ прибѣгать къ помощи милосердаго неба въ сохраненіи ихъ: „Намъ должно было умирать прежде васъ, кричали онѣ имъ въ отчаяніи; но нынѣ лишились мы и того, которой по смерти нашей отцомъ бы вашимъ былъ непремѣнно.„ Вездѣ произносимы были безчисленныя вопли и рыданіи, повсюду слышенъ былъ крикъ и громогласный стонъ, повторяемый безпрестанно жалобами въ потери премудраго, милосердаго, правосуднаго, непобѣдимаго и самое Божеское изображеніе представлявшаго въ себѣ смертнаго, отчаяваясь вовсе, ктобъ могъ замѣнить когда либо сіе злощастіе. Цѣлыми сотнями поспѣшавшіе гонцы, скакали и навѣдывались по всѣмъ странамъ великой Имперіи о настоящемъ извѣстіи состоянія ихъ Государя, кое каждый изъ подданныхъ ожидалъ со страхомъ и трепетомъ узнать нетерпѣливо. Гласъ радости и удовольствія, происходящій прежде поминутно, не слышенъ уже сталъ вовсе болѣе, упражненіи и работы остановились

лись неподвижными, забавы любви и прïятности сдѣлались онѣмѣлыми, и страшное ожиданïе въ подтвержденïи всеобщаго сомнѣнïя, владычествовало тогда по всей унылой Персïи: однимъ словомъ, вездѣ изображалось сильное отчаянïе и горесть, какъ будто бы весь народъ сей готовился уже предстать на всемïрный страшный судъ.

Между тѣмъ, не возможно было никакъ сокрыть сего ужаснаго эха и отъ проницательнаго слуха Императрицы, любезнѣйшей супруги сего великаго Государя: „Я пойду, кричала она внѣ себя будучи, поспѣшу туда, и умру вмѣсти съ дражайшимъ предмѣтомъ всѣхъ моихъ мыслей.„ Никто не могъ удержать ее отъ страшнаго предпрïятïя сего опаснѣйшаго путешествïя, которое никакая услуга человѣческая казалось облегчить была не въ силахъ. Она приказала тотчасъ нести себя туда на паланкинѣ, гдѣ любезный супругъ ея находился больнымъ, потому что не только вельблюдами, но ниже лошадьми не можно было переходить вершины крутыхъ каменныхъ горъ, не имущихъ вовсе дорогъ или свободныхъ всходовъ. Поспѣшая къ достиженïю воображаемаго ею поминутно предмѣта, не давала она себѣ ни на часъ времяни покоя съ перемѣнными

своими носильщиками чрезъ сїи непроходимыя почти вовсе мѣста горъ, крутости неизмѣримой, по узкимъ тропинкамъ, съ которыхъ едва видна была только поверьхность земли преглубочайшихъ буераковъ, окружавшихъ безпрестанно ужасные вертепы тѣ. Въ продолженїе невѣроятнаго почти пути сего, употребляла она̀ горчайшую воду, сносную едва сложенїю натуры человѣческой: не ужасалась вовсе ярящихся сильныхъ вѣтровъ около Лара, кои часто на подобїе пламенныхъ вїющихся змѣй погубляли скоропостижно путешествующихъ: глотала горячїя и дыханїе пресѣкавшїя пары (*), которыя страшными облаками поднимались изъ земли; и питалась соленымъ воздухомъ, причинявшимъ безпрестанно неутолимую жажду: перешла въ Курестунѣ чрезъ опаснѣйшїй Бендемиръ, разливавшейся часто вдругъ на подобїе моря, и потоплявшей въ нѣсколько часовъ всю страну ту; и достигнувъ наконецъ съ непостижимою умомъ скоростїю пальмоваго лѣса, бросилась съ восхищенїемъ отъ радости въ обьятїи ослабѣвшаго своего супруга: „Теперь то, вскричала она изъ всей силы увидѣвъ его, оживо-

(*) Пространнѣе описано о томъ въ путешествїи г: *Шардина.*

оживотворяюсь я снова, видя еще въ живыхъ своего дражайшаго *Усонга*."

Чувствительнѣйшее сердце Императора Персидскаго не могло понять вовсе безъ сильнѣйшаго движенія горячности въ любви народа его къ себѣ, ниже взирать безъ внутренняго содроганія чувствій на презрившую всѣ опасности привязанность къ нему супруги его: ея нѣжнѣйшія облобызаніи, ея искреннѣйшее участіе и ея неутомимое попеченіе въ стараніи подавать ему всевозможную помощь въ его облегченіи, казались, подавали ему часъ отъ часу силы крѣпости, и выздоравливая между тѣмъ понемногу, собравшись нѣсколько съ силами своими, хотя еще и довольно слабъ былъ невпротчемъ, приказалъ онъ наконецъ нести себя и съ супругою своею обратно въ Ширасъ.

По благополучномъ возвращеніи и освобожденіи отъ слабости здравія Императора, собралось въ сіе мѣсто безчисленное множество народа изъ многихъ странъ Персидскаго Государства: всѣ провинціи онаго, прислали туда знаменитѣйшихъ отъ себя мужей съ приличнымъ изъясненіемъ искреннѣйшаго желанія въ продолженіи благополучнаго царствованія вновь освободившемуся отъ опасности ихъ Императору, которое

Персіи служило совершенно тогда златымъ вѣкомъ: словомъ, при засвидѣтельствованіи привезенной ими съ собою истинной жертвы вѣрнѣйшихъ сердецъ къ нему его подданныхъ, сіяли сильно собственныя ихъ чувствіи изъ наполненныхъ токами слезъ очей оныхъ. Тысящи радостныхъ восклицаній, наполняли пространство сферы надъ Ширасомъ и изображали всеобщее восхищеніе тогда Персіянъ всѣхъ; а изъ храмовъ, не уступающихъ ни мало во множествѣ стекшагося народа правовѣрныхъ, возсылаема была притомъ искренная благодарность всевысочайшему Существу за низпосланіе имъ сего имянитѣйшаго блага.

Между тѣмъ, *Шеринъ*, будучи впротчемъ усерднымъ другомъ младости *Усонговой*, и соучаствуя благополучію Персовъ, воспріялъ скоро какъ нравы, такъ и всѣ обычаи оныхъ. Онъ содержавъ многочисленный у себя серраль, наполненный предорогими красавицами изъ Грузіи, полагалъ въ наслажденіи своемъ съ ними все благополучіе жизни его. Любя же искренно своего Государя, просилъ онъ онаго нѣкогда на вечеринкѣ у него будучи, кои *Усонгъ* попеременно дѣлывалъ для друзей своихъ, выслушать отъ него, яко вѣрнѣйшаго своего раба нѣкоторое предложеніе.

„Чтобъ

„Чтобъ могъ сказать *Шеринъ*, отвѣчалъ Императоръ на то, чегобъ *Усонгъ* отрекся только выслушавъ, не принять отъ него за благо? и въ чемъ можетъ онъ отказать когда оному? Не уже ли сдѣлался я столь малодушнымъ, прибавилъ онъ, чтобъ высокоумїе, сїя презрительная слабость, учинила меня неблагодарнымъ когда, противъ участвующихъ весьма сильно въ моемъ состоянїи?„ *Шеринъ*, засвидѣтельствовавъ за высокую милость сїю достодолжную съ своей стороны благодарность, и поклонясь весьма низко, началъ рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: „Мы возсылаемъ нынѣ, говорилъ онъ, усерднѣйшее благодаренїе великому тїену, Который по Своей благости, возвращая намъ совершенную утѣху всей Персїи, наградилъ и *Усонга* въ тожъ время наслѣдникомъ престола его, отъ коего всѣ вѣрноподданныя подобныхъ добродѣтелей своего родителя и славнаго *Ченгиса* ожидать непремѣнно имѣемъ; но благополучїе свѣта владычествуетъ только, какъ извѣстно, на весьма немногихъ главахъ, и не скоро ли можетъ чрезъ Абиссинскїя болѣзни (*) увянуть младый цвѣтъ,

 пре-

(*) Подъ оными разумѣются оспа и всякїя сыпи.

прежде нежели достигнетъ время приносить ему плодъ свой Персіи. Въ разсужденіи чего, почто лишаетъ Императоръ въ цвѣтущей своей младости себя права, коимъ всѣ Государи странъ восточныхъ еще до времянъ *Кира* наслаждатся за благо разсуждали? для чего, ограничиваетъ онъ надежду міра сего надъ единою токмо своею супругою? и по какой причинѣ не подкрѣпляетъ онъ рода, не столько *Чингисова*, сколько достойнаго *Усонга*, большимъ числомъ поколѣнія мужескаго рода, въ чемъ природа заставляетъ его надѣится несомнѣнно впротчемъ.„

„Мой любезный *Шеринъ*, сказалъ на то улыбаючись Императоръ, подаетъ мнѣ нынѣ знакъ своей искреннѣйшей дружбы, желая *Усонгу* тогожъ самаго благополучія, которое онъ самъ по мнѣнію его имѣетъ; не зная однакожъ того, что *Усонгъ* наслаждается и безъ того уже давно тѣмъ. Онъ находитъ несравненно болѣе удовольствія въ обращеніи съ одною своею любезнѣйшею супругою, которой прелести и утѣхи для него итакъ довольно велики; а свойства, воспитаніе, разумъ и приобрѣтенныя во всемъ ею знаніи, и протчихъ обращали къ ней почтеніе, нежели вообще со всѣми покупными невольницами, коихъ все достоинство

ство состояло токмо въ одномъ легкомъ искуствѣ нравится мущинамъ.»

„Но *Шерину* извѣстна довольно Китайская гисторія, продолжалъ говорить Императоръ; онъ знаетъ злую участь власти потомковъ страшнаго *Тимура*; онъ осматривалъ съ примѣчаніемъ со мною вмѣсти развалины зданія Калифовъ Багдадскихъ; и былъ также въ странахъ западныхъ. *Шеринъ* памятуетъ можетъ быть, что нѣсколько сотъ лѣтъ назадь тому, нѣкоторый Царскій родъ между Назареянами, истребленъ былъ весь мечемъ пагубнѣйшимъ образомъ (*); но сіе дѣло было единственно непримиримой ненависти единой увѣнчанной духовной Главы, и что впротчемъ всѣ владѣющія фамиліи, пресѣкая жизнь свою натуральною смертію на престолѣ ихъ предковъ, остаются безпрестанно со славою на ономъ, какъ родъ Капетскій, великія столѣтіи.»

„Часто разсуждалъ я, продолжалъ говорить *Усонгъ*, почему въ Китаѣ, просвѣщенномъ и ученомъ Государствѣ, двадцать перьвое Императорское колѣно царствовало на престолѣ; почему иной обоготворяемый родъ со всѣми отраслями истребляемъ бывалъ мечемъ и дру-

(*) Оной былъ изъ Швабскаго дома.

другими подобными нещастїями, и почему иному дерзскому рабу Бонзы удавалось столь легко свергать съ законнаго престола внучатъ великаго *Ченгиса*. Сей самый вопросъ, повторяю я также и о Калифахъ, Гасневидахъ и всѣхъ Царскихъ поколѣнїяхъ Азїи, изъ коихъ ни одно двухъ сотъ лѣтъ не наслаждалось владѣнїемъ престола."

"Сїе происходило отъ того безъ сомнѣнїя, разсуждалъ Государь Персидскїй, что внучата и потомки главныхъ Ироевъ, кои поколѣнїе ихъ возвели на престолъ чрезъ великїя свои дарованїи и дѣла, собирали многочисленныя серрали, и находили въ обьятїяхъ красавицъ свое совершеннѣйшее благополучїе, что гораздо легче приобрѣтать было можно, нежели сохранять безпрестанно труднѣйшее искуство въ попеченїи о благосостоянїи ихъ подданныхъ. Одинъ изъ таковыхъ засыпалъ только; но пробуждаясь иногда, имѣлъ еще нѣсколько силы оставлять на время окружавшихъ его наложницъ, дабы помыслить сколько ни есть о пользѣ Государства, или лучше сказать своей собственной; но другой, то есть, сынъ онаго, спалъ крѣпче, а внукъ не просыпался и вовсе никогда уже. Почему, подобный Монархъ и въ самой старости своей оставался всегда

со-

совершеннымъ еще юношею, и что долженствовало быть въ немъ непремѣнною перемѣною, то было его всегдашнимъ повторенiемъ только: Евнухи, Везыри и протчiе начальники стражи онаго, владычествовали вмѣсто его съ полною властiю; тысящи разныхъ родовъ насильства, имѣли верьховное преимущество и сильную подпору, подкупленныхъ подарками знатныхъ, и страждущiй подъ игомъ безпрестаннаго бремяни, не находилъ ни гдѣ помощи, не видавъ во всю жизнь свою никогда Государя, и не чувствуя ни мало дѣйствiя помощи вспомоществующей его руки: ибо зависть и страхъ внушали оному повсечасно опровергать и самыхъ защитниковъ Государства: искусные полководцы не нужны были вовсе слабымъ Пра́вителямъ симъ, потому что они казались имъ страшными и опасными. Слѣдовательно, всѣ члены правленiя повреждались совершенно, а сердца народныя пропадали безъ изъятiя. Тамъ Турокъ и Буидъ становится законнымъ Властелиномъ обоготворяемыхъ Калифовъ; *Чу* свергаетъ непостояннаго *Таувангъ-тимура* съ сильнѣйшаго престола, и прогоняетъ онаго въ степи Скиѳскiя; а между неспокойными Усбеками истребляютъ потомки сильнаго *Тимура* другъ друга наиужаснѣйшимъ образомъ. Премудрый

мудрый *Улугбегъ* не долженъ ли былъ въ недавномъ еще времяни погибнуть отъ рукъ нѣкотораго отцеубiйцы? Итакъ, гдѣжъ осталось преимущество безчисленнаго числа женъ и наложницъ; куда дѣвалось многочисленное потомство Государей сихъ, любезный *Шеринъ*, скажи мнѣ нынѣ?„ спрашивалъ у него Императоръ.

„*Усонгъ* надѣится впротчемъ, продолжалъ говорить Государь Персидскiй, что младый *Джунеидъ* наставленiемъ премудрыхъ мужей и совѣтами своей предорогой родительницы возростетъ непремѣнно такимъ Государемъ, въ правленiе коего народъ легко позабыть можетъ *Усонга*, и льститъ притомъ себя надеждою, что родъ его освободится вовсе отъ всякаго братоубивства: ибо преизящное воспитанiе, утверждалъ онъ, есть по его мнѣнiю надежнѣйшая подпора владѣющаго наслѣдственнаго потомства.„

Шеринъ, слыша таковыя возраженiи Императора на учиненное свое оному предложенiе, не могъ никакъ покорится духомъ похвальнымъ его наставленiямъ. Нѣжный ядъ сладострастiя обворожилъ сердцемъ онаго весьма сильно; но разумъ его не въ силахъ былъ при всемъ томъ выдумать нѣчто отвѣчать на то скоро.

Не

Не смотря однакожъ на то, покусился онъ еще учинить нѣкоторой родъ искушенія въ разсужденіи того надъ своимъ почтеннымъ другомъ. „Возможно ли, сказалъ онъ, чтобъ силы *Усонговы* противостоять могли толико предприемлемымъ имъ на себя трудамъ? и не лишится ли онъ чрезъ то гораздо болѣе время въ лѣтахъ столь кратчайшей его жизни, нежѣли въ отверженіи имъ нынѣ удовольствія столь невиннаго, по всѣмъ правамъ принадлежащаго ему впротчемъ? Престолъ, развѣ есть мѣсто истязанія, отъ котораго спокойствіе отлучено вовсе, и гдѣ никакая утѣха неизчерпаемой власти Повелителя прикоснутся будто бы не дерзаетъ?„

„Сіе бы самое должно было другу моему и мнѣ разсуждать тогда, когда выѣзжали мы еще оба вмѣсти изъ Аны, подхватилъ *Усонгъ*, и когда, вознося надежду нашу до престола Персидскаго, вознамѣрился я приступить къ похвальнѣйшему намѣренію въ восприняніи на себя старанія толикихъ миліоновъ людей; но нынѣ уже поздно любезный другъ, освобождать себя отъ трудовъ, учинившихся необходимою должностію. При всемъ томъ однакожъ, открываю я тебѣ мысли свои чистосердечно, что не ощущаю я ни малѣйшаго въ томъ

бремя,

бремя, и управленіе скипетромъ не въ тягость мнѣ никакъ. Каждый часъ, почитаю я новою для себя неизмѣримою благостію, коею всевысочайшее Существо награждаетъ меня щедро, орошая духъ мой нечувствительнымъ образомъ каплями оной, дабы не тратилъ я вдругъ безполезно многаго времяни; но самое сіе время, сіи часы, говорю, изчислены уже совершенно, онѣ служутъ мнѣ настоящими долгами, коихъ платою обязанъ я дѣйствительно одной вѣчности, и за кои повиненъ я давать вѣрной отчетъ оной. Никакое честолюбіе не побѣждаетъ меня превозносить славу имяни моего, потому что я презрительнѣйшимъ малодушіемъ почитаю то послѣ смерти своей; но каждый день хочу я употреблять на то единственно, каждый часъ желаю посвящать на добро ближнихъ моихъ и своихъ подданныхъ, и каждая мысль моя должна служить всегдашнимъ предмѣтомъ благополучія Персіи. Я равно утѣшаюсь по утрамъ солнцу, вѣдущему довольно свои благословенныя силы, коихъ оно есть непремѣннымъ источникомъ, достигнувъ теченія дня, въ продолженіебъ коего исполнить я могъ надѣится нѣчто полезное; и подобнымъ же образомъ увеселяетъ меня не менѣе каждый вечеръ, видя провожден-

вожденнымъ день въ полезныхъ и нужныхъ упражненiяхъ: тогда то буду утѣшатся я въ старости моей, когда уже свѣту откажутъ силы служить болѣе, на теченiе прошедшихъ дней жизни моей, и умру совершенно спокойно можетъ быть; мнѣ не будетъ тогда вовсе нужды, почитать жизнь сiю тернiемъ насажденной пустыни и провожденнымъ въ порокахъ и несносной лѣности временемъ; но взирать единственно только на поля, которыя обработывалъ я столь рачительно, и плоды коихъ суть истинная подать, должная отъ меня Существу всевысочайшему, на подобiе безцѣннаго за престолъ найма, на которой сильная десница Его возвела меня нѣкогда.»

Между тѣмъ, посолъ, коего отправлялъ Императоръ Персидскiй съ *Ценою* въ западныя страны, возвратился назадъ. Онъ привезъ съ собою разныя, какъ отъ правительства Венецiянской республики, такъ и отъ усерднаго весьма къ *Усонгу Цены*, письма Государю своему, коихъ содержанiе состояло единственно въ совѣтахъ и прозьбѣ о прiумноженiи попеченiя, въ разсужденiи безпрестанныхъ побѣдъ и преимуществъ Оттоманнъ надъ ихъ непрiятелями. Одинъ изъ Назареянскихъ Государей, увѣдомляла Республика *Усонга* между протчимъ, одержавъ ве-

ликіе успѣхи въ недавномъ времяни надъ престарелымъ *Морадомъ*, принудилъ просить онаго у себя мира, котораго смиренный Султанъ и безъ того желалъ уже давно, потому что вознамѣрился онъ уступить престолъ своему сыну; но христіянскій Государь (*), нарушивъ вскорѣ клятвою утвержденный имъ договоръ сей, по предстательству нѣкоторой сильной духовной Особы (**), прошелъ съ многочисленнымъ войскомъ до самаго Чернаго моря; а какъ Янычара не знали еще вовсе молодаго *Махмеда*, считая, что бодрость его не довольно еще имѣла силы противоборствовать страшному оружію *Гунніяда*, то убѣдили *Морада* принять вторично правленіе надъ Оттоманнами. *Махмедъ*, будучи весьма великодушный человѣкъ, уступилъ немедлѣнно престолъ свой, и пошелъ сражатся подъ предводительствомъ своего родителя. Въ продолженіе нѣкотораго кровопролитнѣйшаго сраженія, *Морадъ*, увидя побѣждаемыхъ своихъ Оттоманнъ, и считая неминуемою погибель свою весьма уже приближавшеюся впротчемъ, возъимѣлъ послѣднее прибѣжище свое къ Богу, Коего священнымъ Имянемъ христіяне

(*) Подъ симъ разумѣть должно *Владислава* IV*го* Короля Польскаго и Венгерскаго.

(**) То есть, Римскаго Папы *Евгенія* IV*го*.

стїяне утвердили миръ съ нимъ: онъ просилъ усерднѣйшимъ образомъ, чтобъ Небо благоволило низпослать при семъ случаѣ нѣкоторое знаменїе, сколь вѣроломство сїе противно Его святому Величеству, дабы устрашить тѣмъ и другихъ Государей въ нарушенїи обѣтовъ, посвящаемыхъ всемогущей Власти Сей. При таковыхъ искреннихъ молитвахъ, учиненныхъ тогда Мусульманномъ, духъ бодрости оживотворился паки въ колебавшихся сильно Янычарахъ; Король былъ побѣжденъ тотчасъ, и страшный *Гуннїядъ* достался самъ въ руки Турокъ (*). По окончанїи сей битвы, *Морадъ* оставилъ вторично престолъ, и оба сїи Монарха подали наконецъ во всѣхъ восточныхъ странахъ рѣдкїй чрезъ то примѣръ въ томъ, что дѣтское повиновенїе одного, не менѣе было сильно родительской горячности другаго, и что оба вмѣсти, совокуплены будучи столь тѣснымъ союзомъ, могутъ быть гораздо сильнѣе всякаго побужденїя скипетра.

При всемъ описанїи сего произшествїя, дано было знать также *Усонгу*, что младый Государь Турецкїй рожденъ и воспитанъ былъ въ полѣ, а притомъ и столь

(*) Побѣда сїя случилась въ 1444мъ году подъ мѣстечкомъ Варною имянуемымъ.

бодръ духомъ, сколь постояненъ напротивъ того былъ *Морадъ*. Онъ жадничалъ несказанно о славѣ и побѣдахъ, и никто не сомнѣвался, чтобъ первое его предпріятіе не клонилось къ порабощенію Византійскаго Государства; чего ради, Республика, предъусматривая впередъ напасть сію, разсуждаетъ за нужное всячески остерегать въ томъ Императора Персидскаго.

Сверьхъ того, присланы были къ нему и многія образцы новыхъ изобрѣтеній, какимъ образомъ управлять пушкою съ лучшимъ предъ прежнимъ успѣхомъ, изъ ружья стрѣлять проворнѣе и изъ большихъ мѣдныхъ мартиръ бросать тяжелыя ядра (*), начиненныя многими горючими составами, чрезъ высочайшія стѣны. Нѣсколько искусныхъ художниковъ мастерства того изъ Бресціи, прибыли также вмѣсти съ посланникомъ въ Персію, коихъ *Усонгъ* тотчасъ помѣстилъ съ удовольствіемъ въ свои новыя школы нужныхъ художествъ; но Персіяне оставались всегда при своихъ калчанахъ, кои преимущественнѣе работать знали они предъ всѣми народами свѣта, и кои при *Кирѣ* по мнѣнію ихъ покорили всю Азію, а при *Нуширванѣ* и самой Римъ трепетать

(*) То есть, бомбы.

тать принудили. Употребленіежъ пушекъ и того менѣе еще могло успѣть, по закоренелому упрямству сего народа, въ упражненіи семъ сдѣлатся искусными.

Но горшее того было извѣстіе съ Востока: старый управитель почтеннаго *Ливанга*, прибывъ въ Ширасъ, присталъ у своего друга *Шеринъ-Хана*: „Я привезъ, говорилъ онъ увидѣвъ его, съ собою письма и посылку, назначенныя Императору Персидскому; но пусть приуготовитъ себя прежде духъ онаго, а особливо нѣжное сердце его супруги къ возпріятію печальной вѣсти, порученной исполнить мнѣ имъ непремѣнно.„

Хотя *Усонгову* мужеству и не трудно было одержать верьха надъ сею печаліѣю при семъ случаѣ; но дражайшую его половинщицу потребно было непремѣнно сохранить отъ жестокаго удара сего плачевнаго извѣстія, коей здравіе отъ труднаго и дальнѣйшаго путешествія въ пальмовыя лѣса часъ отъ часу гораздо слабѣе начало становится; чего ради, сказано ей было съ начала, что *Ливангъ*, родитель ея, былъ только весьма боленъ. Ахъ! нѣтъ, нѣтъ, онъ уже умеръ конечно, вскричала тотчасъ сія нѣжностію преисполненная дщерь, упавъ на софу притомъ полумертвою. Итакъ, напрасно уже было скрывать болѣе нещастіе сіе.

Ливангъ скончался въ глубокой старости въ странѣ премудраго (*), которая вкупѣ и его была также. Предъ концемъ своея жизни, отправилъ онъ къ Персидской Императрицѣ доску, на коей изображены были имяна его предковъ всѣхъ: „Ей одной слѣдуетъ оная, сказалъ онъ отдавая вѣрному своему служителю, дабы воздавать по ней должную имъ честь: ибо она милѣе мнѣ всякаго сына.„ Императору, супругу ея, прислалъ онъ нѣкоторыя начертанія *Конг-фу-цїевы*, изображавшїя искуство правительствовать, съ прибавленїемъ притомъ нѣсколькихъ и своихъ собственныхъ примѣчанїй; а супругѣ его многїя рѣдкости Китайскаго Государства. „Всесильный тїенъ, писалъ онъ между протчимъ въ письмѣ своемъ къ нимъ, назначилъ *Усонга* къ великимъ предпрїятїямъ, для коихъ, къ имѣвшимъ уже имъ и отъ природы многимъ, одарилъ Онъ его сверьхъ того чрезвычайнѣйшими дарованїями, знаменитѣйшїя изъ которыхъ были тѣ, кои долженствовали обращать къ общему благу всѣ преимущества его духа.„ Императрицужъ увѣрялъ онъ въ непоколебимой всегдашней своей къ ней горячности, и произнесенїемъ въ послѣднїя ея имяни

(*) Сїе значитъ *Конг-фу-цїя.*

имяни запечатлѣлись вѣчною печатїю уста его, коими безпрестанно повторялось оное до самой смерти сего добродѣтельнаго родителя.

Лїосуя, находя по примѣру нѣжныхъ сердецъ удовольствїе при семъ случаѣ въ упражненїи разсужденїя о своей печали, желала не терпѣливо знать подробно всѣ обстоятельства, кои разлучили жизнь *Ливангову* съ симъ обширнѣйшимъ свѣтомъ.

„Постоянство и равнодушїе, подобныя *Конг-фу-цїю*, блистали на челѣ сего премудраго мужа, говорилъ прїѣзжїй къ Персидскому двору вѣстникъ. Его силы давно уже начали увядать мало по малу, примѣчено было всѣми окружавшими его безпрестанно вѣрными рабами: онъ ясно предвидѣлъ, что худыя обстоятельства Государства Китайскаго и внутреннее безпокойствїе о бытїи своемъ, истощевали часъ отъ часу его силы болѣе, нежели самыя лѣта онаго. Въ послѣднее утро дня драгоцѣннѣйшей бесѣды его съ нами, по провожденїи въ безсонницѣ всей нощи, приказалъ онъ принести предъ себя изъ зала прародителей его свою дску, пробѣгалъ глазами своими быстро почтенныя имяна, начертанныя на оной въ теченїе тридцати цѣлыхъ вѣковъ человѣческаго время, и остановив-

вившись надѣ имянемѣ великаго *Конг-фуція* улыбнулся нѣсколько: „Мой родѣ изчезаетѣ нынѣ, сказалѣ онѣ притомѣ, и поколѣніе мое не вѣ силахѣ можетѣ быть будетѣ добродѣтелями своими поддержать славы, имѣвшей ихѣ предками; но я оставляю дщерь, достойную дѣйствительно оныхѣ. Итакѣ, низпошли всякую благодать на нее всевышняя Власть Неба и всѣхѣ Его свѣтилѣ: она есть совершенно покорнѣйшая дщерь и соблюдающая всегда Твои заповѣди, провождая жизнь свою по правиламѣ предписываемымѣ ей премудростію."

„Подобныя таковымѣ упражненіи, обезсилили наконецѣ сего почтеннаго мужа, продолжалѣ расказывать престарелый управитель *Ливанговъ*, онѣ почувствовалѣ скоро изчезающими свои силы. „Время мое оканчивается уже вижу я, сказалѣ онѣ тихимѣ голосомѣ, Тебѣ извѣстно и преизвѣстно о Всевѣдущій ТіенЪ! провождалѣ ли я по Твоей святой волѣ оное? Ты зная однако всѣ мысли смертныхѣ обстоятельно, видишѣ ясно всевидящимѣ Твоимѣ Окомѣ, кто вѣ силахѣ изѣ нихѣ обуздывать ежечасно разнообразныя страсти, удручаемыя безпрестанно ихѣ разумѣ и тѣло, и кто, говорю, уподобится можетѣ изображенію, учиненному Твоею неизчерпаемою благо-

благостію въ примѣръ всѣмъ протчимъ на лицахъ древнихъ мудрецовъ Твоихъ; но Ты милосердъ безпредѣльно, знаю я, и любишъ всѣхъ притекающихъ и уповающихъ на Тебя, то распространи и на меня недостойнаго высокую и богатую Твою милость. „Съ сими словами, скончался онъ потомъ безъ наималѣйшаго страха, огорченія и насилія, на подобіе созрѣвшаго плода Личи, когда естество повелѣваетъ разстатся оному съ его произрастеніемъ, или сказать иначе, какъ дневное свѣтило ложится на горизонтъ „

Итакъ, *Ліосуя* возложила потомъ на себя съ согласія Императора глубокой трауръ: она приказала убрать особливой во дворцѣ покой съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ, приличнымъ къ тому случаю, для дски сей предковъ ея единственно, весь приборъ къ коей привезенъ былъ къ ней изъ Китая, и куда помѣстила она также и свою книгохранительницу, которой посещала почти каждой день послѣ, дабы, оплакивая невозвратную свою потерю, преисполнить душу свою знаменитѣйшими примѣрами достойныхъ ея предковъ тамъ.

Но *Усонгъ*, видя довольно между тѣмъ, что дѣла до Государства касающіяся, требовали необходимо ихъ безпрестан-

наго дѣйствїя въ обращенїи, продолжалъ все свое время употреблять къ тому единственно; чего ради, обнимая любезную свою супругу наинѣжнѣйшимъ образомъ: „Утѣха жизни моей, говорилъ онъ ей, ты погружаясь нынѣ въ жестокое сетованїе, не забывай притомъ, что вѣрному твоему *Усонгу* не въ силахъ будетъ снести тогда бремя жизни, когда онъ принужденъ будетъ лишится тебя единожды.„

Между тѣмъ, съ управителемъ добродѣтельнаго *Ливанга* приѣхалъ также въ Ширасъ и одинъ ученый Мандаринъ (*), который, казавшись быть бѣднымъ человѣкомъ, былъ впротчемъ *Конг-фуцїева* поколѣнїя; а какъ весьма рѣдко случается, чтобъ природный Китаецъ встрѣчался когда ниесть при какомъ чужестранномъ дворѣ, то *Усонгъ*, увидѣвъ его лишь только, тотчасъ примѣтилъ въ немъ нѣчто особливое, кое побудило его искать случая съ нимъ познакомится короче; чего ради, на нѣкоторой вечеринкѣ, кои Императоръ обы-

(*) Названїе сїе на Китайскомъ языкѣ происходитъ отъ слова *Квоанъ*, значущаго управлять или повелѣвать, коему въ Китаѣ полагается девять различныхъ степеней дворянства, имѣющихъ знакомъ достоинства своего разнообразныхъ звѣрей между собою.

обыкновенно установлялъ для своихъ откровенныхъ друзей, спросилъ онъ сего чужестранца, какая бы была причина, принуждавшая оставить его просвѣщенное во всемъ свое отечество, и искать себѣ спокойствія въ народѣ, которой каждый Китаецъ, а слѣдовательно и онъ отъ самой юности за варварской считать былъ долженъ.

Эль-фу, такъ назывался Мандаринъ тотъ, отвѣтствовалъ ему тотчасъ съ приличнымъ, по обыкновенію сей націи, видомъ своего почтенія къ Императору Персидскому слѣдующимъ образомъ: „Никакъ, говорилъ онъ, не можетъ владычествовать тамъ варварство, гдѣ *Усонгъ* управляетъ престоломъ. Я уроженецъ изъ Кіо-фое, отечества премудраго, въ провинціи Шангтонгской, гдѣ, будучи воспитанъ въ различныхъ наукахъ, и успѣвъ въ оныхъ довольно, прошелъ всѣ степени знанія ихъ; но приступая къ повѣствованію моего похожденія, естьли Императоръ знать того требуетъ, осмѣливаюсь я просить, продолжалъ говорить онъ, поклонясь притомъ весьма низко, чтобъ позволено мнѣ было говорить о всемъ свободно. Всякое дѣло, началъ расказывать Китаецъ повѣсть свою, по полученіи на то позволенія отъ Персидскаго Государя, поручаемое мнѣ, казалось

все-

всегда для меня весьма легкимЪ, и опыты его не довольно трудными, такЪ, что я все требуемое отЪ меня могЪ бы окончать вЪ одинЪ часЪ охотно, хотябЪ то впротчемЪ занимало и на цѢлой годЪ времяни, дабы достигнуть только совершеннаго вЪ томЪ знанїя, о чемЪ душа моя жадничала несказанно. СЪ самаго начала, силился я всячески исполнять двенадцать важныхЪ должностей, предписанныхЪ закономЪ человѢку, и читая, также и самЪ писавЪ много, утвердился наконецЪ вЪ томЪ, что ни что не превосходило добродѢтели, яко единаго токмо пути кЪ совершеннѢйшему благополучїю и удовольствїю. Хотя и заключено было скоро повсюду о мнѢ весьма похвальное и полезное мнѢнїе; но кЪ повышенїю моему заграждало всегда путь разное препятствїе: когда ни открывалось только порожнее мѢсто вЪ какомЪ либо присудствїи, гдѢ науки и знанїи были весьма потребны, то говорили всегда, что я, будучи хорошимЪ астрономомЪ, не годился быть тамЪ вовсе: буде же званїи то бывали до министерства принадлежавщїя, тогда называли меня искуснѢйшимЪ стихотворцемЪ, не приличнымЪ также ни мало кЪ заступленїю того мѢста.,,

,,На-

„Наконецъ, открылось въ нѣкоторой отдаленнѣйшей провинцїи отъ моей отчизны порожнее Мандаринское мѣсто въ наукахъ, гдѣ, хотя и никого не зналъ я вовсе; но былъ однакожъ туда потребованъ. Съ того время, не преминулъ я удвоить все мое старанїе, утвердить на себя надежду тамошняго Цонгты, и мнѣ скоро по прибытїи туда поручено было исправленїе судейской должности надъ книгами, кои долженъ я былъ читать, выбирать и различать особыми знаками, которыя сочиненїи изъ нихъ казались для меня быть лучшими: синей краски кружокъ, очерченной мною около имя сочинителя, служилъ обыкновеннымъ у меня знакомъ, когда сочиненїе не нравилось мнѣ; а красной, учиненной такимъ же образомъ, доказывалъ тому одобренїе съ моей стороны."

„Хотя и предоставлено было все то на собственное мое благоразсужденїе; но изъ человѣколюбїя щадилъ я болѣе синюю краску, употребляя по большей части красную, чегобъ впротчемъ никакъ не долженъ я былъ дѣлать, судя по всей строгости По чему, скоро учинилось то явнымъ, что я былъ тотъ самой, которому должность книжной цензуры поручена была, и господа ученые вооружились всѣ на меня вдругъ:

со

со всѣхъ сторонъ сталъ я окруженъ либо защищенїемъ, либо прекословїемъ и насмѣшками, и почти закиданъ былъ тѣмъ, такъ сказать, оными отвсюду; но нѣкто изъ прїятелей моихъ, видя въ томъ мою неудачу, совѣтовалъ мнѣ лучше оставить навсегда сїю должность, или покинуть вовсе послѣднюю изъ сихъ красокъ; чего ради, предпочелъ я прежнее его предложенїе, и былъ дѣйствительно чрезъ то щастливъ: ибо Цонгта, поручившїй мнѣ исправленїе званїя сего, былъ уже и безъ того намѣренъ лишить меня онаго: „онъ старается только льстить всѣмъ, говорилъ строгїй начальникъ сей, и забываетъ чрезъ то свою должность въ разсужденїи общественной пользы.„

„Такимъ образомъ, оставивъ сей городъ, прибылъ я въ другую провинцїю, гдѣ обѣщано мнѣ было также весьма выгодное моему состоянїю мѣсто; но завистные Бонзы не оставили и при семъ случаѣ возстать противъ меня всѣ единодушно, да и самъ Цонгта совокупился съ нимижъ въ томъ, будучи преданъ имъ сильно. Сей человѣкъ не исповѣдуетъ вовсе существа Божїя, кричали они въ голоса всѣ; чего ради, благополучїе мое изчезло и тутъ также по милости сихъ недоброхотовъ,

которые взвели на меня цѣлую тьму клеветъ и поруганія.„

„Утѣшаясь же впротчемъ неосновательнымъ на себя обвиненіемъ, прибылъ я потомъ въ провинцію Фокіенскую, гдѣ Бонзы вообще весьма были ненавидимы. Тамошній Цонгта удостоилъ меня скоро принятіемъ въ число своихъ искреннихъ пріятелей, и я служилъ ему нѣсколько времяни сущимъ собесѣдникомъ его вечернихъ часовъ; но какъ онъ ни мало не вѣровалъ во Всесильнаго тіена, и по мнѣнію коего не было вовсе правосуднаго судіи смертнымъ, то считалъ меня за совершеннаго послѣдователя исповѣданію *Лаокинга* (*). И какъ я ни за что не хотѣлъ скрывать, что я обожаю Всесильнаго тіена надлежащимъ образомъ, а притомъ и всякую добродѣтель предпочитаю пороку, то и сіе мѣсто потерялъ я потомъ также: Цонгта ожесточился на меня столь сильно, что писалъ противъ меня въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ, хотя и никогда впротчемъ не читывалъ моихъ сочиненій.„

„Итакъ, отсюда прибылъ я потомъ въ Пекингъ, и употребленъ былъ къ дѣламъ Государственнымъ: мнѣ поручены были тамъ дѣла великой важности, и я дол-

(*) Сей былъ извѣстный Епикуръ Китайскій.

долженъ былъ между протчимъ защищать права Имперіи на острова Ліу-кіу, кои Нипонъ (*) утверждалъ принадлежащими быть себѣ. Теперь то, думалъ я, получу я уже совершенно всю довѣренность моихъ начальниковъ; однакожъ тщеславіе мое наказано было и при семъ случаѣ вскорѣ: ибо, обезсиливъ Нипоновъ искъ по всей своей возможности, объявленъ я былъ при всемъ томъ повсюду сущимъ Нипонцомъ»

„Чего ради, принужденъ я былъ ввергнуть себя вдругъ въ бездну наукъ, дабы искать въ оныхъ послѣдней моей утѣхи въ моемъ злополучіи; нашедъ же то вскорѣ, радовался было я съ начала сему сокровищу, до котораго довело меня мое щастіе, и лишить коего никто не могъ уже меня болѣе, считалъ я; но и сіе прибѣжище мое пресѣчено стало наконецъ: съ Нипономъ утверждено было не долго спустя послѣ того совершенное согласіе, а придворныя, державшія сторону страны той, начали меня изживать потомъ всячески, потому что подкрѣплялъ я правы *Тайсинга*, и за сіе то самое подверженъ я былъ при всѣхъ случаяхъ ихъ жестокой ненависти.»

„Все-

(*) Подъ симъ разумѣется Японская Имперія.

„Всесильный тїенъ, сказалъ я послѣ того самъ себѣ, не повѣствуетъ никогда людямъ устами такогожъ смертнаго, каковы суть и оныя: провидѣнїю Его, есть сущїй предвозвѣститель Его святая воля; Онъ повелѣваетъ мнѣ, вижу я, оставить вовсе Китай, которому ни подъ какимъ видомъ не могу я ни мало нравится. Итакъ, гдѣбъ могъ сыскать я надлежащее себѣ убѣжище въ другомъ мѣстѣ, какъ не у величайшаго примѣра премудрости и великодушїя достойнаго *Ливанга*, который, поруча смотрѣнїю моему любезнѣйшую свою отроковицу, удостоилъ меня высокою честїю, принявъ къ себѣ вмѣсто сына своего.„

„У смертныхъ искать надѣится награжденїя добродѣтели, отвѣчалъ на то *Усонгъ*, есть весьма суетное желанїе. Хотя мудрецы и негодуютъ ежедневно о страстяхъ и порокахъ человѣческихъ; но какъ могутъ удивлятся они, видя довольно изъ опытовъ подобїе ихъ сходнымъ съ настоящимъ подлинникомъ? Итакъ, благодарю я *Эль-фу* за похвальное его намѣренїе, въ чаянїи найти себѣ у меня надежную помощь.„ *Усонгъ* употребляя потомъ Китайца сего въ важныхъ съ собою разсужденїяхъ, поручилъ ему разбирать дѣла, которыя никому другому не хотѣлъ повѣрять онъ охотно, и разсматривая

почасту самъ учиненныя имъ примѣчанiи на оныя, призналъ въ немъ скоро полезнаго себѣ служителя, преисполненнаго величайшими заслугами, въ которомъ Китай находилъ до того толико опровергаемыхъ недостатковъ; но Императоръ, заключалъ самъ изъ сего повѣствованiя, что добродѣтель же самая была единственною причиною и его прежнихъ нещастiй; *Эль-фу*, слѣдуя безпрестанно здравымъ своимъ разсужденiямъ, огорчалъ тѣмъ, думалъ *Усонгъ*, попеременно то одного, то другаго, кои не о всеобщемъ добрѣ, но только о собственномъ своемъ намѣренiи пеклись: ибо сильныя обыкновенно любятъ однихъ тѣхъ, кои всегда обращаются туда съ ними, куда влечетъ токмо ихъ польза.

Упражняясь такимъ образомъ неутомленно о благополучiи своего Государства Императоръ Персидскiй, увидѣлъ наконецъ къ не малому своему удовольствiю и возложенное имъ дѣло на искусныхъ мужей въ изслѣдованiи законовъ великаго *Нуширвана*, приведеннымъ къ окончанiю. Онъ разсматривалъ оное съ величайшимъ примѣчанiемъ; старался всѣ слова означать столь справедливо, чтобъ не имѣли онѣ вовсе двойнаго знаменованiя; хотѣлъ учинить ихъ ясными и каждому внятными, дабы онѣ, сообразуясь

зуясь между собою взаимно изъ обыкновеннѣйшихъ случаевъ, по порядочнымъ степенямъ нисходили въ особливыя, встрѣчавшїяся не рѣдко, и разрѣшалибъ разныя обстоятельства порознь, ни мало не изобразуя общественными оныя: ибо законодавецъ, зналъ онъ, долженъ представлять всѣ случаи особо, и законъ свой учредить такъ, чтобъ оной всѣхъ ихъ свободно рѣшить, и всему общимъ служить безпрепятственно могъ; но *Усонгъ* обращалъ всѣ законы сїи болѣе къ пользѣ бѣдныхъ, сирыхъ и протчихъ безпомощныхъ своихъ подданныхъ. „Скипетръ Государскїй, есть сущїй мечь онаго, говорилъ онъ; власть сильныхъ, его щитъ; а законъ, совершенная защита обезоруженнымъ.“ Онъ учредилъ притомъ, чтобъ ни кто не былъ изключенъ отъ повиновенїя симъ законамъ: духовныя и военныя люди, собственное Императорское владѣнїе и его правы, былибъ не менѣе покорены онымъ, какъ и простой крестьянинъ: порядокъ судовъ въ рѣшенїи тяжбъ и ссоръ, отлагаемъ бы былъ до назначеннаго время, которыебъ сокращаемы бывали притомъ всячески, дабы излишними словами и пустыми разговорами не потерять напрасно время, и занималибъ только нѣсколько часовъ на свое разсмотрѣнїе: всякая мзда и

лихоимство запрещались ими судьямЪ подЪ жестокимЪ наказанїемЪ, и ИмператорЪ самЪ продолжалЪ всегда два дни вЪ недѣлѣ присудствовать вЪ верьховномЪ судѣ.

Вскорѣ послѣ того, выдалЪ *Усонгъ* и военный уставЪ, которой относился только до управленїя оружїемЪ и военнаго порядка; для изслѣдованїяжЪ междуусобныхЪ ссорЪ и протчихЪ преступленїй противЪ общей безопасности, помѣстилЪ онЪ заслуженныхЪ военныхЪ людей вЪ гражданскомЪ правосудїи, знавЪ, что власть оныхЪ, а особливо вЪ странахЪ восточныхЪ простирается весьма далеко, и былабЪ несносною можетЪ быть, естьлибЪ судїи онаго были всѣ воинскаго званїя. ВЪ надлежащемЪ повиновенїи приказанїю, удержанїи всякаго насилїя, и совершенномЪ постоянствѣ и твердости вЪ опасностяхЪ, судили тамЪ сЪ величайшею строгостїю. КогдабЪ самЪ предводитель войска, не приказавЪ учинить вЪ случаѣ необходимости порядочнаго отступа, а ктобЪ оставилЪ изЪ подчиненныхЪ ему мѣсто свое, тотЪ, яко склонный кЪ побѣгу, подверженЪ былЪ смертному истязанїю, такЪ какЪ и всякое отлученїе отЪ Императорскаго знамя при учиненномЪ отступѣ наказывалось тѣмЪ же самымЪ: ибо *Усонгъ* зналЪ

зналъ довольно, что самыя самовластнѣй-
шія народы въ странахъ западныхъ стро-
гостію ихъ военной дисциплины сдѣлали
себя непобѣдимыми, и что то, что все-
гда безъ всякаго помилованія наказывано
будетъ, никогда наконецъ не придетъ
паки въ мысли человѣка, и потому ни
что воспослѣдовать слѣдовательно не
можетъ впредь (*).

Императоръ Персидскій довелъ по-
рядокъ въ своемъ войскѣ до того на-
конецъ, что протчія его подданныя (**)
присудствіе онаго считали послѣ за
щастіе, которое въ протчихъ Государ-
ствахъ не менѣе почти вреднымъ ка-
жется, какъ и самый непріятель; по-
тому что каждый военнослужащій Пер-
сіянинъ могъ свободно содержать себя
своимъ жалованьемъ; а природное при-

 томъ

(*) Какъ въ 1409мъ году войски республики Швейцарской намѣрены были перейти чрезъ половину замерзшей уже тогда рѣки Рейна противъ воюющихъ съ ними Австрисцовъ, то остановившись вдругъ по срединѣ оной въ водѣ по поясъ, будучи воспрепятствованы чемъ то идти далѣе, стояли онѣ нѣсколько часовъ недвижимыми на одномъ мѣстѣ, терпя притомъ несносную стужу и безпокойствіе, откуда не прежде выступили храбрыя сіи люди, не имѣвшія предводителей надъ собою вовсе, кромѣ дѣтей своихъ и сродниковъ, на берегъ, покуда не дано имъ было особливаго на то приказанія.

(**) Смотри въ *Делла Валлѣ* томъ IVй и Vй.

томъ честолюбїе, удерживало его всегда отъ всякаго насилїя: онъ считалъ себѣ за безчестїе даже сорвать какой либо плодъ съ дерева безъ позволенїя на то отъ начальника. „Пусть, говорили они всѣ единогласно, Оттоманны одни расхищаютъ народъ свой; но мы считаемъ себя защитниками и охранителями Государства нашего.„

Младой *Нуширванѣ*, достигшей между тѣмъ десяти лѣтъ своего возраста, доставлено было по приказанїю *Усонга* тожъ самое воспитанїе, каковое и ея меньшимъ братьямъ было назначено, когда они прейдутъ перьвыя лѣта своей младой юности. Она обучалась въ гисторїи, законахъ, познанїи земли и плодовъ, искуства и естества, такъ какъ и во всѣхъ учрежденїяхъ, чрезъ кои общая безопасность, изобилїе и правосудїе были охраняемы: словомъ, во всѣхъ добродѣтеляхъ великаго Государя преподаваемо было ей надлежащее наставленїе. Сїя младая дщерь Императорская имѣла твердость подобную ея родителю, и настоящее изображенїе, которое при сходствѣ съ кроткимъ нравомъ *Лїосуи* весьма сходно было впротчемъ съ оною. Ея разумъ не находилъ ничего труднаго къ своему свободному постиженїю, и *Усонгъ* взиралъ съ восхитительнымъ удовольствїемъ, что,

чтo, на которой престолЪ судьба гото-вила его дщерь, оной непремѣнно дол-женЪ считать будетЪ неоцѣненнымЪ да-ромЪ неба, ниспосланнымЪ вЪ ней Госу-дарству тому.

УстроивЪ такимЪ образомЪ все ну-жное вЪ своей столицѣ, началЪ Импера-торЪ приуготовлять себя потомЪ кЪ новому паки путешествію, и по изгото-вленіи всего нужнаго кЪ оному, отпра-вился тотчасЪ вЪ провожденіи искрен-нихЪ ему послѣдователей вЪ сѣверо-западныя провинціи Персіи. Во всѣхЪ мѣстахЪ, кои ни проѣзжалЪ онЪ только, приказывалЪ всегда приносить предЪ себя судейскія книги; но рѣдко находилЪ причину перемѣнять вЪ нихЪ нѣчто; осматривалЪ какЪ войски, такЪ и протчихЪ вооруженныхЪ людей Государства своего вЪ ихЪ военной дисциплинѣ, и всѣхЪ находилЪ онЪ, изключая только одного обращенія вЪ огнестрѣльномЪ орудіи, искусными и весьма обученными; по-сѣщалЪ также мастерскія разныхЪ худо-жествЪ, приказывалЪ притомЪ точнѣй-шее давать себѣ свѣденіе о рудокопахЪ, стальныхЪ рудникахЪ вЪ Массандеранѣ, Тиркиссѣ, вырываемомЪ изЪ горы Фи-руцЪ-ку и протчихЪ источникахЪ Пер-сидскаго сокровища. ОнЪ радовался не-сказанно о увеличившихся весьма шелко-

вичныхъ деревьяхъ, новыхъ заложенныхъ въ не маломъ количествѣ пространныхъ садахъ и обработанныхъ обширныхъ поляхъ, коя находилъ онъ въ каждой провинцїи. Вездѣ видѣлъ онъ новыя строенїи и во всѣхъ городахъ очищенную нечистоту и дрязгъ, причиненныя тамъ прежними раззорителями, такъ какъ и повсюду новыя великолѣпныя зданїи, сооружавщїяся на необитаемыхъ мѣстахъ, гдѣ строгости своей оставилъ онъ небольшїе только, и то совсемъ уже неминуемые слѣды; но милости и щедроты напротивъ того безчисленные примѣры.

Въ нѣкоторомъ уединенномъ мѣстѣ на пути въ Массандеранъ, удалился онъ нарочно нѣкогда отъ своей свиты, и поѣхалъ прямо къ покрытой соломою хижинѣ, которую примѣтилъ онъ въ нарочитомъ разстоянїи отъ дороги на одномъ небольшемъ пригоркѣ. Сїе возвышенное мѣсто, окружено было небольшими глиною обмазанными стѣнами и раздѣленными притомъ по различнымъ степенямъ, изъ коихъ каждой высота усажена была приличнымъ къ тому растенїемъ особливаго рода. Видъ пригорка сего, привелъ издали Императора въ удивленїе; а усердїе въ приведенїи всего надлежащимъ порядкомъ жителя того мѣста, привлекъ его особу къ себѣ

гораздо ближе, кое изображало настоящее подражанїе Китайскаго искуства. Покрытый сѣдинами престарелыхъ лѣтъ мужъ, сидя тамъ, увидѣлъ *Усонгъ*, посреди своихъ домочадцевъ, наставлялъ ихъ благоразумными совѣтами при работѣ, въ которой упражнялись онѣ съ наивеличайшимъ усердїемъ. „Любезный старичокъ, спросилъ у него *Усонгъ*, сколько тебѣ лѣтъ отъ роду? „Весьма много, государь, отвѣчалъ ему старикъ. Я памятую еще на семъ полѣ, откуда пришелъ ты сюда, разставленнымъ лагерь великаго *Тимура*. „Каковыжъ были прежнїя времяна? и каковыми кажутся тебѣ нынѣшнїя? продолжалъ спрашивать у него Персидскїй Государь. „Тростникъ, сказалъ престарелый мужъ, неисторгается никогда съ его корнемъ, потому что оной весьма гибокъ. Я знавалъ довольно *Тимура*, который владѣлъ какъ левъ, и нападалъ только на одну добычу, коя ему могла чинить сопротивленїе, щадя притомъ слабыхъ. Напротивъ того преемники его, разцарствовали на подобїе шакалъ, (*) разтерзывавшихъ тѣхъ, кои не могли про-

 ти-

(*) Подъ симъ имянемъ разумѣются хищныя звѣри, кои по ночамъ, вырывая мертвыя трупы, питаются оными.

тивится имъ вовсе, и кои, такъ какъ бездушныя вещи, все сносить принуждены бывали; но нынѣ, кажется мнѣ, управляетъ слонъ, которой, питаясь одними дарами преизобильнаго естества, и нелишая никого ни въ чемъ, остается, притомъ всегда и великъ и богатъ. *Тимуровы* воины, продолжалъ говорить украшенный сѣдинами старикъ, отнимали только у насъ пищу; но въ потомствѣ его, и самая невинность дѣтей нашихъ не была безопасною отъ ихъ злоухищренія. Нынѣжъ на противъ того, дѣти, скотъ и плоды пота сего, суть мои собственныя; и покамѣстъ здравствуетъ *Усонгъ*, по тѣхъ поръ надѣюсь я, учинится можетъ быть весь пригорокъ сей прекраснѣйшимъ вертоградомъ, и сїя хижина пространнѣйшимъ селенїемъ, населеннымъ одними моими потомками.„ Старикъ сей, былъ природный Монгалецъ, который, попавшись въ плѣнъ, приведенъ былъ потомъ въ Китай, гдѣ научился онъ совершенно обработывать землю. *Усонгъ*, утѣшаясь внутренно словамъ сего древняго мужа, оставилъ его наконецъ, наградя притомъ щедро знаками своей несравненной милости; но Татаринъ сей, не могъ во всю жизнь свою узнать того, что

Само-

Самодержецъ Персіи удостоилъ своимъ присудствіемъ его бѣдную хижину.

Отсюда поспѣшалъ *Усонгъ* въ Масандеранъ, дабы весною проѣхать ему можно было сію провинцію, какъ въ такое время, когда она, орошаясь многими источниками, уподоблялась совершенно земному раю. Различныя цвѣты, коихъ искуство съ нуждою допускаетъ произрастать въ другихъ климатахъ, тюльпаны, украшавшіе сады Оттоманнскихъ Государей, и Гіацинты, служащіе сокровищемъ садовъ странъ западныхъ, придаютъ все украшеніе земли, кои производитъ естество здѣсь само собою безъ всякихъ трудовъ человѣческихъ: виноградныя лозы, обвиваются въ изобиліи около деревьевъ, онѣ не требуютъ вовсе ни косы, ни ножа, ниже ножницъ даже, и приносятъ при всемъ томъ вкуснѣйшій плодъ, изъ котораго давятъ прекраснѣйшее вино. Тѣнистые лѣса, покрываютъ тамъ холмы и пригорки, гдѣ прежде находились достойныя жалости настоящія пустыни. Итакъ, *Усонгъ* нашелъ сію плодоносную провинцію въ юношескомъ ея великолѣпіи лучшаго годоваго время.

Изъ сего мѣста, принужденъ онъ былъ предпринять велокой объѣздъ, дабы избѣжать пространной степи, которая къ

къ немалому его соболѣзнованію нарочитую часть государства его занимала, видѣлъ онъ (*). Переѣхавъ чрезъ Касвинъ, долженъ онъ былъ при всемъ томъ переходить трудныя горы опаснѣйшими дорогами, покуда не прибылъ наконецъ въ Эстрерабадъ. Тамъ приказалъ онъ построить нѣкоторыя укрѣпленіи, выбравъ притомъ пространное мѣсто къ военному стану для довольнаго числа вооруженной конницы, которая должна была служить къ обузданію отъ сильно безпокойныхъ Гирканцовъ, столькожъ не менѣе и сосѣдственныхъ съ тѣмъ мѣстомъ дикихъ Трухманновъ. Онъ выхвалялъ усердіе жителей цвѣтущаго Режда, кои знали болѣе средствъ въ пріобрѣтеніи всего въ пользу свою, нежели цѣлыя провинціи. Одобрилъ въ Гилянѣ проворство и раченіе прекраснѣйшихъ женщинъ, кои въ сей плодородной странѣ исправляли большую часть земляныхъ работъ. Слѣдуя же берегами Касписскаго моря, поворотилъ онъ наконецъ далѣе на Западъ; правителю своему, приказалъ онъ здѣсь содер-

---

(*) Касписское море, выходя изъ береговъ своихъ, и потопляя земли Персидскія, лежащія около онаго, дѣлаетъ чрезъ то ихъ совершенно болотистыми, такъ, что воздухъ тамъ всегда бываетъ весьма нездоровой.

Читай о семъ пространнѣе въ *Ганвѣ*.

содержать въ надлежащемъ порядкѣ и
строгости народы горы Куаверской, ко-
ихъ нравы были чрезвычайно испорчены,
и гдѣ ужаснѣйшіе пороки изъ давнихъ
еще времянъ были почти въ нѣкоторомъ
почтеніи; потому что жители тамъ
потеряли стыдъ и совѣсть вовсе. Надъ
виновнѣйшими изъ нихъ, намѣренъ онъ
былъ показать примѣръ своей строго-
сти, угрожая притомъ и протчимъ со-
вершеннымъ истребленіемъ, естьли про-
должать онѣ вздумаютъ впредь слу-
жить пятномъ всему его Государству;
назначилъ тамъ также быть всегда до-
вольной силѣ храбрыхъ Христіянъ изъ
Грузіи, къ большему подкрѣпленію вла-
сти правосудія. Переѣхавъ потомъ чрезъ
славный Араксъ, посетилъ онъ Ширванъ,
и недалеко отъ Лесгинцовъ лежащую
Шамахію.

Остановившись же въ Бакѣ, всзнамѣ-
рился онъ, считая ни мало не недостой-
нымъ упражненіемъ, осмотрѣть чудо-
творенія на полуостровѣ Окесрѣ нахо-
дящіяся, гдѣ нашелъ подлинно великое
удовольствіе, смотря на всѣ рѣдкости
изобильнаго естества. Онъ видѣлъ тамъ
вѣчный огонь, выходящей безпрестанно
изъ многихъ мѣстъ преисподней, много-
численные источники бѣлой нифти, или
смолы, коей пары подхватывая пламя,
горѣли

горѣли не утушимо вовсе; журчащее сильно озеро, выкидывающее безпрестанно въ верьхъ такъ называемое каменное масло, и пригорокъ Югтопу, изъ вершины котораго выходилъ безпрестанно также нѣкоторой родъ жирнаго клѣя, которой, поднимаясь иногда на воздухъ на подобїе фонтана, съ великимъ стремленїемъ и шумомъ упадалъ паки на низъ.

Но весь предмѣтъ сего путешествїя Императора, былъ единственно древнїй городъ Дербентъ. *Усонгъ*, по прїѣздѣ своемъ туда, принялъ тамъ отъ Лесгинцевъ пословъ, присланныхъ къ нему съ немалою благосклонностїю; сїи храбрыя горныя народы, покорились добровольно покровительству Императора Персидскаго, будучи тронуты весьма единымъ почтенїемъ къ его великой добродѣтели, при которомъ случаѣ, получили онѣ то преимущество, что оставлена имъ была всегдашняя ихъ вольность, которой пользовались онѣ безпрестанно съ самаго ихъ перьвоначалїя. *Усонгъ* приказалъ укрѣпить притомъ сей великимъ Александромъ еще заложенный городъ, почитая его ключемъ Персїи съ сѣверной стороны; а замокъ онаго, повелѣлъ привести въ лучшее состоянїе, и часть

сво-

своихъ Курдскихъ народовъ оставилъ тамъ гарнизономъ.

Чрезъ непроходимыя и до облаковъ досязающія вершинами своими горы, прибылъ Императоръ возвратно потомъ въ цвѣтущихъ долинахъ построенный городъ Ардевиль, гдѣ множество находится остатковъ древнихъ гробницъ, посвященныхъ Алидамъ, и гдѣ лѣжатъ лучшія въ Персіи овечьи пасства.

При вторичномъ туда возвращеніи, нашелъ Императоръ паки своего друга *Джунеида*, который, лишившись своего почтеннаго родителя, окончалъ только трауръ тогда по немъ. Онъ представилъ Государю Персидскому своего сына молодаго *Гайдера*, изображавшаго сущее подобіе прекрасной *Эметѣи*.

Но въ самое сіе время, начало оставлять *Усонга* руководствовавшее имъ до того благополучіе. Участь, освободившая его изъ неволи, дабы возвести токмо на престолъ Персидскій онаго, хотѣла при семъ случаѣ испытать можетъ быть въ нещастіи его непоколебимость, по утвержденіи добродѣтелей его въ благополучномъ состояніи. Вскорѣ, по прибытіи его въ домъ свой, появилась Абиссинская зараза сильно въ Шерасѣ, коей примѣра не видно было тамъ весьма долгое время. Тысящи прекраснѣйшихъ

шихъ женъ и безчисленное множество дѣтей малыхъ погибло оною при семъ случаѣ; а наконецъ, вселилась смертоносная язва сія и въ чертоги Императорскія. *Джунеидъ* и *Рустанъ*, двое его преисполненныхъ надежды сыновей, заразились вскорѣ также оною, и *Лїосую*, сїю нѣжно любящую родительницу, презиравшую притомъ вовсе опасность собственной своей жизни, не возможно было никакъ отвлечь отъ кроватей, на которыхъ страдали малыя ея дѣти. Она не оставляла ихъ ни на минуту въ сей опасной болѣзни даже до самой смерти, напиталась ядовитыми парами гнилости, выходящими изъ всего тѣла умершихъ; и хотя не заразилась сама тѣмъ впротчемъ, однако здравїе ея претерпѣвало притомъ не мало, и нѣжное сложенїе ея тѣла, приближалось примѣтнымъ образомъ къ своему разрушенїю.

Усонгъ, взирая весьма печальнымъ окомъ на сїе невозвратное для него нещастїе, видѣлъ довольно ясно изчезающую надежду въ своихъ великихъ предпрїятїяхъ; ему не оставалось болѣе достойнаго наслѣдника, кромѣ прекрасной *Нуширваны*. Печаль свою, оплакивалъ онъ еще болѣе какъ Государь, любящїй своихъ подданныхъ, нежели какъ отецъ, погребающїй любезныхъ своихъ дѣтей. Итакъ, началъ

чалъ онъ основательно въ томъ опасатся, дабы всѣ его труды не пропали вдругъ втунѣ, и Государство его не впало бы въ прежній безпорядокъ; по чему, сей чаемой имъ великой погибели не находилъ онъ наконецъ другаго способа, кромѣ достойнаго замужства своей наслѣдницы.

Но какъ долженствовалъ онъ съ рукою ея отдать непремѣнно и Скипетръ Персидскій, то искалъ рачительнымъ образомъ знатной особы, достойной во всемъ ея душевныхъ свойствъ, въ которой бы могъ онъ полагать всю свою надежду, дабы подъ владѣніемъ оной могло быть довольно безопасно благополучіе его народа.

Онъ отмѣталъ въ мысляхъ своихъ всѣхъ Владѣтелей собственныхъ Государствъ, къ исполненію сего благоразумнаго его предпріятія. Персія, думалъ онъ, почитающая столь искренно своего Монарха, не должна была учинится провинціею другой какой либо земли, и не должна была подпасть въ простыя руки постороннихъ большихъ людей, кои не ея сынами были, и кои то почитать не преминутъ себѣ добычею токмо.

Собственныхъ своихъ кровныхъ сродниковъ Ченгидовъ, изключалъ справедливый Госрдарь сей также изъ числа сего, потому что Новіяны Двора его

огорчали нерѣдко преисполненное родительскою горячностію къ народу своему его сердце. Сіи Монгалы не научены были, зналъ онъ, обуздывать свои страсти, и не могли слѣдовательно покорятся тягостному игу законовъ. Ихъ звѣрскій нравъ не способенъ былъ вовсе къ нѣжной чувствительности, безъ которой Государь не можетъ быть сердобольнымъ къ пользѣ отцомъ своего народа.

По всѣмъ симъ причинамъ, утвердилась *Усонгова* вся надежда на единомъ токмо младомъ *Гайдерѣ*, внукѣ *Алія* и *Исмаила*, коихъ законъ согласовался не мало съ вѣрою большей части Персовъ; что Госсениды и всѣ духовные, не преминутъ представить себѣ, думалъ онъ, не оцѣненнымъ даромъ отъ неба, ниспосланнымъ народу Персидскому, и что *Усонгъ* съ своей стороны, помощію своихъ наставленіи и неусыпнымъ притомъ его стараніемъ произвести въ дѣйство надѣился съ успѣхомъ; добродѣтельныя же свойства души и пріятность вида назначеннаго имъ въ женихи дщери его, увѣряли впротчемъ несомнѣнно Императора, что и *Нуширвана* могла быть чрезъ то дѣйствительно щастливою.

Чего ради, обьявилъ онъ во перьвыхъ младую Княжну своею наслѣдницею всѣхъ провинцій, въ чемъ ни малѣйшаго не имѣлъ

имѢлъ онъ затрудненія; ибо ни единаго не было изъ Персіянъ, которой бы возънамѢрился покусится отвергнуть то обоготворяемому ихъ Монарху; потому что знали онѢ его довольно, и слѢдовательно, никакого сомнѢніе не могло оставатся имъ въ томъ; а особливо, когда *Усонгъ* въ публикованномъ своемъ МанифестѢ увѢрялъ каждаго, что онъ, будучи обнадеженъ о способности и добродѢтели своей дочери, и печась безпрестанно о благополучіи народа своего, предлагаетъ Государству ее своею наслѢдницею. Сверьхъ того, обѣщалъ онъ приложить всевозможное стараніе въ учиненіи такого выбора при ея бракосочетаніи, которой бы согласовалъ во всемъ съ благосостояніемъ Государства. Итакъ, приказалъ онъ во всѢхъ присудственныхъ мѢстахъ, во всѢхъ различныхъ отдѢленныхъ департаментахъ Государственныхъ правъ, войскѢ, гражданскомъ правленіи, учрежденныхъ для сбора подати судахъ и духовномъ присудствіи, признавать и почитать ее впредь за законную наслѢдницу Персіи, включа притомъ имя ее во всѢ Государственныя книги, и вписавъ оное подъ своимъ собственнымъ имянемъ.

ВскорѢ послѢ того, открылъ онъ свои мысли о предпринятомъ имъ замужествѢ

дщери ихъ, неутѣшно оплакивающей печаль свою еще о потери дѣтей его любезнѣйшей своей *Лїосуи*, и просилъ ее, обнимая оную наинѣжнѣйшимъ образомъ, приложить всевозможное старанїе въ прїуготовленїи Княжны къ заключенному имъ ея браку, поступя притомъ такъ, чтобъ *Нуширвана*, не подозрѣвая ни мало въ выборѣ ея родительми жениха ей, сама собою примѣтить могла преизящныя достоинства молодаго Алида.

Послѣднее изъ сихъ желанїи, свершилось вскорѣ при учрежденїи нѣкотораго конскаго рыстанїя и протчихъ забавъ къ этому приличныхъ, между дѣтьми знатныхъ господъ всего Государства, во внутренности Императорскаго Дворца, кои уединственнымъ имѣли предмѣтомъ утверждение наслѣдства въ Имперїи, чрезъ что самое Персїя дщерь *Усонгову* признала будущею своею Повелительницею.

Нуширвана, будучи еще тринадцати лѣтъ, имѣла уже какъ ростъ, такъ и разумъ гораздо превосходнѣйшими предъ тѣмъ, чтобъ возрастъ сей обѣщать только то могъ, которая одарена была притомъ чувствительнѣйшимъ сердцемъ и преизящнѣйшими дарованїями. Напротивъ того, и въ младомъ Князѣ не недоставало ничего также, чтобъ не могло заслужить особливой любви и достойнаго почте-

почтенія, котораго возрастЪ превосходилЪ впротчемЪ гораздо лѣтами юность прекрасной дщери Императорской.

Между тѣмЪ, сыскала *Лїосуя* удобный случай открыть дочери своей важное сїе намѣренїе, которое великїй родитель ея предпринималЪ непремѣнно произвести вЪ дѣйство. „*Нуширвана*, говорила нѣжная сїя мать, была бы безсомнѣнїя достойна и способна сама управлять СкипетромЪ *Усонга*; но предразсужденїи народовЪ требуютЪ вЪ томЪ надлежащей осторожности. ИмператорЪ, продолжала говорить *Лїосуя*, избралЪ достойнаго Князя, который облегчить долженЪ будетЪ вЪ томЪ бремя правленїя, совокупляя все вмѣсти, что Персїя и сердце его любезной дочери желать только можетЪ.„

Нуширвана закраснѣвщись при произнесенїи сихЪ словЪ, проводила нѣсколько времяни вЪ молчанїи, потомЪ; бросившись предЪ дражайшею ея матерью на колѣни, цѣлуя руки оной и орошая притомЪ ихЪ своими слезами, просила вЪ такомЪ дѣлѣ, отЪ коего зависѣла ея участь и благополучїе толикихЪ тысящей народа, на размышленїе нѣкотораго время.

Лїосуя, имѣя довольно проницающее вЪ томЪ око, чтобЪ отсрочку сїю почитать однимЪ только дѣйствїемЪ стыдли-

дливости ея пола, примѣтила тотчасъ нѣчто владычествующее въ сердцѣ наслѣдной Принцессы, которое противилось весьма сему предлагаемому оной союзу.

Но не хотѣла при всемъ томъ отказать она въ требуемой прозьбѣ на размышленіе превосходящей сильно младость свою ея дочери. „По окончаніи осми дней, должна *Нуширвана* открыть непремѣнно свое намѣреніе, сказала притомъ *Лїосуя*; и я никакъ не сомнѣваюсь, чтобъ она возъимѣла когда ни есть противныя мысли премудрому и любящему ея чрезвычайно родителю, а притомъ и Государю своему."

Назначенной срокъ прошелъ скоро, казалось для безпокойной и смущенной безпрестанно Княжны сей. Она упавъ вторично на колѣни предъ любящей ее родительницею: „Моя рука и жизнь вкупѣ, говорила въ отчаяніи нѣжная *Нуширвана*, зависятъ единственно отъ Государя моего, и буде желаетъ онъ, чтобъ жертвовала я ему и тѣмъ и другимъ, то къ повиновенію сему готова я сей же часъ."

„Для чегожъ, упоминаетъ *Нуширвана* о своей жизни? спросила *Лїосуя*; „Потому, отвѣчала оная, что отчаяваюсь я въ ея сохраненіи, отдавъ руку мою по неволѣ *Гайдеру*."

Импе-

Императрица, знавъ довольно не поколебимую твердость своей дочери, коей походила она весьма на своего родителя; такъ, что естьлибъ невозбранялъ ей только ея полъ, то была бы она совершенно неустрашимѣйшимъ воиномъ; чего ради, желала нетерпѣливо знать, что бы не нравилось толико дщери сей въ молодомъ *Гайдерѣ*.

Нуширвана, хотя и долго колебалась было открыть внутренное свое къ тому отвращенiе; но не въ силахъ будучи противостоять любви своей матери, призналась ей наконецъ, что естьли сочетается она когда съ кѣмъ бракомъ, то должна уже будетъ посвятить безпредѣльно всю свою горячность ея супругу, ожидая напротивъ того также нераздѣльнаго ни когда сердца и отъ онаго; и хотя знаетъ она довольно свободу, присвояемою себѣ обыкновенно въ восточныхъ странахъ супругами, но она приобучена уже съ дѣтства видѣть Императора родителя ея, который не любилъ никого другой, кромѣ достойной всѣхъ его мыслей прекрасной *Лïосуи*; что она примѣчала всегда, сколь основывалось благополучïе супруги его насемъ похвальномъ преимуществѣ, и что она, безъ самагожъ сего щастïя, беднѣйшею Государынею въ свѣтѣ считать себя

 дол-

должна будетъ, и тѣмъ нещастнѣе быть можетъ, чѣмъ нѣжнѣе будутъ ея чувствія къ ея супругу.

Она наслышалась довольно отъ одной изъ своихъ женщинъ о молодомъ Алидѣ прежде еще, нежели *Гайдеръ* могъ ласкатся получить руку достойной *Нуширваны*. *Сулимѣя*, сказано ей было, одна Грузинка, красота коей была совершенною, а душевныя свойства не уступали также ни въ чемъ ея прелестямъ, владѣетъ уже неограниченно сердцемъ назначаемаго ей въ супруги, которую привезъ онъ съ собою съ собственнаго на то согласія своего родителя, потому что безъ нее не могъ онъ жить никакъ. „Итакъ, продолжала говорить наслѣдная Принцесса своей матери, думаю я любить совершенно будущаго моего супруга; но безъ сей надежды, брачный вѣнецъ будетъ служить для меня тяжчае самыхъ оковъ желѣзныхъ; и вообраченія, быть презрѣнною женою отъ вѣроломнаго мужа, коего сердце во власти другой находилось бы тогда, когда оный по принужденію долженствовалъ имѣть меня въ своихъ обьятіяхъ, не въ силахъ снести я вовсе; а еще менѣе, могу я почитать то, чтобъ, знавъ свое неоспоримое на то право, помышлять о гнусномъ мщеніи, и быть тому злодѣйкою, за ко-

котораго выдана я болѣе для того, чтобъ онъ былъ виновникомъ всего истиннаго моего благополучія."

Императрица встрѣвожена будучи нежидаемымъ вовсе отвѣтомъ дочери своей, оставила тотчасъ потомъ Принцессу: "Не оставятъ уже пещись, сказала она ей съ пріятнымъ, но притомъ и важнымъ видомъ, чтобъ *Нушированина* покорность не послужила ей нещастіемъ; но она и то памятуетъ также, думаетъ она, что *Усонговы* намѣреніи гораздо того важнѣе, чтобъ предпочесть имъ можно было всѣ сіи остророжныя разсужденіи, которыя приличны особѣ низшаго предъ ея степенемъ, а недовольно зрѣлы еще для наслѣдной дщери Персіи."

Ліосуя дала знать тотчасъ своему супругу, что *Нушированинымъ* отговоркамъ, въ предложеніи ею оной о семъ полезномъ бракѣ, была единственною причиною только природная ея стыдливость, и послала немедлѣнно между тѣмъ къ прекрасной *Сулимѣе* одну изъ своихъ вѣрнѣйшихъ прислужницъ, приказавъ объявить ей, что Императрица желаетъ ее нетерпѣливо видѣть, считая оную совершеннымъ украшеніемъ Аравіи; и не допуская отговариватся много прекрасной Черкессенки, которую безсомнѣнія

зовѣ сей долженѣ былѣ привести непремѣнно вѣ преужасный страхѣ, приказала увѣрить притомѣ, чтобѣ она, знавѣ извѣстную благосклонность ко всѣмѣ Императрицы, не безпокоилась ни о чемѣ впротчемѣ; но толькобѣ ѣхала скорѣе, потому что свиданіе сѣ нею было необходимо.

Обожаемая невольница принуждена была повиноватся обѣявленному себѣ повелѣнію; она прибывѣ во Дворецѣ Императорскій, бросилась прямо кѣ ногамѣ Государыни Персидской: „Я заслуживаю неизбѣжную смерть, говорила она, обливаясь сама слезами; и какѣ можетѣ только купленная *Сулимѣя* дерзать оспоривать когда сердце Князя наслѣдницѣ столь сильнаго престола, каковѣ есть Персидскій? „ибо, не сомнѣвалась она ни мало о причинѣ требованія ея ко Двору.

„Прекрасная *Сулимѣя*, сказала потомѣ милосердая Императрица сѣ видомѣ побѣждающимѣ всѣ ласки, обязываетѣ меня нынѣ совершенно, открывѣ мнѣ дѣйствіи своего сердца, хотя впротчемѣ и безѣ того заслуживаю я поистиннѣ всю ея вѣ томѣ довѣренность. Внемли меня обоготворяемая прелесть *Гайдеромъ*, послушай, какѣ любящимѣ горячо матерямѣ повинуются дѣти ихѣ обыкновенно.„

„*Сули-*

„*Сулимѣя* не ожидаетъ никогда, думаю я, продолжала говорить *Аїосуя*, чтобъ *Джунеидъ* отрекся когда ни есть принять предлагаемый престолъ *Кировъ* его роду, дабы сынъ его, предавшись полному удовольствїю прелестей юной красавицы, оставался на всегда не раздѣля своего сердца съ кѣмъ законнымъ бракомъ, коему любовь его непремѣнно должна уступить нѣкогда все преимущество; и хотя прелести прекрасной *Сулимѣи* увѣрятъ ея въ сохраненїи сердца къ ней молодаго *Гайдера* на нѣсколько времяни можетъ быть; но каковою будетъ участь ея тогда и послѣ? Вся Персїя возненавидитъ волшебную силу красоты ея, чрезъ которую наслѣдница престола, дщерь *Усонга*, учинится нещастною. *Джунеидъ* употребитъ совершенно всю родительскую власть разлучить сына съ его зловредною любовницею: всѣ подданныя государства вооружатся противъ *Сулимѣи*, и никто не будетъ держать уже сторону ея болѣе, кромѣ одного сердца молодаго юноши; но въ силахъ ли оно полно будетъ противостоять долго слѣдствїямъ наслажденїя сопряженнаго съ родительской, супружнической и дружеской, такъ сказать, любовїю? Когда же наконецъ, уступить должно ему сїе будетъ то-

ликимъ

ликимъ почтенія достойнымъ совѣтамъ, и покорится единодушному желанію всѣхъ Персовъ, то что будетъ тогда съ *Сулимѣею*, оставленною и самимъ ея любовникомъ, коего горячность составляла все ея благополучіе прежде.„

„Но къ щастію, *Сулимѣя* имѣетъ не менѣе разума красоты своей; она разсудитъ здраво, надѣюсь, что страсть молодаго человѣка не продолжится долѣе, какъ только нѣсколько времяни; а остальные дни жизни ея будутъ составлять потомъ ничемъ не преодолимую скуку, досаду и отчаяніе безъ всякой надежды. Итакъ, лучше заблаговремянно совѣтую я тебѣ посвятить всеобщему благополучію любовь свою въ жертву, которую одно повиновеніе непостоянной младости и безъ того легко истребить въ силахъ, знавъ притомъ, что Персіи не не достаетъ ничего какъ въ чести, такъ и въ щастіи, коихъ бы не могла ожидать она себѣ со стороны ея въ знакъ благодарности, буде воспротивится вздумаетъ только своей страсти, противной весьма спокойствію цѣлаго Государства.„

Сулимѣя, слушая со вниманіемъ сіе предложеніе *Ліосуи*, и помѣшкавъ нѣсколько времяни по окончаніи разговора оной, пала вновь къ ногамъ великодушной Импера-

ператрицы, и лобызая съ должнымъ подобострастïемъ полу ея платья, произнесла съ восхищенïемъ слѣдующïя слова: „Ахъ! что буду я тогда, вскричала она, когда соображать начну участь свою съ участью Государства всего? Материнскïя наставленïи всякаго почтенïя достойнѣйшей *Лïосуи*, пребудутъ пусть вѣчно вперенными во глубинѣ моего сердца."

Императрица, оставивъ ее у себя съ сего время, назначила для нее знатное при Дворѣ своемъ мѣсто; такъ, что милость сïя, которою удостоивана была всегда оная прекрасная Грузинка, и безпримѣрныя прелести *Сулимѣи*, заставили скоро нѣкотораго знатнаго при Дворѣ Персидскомъ человѣка за нее свататся, и она выдана была за мужъ, какъ настоящая подруга Императрицы; а продолжительное ея благополучïе, служило ей совершеннымъ награжденïемъ за посвященную ею страсть младости въ жертву всеобщей пользѣ Государства Персидскаго.

Гайдеръ, хотя и любилъ впротчемъ *Сулимѣю* съ полнымъ жаромъ равныхъ его лѣтъ человѣка и притомъ еще Аравлянина; но не смѣлъ при всемъ томъ открыть необузданной своей къ ней горячности ни подъ какимъ видомъ роди-

родителю своему, представлявшему съ сильнѣйшимъ восхищенїемъ радости щастїе Алида, распространенїе чрезъ то истиннаго исповѣданїя, и наконецъ самый престолъ, приуготовляемый его крови; почему, *Гайдеръ* безпрепятственно согласился приступить къ столь выгодному для него предложенїю, и прекрасная *Нуширвана* не противилась уже болѣе, намѣренїю своихъ родителей въ признанїи будущимъ своимъ супругомъ того, котораго *Усонгово* благоразумїе избрало для нее токмо.

Она старалась всячески приобрѣсти сердце молодаго Князя, и овладѣла имъ сверьхъ своего чаянїя весьма скоро безпредѣльно своими соединенными вкупѣ прїятностями, а притомъ и украшеннымъ великими дарованїями понятїя и наукъ разумомъ.

По окончанїи сего брачнаго торжества, предпринялъ *Усонгъ* еще разъ путешествїе по своему Государству, и началъ оное съ восточныхъ провинцїй, а особливо со стороны важнаго Кандагара. Съ самаго начала, осмотрѣлъ онъ славный своими красавицами городъ Іецдъ, которой, на подобїе плодороднаго острова, посреди пещаной степи имѣлъ свое положенїе. Мѣсто сїе, славно было особливо тогда составленїемъ драгоцѣннаго

розоваго масла, которое щитается лучшимЪ сокровищемЪ Государей восточныхЪ, а не менѢе и искуснымЪ тканьемЪ разнаго рода золотыхЪ матерїй. *Усонгъ* не преминулЪ купить тамЪ знаменитаго количества сихЪ дорогихЪ штофовЪ, что обыкновенно дѢлывалЪ онЪ при осматриванїи работЪ, для большаго поощренїя вЪ трудахЪ упражнявшихся; отсюда выѢхавЪ, проѢхалЪ онЪ уединенное мѢсто Сегестана, и прибылЪ потомЪ кЪ горамЪ вЪ КандагарЪ. ТамЪ принималЪ онЪ посещенїи отЪ нѢкоторыхЪ АфганскихЪ Князей, кои добровольно признали его своимЪ покровителемЪ, сЪ тѢмЪ однакожЪ, чтобЪ остатся имЪ независимыми впротчемЪ отЪ Государства Персидскаго. ИмператорЪ употребилЪ всѢ при семЪ случаѢ свои силы доказать свою врожденною милость кЪ ищущимЪ его защищенїя, и осыпалЪ сильно знаками своей неизрѢченной щедроты сихЪ неустрашимыхЪ варваровЪ; но велѢлЪ при всемЪ томЪ укрѢпить КандагарЪ тройною крѢпчайшею стѢною, занимавшею все пространство между горами, и защищавшею совершенно проѢздЪ вЪ Индїю, гдѢ содержалЪ онЪ безпрестанно потомЪ корпусЪ нѢсколькихЪ тысящЪ ГрузинЪ конницы по близости крѢпости: ибо благоразу-

разуміе его постигало всѣ времяна, и предвидѣло нарочитую впредь опасность, которая грозила Государству отъ сихъ дикихъ и звѣрскихъ горныхъ народовъ; а особливо тогда, когда Скипетръ Персидскій достанется можетъ быть въ руки слабыхъ и нерадивыхъ Самодержавцевъ(*).

Индостанъ, былъ впротчемъ въ величайшемъ тогда замешательствѣ; и хотя легко бы можно было довольно вооруженнымъ Персіянамъ завладѣть нѣкоторыми провинціями сего ослабѣвшаго Государства; но *Усонгъ* помышлялъ и похвальнѣе и разумнѣе того гораздо: ибо вообще, считалъ онъ войну Божескимъ наказаніемъ и совершеннымъ позорищемъ неминуемыхъ жестокостей: ничто, кромѣ необходимости самой, по его мнѣнію, не могло извинить Государя, который причинялъ толико погибели роду человѣческому; сверьхъ же того, почиталъ онъ Персію и такъ довольно обширнымъ Государствомъ; а непроходимыя почти горы, составляли притомъ къ Востоку естественные предѣлы, преступить кои, одно слѣпое честолюбіе заставляло только, думалъ онъ.

Но

(*) Что и учинилось во времяна *Миръ-Вейса* и *Махмеда.*

Но время наступало уже, въ которое *Усонгу* долженствовало непремѣнно подпасть величайшему удару злополучія въ его жизни. *Лїосуя*, по прибытїи своемъ въ Персїю, часъ отъ часу становилась слабѣе; въ самомъ Ширасѣ, казался воздухъ для нее сырымъ и холоднымъ; а тяжкія роды, потеря родителя ея и двухъ сыновей своихъ притомъ, ослабили нѣжное сложенїе ея членовъ еще вяще. Чувствуя себя ослабѣвающую такимъ образомъ, безъ всякихъ впротчемъ особливыхъ припадковъ, считала она смерть свою неминуемо скоро постигнуть ея имѣвшую; но знавъ совершенно горячность къ себѣ супруга, и почитая малѣйшее безпокойствїе его здраваго разсудка величайшимъ для себя нещастїемъ, скрывала она всегда ощущамою ею слабость, и ободряла себя въ его присудствїи съ такою осторожностїю, что Императоръ, хотя и видалъ изнемогаемую свою безпрестанно супругу; но приписывалъ то всегда, или случайнымъ причинамъ, или льстясь скорымъ прекращенїемъ оныхъ, что никогда однакожъ непроходило, а умножалось еще сильнѣе.

Итакъ, предлагала она сама уже нынѣ своему супругу посѣтить важную провинцїю Кгорассанскую, лежащую на концѣ

сѣверовосточной границы, и имѣвшую безпокойныхъ Усбековъ своими сосѣдями, отъ набѣговъ коихъ никогда не была она свободною долго; и какъ въ самоежъ сіе время, долженствовало случится разрѣшенію отъ бремяни и *Нуширваны*, то, и отъ дочери своей желая отвлечь жалостный предмѣтъ кончины своей, приказала она перенести себя въ Фаграбадъ, нѣкоторой прекрасной загородной садъ, гдѣбъ могла она лучше укрѣпится въ своихъ силахъ, какъ увѣрять тѣмъ всѣхъ старалась; а наслѣдница престола, будучи такъ близка уже къ своему разрѣшенію, и немогши за нею слѣдовать, осталась въ Ширасѣ.

Между тѣмъ, прибылъ Императоръ въ Кгорассанъ, и осматривая великую и плодоносную сію провинцію, сожалѣлъ о томъ весьма, что въ ней находилась большая часть земли пещаной. Въ Мешетѣ, посѣтилъ онъ гробъ Имана *Рецы*, нѣкотораго знатнѣйшаго Алида, и нашелъ въ семъ пространномъ городѣ обширное и весьма выгодное мѣсто для заложенія коммерціи, способнѣйшей учинится со времянемъ посредницею въ сокровищахъ Бокгарскихъ и Индейскихъ, такъ какъ и всѣхъ трудовъ искуства тщательныхъ Персіянъ. Изъ сего мѣста, прибылъ онъ въ Нисабуръ, въ сосѣдствѣ

съ коимъ находятся Тиркискія горы, и обоями, коврами и протчимъ шерстянымъ тканьемъ славный городъ Гератъ, гдѣ пріѣзжали къ нему разные Усбекскіе Князья, которыхъ принималъ онъ со всѣми знаками своей дружбы; но сомнѣваясь въ постоянствѣ народа сего, имѣвъ довольно прежде тому различныхъ опытовъ, чтобъ можно было сдѣлать имъ какое либо участіе въ своей довѣренности, отпустилъ ихъ отъ себя скоро. Между тѣмъ, укрѣпилъ онъ городъ Марширгаръ, построилъ нѣкоторые замки на неприступныхъ высотахъ, и заложилъ многіе военные станы, гдѣ безпрестанно долженствовали пребывать войски его; будучи же уже на возвратномъ пути въ Ширасъ, получилъ вдругъ вовсе неожидаемо наиужаснѣйшее для себя изъ всѣхъ извѣстіе.

Ліосуя, удостовѣрена будучи въ приближавшейся ея кончинѣ, сохраняла всячески въ томящемся своемъ тѣлѣ полное спокойствіе кроткаго и постояннаго духа. Она приказала предъ концемъ жизни своей нарочно убрать свои покои свѣжими и лучшими цвѣтами, и выбрала платье самыхъ нѣжнѣйшихъ красокъ. Каждый вечеръ, заставляла она нѣкоторыхъ изъ своихъ женщинъ пѣть въ своей спальнѣ, и упражнятся музы-

кою и разными плясками, съ тѣмъ единственно намѣренїемъ, чтобъ сокрыть удобнѣе отъ всего Двора грозящее состоянїе ея здравїю.

Весь день, наканунѣ воспослѣдовавшей ея кончины, проводила она въ писанїи разныхъ писемъ, которыя запечатала притомъ сама; но ночью, сдѣлалась такъ слаба, что не могла уже никакъ встать болѣе съ постели, и оставивъ при себѣ однѣхъ только приближеннѣйшихъ изъ своихъ женщинъ, разговаривала съ ними о разныхъ матерїяхъ: „Смотри теперь прекрасная *Сулимѣя*, сказала она, взирай на то, къ чему потребна добродѣтель. Ты видишъ меня спокойно разлучающуюся съ престоломъ и любезнымъ моимъ супругомъ, которой поистиннѣ милѣе для меня всѣхъ земныхъ сокровищей.„

„О! ты, ты, который отверзъ путь мнѣ къ кратчайшей жизни сей и наступающей смерти, премудрый *Ливангъ*, взведя очи свои на небо, продолжала говорить она томнымъ голосомъ, подаешъ, чувствую я, еще силу мнѣ ощущать цѣну твоего спасительнаго поученїя. Прїими, прїими всеблагїй тїенъ въ сильное покровительство Свое нынѣ недостойную Твою дщерь, которую осыпалъ Ты Своими неизрѣченными благо-

стями

стями; но защити притомъ *Нуширвану*, остающуюся еще въ мірѣ семъ, и награди щедрою Твоею рукою добро, кое самъ Ты внушить изволилъ въ моего возлюбленнаго *Усонга.*" Продолжая говорить такимъ образомъ, скончалась она наконецъ, улыбаясь сама безпрестанно. Итакъ, послѣднимъ предмѣтомъ воображенія оной, былъ совершенно дражайшій ея супругъ, такъ какъ перьвымъ всегда онъ былъ въ ея любви.

При воспослѣдованіи таковаго злополучія, не было уже нужды болѣе скрывать сіе нещастіе. Нарочный гонецъ, отправленъ былъ немедлѣнно съ письмомъ на встрѣчу Императору, содержащимъ въ себѣ слѣдующія послѣднія слова, написанныя самою покойною *Ліосуею.*

„По вскрытіи печати сей, *Ліосуи* „не будетъ конечно уже на свѣтѣ болѣе. „О! наивеличайшее созданіе изъ смер„тныхъ, вспомни нынѣ то неудобопоня„тное благо, которымъ одаренъ ты изо„бильно отъ всемилосердаго Тіена въ „продолженіе дней жизни твоей, и „утоли сетованіе твое вовсе о вѣчномъ „нашемъ разлученіи. Тебѣ довольно извѣ„стно, что міръ сей есть настоящій „ѳеатръ, на которомъ всевышній Судія „тварей всѣхъ, повелѣваетъ смертнымъ „творить опыты употребленія Его без-

„цѣнныхъ дарованій, съ коими намѣреній „*Усонговы* всегда, знаю, сообразовались „весьма много. Продолжай еще, дражай- „шій предмѣтъ мыслей, сердца и всей „души моей, служить истиннымъ образ- „цемъ слабыхъ смертныхъ въ сей труд- „ной добродѣтели; сноси равнодушно „опредѣленіе непроницаемаго Провиденія, „никогда впротчемъ незаблуждающагося; „посвяти *Ліосуи*, бывшей всегда тебѣ „милой половинсчицы, и нынѣ оставляю- „щей тебя на вѣки, нѣсколько капель „сокрушенныхъ и искреннихъ твоихъ „слезъ; и покажи потомъ безчисленному „твоему народу совершенную въ себѣ „утѣху съ истиннымъ ободреніемъ лю- „бящаго чрезмѣрно оной Властелина: ибо, „отирать источники слезъ прискорб- „ныхъ, будетъ служить достойнѣйшимъ „дѣломъ только одного *Усонга.*„

Къ величайшимъ подвигамъ приобык- шее сердце *Усонга*, не противоборство- вало сильно вдругъ сему не ожидаемому имъ вовсе удару. Чего ради, заключилъ онъ себя сперьва въ своей ставкѣ, за- претилъ никого не впускать къ себѣ, и оставался цѣлой день и всю стра- шную нощъ въ разнообразныхъ разсу- жденіяхъ о своемъ величайшемъ и не- возвратимомъ болѣе ущербѣ. Онъ ощу- щалъ цѣну, ничемъ не оплатную цѣну

сокро-

сокровища, потереннаго имъ въ одно мгновенїе ока, со всѣми знаками чувствительности наинѣжнѣйшаго духа: воображалъ живо въ послѣдованїи дней остальной жизни своей совершенную мглу предъ глазами своими, гдѣ всѣ неусыпные труды его должны были оставатся безъ всякаго награжденїя, и гдѣ, по окончанїи удрученныхъ духъ и тѣло безпокойствїемъ дней, ожидать ему слѣдовало, казалось, горестнѣйшихъ и скучнѣйшихъ вечеровъ, лишась единой своей вѣрнѣйшей подруги и собесѣдницы, которой одной могъ онъ только всегда безпрепятственно повѣрять все, и коей притомъ разумъ неизчерпаемъ былъ средствами, услаждать его всякую печаль и скуку.

Самый *Джунеидъ*, бывшїй вмѣсти съ Императоромъ, не имѣлъ даже въ первые дни ни малѣйшаго доступа къ погруженному печалїю въ отчаянїе сердцу онаго: ибо *Усонгъ*, не говоря ни слова и не проливая ни капли слезъ, размышлялъ только съ нѣкоторою задумчивостїю о глубочайшемъ своемъ прискорбїи. Одна *Нуширвана* развѣ, могла бы только быть его утѣшительницею при семъ случаѣ, которую послушалъ бы можетъ быть въ томъ любящїй ее страстно сей родитель; но она далеко находи-

лась отъ него: да и отъ нее долженствовало скрываемо быть не менѣе печальное сїе извѣстїе.

Состоянїе сїе продолжалось бы безсомнѣнїя долго съ *Усонгомъ*, естьлибъ не поражень онъ былъ вновь важнѣе того извѣстїемъ: сильный громовый ударъ, разбудилъ отъ крѣпкаго сна неутѣшной горести Государя Персидскаго. Прискакавшїй поспѣшно гонецъ, увѣдомилъ за подлинно съ западной границы Персїи, что *Махмедъ II* й, по вторичномъ нисшествїи *Морада* съ престола Оттоманнскаго, завоевалъ вооруженными силами всею Византїею; что послѣднїй преемникъ *Константина* великаго, *Константинъ* же по имяни (*), принесъ жизнь свою за колеблющейся престолъ Греческїй въ жертву при семъ случаѣ; и что всѣ Оттоманнскїя страны преисполнены несказанной радости о удачномъ успѣхѣ побѣды сей, славѣ младаго Императора ихъ и о услаждающей надеждѣ оныхъ къ покоренїю наконецъ всей вселенной подъ его Державу.

Итакъ, *Усонгъ* принужденнымъ себя находилъ тогда необходимо оставить печаль свою, къ которой сдѣлалъ было уже

(*) По прозванїю *Палеологъ*.

уже онъ не малую привычку, и кою онъ почиталъ за непремѣнный долгъ самому естеству отъ невовсе еще ожесточеннаго сердца. Онъ считалъ себѣ необходимостїю, приступить паки всѣми своими силами къ прежнему управленїю Государствомъ тогда, когда приближалась со всѣхъ сторонъ ужаснѣйшая погибель оному. Чего ради, не возвращаясь въ Ширасъ, гдѣ долженствовало происходить тогда печальнѣйшее происшествїе погребенїю тѣла наисовершеннѣйшей изъ всего женскаго пола особѣ, отправился прямо въ Таврисъ, дабы осмотрѣть вновь западные предѣлы своей Имперїи. Онъ приумножилъ тотчасъ свою конницу, состоящую изъ Грузинъ, новыми сильными наборами, и увеличилъ число пограничнаго войска Курдскаго до семнадцати тысящъ человѣкъ (*); вылитыя пушки, приказалъ онъ перевести въ Ванъ и Ирванъ, и назначилъ увеличить вдвое ежегодныя военныя силы Государства, простирающїяся до шестидесяти тысящъ вооруженныхъ Персовъ. Во всей Имперїи, велѣлъ онъ установить двойное время къ упражненїю въ работѣ орудїя, и про-

 дол-

(*) Въ таковомъ количествѣ находилось оное до времянъ *Шаха - Аббаса.*

должать денно и нощно въ томъ наискорѣе успѣхи. Въ Алкагиру, отпразилъ пословъ своихъ, возбуждая оными дремлющихъ Князей Черкесскихъ къ защищенїю всеобщей опасности, угрожавшей столь близко Египтянамъ. Четверо таковыхъ же, посланы были въ Венецїю, имѣя тожъ самое отъ него приказанїе; и нашелъ между тѣмъ себѣ новаго союзника, хотя впротчемъ и довольно слабаго, въ *Давыдѣ*, такъ называемомъ Императорѣ Трапезунтскомъ.

Наконецъ, должно было открыть и наслѣдной Княжнѣ о кончинѣ любезнѣйшей ея родительницы, о состоянїи которой, навѣдывалась она безпрестанно. Нещастїе сїе, переносила она съ меньшею твердостїю, нежели бы чаять то можно было: ибо, нѣжнѣйшїя сердца ощущаютъ собственныя свои страданїй гораздо легче, нежели тѣхъ, коихъ любятъ онѣ чрезвычайно. *Нуширвана*, никакъ не въ силахъ была достигнуть скоро прежней своей бодрости; потому что *Гайдеръ*, любимой ею супругъ, находился въ отсудствїи, почтенїя достойный родитель ея, объятъ былъ попеченїемъ и опасностїю, и грозящая погибель на Заподѣ, казалась часъ отъ часу приближающеюся.

Лишъ

Лишъ только освободилась она нѣсколько отъ первыхъ движенiй несносной почти своей грусти, то просила Императора позволить ей слѣдовать къ нему въ Таврисъ, куда прибывъ потомъ, бросилась къ ногамъ неутѣшнаго еще нимало о кончинѣ любезнѣйшей его супруги своего родителя: „Прiими, милосердый виновникъ жизни моей, говорила она рыдаючи отъ восхищенiя, усердiе единородной своей дщери, съ врожденною твоею благосклонностiю; позволь ей потщится умѣрить нѣсколько твою печаль въ потери для тебя столь несносной, что никто исполнить съ толь достойнымъ успѣхомъ не въ состоянiи, надѣюся я." Императоръ, будучи привязанъ горячностiю къ молодой Княжнѣ истинно любящаго родителя, и почитая ее весьма за великiй ея разумъ, привыкнулъ скоро сносить равнодушно печаль свою въ безпрестанномъ обращенiи вмѣсти съ нею; а *Нуширвана* съ своей стороны, собирала изъ всѣхъ мѣстъ извѣстiи и рѣдкости, чрезъ коихъ могла она отвлекать токмо хотя нѣсколько грусть Императора, который оставался не малое время въ Таврисѣ.

Совершенное завоеванiе Греческой Имперiи, и различные трудные походы на Дунаѣ, задержали горячаго *Махмеда* на

на нѣсколько лѣтъ отъ обращенїя оружїя своего на Востокъ; чрезъ что Персїя, хотя и оставалась нѣкоторое время въ надлежащемъ спокойствїи, однако наслажденїе онымъ огорчалось притомъ безпрестанно въ ожиданїи неминуемой войны нѣкогда.

Молодая наслѣдница престола Персидскаго, имѣла между тѣмъ случай, узнать довольно о выхваляемыхъ презящныхъ качествахъ Княжны *Мароы*, прозываемой иначе Деспоиною, дщери Императора Трапезунтскаго, коей нравъ описывали ей, весьма тихимъ и скромнымъ, образъ важнымъ и проницательнымъ, и прелести красоты Греческой (*). Печальныя слѣдствїй, коихъ опасалась она чрезмѣрно, принудили ее къ уничиженному соболѣзнованїю, весьма рѣдкому между особами, равными ея состоянїю. *Нуширванъ* пришло въ мысли, чрезъ сей случай сдѣлать сїю любви и почтенїя достойную Княжну своею подругою, освободя ее тѣмъ самымъ и изъ предстоящей погибели ея дому; а притомъ и переобразовать нѣкоторымъ образомъ въ другое

(*) Народъ сей преимуществуетъ съ древнихъ времянъ и понынѣ еще великою отмѣною предъ многими въ прїятности наружныхъ дарованїй.

другое положенїе мысли Императора своего родителя; великодушїе же ея, заставляло сверьхъ того надѣится и о удостовѣренїи наслѣдства Персидскому Государству: однимъ словомъ, вознамѣрилась она старатся о сочетанїи Княжны Трапезунтской съ Императоромъ Перседскимъ.

Итакъ, имѣя ежедневное съ нимъ обращенїе, открыла она ему скоро свое желанїе, скольбы для нее прїятно то было, естьлибъ тяжкїя попеченїй его о Имперїи могли услаждены быть удовольствїемъ, которое одна только вѣрная и непоколебимая любовь могла обѣщавать великому духу Государя, ему подобнаго, и продолжая безпрестанно дѣлать таковыя представленїй, убѣдила мало по малу къ согласїю на то *Усонга*. *Давыдъ*, получилъ вскорѣ предложенїе о семъ чрезъ нарочное посольство; но сколь Трапезунтская Монархїя ни уничижена была много, однако управлявшїй тогда Государь ею, памятовалъ довольно величество *Константина*, и не оставилъ предложить ищущему того *Усонгу* въ началѣ то условїе, чтобъ Княжна, дщерь его, осталась вовсе свободною въ Христїянскомъ законѣ. *Усонгъ*, будучи нимало несуевѣрливъ, обѣщалъ исполнить то безпрекословно. Онъ находилъ у Христїянъ

янъ совершеннымъ Существо во всѣхъ Онаго исповѣданїяхъ, и зналъ довольно ихъ глубокомыслїе о будущей жизни, почитанїи единоначальствующаго и безконечнаго Бога, управлявшаго небомъ и землею, вѣчномъ неудобопонятномъ награжденїи праведнымъ, и приличномъ правосудїю Божїю наказанїи грѣшникамъ.

Такимъ образомъ, Деспоина, по истиннѣ всякаго почтенїя достойная Княжна, будучи привезена наконецъ къ Императору Персидскому, обвѣнчена была Армянскимъ Патрїархомъ изъ Экмїязина въ покояхъ *Нуширваны*. *Усонгъ*, хотя и нашелъ въ ней впротчемъ скромную и добродѣтельную весьма супругу; но воспитанїе ея содержало духъ оной въ тѣсныхъ предѣлахъ подобострастїя: она привязана была къ наималѣйшимъ обрядамъ церькви, происходящимъ не рѣдко отъ суевѣрїя въ законѣ, и не имѣла довольно знанїя, которое бы служило ей къ достаточному украшенїю въ обращенїи и нужномъ подкрѣпленїи себя въ мысляхъ предузнавающаго все *Усонга*; но *Нуширвана*, сдѣлавшись ея лучшею подругою, наградила то скоро, что недоставало только въ прїятности и живности обхожденїя сей новой Императрицы. *Марѳа*, привезла съ собою также ко Двору Персидскому сестру свою

Евдо-

Евдокію, которая находилась тогда еще въ сущемъ цвѣтущемъ ея дѣтскомъ возрастѣ.

Между тѣмъ, какъ война съ Оттоманнами пребывала еще въ великомъ сомнѣніи, освободилась и *Нуширвана* наконецъ благополучно отъ бремяни Принцомъ. Радостное сіе приключеніе, присовокупило немало къ облегченію отъ печали Императора, котораго *Усонгъ* назвалъ *Исмаиломъ*: имя сіе, далъ онъ новорожденному по той причинѣ болѣе, что оно было имянемъ начальника Корейшитовъ и праотца *Магомеда* и *Алія*. Чрезъ сей случай, считалъ онъ довольно подкрѣпленнымъ наслѣдство престола, и радовался несказанно, что тѣмъ самымъ отвращено стало много погибели Государству: ибо единая жизнь, могла спасти при таковыхъ обстоятельствахъ, зналъ онъ, нѣсколько милліоновъ жизней, и отвратить совершенно отъ конечнаго оныхъ разрушенія.

Нѣкоторой нещастной случай предускорилъ впротчемъ скоро началу несогласія съ Оттоманнами. *Махмедъ*, объявивъ войну Султанамъ Караманіи, и побѣдивъ оныхъ, завладѣлъ совершенно всѣми ихъ землями; но одинъ изъ нихъ, *Пиръ-Гаметъ* называемый, имѣлъ между тѣмъ случай спасти себя бѣгствомъ, и

искалъ потомъ прибѣжища въ защищенiи своемъ у великодушнаго *Усонга.*

Приобыкшiй видѣть все предъ собою повергающимся честолюбивый *Махмедъ*, требовалъ тотчасъ чрезъ одного военнослужащаго простаго человѣка выдачи сему нещастному Государю, присовокупляя притомъ, по чрезмѣрной съ своей стороны надмѣнности, и нѣкоторыя угрозы.

Неустрашимый *Усонгъ*, возчувствовалъ сильно презренiе сего недостойнаго поступка при семъ случаѣ. „Туркоманнъ, сказалъ онъ предстоящимъ около себя, былъ, есть и будетъ, вижуя, всегда совершеннымъ пастухомъ, каковымъ былъ онъ во времяна *Тимура* (*). Его удивляетъ сiе весьма, продолжалъ говорить Императоръ, что таковой Государь, коего предки не далѣе двухъ столѣтiй, питавшись однимъ скотоводствомъ на поляхъ Туркестанскихъ, и чрезъ вѣроломство и клятвопреступленiй свои, взошедъ на престолъ законныхъ Государей, презирать дерзалъ преемника великаго *Ченгиса*, коего прародители извѣстны уже были довольно въ невѣжествѣ еще

(*) *Тимуръ* говаривалъ подобнымъ же образомъ о *Боiязетѣ*.

еще прежнихъ времянъ обитаемаго свѣта." Но *Усонгъ*, будучи весьма благоразумнымъ, и щадя изъ великодушія народъ свой, отправилъ нарочнаго посла къ *Махмеду*, приказавъ ему объявить между протчимъ, что Порта Императора Персовъ, есть открытое прибѣжище каждому, и что честь его возбраняла ему выдать на смерть, или горшее еще предъ тѣмъ поруганіе, того, которой помышлялъ о немъ столь похвально, искавъ у него себѣ покровительства. Императоръ, предлагалъ впротчемъ также союзъ и дружбу свою Султану Оттоманскому при семъ случаѣ, и просилъ притомъ *Махмеда* пощадить Караманію и Трапезунтъ; всѣжъ сіи предложеніи, чинимыя со стороны Государя Персидскаго, препровождены были сверьхъ того драгоцѣннѣйшими дарами.

Отвѣтъ на то *Махмеда*, успѣхами щастія своего единственно надмѣннаго, былъ весьма суровый: „Онъ не думаетъ вовсе, сказалъ онъ послу Императора Персидскаго, признавать своимъ союзникомъ того, которой даетъ убѣжище у себя его непріятелямъ." Порицалъ впротчемъ съ великою злобою союзъ онаго съ невѣрными Назареянами, къ истребленію коихъ, долженствовалъ бы *Усонгъ* еще помогать Султану всячески. Итакъ,

продолжалъ онъ опустошать Караманïю, и завладѣлъ потомъ богатымъ городомъ Токатомъ; а Оттоманскïя войска не щадили не только пограничныхъ Курдовъ, но даже и части Арменïи, состоявшей подъ державою Персидскою. Сверьхъ того, и Паша Амазïйской вступилъ также вооруженною рукою въ земли Императора Трапезунтскаго.

Многочисленное посольство прибыло между тѣмъ изъ Венецïянской республики, начальникъ коего заключилъ съ Императоромъ тѣсный союзъ; онъ увѣрялъ имянемъ всего правительства, что Венецïянской флоттъ покажется скоро на берегахъ Караманïи, дабы принудить Султана раздѣлить его силы, и обнадеживалъ притомъ также поспѣшною присылкою всякихъ военныхъ потребностей въ Персïю, въ которыхъ Государство сïе имѣло великой недостатокъ.

Но непостоянный впротчемъ дворъ Египетскïй, не соглашался ни на какïя представленïи удостовѣрить себя, и не допустилъ вовсе себя принудить воспротивиться прежде общей опасности, покуда не учинится она уже неминуемою, такъ сказать: Христïянскïе Владѣтели, оставались также при своихъ вкоренившихся въ нихъ издревле обычаяхъ, презирать важнѣйшïя дѣла, и оставлять обще-

общественную безопасность Европы, для умноженія единственно маловажныхъ своихъ выгодъ.

Итакъ, *Усонгъ* предвидя одинъ множество препятствій и опасностей войны сей, услышалъ между протчимъ, что *Махмедъ* отправилъ уже въ Караманію сына своего молодаго *Боіязета*, при нѣкоторомъ старомъ и искусномъ полководцѣ съ избраннымъ войскомъ; а самъ слѣдовалъ за нимъ также, ведя съ собою всю вооруженную силу, которая была съ нимъ въ Европѣ, и которая составляла, такъ сказать, настоящую душу всего войска его: ибо Босняки, горные жители, жившіе между Венгріею и Греціею, Епироты и Македоняне были гораздо жесточае кроткихъ обселянъ Азіи, слово какъ земля и небо оныхъ. Сверьхъ того, подкрѣплены они были страшною силою приобыкшихъ къ огню Янычаръ съ безчисленною артиллеріею. *Махмедовы* войска, не знали болѣе нѣсколько лѣтъ уже назадъ почти никакого мира, такъ что опасности и труды сдѣлались для нихъ совершенно другимъ естествомъ: ихъ безпрестанныя побѣды, восхитили ихъ весь духъ до небесъ даже, и они считали себя дѣйствительно непреодолимыми, потому что никогда еще не бывали побѣждаемы отъ своихъ непрія-

 телей.

телей. Самъ же *Махмедъ*, былъ при всей жестокости нрава своего искусный и храбрый полководецъ, коего разумъ былъ гораздо просвѣщеннѣе науками и различными знанїями, нежели ненавистныя ему западныя народы почитали его; честолюбїе и страсть къ войнѣ коего, хотя и были безспорно важнѣйшими въ немъ пороками; но онѣжъ сами и препровождали его притомъ къ безпрестаннымъ побѣдамъ.

Напротивъ того, Императоръ Персидскїй имѣлъ выставить немедлѣнно противъ Оттоманнъ своихъ Курдовъ, составлявшихъ искусную и сильную его конницу. Грузины его были также лучшїе всадники изъ всей Азїи; но только что ихъ было мало весьма. Касательножъ до Персидскаго войска, то оно, будучи весьма рѣдко въ походахъ, не подавало ни малѣйшей надежды *Усонгу* на свое мужество, котораго бы ожидать можно было отъ закоренѣлыхъ въ войнѣ воиновъ. Итакъ, въ величайшемъ неравенствѣ казалось Императору состоянїе обоихъ сихъ войскъ, имѣвшихъ сражатся скоро другъ съ другомъ. На конѣ съ саблею въ рукахъ, хотя и надѣился *Усонгъ* достовѣрно одержать преимущество надъ своими непрїятелями: ибо каждый Персїянинъ его, могъ считатся про-

противъ двухъ Оттоманнцовъ; но Персидская пѣхота была столь малолюдна, что Императоръ не зналъ вовсе, какимъ образомъ возможно будетъ противостоять ему страшной фаланги Янычаръ; а тѣмъ менѣе еще могъ онъ противопоставить равной огонь надмѣнному сему побѣдителю: при артиллерiи же его не было ни числа, ни искуства Персовъ, коибъ сравнятся могли хотя нѣсколько съ Оттоманнскою силою.

Въ таковыхъ обстоятельствахъ будучи, не оставалось благоразумному *Усонгу* ничего болѣе, какъ только единой надежды на самаго себя. Онъ увѣрялъ себя мысленно искуснымъ употребленiемъ своихъ силъ и совершенною къ себѣ любовiю своего народа, обремянить Оттоманнамъ походъ, содержанiе ихъ и самую войну, столько, чтобъ они въ столь отдаленной странѣ отъ столицы ихъ Государства не въ силахъ были сносить долго безконечныхъ неудобствъ и препятствiй, кои готовилъ онъ имъ въ мысляхъ своихъ. Притомъ зналъ онъ также, что непрiятели его, хотя и способны были къ предпринятiю жесточайшихъ нападенiй; но въ преодолѣнiи мужества сопротивлявшихся имъ, весьма уставали скоро.

Перьвыя дѣйствїи сей войны, начались легкою конницею, которую поручилъ онъ горячему *Пиръ-гамету*, и коя вскорѣ потомъ подкрѣплена была множествомъ Карамановъ, присоединившихся съ великою охотою къ своему Государю. *Усонгъ* совѣтовалъ однакожъ при семъ случаѣ младому начальнику умѣрять всячески его запалчивость, и запретилъ даже покушатся ему вступать въ сраженїе съ Оттоманнами. Нѣсколько времяни продолжалъ *Пиръ-гаметъ* весьма удачно свою должность: всѣ жители земли той присовокупили свои силы противъ общаго ихъ непрїятеля, и ни единой руки не оставалось почти, которая бы не вооружилась за ея законнаго Государя. Собравъ такимъ образомъ вскорѣ многочисленное войско, и предводительствуя онымъ, не только разбивалъ онъ различныя партїи Оттоманнъ, но и принуждалъ даже нѣкоторые отдѣленные непрїятельскїе великїе корпусы искать спасенїя бѣгствомъ. Но между тѣмъ, старый *Ахметъ*, выбравъ себѣ при Токатѣ удачное мѣстоположенїе, расположился станомъ своимъ на нѣкоторомъ пригоркѣ посредственной высоты, съ котораго однако видна была вся плоскость окружающихъ полей, и которой снабдилъ онъ достаточнымъ образомъ стра-

страшною его артиллерїею, не оставивЂ притомЂ занять Янычарами и всю простирающуюся отлогость онаго, покрытую густо виноградными лозами, и заграждающимЂ его сЂ зади великимЂ городомЂ ТокатомЂ.

Но *Пиръ-гаметъ*, будучи столь ослѢпленЂ преисполненною надеждою отЂ молодости своей происходящей, и не сомнѢваясь вЂ томЂ ни мало, чтобЂ Оттоманны и вЂ семЂ положенїи могли противостоять уже ему, напалЂ вЂ бѢшенствѢ сЂ своею конницею на виноградомЂ покрытыя отлогости; однако ужасный градЂ смертоноснаго металла, покрылЂ его со всемЂ войскомЂ сЂ высоты и каждой засѢки, прикрывавшихЂ непрїятелей. ИтакЂ, отважнѢйшїе изЂ его подчиненныхЂ пали тотчасЂ на мѢстѢ, а протчїе Караманы ударились немедлѢнно вЂ бѢгство, и претерпѢли вЂ побѢгѢ еще болѢе отЂ жестокой грозы, происходившей отЂ пушекЂ. УдарЂ сей, лишилЂ совершенно возросшей вскорѢ бодрости неискусныхЂ подданныхЂ *Пиръгамета*; они разсыпались тотчасЂ всѢ вЂ разныя стороны, и самЂ Государь ихЂ, принужденЂ былЂ оставить свой лагерь вкупѢ сЂ наслѢдственными землями вЂ добычу непрїятелямЂ, ушедЂ сЂ малымЂ числомЂ оставшихся изЂ его

войска въ Таврисъ, гдѣ стыдъ и страхъ одолѣли имъ столько, что не смѣлъ онъ покусится и показатся даже Императору.

Напротивъ того *Усонгъ*, былъ совсемъ разположенъ иначе; чѣмъ благоразумнѣе поступалъ онъ при избѣжаніи опасности, тѣмъ неустрашимѣе казался онъ быть, когда окружала его оная. Приказавъ *Пиръ-гамету* явится ко Двору своему немедлѣнно, вперилъ онъ новую въ него бодрость. „Другъ мой, говорилъ ему Императоръ, ты знаешъ теперь довольно, что и самое наисправедливѣйшее дѣло, можетъ быть часто весьма неосновательнѣйшимъ; но я надѣюсь притомъ, что ты паки будешъ въ томъ очевиднымъ свидѣтелемъ, колико чаемой успѣхъ во всякомъ предпріятіи преодолѣватся долженствуетъ терпѣніемъ.„

Усонгъ вступилъ впротчемъ потомъ въ Караманію, а *Боїязетъ* съ престарѣлымъ *Ахметомъ* присоединились между тѣмъ съ ихъ побѣдоносымъ войскомъ къ *Махмеду*, который, преисполненъ будучи жара, несомнѣнно надѣился, что слава Оттоманновъ не упадетъ ни мало при его сынѣ; а особливо увѣренъ онъ былъ въ томъ, что другой его полководецъ, по имяни *Морадъ* же, отпад-

пад-

шимъ Христїяниномъ будучи изъ Императорскаго рода *Палеологовъ*, предводительствовалъ у него Оттоманнами: Честолюбїе и младость принудили бывшаго Князя Византїи оставить законъ свой, и поколебали даже душу сего неистовца служить ревностно разрушителю всего его дома и рода.

Между тѣмъ, Императоръ Персидскїй слѣдовалъ безпрестанно своему предписанїю, единожди уже въ мысляхъ его утвержденному. Онъ раздѣливъ все свое войско, состоявшее въ одной только конницѣ, на разныя части, каждую нощь повелѣвалъ начальникамъ каждой изъ оныхъ куда поспѣшать, и гдѣ паки соединятся съ другимъ корпусомъ, такъ, что хотя Персїяне и вездѣ находились, токмо Оттоманны ни гдѣ не могли найти ихъ; а *Усонговы* всадники низлагали все, что ни попадалось имъ только въ отдаленїи отъ главнаго непрїятельскаго войска. Когда Сераскеръ ни предпринималъ токмо доставать какїе либо нужные припасы для людей своихъ, то соединясь тотчасъ три Персидскїе корпуса въ одно мѣсто, пересиливали всегда прикрытїе оныхъ, побивали Оттоманнъ, и отнимали безъ изъятїя все назадъ возвратно. Когдажъ самъ *Морадъ* намѣрялся только напасть

на нихъ, то разсыпалось тотчасъ все Персидское войско на разныя кучи, и помощїю проворства лошадей пропадало въ одинъ мигъ почти изъ глазъ своихъ непрїятелей; а притомъ, и каждый изъ Карамановъ, служилъ переметчикомъ въ войско *Усонгово*, такъ, что ни одинъ шагъ непрїятельской, такъ сказать, не былъ не извѣстнымъ Персїянамъ, потому что *Морадъ* оставался всегда въ безпрестанной неизвѣстности.

Такимъ образомъ, Оттоманны будучи часъ отъ часу приводимы въ не малое изнеможенїе, и *Морадъ*, который смерть свою равно почиталъ безопасною для себя, на поляхъ ли Токатскихъ, или въ самой Византїи, вознамѣрился наконецъ приступить къ наиотважнѣйшему предпрїятїю, то есть, напасть на Императора, гдѣбъ ни нашелъ онъ только онаго.

Усонгъ узналъ тотчасъ безпокойствїе и намѣренїе неустрашимаго Сераскера. „Теперь то самое удобное время дратся, сказалъ онъ *Пиръ-гамету*.„ Онъ собралъ потомъ всѣ раздѣленные корпусы своего войска въ одно мѣсто на нѣкоторую ровную и пространнѣйшую долину, которая находилась позади непрїятельскаго лагеря. Отступъ сей, увеличилъ бодрость ярящагося непрїятель-

тельскаго предводителя тѣмъ еще сильнѣе, который стремился тотчасъ напасть съ преужаснымъ бѣшенствомъ на казавшихся колеблющимися страхомъ Персїянъ.

Но какъ Оттоманны находились еще въ разстоянїи двухъ фарсанговъ (*) отъ Персидскаго передоваго войска, то Императоръ приказалъ вдругъ подвигатся впередъ безъ всякой полевой музыки и шума съ наивозможнѣйшею тишиною; будучижъ снабденъ тогда довольнымъ числомъ войска, раздѣлилъ онъ его на три части: два крыла онаго, должны были окружить Оттоманновъ со сторонъ, когда самъ *Усонгъ* предпринялъ напасть на Сераскера съ средины; чего ради, приказалъ онъ всему своему войску, изключая одной силы огнестрѣльнаго орудїя, стать въ строевой порядокъ, и потомъ, опустя повода, съ обнаженными въ рукахъ мечами кинутся вдругъ по сдѣланному имъ знаку со всѣхъ трехъ сторонъ на непрїятелей.

Итакъ, увидѣли Оттоманны скоро ясно явную свою погибель предъ глазами и лютую смерть, похищающую со всѣхъ сторонъ ихъ сотоварищей. Они кричали всѣ

(*) Фарсанга, или Парасанга значитъ большую милю.

всѣ въ престрашномъ отчаянїи, что судьба рѣшила ихъ нещастїе (*), и потеряли тотчасъ все употребленїе силъ своихъ, такъ, что въ нѣсколько минутъ были всѣ они разсѣяны по разнымъ сторонамъ, и многїя тысящи порублены на мѣстѣ; а остальное небольшее число, ударившихся было въ бѣгъ, переловлено, которые всего менѣе заслуживали пощажены быть отъ смерти. Самъ *Морадъ* съ своей стороны, почитая смерть менѣе страшною, нежели грозный взоръ своего Государя, подвергъ себя добровольно оной на мѣстѣ сраженїя (**); въ разсужденїи чего, баталїя сїя досталась Персїи столь дешево, что *Усонгъ* по истиннѣ сказать потомъ могъ, что великая сїя побѣда, учиненная имъ тогда, не стоитъ ниже единой капли слезъ его подданнымъ.

По сей причинѣ, возвратился онъ въ Таврисъ наитщеславнѣйшимъ образомъ, покоривъ почти всю Караманїю своему оружїю, и выгнавъ изъ большей части городовъ оной гарнизонъ Оттоман-

(*) Сїи слова служутъ обыкновенно употребленїемъ у Турокъ при нещастїяхъ, къ избѣжанїю коихъ когда не находятъ они уже никакихъ средствъ болѣе.

(**) *Бизарро* описалъ гораздо пространнѣе о семъ сраженїи.

манской. ИмператорЪ, считалЪ за нужное при семЪ случаѣ показать тамЪ приличное великолѣпїе, достойное его благоразумїю, которое впротчемЪ весьма противно было онаго склонностямЪ. Для превознесенїя духа бодрости ПерсїянЪ своихЪ, приказалЪ онЪ собрать всѣхЪ полоняниковЪ сЪ ихЪ оружїемЪ на пространномЪ мѣстѣ предЪ ТаврисомЪ, изЪ коихЪ каждый шелЪ вЪ сомкнутыхЪ рядахЪ сЪ своимЪ оружїемЪ между двухЪ шереногЪ вооруженныхЪ ПерсидскихЪ всадниковЪ. Артиллерїя, знамена, бунчуки, булавы и всѣ знаки военнаго украшенїя, доставшїяся побѣдителямЪ вЪ добычу, слѣдовали за сими нещастными. Посреди мѣста, присудствовалЪ *Усонгъ*, сидящїй на возвышенной великолѣпнѣйшей софѣ, и гербЪ (*) Персїи блесталЪ вЪ лучезарномЪ сїянїи надЪ болдахиномЪ престола его. Военачальники, Князья Монгальскїе и знатные вельможи Персидскїе, окружали почтенное сїе мѣсто вЪ драгоцѣнныхЪ одѣянїяхЪ, и самый *Исмаилъ* присудствовалЪ тутЪ же вооруженнымЪ подлѣ своего великаго дѣда. ИтакЪ, предЪ глазами Императора должны были полонянные класть ихЪ оружїе, и потомЪ

(*) ПодЪ симЪ разумѣется большее Государственное знамя, или штандартЪ.

томъ отведены были въ назначенное мѣсто, для раздѣленія оныхъ по всѣмъ провинціямъ, дабы всѣ Персіяне могли имѣть въ глазахъ своихъ ясные знаки приобрѣтенной ими достохвальной той побѣды. Послѣ того, предстали тѣ воины по требованію Императора предъ мѣсто величества его, дѣламъ въ сраженіяхъ коихъ онъ самъ очевиднымъ былъ свидѣтелемъ, такъ какъ и удостоенные въ томъ уже оными, что они по сущей справедливости не мало спомоществовали къ одержанію великой сей побѣды. Они получали попеременно отъ Государя ихъ великолѣпныя дары, какъ то, драгоцѣннымъ уборомъ украшенныхъ прекрасныхъ лошадей, блестящія различными каменьями сабли, разныя знамена и значки, служащія къ славѣ въ ихъ потомствѣ, шишаки съ дорогими перьями, стальные кирасы и лавровые вѣнцы, кои драгоцѣнными каменьями украшены были щедрою рукою.

Радостныя восклицанія, продолжавшіяся цѣлыми часами неумолкно, наполняли весь великій городъ Таврисъ несказаннымъ шумомъ при семъ случаѣ: Да здравствуетъ, кричали повсюду безпрестанно, новый *Кръ*, Повелитель всей вселенной, и сущее подобіе самаго Божества.

Слухъ

Слухъ, о *Усонговой* славѣ, распространился вскорѣ даже до отдаленнѣйшихъ странъ. Толикими неприступными горами и неизмѣримыми степьми отдѣленные отъ Персіи Монгалы, превозносили до небесъ щастіе сего потомка *Чензисова.* Индостанъ, присылалъ къ нему пословъ своихъ съ поздравленіемъ о одержанной имъ славной побѣдѣ надъ его сильнымъ непріятелемъ, и въ самыхъ западныхъ странахъ даже, возраждалась надежда во всѣхъ народахъ, нашедъ наконецъ достойнаго Ироя, могущаго положить предѣлы честолюбію преисполненныхъ тщеславія Оттоманновъ.

Послѣдующій за симъ вскорѣ походъ, хотя и не столь былъ кровопролитенъ; но не менѣе однакожъ и полезенъ для *Усонга.* Онъ завоевавъ остальною частію Карамании, низложилъ нѣсколько тысящъ непріятелей въ различныхъ небольшихъ сраженіяхъ; но какъ предводитель оставленнаго тамъ войска, имѣлъ строжайшія приказании отъ Султана (*) избѣгать всячески генеральнаго сраженія, то по

(*) *Бизарро*, повѣствуя о семъ походѣ, утверждаетъ, что *Махмедъ* самъ предводительствовалъ якобы тогда Турками: ибо горячій побѣдитель съ нуждою бы могъ избавиться впротчемъ отъ своего сильнаго непріятеля при семъ случаѣ.

по тому самому и расположился онъ такъ на горахъ, коими наполнена была сія страна, что *Усонгъ* всегда принужденъ былъ считать себя невозможнымъ напасть на непріятеля съ одною конницею своею безъ пѣхоты.

Но громовая туча, сбиравшаяся понемногу со стороны западной, прибыла наконецъ и на предѣлы Персіи: многочисленное войско пылающаго безпрестаннымъ мщеніемъ *Махмеда*, вступило вдругъ въ Караманію подъ собственнымъ предводительствомъ самаго Султана, и превышающій понятіе страшный снарядъ большихъ и малыхъ орудій слѣдовалъ по пятамъ за войскомъ. Лучшія люди изъ всѣхъ Оттоманновъ, Янычара, войско Европейское, подвигалось въ преужасномъ множествѣ, будучи прикрываемо притомъ со сторонъ разпространенными чрезвычайно Крымскими и Ногайскими Татарами. Все, что ни находилось только у Турокъ превосходнѣйшаго въ храбрости и мужествѣ, все, говорю, совокуплено было въ одно мѣсто при семъ случаѣ; всѣ искуснѣйшіе начальники и генералы *Морадовы*, оставя мѣста и посты свои, явились неукоснительно тогда къ знаменамъ сего неустрашимаго ихъ Султана.

Чего

Чего ради, принужденъ былъ *Усонгъ* собрать паки всѣ силы Персіи въ одно мѣсто, оставивъ въ Таврисѣ небольшее только войско для защищенія города и дворца Императорскаго, тамъ находящагося; но что паче всего безпокоило Государя сего, то то была единая токмо чрезмѣрная медлѣнность въ присылкѣ помощи со стороны Венеціянъ; и хотя Республика не преминула впротчемъ отправить морскую свою силу къ берегамъ Сициліи, гдѣ оная, выходя часто на матерую землю, заняла нѣкоторыя приморскія мѣста, и предводитель коей имѣлъ повелѣніе исполнять все то, что ни предписано будетъ токмо ему отъ *Усонга*; нарочный же посланникъ оттуда, везъ между тѣмъ великолѣпно изъ золота и серебра сдѣланный столовый приборъ въ подарокъ Императору Персидскому, работа коего превышала даже самую цѣну металловъ тѣхъ (*), и сто человѣкъ искусныхъ канонеровъ, провождавшихъ не малую артиллерію подъ начальствомъ ихъ капитана *Ѳомы Имолы*, съ которымъ послано было также множество различныхъ припасовъ, служащихъ къ употребленію оныхъ при оса-

(*) Сдѣланный въ Парижѣ, по утвержденію гисторіи.

дахъ крѣпчайшихъ городовъ, вылитыми штуками, и притомъ великое число оружейныхъ и другихъ многихъ знающихъ мастеровъ, въ чемъ Персія величайшій имѣла недостатокъ; но совсемъ тѣмъ, Венеціянскій начальникъ промедлилъ присылкою того весьма долго, такъ, что вся сія важная помощь прибыла не прежде, какъ уже по окончаніи кровопролитнѣйшаго у него съ непріятелемъ сраженія, которое непремѣнно долженствовало рѣшить участь тогда всей Азіи.

Усонгъ, выступилъ между тѣмъ не упуская время съ своимъ войскомъ противъ жестокаго *Махмеда*, который, ожесточась весьма о потерянной имъ послѣдней баталіи, пожигалъ и опустошалъ все встрѣчающееся только глазамъ своимъ. Предъ его войскомъ, сказывали сами Оттоманны послѣ, изображала земля настоящій рай; но позади онаго, одну дымящуюся токмо степь. Итакъ, достигъ онъ наконецъ со всѣми его силами почитай Тавриса, и остановясь потомъ не далѣе какъ на десять дней разстоянія отъ онаго, грозилъ совершеннымъ раззореніемъ сему великолѣпному и цвѣтущему тогда городу, гдѣ *Усонгъ* имѣлъ всѣ свои маетности, принадлежащія къ содержанію величайшаго войска.

Охотно

Охотно бы желалъ впротчемъ избѣжать благоразумный Императоръ Персидскій главной баталіи при семъ случаѣ; его намѣреніе оставалось въ томъ непоколебимымъ, чтобъ обезсиливать токмо всячески Оттоманновъ въ малыхъ вылазкахъ или сраженіяхъ, и пресѣкать имъ стараться всякіе нужные припасы; но и наипостояннѣйшія люди бываютъ иногда склонными сверьхъ ихъ желанія вовсе къ согласію съ протчими. *Усонгъ* принужденъ былъ уступить наконецъ совѣту горячаго *Гайдера*, *Пиръ-гамета*, неустрашимыхъ Новіянъ и знатныхъ своихъ Персовъ, кои всѣ, соединясь вмѣсти, представляли Императору живѣйшимъ образомъ, что потеря Тавриса будетъ служить непремѣннымъ паденіемъ всего Государства, что многія тысящи вѣрныхъ его подданныхъ погибнутъ ужаснѣйшею смертію, и что средства къ продолженію войны служащія, изчезнутъ безъ остатка всѣ совершенно; усерднѣйшіе же къ поколѣнію *Алія* напротивъ того, ужасались уже отъ единаго воображенія, что въ случаѣ малѣйшаго имъ промедлѣнія, святые гробы въ Ардевилѣ могутъ быть обруганы Соннитами, и что одною конницею не можно будетъ защищать тогда никакого прохода, ни расположится лагеремъ, куда бы неустрашимые

мые Янычара не могли только пробится; чего ради, напоминали они Императору о безчисленныхъ его походахъ, и просили онаго всѣ вообще ни мало не сомнѣватся о мужествѣ Персїянъ, изъ коихъ каждый, утверждали они единогласно, не пощадитъ послѣдней своей капли крови, прежде нежели помрачить вздумаетъ когда только ни есть военную славу великаго *Усонга.*

Итакъ, Императоръ принужденъ былъ наконецъ уступить сей согласной многоголосицы, пошедъ прямо противъ своего непрїятеля, котораго встрѣтилъ онъ недалеко отъ Арцендгана, на пространнѣйшемъ мѣстѣ по близости Евфрата, гдѣ и Персидская конница могла распространится вся безъ всякой нужды.

Махмедъ находился тогда въ срединѣ совершенно построеннаго каре, изъ пятидесяти тысящъ Янычаръ состоящаго, и окруженнаго со всѣхъ сторонъ сильною артиллерїею, которая грозила неизбѣжимою смертїю цѣлыхъ тысящъ людей, казалось: въ пятьдесятъ рядовъ построено было сїе неустрашимое войско, и составляло собою ни чемъ неразрушимѣйшую ужасную огненную колонну, на крылахъ коей находились Спаги и Крымскїе Татары, предводительствуемые ихъ Ханомъ.

Чего ради, *Усонгъ* сталъ самъ съ Курдами и своими отборными Персіянами противъ Янычаръ, а прочая его конница раздѣлилась вся по флангамъ, и не преминулъ отдать всѣмъ тожъ самое приказаніе, которое учинено имъ было и прежде въ одержанной имъ до того побѣдѣ на сраженіи съ Пашею *Морадомъ*. По учиненіи сего, началъ онъ понемногу подвигатся со всемъ своимъ войскомъ впередъ, продолжая то по тѣхъ поръ, покуда не достигъ онъ того разстоянія, когда непріятельской огонь сталъ уже становится ощутительнымъ его фронту; остановясь же потомъ на мѣстѣ, и вскинувъ глаза къ небу, которое, какъ казалось, призывалъ онъ себѣ въ помощъ, вскричалъ вдругъ громкимъ голосомъ: „Друзья мои, теперь то начнемъ мы сражаться за благополучіе Персіи!„ и въ тожъ самое время, приказавъ не отставать отъ себя ни на пяди большему Государственному знамю, кинулся опрометью сквозь густой облакъ дыма пренаиужаснѣйшей стрѣльбы на непріятеля.

Оба крыла его опрокинули между тѣмъ тотчасъ Турецкую и Татарскую конницы, и напали по полученному потомъ приказанію на Оттоманновъ со сторонъ, оставивъ притомъ нарочито великую кучу на мѣстѣ, построившуюся не-

немедлѣнно вѣ ордерѣ баталіи, которая удостовѣрена была довольно, что непріятельскіе фланги никакѣ уже не вѣ силахѣ были справится болѣе.

Сѣ обнаженными вѣ рукахѣ саблями, пробили было смѣлые Персіяне нѣсколько рядовѣ Янычарѣ; но сіи искусные воины обращали повсюду ружья свои на всѣ стороны весьма проворно, такѣ, что каждую минуту падали кучами храбрѣйшіе и отважнѣйшіе изѣ Персидскихѣ наѣздниковѣ.

Усонгъ, примѣтивѣ между тѣмѣ самаго Султана, сидящаго на лошади и окруженнаго со всѣхѣ сторонѣ преужасною толпою верьховыхѣ, который, имѣя на себѣ великолѣпнѣйшую шубу, подбитую прекрасными соболями, отличался отѣ протчихѣ тремя чаплиными на челмѣ своей перьями и седмью бунчуками сѣ золотыми насажденными на нихѣ наболдашниками, торчавшими безпрестанно надѣ его главою, разсудилѣ то, что не оставалось ему другаго пути кѣ побѣдѣ, какѣ единое токмо низложеніе самаго Государя непріятелей своихѣ. Итакѣ, старался онѣ всячески пробится кѣ нему со всѣми соединенными силами духа, и почти половины отчаянія своего даже; но смертоносная молнія сверкала повсюду вѣ глазахѣ его безпрестанно: лучшіе воины

изѣ

изЪ ПерсїянЪ пали на мѣстѣ, большая часть Князей изЪ рода *Ченгисова*, и самЪ *Пиръ-гаметъ*, за котораго учинилась сїя кровопролитная война, убиты были по сторону около Императора. *Джунеидъ*, другЪ и наперсникЪ Государя Персидскаго, потерялЪ жизнь свою также за него при семЪ случаѣ (*); а наконецЪ, смертоносная пуля пробивЪ грудь и храбраго *Гайдера*, раздробила вѣрное его сердце подлѣ самой лошади тестя сего злощастнаго. *Усонгъ*, увидя паденїе сердечно любимаго имЪ его зятя, стре-

(*) ЗападныхЪ странЪ писатели полагаютЪ сего *Джунеида* сыномЪ *Усонга*; а *Маркъ Гваццо* приписываетЪ самому сему *Джунеиду*, коего называетЪ онЪ *Дженїаломъ* также, и всѣ распоряженїи сего сраженїя, такЪ какЪ и то самое, что Персїя потеряла сїю баталїю: ибо, *Усонгъ* запретилЪ ему вовсе дратся сЪ непрїятелями; но младый Князь сей, разбивЪ двухЪ Пашей прежде, не смотря будто бы на родительское приказанїе, подвинулся впередЪ, и окруженЪ будучи отвсюду *Махмедовымъ* войскомЪ, низложенЪ былЪ со всѣми людьми его на мѣстѣ сраженїя. ОднакожЪ *Бизаррино* о томЪ повѣствованїе кажется быть справедливѣе: потому что весьма бы безразсудно было, какЪ говоритЪ писатель сей, естьлибЪ *Усонгъ*, будучи столь искуеный впротчемЪ полководецЪ, поручилЪ при столь важномЪ случаѣ предводительство Персидскаго войска молодому и притомЪ горячаго сложенїя человѣку.

мился искать потомъ и самъ собственной своей смерти.

Онъ бы конечно нашелъ оную въ нѣсколько минутъ можетъ быть, естьлибъ вѣрный его *Шеринъ*, носившій большее знамя Персіи, не избавилъ его отъ сего страшнаго намѣренія. Сей въ вѣрности непоколебимый подданный, схвативъ за узду лошадь Императорскую, оборотилъ тотчасъ оную назадь: „Прости въ томъ усердному твоему рабу, Государь, сказалъ онъ ему притомъ; Персія можетъ освободится еще совершенно отъ всего, послѣ пораженія ея подданныхъ; но по смерти *Усонга*, уже вовсе не будетъ имѣть она къ тому надежды.„ Онъ приказалъ потомъ ударить въ большіе два барабана, давъ тѣмъ самымъ знакъ къ отступу, не дожидая и отвѣта даже на то Государя своего. Отступъ сей былъ впротчемъ гораздо почти опаснѣе, нежели и самое нападеніе: многіе воины поражены были при семъ случаѣ, спасшись прежде отъ ужаснѣйшаго непріятельскаго огня; однакожъ при всемъ томъ, Персидскія сабли открыли наконецъ свободнымъ путь себѣ сквозь густые ряды упрямыхъ Янычаръ, и Императоръ сталъ чрезъ то скоро во всякой безопасности.

По окончанiи всего того, палЪ вѣрный *Шеринъ* кЪ ногамЪ своего Государя, и признавалЪ себя совершенно достойнымЪ смертнаго наказанiя, потому что принялЪ онЪ дерзость вЪ приказанiи отступа безЪ соизволенiя на то *Усонга*; чрезЪ что самое сдѣлалЪ якобы онЪ нѣкоторымЪ образомЪ насилiе своему Монарху; но великодушный Государь сей, видя довольно обстоятельства, и проникнувЪ во внутренность намѣренiя усерднаго своего подданнаго, обнявЪ его сердечно, благодарилЪ весьма, что онЪ исполнилЪ то тогда, когда *Гайдерова* смерть вывела его совершенно изЪ предѣловЪ здраваго разсудка.

СултанЪ не осмѣлился между тѣмЪ никакЪ гнатся за своими непрiятелями: ибо пѣхота онаго была безЪ всякаго прикрытiя, и когдабЪ густая его фаланга раздвинулась хотя нѣсколько при семЪ случаѣ, то погибель его была бы неминуемою тогда. ТакимЪ образомЪ, видя вЪ сомкнутыхЪ фронтахЪ по обѣимЪ сторонамЪ войска своего стоящихЪ другихЪ ПерсовЪ, построилЪ онЪ самЪ его разорванные ряды пѣхоты, приказалЪ изЪ всѣхЪ пушекЪ тяжелой своей артиллерiи выстрѣлить вдругЪ залпЪ, вЪ знакЪ будто бы одержанной имЪ побѣды, и оста-

новился вЪ ордерѣ баталïи. Оттоманны (*), хотя и потеряли впротчемЪ народу гораздо болѣе при семЪ случаѣ, нежели Персы; но согнать сЪ мѣста сраженiя великаго *Усонга*, казалось *Махмеду* довольно сильнымЪ кЪ прославленiю вѣчно своего имяни.

ИтакЪ, Персïяне, отступя потомЪ по распоряженiю Государя ихЪ вЪ надлежащемЪ порядкѣ назадЪ, заняли такое мѣсто, гдѣ безЪ нужды могли доставать они какЪ воду, такЪ и протчïе нужные сЪѣстные припасы. ИмператорЪ, воздыхая между тѣмЪ сЪ сокрушеннымЪ духомЪ, долженЪ былЪ непремѣнно оставить толико друзей его и толикихЪ подпорами Государству бывшихЪ, безЪ достойной чести погребенiя. „Кто нынѣ вЪ силахЪ утѣшить возлюбленную мою *Нуширвану*?„ говорилЪ онЪ притомЪ самЪ сЪ собою, подвигнутЪ будучи сердечнымЪ сожалѣнïемЪ; но онЪ не зналЪ еще тогда по истиннѣ всего преимущества великаго ея духа.

Все свое войско раздѣлилЪ онЪ послѣ того по обѣимЪ крыламЪ ОттоманнЪ, наказавЪ притомЪ какЪ и прежде пресѣкать старатся всячески всякой фуражЪ,

(*) *Бизарро* повѣствуетЪ, что вЪ продолженïе битвы сей, побито до 40000 сЪ Турецкой и до 8000 сЪ Персидской стороны людей.

фуражЪ, и нападать сЪ великою осторожностїю на отдѣленные непрїятельскїе деташаменты, отправляемые обыкновенно за разными нужными припасами: ибо мѣсто происходившаго сраженїя, была совершенно сухая степь (*).

ЧрезЪ три дни потомЪ, привезЪ отправленной отЪ *Шерина*, нарочно посланный, ужасное извѣстїе о происходившей кровопролитной нещастной битвѣ вЪ Таврисѣ. Весь городЪ сей взволновался немедлѣнно услыша то, на подобїе ярящагося моря во время бури, отЪ страха о будущемЪ и ужаса о прошедшемЪ; но *Нуширвана* была одна только непоколебимою вЪ постоянствѣ при печальномЪ семЪ извѣстїи: „Теперь не время проливать слезы о случившемся,„ говорила она сЪ преисполненнымЪ духомЪ бодрости, и выѣхавЪ поспѣшно на городскую площадь на вооруженномЪ кЪ походу слонѣ, приказала тотчасЪ звукомЪ большихЪ бубновЪ собрать всѣхЪ военачальниковЪ, пребывавшихЪ народовЪ вЪ Таврисѣ, и призвать туда же всѣхЪ знатнѣйшихЪ людей сего многолюднаго города. „Благосостоянїе Персїи, дала она знать всѣмЪ стекшимся туда чрезЪ нарочнаго провозвѣстителя, зависитЪ единственно отЪ употребленїя вЪ

(*) *Бизарро* называетЪ урочище сїе Гусиными полями.

въ пользу Государства сего мгновенія. Въ одинъ часъ, продолжалъ говорить оной, должны всѣ войски отправиться отсюда, и соединиться съ Императоромъ: ибо завтрежъ, можетъ онъ опрокинутъ быть совершенно силою непріятелей. Итакъ, кто изъ гражданъ великаго Тавриса любитъ только отечество и собственныхъ дѣтей своихъ, тотъ конечно согласится немедлѣнно за мною туда послѣдовать; понеже, безъ новыхъ силъ, которыми бы могъ удержать безъ сомнѣнія Императоръ стремленіе непріятелей, Таврисъ долженъ будетъ непремѣнно учиниться въ нѣсколько дней пространнымъ костромъ развалинъ, гдѣ бездушные трупы гражданъ его превратятся вѣрно въ пепелъ.„

По окончаніи сей краткой речи, жители Тавриса бросились всѣ за оружіе; десять тысящъ вооруженныхъ воиновъ, избранныхъ изъ его многихъ тысящей, соединясь въ одно мѣсто, отправились тотчасъ къ Арцендгану, и всѣ престарелые военнослужащіе, оставленные для нужной помощи Персіи, вооружась копьями и мечами, построились вмѣсто передоваго войска предъ симъ вооруженнымъ корпусомъ. Поспѣшавшіе вѣстники полетѣли впередъ искать повсюду Императора для увѣдомленія его

о томъ, что не малая помощъ приближалась уже къ нему; другïежъ посланные поскакали съ приказанïемъ во всѣ провинцïи Государства, собирать не теряя времяни остальную всю Персидскую силу; а *Нуширвана* сама отправилась посреди воиновъ сихъ къ освобожденïю отъ нещастïя своего родителя. „Вспомните то, что *Ай-шахъ*, говорила она слѣдуемымъ за нею, сидя на вельблюдѣ, и ободряя своихъ подчиненныхъ, кои въ гораздо худшихъ обстоятельствахъ были предъ симъ, составилъ наконецъ непобѣдимое у себя войско (*).„

Печась же впротчемъ не менѣе и о состоянïи супруги почтеннаго ея родителя, приказала она препроводить оную въ отчаянïи находящуюся подъ хорошимъ прикрытïемъ въ замокъ Карпуртъ (**), крѣпкое положенïе коего, заставляло надѣиться ее быть оной въ безопасности отъ всякаго непрïятельскаго нападенïя въ случаѣ.

Напротивъ того, *Махмедъ* подвигался съ войсками своими весьма тихо впередъ, будучи притомъ въ величайшемъ сомнѣнïи: ибо конница его истреблена была почти

(*) Подъ симъ разумѣется сраженïе на вельблюдахъ, въ которомъ Сгряне побѣждены были нѣкогда *Алïемъ*.

(**) Читай о томъ *Бизарра*.

почти вовсе, и не малая часть Янычаръ пала отъ меча отчаянныхъ Персовъ, опасаясь весьма быть безъ воды, фуража и протчихъ припасовъ, нужныхъ для его войска, а притомъ и видя въ недальнемъ разстоянїи наблюдающее всѣ его движенїи сильное войско Персидское.

Въ скоромъ между тѣмъ времяни соединился и новой вспомогательной корпусъ съ Императоромъ, и каждый часъ умножалось войско его различными пришельцами, что происходило единственно отъ дѣйствїя разосланныхъ гонцевъ повсюду разумною *Нуширваною.* Вся Персїя взволновалась сильно при семъ случаѣ; охота, усердїе и настоящее безстрашїе владычествовали въ сердцáхъ великодушнаго народа; и къ сохраненїю чести Императора и отечества былъ единый токмо предмѣтъ общаго всѣхъ единодушнаго желанїя, противо коего привязанность къ жизни изчезла въ то время во всѣхъ вовсе.

Не теряя времяни предстала и *Нуширвана* предъ лицемъ своего великаго Государя и родителя: „Все спасено нынѣ совершенно, когда благоразумный *Усонгъ* здравствуетъ еще,„ вскричала она, павши притомъ къ ногамъ его; такъ что Императоръ, ни мало не могъ примѣтить тогда подобнаго въ ней вида ея полу, ниже

какого

какого слѣда страха и печали даже; она дышала единымъ токмо великодушіемъ, и стараніе о спасеніи Государства блистало ясно въ очахъ ея. „Имѣвъ такую дщерь, сказалъ *Усонгъ* съ пріятною усмѣшкою, и обнявъ оную наинѣжнѣйшимъ образомъ при семъ случаѣ, кто можетъ желать себѣ сына!„

Итакъ, *Махмедъ*, не имѣя никакой болѣе надежды къ завладѣнію Таврисомъ, и опасаясь, чтобъ утомленныя его войска, будучи окружены со всѣхъ сторонъ, не учинились бы наконецъ совершенною добычею меча непріятельскаго, началъ отступать понемногу назадъ съ великою предосторожностію, такъ, что ни одинъ домъ въ Персіи не курился уже болѣе отъ пылающаго факала побѣдоноснаго его войска; но *Махмедъ*, будучи отъ природы весьма жестокимъ, приказалъ между тѣмъ всѣхъ раненыхъ на мѣстѣ сраженія найденныхъ Персовъ искрошить въ мѣлкіе куски, и не хотя произвести страшную месть свою вдругъ, повелѣвалъ по сту человѣкъ изъ сихъ нещастныхъ лишать ужаснѣйшимъ образомъ жизни въ каждый день. (*) Потомъ возвратясь въ Карамацію, и опустошивъ все, что ни пощажено было

(*) О семъ варварствѣ упоминаетъ *Бизарро* въ своей гисторіи гораздо пространнѣе.

было только прежде отъ его бѣшенства, повелъ войско свое противъ слабаго Трапезунта.

Давыдъ, будучи не въ силахъ противостоять страшной власти побѣдоносца, предался добровольно со всемъ своимъ Государствомъ *Махмеду*, который, хотя и обѣщалъ было ему за то оставить жизнь его; но не смотря на то кровожаждущій сей Султанъ, не знавъ впротчемъ истинной цѣны чести и достоинства своего увѣренія, приказалъ вскорѣ послѣ того истребить весь родъ Императорскій, поколѣнія *Комненовъ*. (*)

(*) Имперія Трапезунтская воспріяла начало свое отъ *Давыда* и *Алексея* дѣтей *Мануиловыхъ*, а внучатъ Греческаго Императора *Андроника* изъ роду КОМНЕНОВЪ, въ то время, когда Латины, побѣдивъ Императоровъ Греческихъ, завладѣли Константинополемъ и престоломъ ихъ, въ коей *Іоаннъ Комнинъ* за первваго Императора почитается. Число Государей сихъ полагается XI.*ть* токмо; а время владѣнія онымъ 258 лѣтъ, то есть, съ 1204*го* до 1462*го* года отъ Р: Х: щитая, гдѣ вышеупомянутый *Давыдъ* былъ послѣднимъ Императоромъ.

УСОНГЪ.

КНИГА IV.я

По прекращенiи всѣхъ вышеупомянутыхъ военныхъ дѣйствiй, расположилось Персидское войско станомъ на поляхъ, около Тавриса находящихся. *Усонгъ* не разсудилъ болѣе за нужное преслѣдовать за побѣдоносным непрiятелемъ, которой ни мало не потерявъ силъ своихъ, превосходилъ тѣмъ самымъ преимуществомъ всегда его Персовъ: ибо Императоръ оныхъ и прежде предвидѣлъ то довольно, что безъ пѣхоты не возможно было ему никакъ преодолѣть сильной колонны храбрыхъ Янычаръ, что наконецъ и подлинно подтвердилъ самый опытъ его въ томъ благоразумiя. Хотя и получилъ онъ потомъ помощь отъ республики Венецiянской; но оная не наградила ни мало недостатокъ въ его народѣ, которой наученъ уже былъ итакъ довольно въ употребленiи огнестрѣльнаго искуства.

Печальная тишина владычествовала повсюду, не исключая и самыхъ Императорскихъ чертоговъ даже. Никто не смѣлъ нигдѣ навѣдываться о участи военнослужащихъ, потому что каждой, или самъ

имѣлъ опасатся услышать непрїятную вѣсть, или другихъ могъ подвергнуть тѣмъ въ жалостное состоянїе. Итакъ, вся Персїя была удручена тогда совершенною печалїю: ибо не оставалось ни единаго почти дома въ Государствѣ, которой бы не лишился въ то время достойнаго наслѣдника, или человѣка, заслуживавшаго истинное соболѣзнованїе.

„Теперь то могу я проливать свободно слезы, говорила великодушная *Нуширвана*, заключивъ себя подлинно въ своихъ покояхъ, дабы оплакивать какъ свое, такъ и протчихъ всѣхъ нещастїе достойнымъ образомъ. Въ цвѣтущихъ своихъ лѣтахъ, когда надѣиться долженствовала она непремѣнно наслаждаться долго прїятнымъ удовольствїемъ благополучнаго ея ложа, потеряла она вдругъ прекраснаго своего супруга, котораго любила она съ полнымъ жаромъ, владычествовавшимъ совершенно въ ея разсудкѣ. Сверьхъ того, примѣчала она часъ отъ часу и увядающую бодрость своего родителя, котораго никто не видалъ веселымъ болѣе послѣ кончины возлюбленной его *Лїосуи*. Итакъ, вся нѣжность оной, совокупясь въ одно мѣсто, сооружилась только на одномъ младомъ *Исмаилѣ*, воспитанїе коего приняла она сама на себя, облегчая старанїе свое

въ

въ томъ раздѣленіемъ участія онаго съ разумнѣйшими и добродѣтельнѣйшими людьми въ Персіи.

Она не оставляла почти ни на минуту присматривать за симъ отрокомъ, обѣщавшимъ въ себѣ все доброе. Съ самаго еще его младенчества держала она онаго при себѣ, и воспитывала его со всякимъ раченіемъ. Начальныя правила премудрости, старалась она внушать въ него всячески изъ басенъ *Локмана* и *Саади*, или иногда и самою ею выдуманныхъ, такъ, что чѣмъ болѣе приходилъ онъ въ возрастъ, тѣмъ сильнѣе успѣвали, казалось, въ немъ сіи нравоученіи, въ повѣствованіи коихъ всегда слыхалъ онъ только выхваляемую и награждаемую обыкновенно добродѣтель, а опорочиваемымъ и наказаніе заслуживающимъ безпрестанно всякой порокъ.

Наслѣдница престола Персидскаго ввела при семъ случаѣ въ обыкновеніе полезное упражненіе живописнаго художества (*): она знала, что выдумыванныя изображеніи возбуждаютъ часто осо-

(*) Хотя по всей строгости Алкорана и не долженствуетъ имѣть мѣста у Мусульманнъ никакая живопись; но при всемъ томъ была оная во всѣ времяна на Востокѣ въ не маломъ почтеніи. У Ковалера *Слоана*, пишетъ Авторъ сочиненія сего, удалось ему видѣть

особливое любопытство въ дѣтяхъ, и привлекаютъ вниманіе ихъ къ себѣ гораздо сильнѣе, нежели отвлекаемые примѣры понятія. Она нашла средство изображать живописью все нравоученіе, которое означало каждое повѣствованіе, такъ, что будущій Ирой приобрѣлъ наконецъ такой вкусъ въ семъ родѣ своего наставленія, что не возможно было никакъ и удовольствовать его въ томъ послѣ. Иногда изображенъ былъ на картинѣ нѣкоторый Султанъ, входящимъ въ пустой покой, гдѣ инаго ничего не видно тогда было, кромѣ пастушьяго рубища и посоха, которой казался быть впротчемъ сильно огорченнымъ на слѣдуемыхъ за нимъ придворныхъ. *Нуширвана* старалась изъяснять ему изображеніе сіе чрезъ извѣстную повѣсть о нѣкоторомъ министрѣ Государства Керманскаго. Она допускала сыну своему выводить слѣдствіи изъ сей гисторіи, помогая ему притомъ въ приличномъ оной уподобленіи. „*Исмаилъ* видитъ здѣсь ясно, говорила она, что Госу-

---

нѣкогда всѣхъ знатныхъ людей двора Индостанскаго времянъ *Оренгъ-Цеба* Персидскимъ живописцемъ написанныхъ, котораго работа изображала бы великое впротчемъ искуство, естьлибъ краски не были только нѣсколько блѣдно означены и съ довольною притомъ тѣнью.

Государь подверженъ безпрестанно оклеветанію завистныхъ людей, и что оной непремѣнно остерегаться долженъ въ признаніи того за истинну, что еще вовсе не доказано: ибо вѣрный рабъ сей не допустилъ себя подвергнуть вторично легковѣрію своего господина; а Государь лишился чрезъ то сущей подпоры своего Государства въ немъ. *Мегеметъ Али-Бей* былъ наивѣрнѣйшій подданный, продолжала говорить она сыну своему, но добродѣтели онаго не могли никакъ защитить его отъ зависти, и Царю не надлежало бы было утверждаться тогда на однихъ увѣреніяхъ протчихъ его придворныхъ въ томъ, что въ заключенномъ покоѣ сокрыты величайшія сокровища: ибо, когдабъ наблюдалъ онъ долгъ Государя благоразумнаго, то долженъ бы былъ знать и самъ изъ поступокъ *Али-Бея*, вѣренъ ли ему былъ Везырь сей, или нѣтъ.»

На другой картинѣ изображалась вдали Византія во всей ея славѣ и пышности, и представленъ былъ *Тимуръ*, коего величавый видъ и младому Князю довольно уже былъ извѣстенъ, отвращающій глаза свои отъ сего великолѣпнаго зрѣлища. „Чтожъ сказалъ *Тимуръ*, сей ужасъ свѣта, увидя оное?„ спрашивала *Нуширвана* у младаго отрока. Онъ, бу-

дучи убѣждаемъ весьма, продолжала расказывать она, Греческимъ Императоромъ посѣтить его Дворъ: ибо *Тимуръ* избавивъ его до того отъ *Боїязета*, дѣда *Махмедова*, и подлинно поѣхалъ было туда; но узрѣвъ издали великолѣпїе и огромность города сего, остановившись вдругъ, отвѣтствовалъ выѣхавшимъ къ нему было на встрѣчу изъ Византїи: „Градъ сей столь хорошъ, вижу я, что прельстясь на оной, легко придетъ на мысль мнѣ можетъ быть и удержать его за собою со времянемъ.„ По произнесенїи сихъ словъ, возвратился онъ немедлѣнно назадъ, не взявъ ни единой деревни въ награду учиненной имъ помощи, которая впротчемъ стоила жизни многихъ тысящъ храбрыхъ Татаръ.„

Такимъ образомъ, напоялся нечувствительно преизящный смыслъ младаго *Исмаила* блестящими изображенїями добродѣтели, покуда не учинилось въ немъ то настоящею природою, такъ сказать. Изъ картинъ сихъ, позналъ онъ довольно различныя творенїи, которыми украшался весь свѣтъ, различныя Государства, на кои люди раздѣлили всю землю, принадлежащїя каждой странѣ богатства и удивительной порядокъ въ теченїи небесныхъ стихїй. Не рѣдко отказывала ему родительница его въ раска-

расказыванїи нѣкоторыхъ повѣстей въ наказанїе, такъ, что наука служила ему совершеннымъ награжденїемъ за послушанїе и протчїя его похвальныя качества.

Другїе избранные мужья наставляли его въ различныхъ тѣлодвиженїяхъ, служащихъ украшенїемъ равнаго его состоянїю юношѣ; но всего болѣе пеклись о томъ, чтобъ между его наставниками не вкрался какой человѣкъ, преисполненной злости и невѣжества, и чтобъ ни одно слово не было притомъ выпущено, которое бы въ чистѣйшей душѣ младаго Князя могло сдѣлать хотя малѣйшее пятно какое.

По достиженїижъ имъ надлежащаго возраста, когда понятїе безпрепятственно уже можетъ различать вещи и дѣла между собою, учили его въ познанїи, какъ впредь имѣвшаго принадлежать ему народа каждой страны Персїи и оной важныхъ городовъ состоянїя, такъ не менѣе и различїю плодовъ естества и художества. Разумная *Нуширвана* не упускала при каждомъ удобномъ случаѣ расказывать ему пристойныя гисторїи, служащїя единственно для большаго его въ томъ любопытства: взятье въ плѣнъ прекрасной *Пантеи*, и возвращенїе оной безъ всякаго притомъ

къ ней прикосновенія съ стороны противной ея супругу, было младому *Исмаилу* поставляемо въ примѣръ здѣсь, которой жертвовалъ послѣ своею жизнію за удивленія достойную *Кирову* воздержность. „Сіе дарованіе пріобрѣтается, говорила *Нуширвана*, единою токмо добродѣтелію; оно доставляетъ намъ любовь и почтеніе народовъ, и есть настоящая цѣна, за которую купить можно безцѣнную впротчемъ вѣрность друзей истинныхъ.„

Просвѣщаясь часъ отъ часу такимъ образомъ разумъ младаго *Исмаила* наставленіями неусыпныхъ стараній, употребляемыхъ со стороны попечительной родительницы и его приставниковъ, достигъ онъ наконецъ и къ постиженію знанія о Богѣ. *Нуширвана* старалась внушать ему безпредѣльныя о томъ понятіи, кои однакожъ означали только одну еще малѣйшую частицу величества Божія. Юное его сердце оживотворено было чистѣйшею любовію къ безпримѣрному Благодѣтелю человѣковъ, и онъ научался съ трепетомъ признавать и почитать имя всесильнаго Судіи міра сего, предъ Коимъ и самые Государи не иное что суть, какъ токмо тлѣнныя созданіи. Императорская дщерь прилагала неутомимые притомъ труды къ от-

отвращенію его отъ дѣйствія жестокаго яда лести, и къ ясному доказательству будущаго наслѣдника престола Персидскаго, что престолъ потому только составляетъ тому истинное величество, которой занимаетъ его, дабы оной, присудствуя на немъ, могъ свободнѣе оказывать людямъ своимъ благодѣяніи. „Богъ, говорила она, ожидаетъ отъ того болѣе добра, которому поручилъ Онъ власть Свою; но совершенное будетъ впротчемъ для того нещастіе, которой не сохраняетъ вѣрно сію довѣренность, за кою онъ вѣчно отвѣтствовать долженъ."

Она открыла ему между протчимъ также о перьвыхъ основателяхъ Монархій, какъ то, *Кирѣ*, *Ардеширѣ* (*), *Vаоѣ*, *Вувангѣ* и *Огуцѣ*, наставивъ его познаніемъ добродѣтелей сихъ великихъ Ироевъ, и объявивъ ему притомъ, что въ неутомимомъ оныхъ усердіи о благосостояніи ихъ народовъ, пребывалъ безпрестанно корень ихъ величества и вѣчно незабвенныя о нихъ славы. Подобнымъ образомъ увѣдомила она его также и о тѣхъ Государяхъ, во владѣніе коихъ величайшія Монархій раззорены

 были

(*) То есть *Артаксерксѣ*, бывшемъ перьвымъ изъ поколѣнія Сассанидовъ, и слѣдовавшимъ за Парѳянами во владѣніи.

были до основанія, и уничтожены вовсе, какЪ то наприм҄ѣрЪ, о *Сарданапол҄ѣ*, *Балшацціар҄ѣ* (*), *Тше҄ѣ* и посл҄ѣднихЪ Абассидскихъ КалифахЪ. „Сладострастіе и пороки, говорила она, уничижаютЪ сердце, и переобразовываютЪ челов҄ѣка вЪ совершенный родЪ зв҄ѣрей. Государь, предавшійся онымЪ, теряетЪ дов҄ѣренность кЪ себ҄ѣ народовЪ, и впадаетЪ вЪ тайное презр҄ѣніе даже самыхЪ своихЪ ласкателей, господствующихЪ надЪ нимЪ повсечасно: при сын҄ѣ таковаго, погружается совершенно колеблющійся престолЪ вЪ бездну погибели, которой слабость отца его потресла уже довольно сильно.„

„Воззри токмо на твоего д҄ѣда, говорила благоразумная *Нуширвана* сЪ пріятнымЪ восхищеніемЪ, посмотри на малаго сего Князя МонгаловЪ, полонянника и невольника, взошедшаго потомЪ посредствомЪ преизящныхЪ своихЪ добродѣтелей на сильный престолЪ Персидскій. СимЪ самымЪ добродѣтелямЪ, долженЪ непремѣнно обязанЪ быть и возлюбленный мой *Исмаилъ*, вЪ ожиданіи себѣ наипрекраснѣйшаго престола свѣта. *Усонгъ* учинился благополучнымЪ чрезЪ нихЪ самЪ собою, а внукЪ его наслаждаться

(*) То есть *Валтазар҄ѣ*.

ждаться будетъ плодами уже заслугъ онаго. Чегожъ стоилъ ему впротчемъ престолъ сей? Конечно ничего болѣе, кромѣ одного добровольнаго исполненія своей должности, при чемъ болѣе находилъ онъ удовольствія, нежели бѣдные Калифы, погружены будучи въ ихъ беззаконныхъ страстяхъ, подъ желѣзнымъ Скипетромъ своихъ Везырей, устрашавшаго меча собственныхъ ихъ тѣлохранителей, и подъ ежедневно возобновлявшимся страхомъ, до слѣдующаго еще утра быть низверженными съ престола и заключенными въ преужаснѣйшую тюрьму. *Усонгъ*, продолжала говорить она въ наставленіе сыну своему, охраняемъ любовію и горячностію его подданныхъ, на подобіе пылающихъ безпрестанно пламянемъ мечей: его сердце открываетъ ему истинное свидѣтельство внутреннихъ его достоинствъ: оно не чувствуетъ ни малѣйшаго побужденія, кое бы желало сокрыто быть когда отъ добродѣтели; и его жаръ усердія, ни что иное есть, какъ прозрачный токмо свѣтъ и плодородная теплота для цѣлаго свѣта. Весь земный шаръ повторяетъ безпрестанно свидѣтельство его великодушнаго сердца, и изъ устъ ста различныхъ народовъ, окру-

окружаетъ *Усонга* безсмертная слава величайшихъ его достоинствъ.»

Нѣжное сердце младаго сего юноши, воспалялось часъ отъ часу отъ подобныхъ выраженій: „Какъ! разсуждалъ онъ самъ съ собою, будучи внукомъ великаго *Усонга*, не могу я развѣ быть добродѣтельнымъ, не въ силахъ ли я развѣ заслужить будто достойной славы въ свѣтѣ, и не буду въ состояніи будто бы я угодить ни чемъ всевысочайшей Власти! Нѣтъ, нѣтъ, я не допущу себя учиниться недостойнымъ человѣкомъ, а еще менѣе презрѣннымъ отъ Бога, свѣта и всего будущаго моего потомства.»

Между тѣмъ, война съ Оттоманнами хотя и не прекращена была вовсе нѣкіими мирными условіями; но продолжалась уже съ обоихъ сторонъ безъ всякаго жара. *Махмедъ* пользовался безпрепятственно своими завоеваніями безъ наималѣйшаго болѣе нападенія на Персію, положивъ границею между собою и *Усонгомъ* пространнѣйшую степь, которую никто изъ нихъ не смѣлъ проходить съ войсками безъ подверженія себя неминуемой погибели; а *Усонгъ* не имѣлъ и причины болѣе по смерти *Пиръ-гамета* старатся получить во владѣніе свое Караманію; онъ зналъ довольно всѣ затрудненіи, происходящія отъ войны; и

тѣни

тѣни невозвратимыхъ уже болѣе друзей его и сродниковъ, кои погибли ужаснѣйшимъ образомъ при Арцендганѣ, мечтались безпрестанно въ глазахъ его; однакожъ при всемъ томъ, не упустилъ онъ сходить между тѣмъ вооруженною рукою противъ нѣкоторыхъ владѣтельныхъ Князей Грузинскихъ, кои всячески старались было распалять льва сего, такъ сказать, считая силу онаго уже совсемъ изчезшею; но *Усонгъ* доказалъ имъ скоро, что Персїя ничего не потеряла еще отъ оной, и принудилъ тотчасъ Князей *Горгору* и *Панкрата* платить ежегодно предписанной имъ отъ него вѣсъ злата, въ знакъ ихъ къ себѣ покорности (*).

Между тѣмъ, дворъ Персидскїй, пребывавшїй въ Таврисѣ, увеличился скоро прибытїемъ къ оному многолюднаго посольства сильнаго Царя Патанскаго, кое привезло съ собою великолѣпнѣйшїя дары, состоящїя болѣе въ слонахъ и другихъ многихъ различныхъ родахъ рѣдкихъ звѣрей, на кои *Усонгъ* взиралъ съ не малымъ удовольствїемъ. Сей Патанецъ, не имѣлъ при семъ случаѣ инаго намѣренїя, кромѣ одного желанїя узнать лучше

(*) О семъ упоминаетъ *Бизарро* въ своей гисторїи.

лучше такого Государя, каковЪ былЪ Персидскiй, о которомЪ слухЪ распространилЪ повсюду столь много достойнаго.

Другое посольство прибыло туда со стороны разныхЪ поколѣнiй МонгальскихЪ. Они привезли извѣстiе о смерти *Тимуръ-таша*, и соединившись вкупѣ, предлагали правленiе надЪ Ордами своими достойному его сыну, коего великiя дѣла достигли и до нихЪ даже вЪ степяхЪ восточной Татарiи.

Усонгъ подумавЪ о томЪ нѣсколько, отвѣтствовалЪ подданнымЪ родителя своего слѣдующимЪ образомЪ: „Благополучiе ваше, говорилЪ онЪ, любезные мои собратiи, требуетЪ непремѣнно самаго присудствiя Государя; но моя участь, опредѣлила меня уже единожди на престолЪ Персидскiй: и хотя довѣренность ко мнѣ ваша трогаетЪ меня несказанно; однакожЪ долженЪ я отречься вамЪ вЪ томЪ нынѣ. *Таркемишъ*, крови *Ченгисовой*, былЪ всегда ревностнѣйшимЪ сотоварищемЪ во всѣхЪ моихЪ опасностяхЪ; и какЪ онЪ одинЪ остался изЪ числа пощаженныхЪ при Арцендгадѣ, когда толико воиновЪ крови вашей погибли при семЪ случаѣ; то его предлагаю я вамЪ достойнѣйшимЪ ХаномЪ, которой, имѣя многiя добродѣтели, посвя-

святитЬ вамЬ непремѣнно вЬ жертву оныя, кои бы *Усонгъ* долженЬ былЬ внушать вамЬ чрезЬ другихЬ токмо." ИтакЬ, *Таркемишъ* поднятЬ былЬ тотчасЬ на щитЬ, которой знатнѣйшіе изЬ МонгалЬ поддерживали своими головами, и отправился сЬ ними немедлѣнно. При отЪѣздѣ своемЬ, клялся онЬ *Усонгу* сохранять вѣчно благодарность и преданность свою кЬ оному; а ИмператорЬ вспомнилЬ между тѣмЬ о своемЬ обѣщаніи при семЬ случаѣ, данномЬ имЬ *Ливангу* по онаго желанію, чтобЬ никогда не быть ему сосѣдомЬ Китая.

ВпротчемЬ, послы, прибывшіе вЬ ТаврисЬ, оставаясь тамЬ довольное время, приглашаемы бывали всегда *Усонгомъ* на разныя вечеринки, кои ИмператорЬ Персидскій учреждалЬ попеременно для вѣрныхЬ ему друзей и тѣхЬ самыхЬ, коихЬ достоинства намѣрялся онЬ отличать отЬ протчихЬ: ибо, быть вЬ числѣ друзей Государю, считалось при семЬ Дворѣ цѣною величайшихЬ преимуществЬ и предмѣтомЬ похвальнѣйшаго честолюбія. ВЬ сихЬ избранныхЬ собраніяхЬ обращался ИмператорЬ всегда откровенно со всѣми, и почиталЬ за удовольствіе, когда гости его подавали ему только случай разсуждать о дѣлахЬ великія важности до Государства касающихся.

На

На одной изъ таковыхъ бесѣдъ, началъ посолъ Патанскій нѣкогда рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: „Великій Государь времянъ (*), сказалъ онъ, когда прибылъ я ко вратамъ освященныхъ чертоговъ твоихъ, то спрашивалъ было въ началѣ у многихъ о твоемъ Везырѣ, которому хотѣлъ я вручить письма и дары, приличныя возвышенному мѣсту полярной планеты Персіи (**), отъ Везыря моего Государя. Здѣсь не знаютъ вовсе Везыря, отвѣтствовано было мнѣ отвсюда. Слыша то, считалъ я, что Персія имѣла конечно вмѣсто того своего Колая, или верьховнаго начальника каждаго отдѣленія различныхъ судовъ Государства; чего ради, спросилъ было я о главѣ войска Персидскаго; но и тогда, не нашелся ни кто быть таковымъ, о чемъ продолжалъ я спрашивать и далѣе, какъ то о управленіи Государственными доходами, правосудія и всѣхъ протчихъ частей внутренняго распоряженія, уповая удовлетворить наконецъ совершенно въ томъ мое любопытство; однако на

(*) Такъ называли восточныя народы *Чингиса* и *Тимура*, разумѣя подъ тѣмъ созвѣздіе, которое въ ихъ времяна управляло всемъ.

(**) Сіе значитъ титулъ или достоинство перьваго министра въ Государствахъ восточныхъ.

на все повторяемъ мнѣ былъ токмо прежній отвѣтъ.„

„Богъ одарилъ видно, продолжалъ говорить посолъ, премудраго *Усонга* духомъ великаго его прадѣда, страшнаго *Ченгиса*, подумалъ я тогда; онъ озираетъ, думать должно, на подобіе лучезарнаго солнца все свое обширное Государство въ единое мгновеніе. Но также ли *Усонгъ* неутомимъ, спросилъ его посолъ сей притомъ, какъ великое сіе свѣтило? Оно сіяетъ нынѣ надъ главою Императора съ таковою же самою силою, какъ сіяло прежде и надъ *Огутомъ*; но смертный можетъ ли надѣится, нося на себѣ неизмѣримое бремя, чтобъ не утомится ему притомъ никогда? Хотя всевысочайшее Существо и отличало безспорно *Усонга* отъ всѣхъ смертныхъ толикими преимуществами, при всемъ томъ однако, оставило Оно его на ряду съ оными, съ тою токмо разностію, что онъ есть надъ ними главою. Пусть можетъ Оно продлить дни твои, такъ какъ дни прежде тебя бывшихъ Монарховъ, какъ дни, говорю, *Каїюмара* (*); но *Усонгъ* состарѣться долженъ нѣкогда,

(*) Сей былъ перьвый Государь Персидскій въ баснословное время ихъ гисторіи, котораго жизнь полагаютъ на нѣсколько сотъ лѣтъ продолжавшуюся будто бы.

и имѣть непремѣнно по себѣ преемника: тогда, тогда то будутъ ли увядшія силы почтенія достойной древности въ состояніи сносить сильное бремя тягости, что въ младыхъ своихъ лѣтахъ *Усонгъ* столь постоянно исполнялъ всегда? Будутъ ли преемники твои, говорю, имѣть тѣжъ самыя исполлинскія плеча, для поддерживанія неизмѣримой тяжести Государства всего, которыми *Усонгъ* служилъ благосостоянію Персіи? Итакъ, прости въ томъ, прости великодушно, премудрѣйшій Государь изъ всѣхъ подобныхъ тебѣ во власти, буде рабъ дружелюбнаго твоего союзника открываетъ нынѣ свое въ томъ сомнѣніе, которое впротчемъ ни что иное есть, какъ только дѣйствіе искреннѣйшаго участія, пріемлемаго имъ въ твоемъ благополучіи. Не уже ли, продолжалъ говорить онъ, благоразумный *Усонгъ* не можетъ, какъ и протчіе Владѣтели, найти себѣ помощи въ толикомъ числѣ вѣрныхъ его подданныхъ! тотъ самый, который столь остроуменъ и знающъ въ достойномъ выборѣ всего, и который столь ревностенъ притомъ содержать оныхъ въ надлежащихъ предѣлахъ подражанія ко всѣмъ ихъ должностямъ.»

„Я почитаю то величайшимъ благополучіемъ, отвѣтствовалъ на то *Усонгъ*

съ прїятнымъ видомъ, которой по смерти любезной его *Лїосуи* заступилъ мѣсто веселой его улыбки, что имѣю друзьями такихъ, кои и разумны, и меня любятъ притомъ много; но я прошу между тѣмъ Хана выслушать прилѣжно теперь и мое мнѣнїе о вышесказанномъ имъ Государю Персовъ."

„Имѣть Везыря *Ацема* (*), сколь ни ограничены, и какъ ни слабы мои силы, не могу я вовсе, другъ мой, говорилъ *Усонгъ* послу Патанскому; потому, что желаю усердно быть любимымъ безпрестанно моими подданными, и хочу притомъ, чтобъ народъ мой былъ всегда щастливъ и благополученъ. Когда Везырь, продолжалъ речь свою Императоръ, подлинно есть достойный правитель Государства, то будетъ онъ непремѣнно единымъ предмѣтомъ всего народнаго почтенїя, такъ какъ такой человѣкъ, отъ котораго всѣ благодѣянїи происходятъ въ Государствѣ: ибо званїе сїе состоитъ въ томъ, чтобъ наблюдать святость законовъ, и сохранять надлежащїй во всемъ порядокъ. До онаго относятся всѣ побѣды, отъ него зависитъ справедливое всему разсмотрѣнїе, безпристрастное рѣшенїе

(*) Подъ симъ званїемъ разумѣется Верьховный Везырь.

разныхъ жалобъ и исковъ, и самое даже правосудіе въ Государствѣ. Таковое достоинство, было бы конечно всегда совершеннымъ облакомъ между мною и народомъ моимъ. Персіяне видали бы безпрестанно въ немъ полное сіяніе престола, и я бы оставался всегда отъ всѣхъ незнаемымъ и забвеннымъ. Но какъ честолюбіе мое напротивъ того состоитъ въ томъ единственно, чтобъ дѣлать только добро, то долженъ я непремѣнно и смотрѣть за всемъ самъ, и управлять притомъ все самъ же собою."

„Когдажъ начальникъ сей подверженъ порокамъ, или не будетъ имѣть настоящей способности къ исправленію сей должности, человѣкъ будетъ пристрастной, безмѣрно къ честолюбію жаждущій, допускающій своихъ наперсниковъ къ овладѣнію своими склонностями, притѣсняющій великія заслуги протчихъ достойныхъ услужниковъ Государства, и допускающій народъ къ справедливѣйшимъ на себя жалобамъ; то кому другому, какъ не *Усонгу* приписана должна быть причина сему? кому, говорю, какъ не безразсудному *Усонгу*, которой учинилъ въ томъ худой выборъ? и кому наконецъ, какъ не нерадивому *Усонгу*, которой, желая сидѣть на престолѣ, находитъ тягостными себѣ должности

Ски-

Скипетра? Онъ будетъ совершенно злополученъ тогда, и народъ его отлучитъ всю свою къ нему привязанность; но всего болѣе нещастїе для онаго, что и подданныя его будутъ также весьма нещастливы; а хотя бы и пробудился онъ нѣкогда отъ отягчающаго сильно силы его сна, уничтоживъ власть таковаго своего повѣреннаго, принудившаго всѣхъ къ единодушному неудовольствїю; то упущено будетъ при всемъ томъ весьма много добраго, чтобъ, безъ сего неспособнаго въ семъ важномъ званїи, могло конечно учинено быть; и что воспослѣдовало много зла въ Государствѣ, тобъ другїй, меньше силы имѣющїй подданный, не дерзалъ бы можетъ быть никогда исполнить того: слѣдовательно, и не произошло бы сїе конечно, естьлибъ *Усонгъ* самъ, знавъ всѣ дѣла, исправлялъ оныя ревностно; ктомужъ какая и надежда можетъ быть впредъ, чтобъ другой, заступившїй мѣсто перьваго, поступалъ во всемъ лучше онаго?„

„Государь, продолжалъ говорить Императоръ, не имѣетъ ни малѣйшей причины быть привязаннымъ къ собственной своей какой либо пользѣ, потому что погружается онъ и безъ того въ полномъ всего изобилїи. Ему нѣтъ вовсе нужды взирать завистнымъ окомъ

на ревностно исполняющихъ свою должность слугъ его, отъ коихъ не можетъ онъ быть никогда притѣсняемъ, а потому самому и не имѣетъ причины ихъ опасаться. Каждая заслуга, учиненная въ Государствѣ, дѣлаетъ Владѣтеля тѣмъ сильнѣе, потому что оная приращаетъ много къ благополучїю всего Государства. Ни одинъ ревностный земледѣлецъ не выкапываетъ безъ того новаго источника, чтобъ не обогащалъ меня весьма оной: никакая не дѣйствуетъ соха, которой бы работой не наслаждался я притомъ много: и нѣтъ ни единой вѣтьви, распространяющейся въ торговлѣ, коя бы не умножала сильно сїянїя моего престола. Напротивъ того *Усонгъ*, одинъ токмо сносить всегда долженъ происходящее зло отъ погрѣшностей своихъ служителей; чего ради, обязанъ онъ внутренно собственнымъ своимъ благополучїемъ любить искренно всѣхъ добрыхъ, отдалять злыхъ, умножать всѣ части всеобщаго благосостоянїя, и отвращать всѣ образы вреда и безполезности отъ Государства: ибо спокойствїе духа его и любовь къ нему Персовъ, есть неоспоримое драгоцѣннѣйшее его блаженство. Да и можетъ ли пещись кто другой лучше за *Усонга*, кромѣ его самаго?,,

„Я не намѣренъ впротчемъ приводить
здѣсь въ примѣръ всеобщую гисторїю,
въ коей слѣдствїи однакожъ, нахожу я
весьма ясно доказанными, заключающїя
въ себѣ пороки и добродѣтели Госуда-
рей самодержавныхъ. Я знаю, что въ
западныхъ странахъ сносятъ гораздо
спокойнѣе народы и дурныхъ Владѣте-
лей, почитая оныхъ вмѣсто наказанїя
отъ Всевышняго, на подобїе ужаснѣйшей
грозы, или инаго какого нещастїя, ко-
торое Богъ низпосылаетъ на грѣшныя
страны въ знакъ Своего гнѣва; то и
тамъ, нахожу я довольно, что добро-
дѣтели и пороки великихъ Государствен-
ныхъ министровъ опровергали весьма
часто престолы своихъ Государей. Трое
сильныхъ таковыхъ Везырей, низвергну-
ли, знаю я, у Франковъ внучатъ ихъ ве-
ликихъ Ироевъ съ законнаго престола (*),
и унизили оныхъ потомъ въ состоянїе
покорныхъ духомъ постриженныхъ дер-
вишей; а другїе многїе худые министры
расхитили напротивъ того въ протчихъ
Государствахъ безцѣнныя оныхъ сокро-
вища, забывъ истинную ихъ пользу, и
допустивъ судну Государства, ударив-
шись прямо о камень, разбиться наконецъ

(*) Сїе разумѣется о *Карлѣ Мартелѣ* и обоихъ *Пипинахъ*.

совершенно, коего кормчими были они сами.»

»Итакъ, покамѣстъ *Усонгъ* чувствовать будетъ неизнеможенными еще силы свои, потуда будетъ работа сія составлять все его удовольствіе. Въ томъ то самомъ, говорилъ Государь Персидскій, и имѣетъ добродѣтель совершенное преимущество предъ сладострастіемъ: ибо, оба сіи дѣйствія, сдѣлавшись обыкновенными въ человѣкѣ, владѣютъ имъ безпредѣльно, изъ коихъ одна превозноситъ онаго, а другая уничижаетъ его совершенно; и что при перьвой удовольствіе чрезъ привычку усиливаетъ гораздо, то при послѣдней чувствіи ежедневно ослабѣваетъ сильно, такъ, что наконецъ приведутъ оныя человѣка въ сущее омерзеніе; но *Усонгъ* не имѣетъ ни мало причины соболѣзновать въ томъ, потому, что наслаждается онъ токмо тѣмъ, чемъ бы могло увеселяться его ежедневное зрѣніе, взирая на благосостояніе своихъ подданныхъ. Какая бы красота Черкесская могла имѣть превосходнѣйшими прелести, утѣшающія меня толико предъ тѣми, какія нахожу я при взорѣ на такой городъ, которой сооружается изъ груды развалинъ, или наслаждаюсь, глядя на нѣкое селеніе, коего жители, снабдены будучи всемъ изобильно, съ веселымъ

лымъ духомъ возятъ плугъ свой запряженный сытыми волами, и по вечерамъ вкушаютъ пріятное удовольствіе подъ тѣнію Чинара съ своими домочадцами отъ учинившихся полей ихъ плодороднѣйшими.»

„Чтожъ касается до позднѣйшихъ моихъ потомковъ и наслѣдниковъ, то не могу я ни мало отвѣчать за нихъ ни въ чемъ. Моя должность не простирается столь далеко, и пороки ихъ не могутъ быть вовсе когда либо мнѣ приписаны. Но въ томъ увѣренъ *Усонгъ* довольно, что никакой народъ не можетъ быть благополучнымъ при такомъ Государѣ, который не трудится самъ, и не печется о немъ ни мало. Все, что я ни долженъ сдѣлать токмо, состоитъ единственно въ томъ, чтобъ приуготовить преемника престола, или ближайшаго моего наслѣдника оному, такъ, чтобъ при жизни своей надѣится уже могъ я, быть ему достойнымъ Государемъ, и не довести его до того, чтобъ носилъ онъ одинъ токмо образъ на себѣ онаго, чрезъ которой бы говорилъ и повелѣвалъ иной кто: ибо, доброе воспитаніе наслѣдника престола, есть единое только средство, помощію коего утвердить можно на ономъ владычествующее поколѣніе, и сдѣлать долговремяннымъ благосостояніе Государства.»

Усонгъ говорилъ сїе съ такимъ жаромъ, что оной проникнулъ тотчасъ въ сердца всѣхъ присудствовавшихъ тогда тамъ, и внушилъ тѣмъ сильнѣе почтенїе въ знаменитыхъ чужеземцахъ къ его преизящнымъ добродѣтелямъ. При всемъ томъ однакожъ, посолъ Венецїянскїй оказалъ въ томъ съ своей стороны весьма великое сомнѣнїе. Онъ былъ истинной питомецъ вольности, которой жестокость правленїя и всякое самовластїе презиралъ безпрестанно: ему казалось вовсе непонятнымъ, какимъ образомъ могло производить необузданное ни чемъ владычество надлежащее правосудїе, гдѣ единаго токмо воля служила всему безпредѣльнымъ закономъ. „Прости великодушно, говорилъ онъ, великїй подражатель добродѣтели, когда рожденный въ отдаленнѣйшей странѣ воззритъ удивительными очами на восточныя узаконенїи. Удостой его твоею милостїю разрѣшить жестокое сомнѣнїе, которое возмущаетъ сильно мое сердце единымъ неосновательнымъ предразсужденїемъ, можетъ быть, въ разсужденїи правленїя единой только особы въ Государствѣ: ибо, совершенно думаю я, что естьли неограниченная власть и найдетъ когда ниесть побѣдоноснаго себѣ защитника, то конечно *Усонгъ* тотъ самый будетъ, ко-

который можетъ служить ему одинъ доказательнымъ въ томъ примѣромъ, употребляющїй оную столь ощутительно къ общественной пользѣ цѣлаго свѣта.»

„Но коликихъ *Усонговъ* откроетъ намъ гисторїя между самовластными Государями, бывшихъ на Востокѣ? Правленїе единаго человѣка въ Государствѣ, представляется глазамъ моимъ совершенною тираннїею, которая безпрестанно производитъ по себѣ ужаснѣйшїя слѣдствїи, изключая того только, когда развѣ настоящее чудо свѣта занимаетъ престолъ сей. Я читалъ жизнь *Гаруна Алрашида*, *Тимура*, и многихъ другихъ восточныхъ Ироевъ извѣстны мнѣ довольно гисторїи: они были по истиннѣ великїе Государи, храбры, великодушны и не рѣдко правосудны; чрезмѣрные любители наукъ и художествъ, находя особливое удовольствїе въ томъ, чтобъ видѣть добродѣтели и преизящныя дарованїи въ своихъ подданныхъ; но всѣ сїи похвальныя свойства не составляютъ еще совершенныхъ должностей премудраго Государя, и не обнадеживаютъ вовсе безопасностїю жизни и щастїя народовъ. Съ коликою жестокостїю не поступалъ *Гарунъ* противъ добродѣтельнаго *Гїафара* и достойнѣйшимъ родомъ между Аравлянами, Бармекидовъ, по

одной

одной своей гнусной токмо зависти? Но могла ли бъ случится когда нибудь такая несправедливость, естьлибъ верьховный совѣтъ былъ судїею въ семъ дѣлѣ невиннаго *Гїафара*, которой предпочелъ только правы самаго естества безразсудному и противному самой природѣ запрещенїю (*)? Сколь часто не истреблялъ *Тимуръ* цѣлыя народы, и сколь много не обѣщалъ онъ милости своей отверзающимъ врата ему непрїятельскихъ городовъ; но при всемъ томъ, предавалъ таковыхъ безъ пощады перьвыми мщенїю страшнаго своего меча. Колико кровопролитнѣйшихъ браней не возбуждало надменное честолюбїе Государей, кои не подвержены были вовсе никакимъ законамъ? Не опустошили ли страшные Оттоманны половину почти Азїи, и не наполнили ли большую часть Европы ужаснѣйшими слѣдами различныхъ раззоренїй, потому только единственно, что одинъ Султанъ оныхъ жадничалъ весьма о заслуженїи себѣ имяни Гацы (**) и о правѣ *Джїама* (***)?„ „На-

(*) Сей самый *Гарунъ*, отдавъ за *Гїафара* сестру свою *Абассѣю* въ супружничество, запретилъ ему впротчемъ употребленїе правъ, разрѣшаемыхъ союзомъ брака.

(**) Слово сїе значитъ завоевателя, которое побѣдоносные Султаны прилагали обыкновенно къ своему титулу.

(***) Оное состоитъ въ построенїи собственной

„Напротивъ того въ вольномъ Государствѣ, то есть, Республикѣ, приемлются всѣ заключенiи общественнаго узаконенiя по совѣту многихъ достойныхъ особъ, такъ, что невозможнымъ почти быть кажется, чтобъ несправедливое какое разсужденiе было принято за истинное отъ многихъ, неравно между собою мыслящихъ, и притомъ согласно къ общественной пользѣ всего Государства усердствующихъ мужей, причемъ иной, или лучше сказать, никто не видитъ своей собственной. Тайное самолюбiе, обитающее и въ самыхъ добродѣтельнѣйшихъ сердцахъ, вооружаетъ краснорѣчiемъ тѣхъ, кои не терпятъ защитника несправедливаго и вреднаго предложенiя, такъ, что весьма трудно бываетъ противостоять такому въ одно время ненависти опорочивающихъ его и притомъ справедливости, которая служитъ побудительнѣйшею причиною несогласнымъ съ его намѣренiемъ."

„Но у неограниченной власти, мгновенный гнѣвъ составляетъ смертный приговоръ; скорое движенiе страсти разрушаетъ городъ; и малѣйшее огорченiе еди-

мечении, что тому только Султану оставалось свободнымъ, которой распространилъ границы Государства различными завоеванiями во время своего владѣнiя.

единаго слова производитЪ объявленіе войны цѣлому Государству. УдарЪ слѣдуетЪ обыкновенно тотчасЪ за молніею, а раскаяніе приходитЪ уже послѣ нещастія.„

„Я вижу, продолжалЪ говорить РеспубликанецЪ, что *Усонгъ* управляетЪ Персіею безпредѣльно, по обычаю земли сей, и что имѣетЪ онЪ притомЪ совершенно принадлежащее себѣ собственно владычествованіе, котораго престолЪ сооруженЪ вЪ сердцахЪ его подданныхЪ; но какимЪ образомЪ, не понятно мнѣ сіе кажется, нашла добродѣтель его средство, что никто не терпитЪ ничего отЪ власти, никакимЪ законамЪ не подверженной; никто не жалуется ни на что; и толико тысящей устЪ, соединившись вкупѣ, превозносить еще стараются всячески единогласно величайшую ему похвалу?„

„Состоящеежъ изЪ многихЪ разумныхЪ мужей правленіе, не можетЪ притомЪ и разрушиться скоро. Смерть единаго достойнаго бываетЪ сносною вЪ томЪ мѣстѣ, гдѣ толико другихЪ остается еще вЪ живыхЪ. *Цено* хотя и умерЪ, но Венеція осталась все по прежнему вЪ цвѣтущемЪ ея состояніи. При Монархѣ зависитЪ все щастіе Государства отЪ дыханія токмо единаго смертнаго.

Не

Не успѣлъ еще свѣтъ надивиться только славнымъ дѣламъ великаго *Тимура*, то уже слѣдуютъ по немъ недостойные его преемники, сластолюбивые, нерадивые и ни мало неспособные Государи. Избраніе, исключающее въ вольномъ Государствѣ презреннаго, нарушившаго единожди честь и достоинство человѣка, не имѣетъ ни мало силы противъ всѣхъ правъ его рожденія; но въ самовластномъ правленіи, весь народъ подвергаетъ себя безъ всякаго исключенія безспорно Тирану, подобному *Сарданаполу*, и погибаетъ съ нимъ вкупѣ, такъ какъ Тимуриды, потомки бича свѣта изчезли вдругъ.„

По окончаніи такимъ образомъ речи посла Венеціянскаго, началъ *Усонгъ* свою, слѣдующими словами: „*Я* не намѣренъ, сказалъ Императоръ, противополагать здѣсь мудрецамъ западныхъ странъ многія несправедливости и заблужденіи, кои чинимы бывали не рѣдко и отъ правленія Государствъ республиканскихъ. Не хочу также предлагать въ примѣръ тому и то, что въ самомъ Римѣ презрительное корыстолюбіе, сенатъ и самаго добродѣтельнѣйшаго *Катона*, чаще доводило до беззаконныхъ браней, нежели у Оттоманнъ или *Тимура* одна страсть токмо, дабы возвеличить себя; и признаюсь при-

притомъ, что весьма опасно оставлять безпредѣльную власть одному человѣку въ цѣломъ Государствѣ; но вся сила Божія заступаетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно мѣсто онаго: ибо Онъ и премудръ и милосердъ совершенно. Я самъ чувствую, что сердце мое волнуется не рѣдко о сихъ частыхъ и безразсудныхъ опредѣленіяхъ слабыхъ смертныхъ, кои въ восточныхъ странахъ столь обыкновенными бываютъ: потому что сіи скорыя исполненіи варварскихъ приказаній, какъ для подданныхъ весьма несносны, такъ и для самаго Государя не менѣе опасны, и буде не стоитъ оное болѣе, какъ только желать, то люди всегда будутъ желать много; а чрезъ сіе самое свободное употребленіе власти ихъ, лишатся наконецъ Государи всей довѣренности своихъ подданныхъ, и обезсилены будутъ потомъ совершенно, какъ дикія звѣри, соединенною всеобщею ненавистію. Но что до меня касается, то для меня послѣдняго Персіянина кровь кажется безцѣнною, и никто не имѣетъ ни права ни власти проливать оную, кромѣ одного закона."

"Въ Персіи помышлялъ было я ввести нѣкогда нѣкоторое Государственное узаконеніе, коебъ, не будучи опаснымъ для Монарха, не подвергалобъ ни

мало

мало и народа опасности отъ вредныхъ пристрастій онаго; но свободное Государственное узаконеніе, кажется совсемъ быть несроднымъ для восточныхъ странъ: (При семъ словѣ, преклоня голову свою Патанецъ, доказывалъ своими тѣлодвиженіями, что онъ имѣлъ сказать нѣчто; но не впадая въ речь *Усонгову*, удержался отъ того изъ почтенія.) сильныя страсти въ оныхъ, кажутся потому, должны быть непремѣнно ограничены, что одна токмо единоначальная власть въ силахъ утвердить все совершенно. Итакъ, остается только Персіянъ привести въ безопасность отъ всякихъ обидъ и притѣсненій.„

„Того ради, каждой подданной, каждый судъ и каждая часть Государственнаго правленія, должны имѣть неоспоримое право прибѣгать безпрепятственно къ самому Государю: онѣ не только обязаны представлять оному собственныя ихъ нужды; но и въ принятіи участія дѣлъ до Государства касающихся быть совершенно во всемъ свободными: ибо, о всѣхъ частяхъ правленія, приемлетъ Государь здѣсь безъ всякаго препятствія и замедлѣнія представленій ему отвсюду чинимыя.„

„Императоръ въ Персіи не присуждаетъ никого къ смерти, ниже тѣхъ самыхъ, которыя бы столь дерзски яви-

лись, чтобъ огорчили его хотя и само-
лично. Всѣ наказанiи и всѣ опредѣленiй
разсматриваются въ учрежденныхъ для
того судахъ, и рѣшатся потомъ, со-
образуясь съ существомъ дѣла, по боль-
шинству голосовъ. Итакъ, добрый Го-
сударь не имѣетъ ни мало сомнѣваться
въ томъ, чтобъ тотъ оставался безъ
достойнаго наказанiя, которой нарушилъ
противъ его должное почтенiе; но оста-
вляетъ только право себѣ помилованiя,
что разумный Государь съ охотою испол-
нять не отречется: слѣдовательно, отъ
закона зависитъ наказанiе преступленiю;
а Государю остается похвальное пре-
имущество избавлять отъ онаго.»

„Впротчемъ, всѣ отдѣленiи Государ-
ственнаго правленiя остаются здѣсь не
зависящими другъ отъ друга: духовное
правленiе, военной трибуналъ, юстицiя
и Государственные доходы съ граждан-
скимъ судомъ, составляютъ совершенно
раздѣленныя между собою правитель-
ства, въ коихъ каждой приказъ отъ
высшихъ начальниковъ до нижнихъ, по-
винующихся имъ, безпрепятственно ни-
сходитъ; а Государь между оныхъ есть
настоящее средоточiе, гдѣ сношенiи
всѣхъ сихъ отдѣленiй соединяются въ
одно мѣсто. Подобное раздѣленiе власти
въ Имперiи, приводитъ въ безопасность
пре-

престолЪ Государя, и препятствуетЪ сильно всякому соединенїю, могущему возстать нѢкогда противЪ онаго: ибо, всегда остается чрезЪ то самое между различными Государственными судами нѢкоторой родЪ зависти и разноголосицы.„

„ИмператорЪ не предписываетЪ вовсе ни вЪ какое изЪ сихЪ отдѢленїй Государственнаго правленїя нѢкоторыхЪ новыхЪ учрежденїй, не выслушавЪ тѢхЪ прежде, кЪ предмѢту коихЪ слѢдуютЪ оныя. До трехЪ разЪ долженЪ Государь приказывать выслушивать и разсматривать прилѢжно ихЪ основанїи, и исполненїе приказанїя остается потуда безЪ всякаго дѢйствїя; но потомЪ, должно уже ИмператорскимЪ повелѢнїямЪ чинимо быть надлежащее повиновенїе, потому что сомнѢнїю, когда ниесть долженствуетЪ быть конецЪ.„

„СверьхЪ того, поручаетЪ ИмператорЪ за всемЪ смотрѢнїе также и своимЪ намѢстникамЪ, которые не составляютЪ однакожЪ ни малѢйшей части вЪ ГосударственномЪ правленїи, и не только не имѢютЪ вЪ ономЪ какой либо власти, но ниже голоса или пристрастнаго за кого ниесть заступленїя, окромѢ, какЪ только остонавливать исполненїе, и не допускать его кЪ произведенїю вЪ

дѣйство, когда кажется имъ, что то будетъ безполезно, имѣютъ долгъ; а притомъ, и отрѣшать отъ присудствія могутъ судей, покуда на обѣ сіи вещи не воспослѣдуетъ особаго позволенія отъ Государя. На таковыя представленіи намѣстника, требуетъ непремѣнно Императоръ разсужденія отъ верьховнаго суда, куда принадлежатъ вообще дѣла всѣ. При всемъ томъ, каждый намѣстникъ обязанъ пристально за всемъ смотрѣть безъ изключенія; а особливо, что до Государственной пользы относится, и о всемъ подробно сообщать немедлѣнно самому Государю. Сверьхъ того, поручено ему имѣть и о томъ рачительной присмотръ, что и не касается собственно до вышнихъ судовъ; и притомъ, какъ торговля, такъ и мореплаваніе, вкупѣ со всѣми науками, поручаются также въ егожъ вѣденіе.„

„Въ исполненіи всѣхъ приказаній, предписанный порядокъ долженъ быть прилѣжно наблюдаемъ; все должно быть вносимо порядочно въ учрежденныя для того нарочно разныя книги, и всему полагать надлежащія предѣлы: ибо, все то должно непремѣнно означать различіе между правленіемъ порядочно учрежденнымъ и сильнымъ стремленіемъ варварскаго самовластія.„

„Со

„Со всѣми сими предосторожностями, думаю я, пресѣчена довольно всякая неосторожность въ учрежденіяхъ до Государства касающихся, и справедливости доставленъ тѣмъ, надѣюсь, открытой и безпрепятственной путь къ престолу. За всемъ же тѣмъ, и тогда, говорю, остается *Усонгу* болѣе власти, нежели бы помышлялъ онъ употреблять къ тому какія другія мѣры."

„Итакъ, уступить въ томъ согласится наконецъ, надѣюсь я, другъ мой, продолжалъ говорить Императоръ, что единоначальствующая власть имѣетъ ощутительнѣйшее преимущество предъ многими другими различными правленіями. Послѣднія, хотя и тише погружаются въ погибель; но сіе зло неизцѣлимо уже вовсе: ибо, никакія Ироическія добродѣтели частныхъ людей не въ силахъ противостоять сильному вихрю, влекущему къ паденію. Достоинства *Агиса* и другаго *Катона* изчезли уже совершенно въ испорченномъ Римѣ и Спартѣ, и погрузили обоихъ, поздно уже рожденныхъ добродѣтельныхъ мужей сихъ, безъ всякой пользы ихъ отечествамъ, въ совершенную погибель; потому что воздержаніе сдѣлалось смѣшнымъ, строгость привлекла справедливости ненависть сограждан оной, и тайное признаніе недостат-

статковъ въ порочныхъ, учинило всѣхъ тѣхъ непримиримыми непріятелями добродѣтельнымъ, коихъ глупость помрачаетъ ихъ блестящіе примѣры. Напротивъ того, единый Монархъ, когда ни захочетъ только приложить все свое стараніе къ устроенію общественнаго блага его подданныхъ, всегда безъ сомнѣнія можетъ впавшее въ наивеличайшій безпорядокъ Государство привести въ лучшее его паки состояніе. Одинъ *Веспасіанъ* могъ залѣчить скоро всѣ смертоносныя раны, кои шестеро дурныхъ Государей, предшествовавшихъ ему, причинили вообще великому Риму; и послѣ своеобычнаго *Домитіана* процвѣлъ оной съ удвоеннымъ сіяніемъ при славномъ *Траянѣ*. Но республика Лакедемонская погружалась вмѣсто того отъ часу глубже отъ своихъ Гракговъ въ погибель, и поспѣшала безъ всякаго избавленія къ ея конечному паденію: ибо сердца, будучи единождь уже испорченными, допустили скоро и законамъ самимъ обольстить себя къ истребленію прежней вольности; а чрезъ то, и Государственныя узаконеніи стали опровергнутыми подъ видомъ будто бы ихъ сохраненія.»

Послѣ того замолчалъ Императоръ, и не говоря ни слова, размышлялъ не малое время о нѣкоторыхъ поправленіяхъ,

кои вселились тогда сильно въ его мысли, и кои произвелъ онъ подлинно въ дѣйство послѣ. Потомъ обратясь къ Патанцу, спросилъ его между протчимъ, что бы онъ за сомнѣніе имѣлъ при предложеніи, учиненномъ имъ въ продолженіе речи его, что никакая Республика не можетъ удержаться долго въ странахъ восточныхъ.

„Совсемъ новой народъ, отвѣчалъ на то посолъ Патанскій, показавшейся нѣсколько времяни тому назадь на берегахъ Инда, долженъ быть непремѣнно принятъ въ прямомъ смыслѣ за настоящей Республиканской, которой, считаютъ всѣ окрестныя народы, начало свое имѣетъ изъ Тибета. Сіи чужеземцы, состоятъ въ не маломъ количествѣ людей, и раздѣлены между собою на двенадцать колѣнъ. Во время мирное, не имѣютъ онѣ вовсе надъ собою начальника; ихъ законная книга, хранится безпрестанно на нарочно сооруженномъ жертвенникѣ, по которой стараются во всемъ поступать болѣе ихъ старшины. Въ военное время, выбираютъ онѣ обыкновенно себѣ верьховнаго предводителя, и завладѣли уже почти всемъ Индостаномъ, до самаго почитай моря. Любовь ихъ къ вольности, простирается до того даже, что почитаютъ онѣ оную

на ровнѣ съ своимъ богопочитанїемъ: не знаютъ впрочемъ никакихъ публичныхъ праздниковъ, и не исправляютъ вовсе приличныхъ торжествъ онымъ между собою, почитая притомъ втайнѣ единаго Бога, и принося Ему въ жертву сокрушенныя свои сердца (*).„ *Усонгъ*, поблагодаря посла сего за сообщенное имъ сїе извѣстїе, обратился паки къ послу Венецїянскому: „Нынѣ, вижу я, сказалъ онъ ему, имѣютъ и Гелветы подобной своему союзъ въ Индостанѣ.„ Ибо *Усонгъ* зналъ народъ тотъ особливо, по причинѣ воинскаго ихъ искуства, которое при совершенной ихъ вольности наблюдалось у нихъ весьма строго, и какъ примѣчалъ онъ, болѣе всего способствовало къ великимъ побѣдамъ сему горному народу.

Императоръ узналъ потомъ вскорѣ о смерти *Махмедовой*, которая приключилась ему послѣ тяжкой болѣзни. Онъ получилъ притомъ извѣстїе, что Султанъ сей, обратя до того свое оружїе противъ западныхъ народовъ, учинилъ было уже нападенїе и на Италїю; по чему казалось, что имѣлъ онъ намѣренїе раззорить и древнїй Римъ, какъ учинилъ онъ съ новымъ; и что престолъ его

(*) Подъ симъ народомъ разумѣются и понынѣ еще такъ называемые сильные *Шейки*.

его заступилъ по немъ *Боязетъ*, миролюбивый Государь впротчемъ, который, имѣя ссору съ роднымъ своимъ братомъ, оставилъ вовсе намѣренїе обезпокоивать болѣе Персїю.

Чего ради, *Усонгъ*, считая присудствїе свое въ Таврисѣ болѣе не нужнымъ, вознамѣрился наконецъ оставить оной. Тайное побужденїе мыслей его, привлекало онаго обратно въ Ширасъ, гдѣ умѣреннѣйшїй воздухъ, для приближавшейся къ нему старости, казался быть для него лучшимъ и полезнѣйшимъ, и гдѣ находился притомъ престолъ всѣхъ художествъ, состоявшихъ подъ независимымъ ни отъ кого его особливымъ примъ смотромъ и подкрѣпленныхъ онаго неизреченною щедротою. Итакъ, весь женскїй полъ, находившейся тогда при немъ, отправленъ былъ туда вскорѣ съ наслѣдникомъ престола; а Императоръ предпринялъ между тѣмъ новое путешествїе по нѣкоторымъ западнымъ провинцїямъ своего Государства, которое было послѣднимъ впротчемъ въ его жизни, и посѣтилъ при семъ случаѣ тѣ мѣста, коихъ не случалось еще видѣть ему.

Во время сего путешествїя, не приминулъ онъ осмотрѣть всю Арменїю, покоренную имъ Персїи, важный и крѣпкїй

по своему положенію городъ Тифлисъ и всѣ страны, гдѣ Евфратъ и Тигръ имѣютъ свои вершины, при взорѣ на кои, имѣлъ онъ ежедневное почти побужденіе къ совершеннѣйшему своему удовольствію: ибо, всѣ пашни и поля были обработаны тамъ, и безчисленное множество сохъ и плуговъ дѣлали землю совершенно плодоносною, на которой паслись прежде однѣ только дикія козы.

Всѣ рѣки въ горячей Месопотаміи и Иракѣ раздѣлены были повсюду вырытыми нарочно большими каналами, раздѣлявшими благословенное изобиліе по всѣмъ безводнымъ и засохшимъ полямъ. Во всѣхъ селеніяхъ, кои ни проѣзжалъ только *Усонгъ*, видѣлъ онъ новыя строенія, порядочно одѣтыхъ крестьянъ съ ихъ женами и домочадцами, украшенныхъ въ серебрѣ; а гласъ радости и похвалы, происходилъ безпрестанно изъ всѣхъ вообще хижинъ: и хотя *Усонгъ* не способенъ уже былъ болѣе къ мысленной утѣхѣ; но сердце Ироя наполнялось при семъ томъ полнымъ удовольствіемъ, что толико причиняло повсюду благополучія, въ которомъ онъ принималъ столь ощутительное участіе. Не смотря на все то однакожъ, не могъ онъ миновать, чтобъ не оказать при нѣкоторыхъ случаяхъ своего чувствительнаго неудовольствія,

ствія, и пробыть вовсе безъ наказанія преступникамъ его воли.

Онъ увидѣлъ недалеко отъ Амадана нѣкотораго крестьянина, которой велъ прекрасно убранную лошадь, и узналъ, что оная препровождаема была имъ къ нѣкоему судьѣ приказа сего города. Судья оной былъ весьма знающій человѣкъ въ наукахъ, и притомъ искусной въ стихотворствѣ, которой по великому своему разуму довольно былъ извѣстенъ и самому Императору. *Усонгъ*, развѣдавъ обстоятельно о всемъ отъ крестьянина, приказалъ примѣчать за нимъ въ слѣдъ, и узналъ вскорѣ, что подарокъ его былъ принятъ благосклонно, за то только единственно, чтобъ тотъ отдалъ ему нѣкоторой водоводъ во власть его, что между симъ родомъ людей обыкновенно производитъ величайшее несогласіе; чего ради, оба они, какъ приносчикъ, такъ и пріемщикъ, потребованы были тотчасъ въ Дыванъ, гдѣ принуждены были откровенно признаться въ своихъ преступленіяхъ. „Ты, сказалъ Государь крестьянину, искусилъ нынѣ полезнаго обществу мужа, которой имѣлъ всѣ свойства довольно здравомыслящаго судіи прежде; чрезъ что, похитилъ ты нынѣ цѣлое Государство, потому, что оному дороже всего добродѣтельныя люди, за

что

что долженъ ты непремѣнно переселится въ Могостанъ, гдѣ перьвое преступленіе, тобою учиненное, будетъ стоить твоей жизни." Потомъ, обратясь къ трепещущему ученому: "Кто знаетъ болѣе тебя, говорилъ ему *Усонгъ*, что лихоимство горшѣе самаго грабежа даже, потому что оно исторгаетъ надлежащее имѣніе изъ рукъ сущей невинности, и отдаетъ оное гнусному обманщику. Почему, долженъ и ты также жить въ Могостанѣ, въ самомъ томъ селеніи съ тѣмъ вмѣсти, которому допустилъ ты, искуся, уловить себя нѣкогда; дабы, сколь часто ни будете вы видаться другъ съ другомъ, всегда встрѣча сія напоминала вамъ, что ни одинъ порокъ не остается въ Персіи безъ достойнаго наказанія."

Усонгъ, возвратился потомъ въ Ширасъ, гдѣ находившіеся художники не видали своего покровителя уже нѣсколько лѣтъ: ибо, никакія сокровища не ободряютъ толико художества, какъ собственное око знающаго цѣну онымъ Государя. Прибывъ туда, искалъ онъ всевозможной помощи для тѣхъ рукодѣлій, кои пришли въ отсудствіе его по разнымъ причинамъ въ нѣкоторое изнеможеніе, стараясь всячески ободрять рачительныхъ въ томъ художниковъ, и забирая себѣ не малое количество трудовъ ихъ, для луч-

лучшаго оныхъ поощренія къ работѣ. Китайцы напротивъ того, наполнили цѣлыя селеніи въ Персіи плодоносными шелковичными кустарниками и различными бумажными матеріями въ великомъ изобиліи; а выдѣлка различной столовой посуды оныхъ, происходила во многихъ мѣстахъ Государства сего съ толикимъ успѣхомъ, что какъ въ прочности, такъ живописи и прекрасномъ вкусѣ превосходили подданные его и самихъ Китайцевъ даже.

Первое попеченіе Императора, по возвращеніи своемъ въ его прежнюю Резиденцію, состояло въ томъ, чтобъ соорудить въ честь возлюбленной его *Ліосуи* достойную ея достопамятность; чего ради, изобралъ онъ къ тому нѣкоторой довольно возвышенной пригорокъ, на которой бы свободно изъ его дворца видѣть было можно. Монументъ сей содѣланъ былъ на Китайской вкусъ, и въ серебряныхъ великолѣпныхъ лампадахъ освящала день и ночь безпрестанно бѣлая нифть гробницу ту. Нѣкоторыя изъ старыхъ прислужницъ покойной Императрицы, назначены были притомъ быть смотрительницами, легчайшая сія должность коихъ, служила имъ истиннымъ утѣшеніемъ въ ихъ старости.

Бу-

Будучижъ тамъ, сдѣлалъ *Усонгъ* многїя новыя различныя учрежденїи: ибо, Государь сей, пекущїйся безпрерывно о средствахъ благосостоянїя всей своей обширнѣйшей Имперїи, принималъ участїе и въ каждой части оной порознь, какъ будто бы управлять имѣлъ онъ только нѣсколькими селенїями (*). Чрезъ то самое, видѣлъ онъ процвѣтавшею безпрестанно свою торговлю, и приходящїе изъ Галепа караваны нагруженными дорогими товарами западныхъ народовъ въ Мосуль. Татарскїя сокровища привозимы были изъ Бакры въ Мешедъ; а изъ Индостана напротивъ того, шли богатства сей плодоносной страны чрезъ Кандагаръ въ Ширасъ; корабли же, плывущїе изъ Аравїи, Гузарата и Ачина, привозили въ Басру плоды своихъ земель и сокровища благословеннаго Серендиба (**).

Усонгъ, зная впрочемъ довольно, что торговля составляла непремѣнно другую сильную подпору Государства его, потому что земледѣлїю, оставлялъ онъ всегда перьвѣйшее преимущество, почитая сїе за необходимѣйшую часть онаго,

(*) Сїе самое приписываетъ *Делла Валла* еще перьвому *Аббасу*.

(**) Подъ симъ имянемъ разумѣется островъ Цейлонъ.

онаго, не упустилъ сдѣлать, къ прекра-
щенію малѣйшаго неудобства въ томъ,
надлежащихъ распоряженій при семъ слу-
чаѣ: ибо, нѣкоторые караваны были за-
хвачены и удержаны по той причинѣ,
что Усбеки, скитаясь по всѣмъ мѣстамъ,
обезпокоивали сильно коммерцію съ Бок-
гарою; чего ради, обнародовалъ *Усонгъ*
законъ, въ силу коего обѣщалъ онъ удо-
вольствовать изъ казны каждаго товаръ,
у котораго насильно былъ отнятъ оной
на пути; а намѣстникъ Государскій дол-
женъ былъ требовать непремѣнно отъ
того мѣста или уѣзда, гдѣ учинилось
то грабительство, совершеннаго всему
удовлетворенія, и въ случаѣ въ томъ
каковаго неисполненія, самъ онъ платить
обязанъ былъ всѣ убытки. Сіе похваль-
ное учрежденіе, которому и самыя про-
свѣщеннѣйшія народы подражать не от-
реклись бы во всякое время, осталось въ
Персіи (*) въ великой святости и при
самыхъ насильственнѣйшихъ правленіяхъ.
Уѣзды и провинціи не преминули ста-
ратся изъискивать средствъ къ прекра-
щенію всякихъ грабежей, служащихъ имъ
въ

(*) Слѣдуя сему, Шахъ *Надыръ* не оставилъ
наградить нѣкогда щедро Англинскую ком-
панію во всѣхъ убыткахъ, случившихся оной
въ Астерабадѣ отъ нѣкоторыхъ возмути-
телей. Читай о семъ *Ганвая*.

въ томъ къ не малому отягощенїю. Онѣ учредили конные объѣзды (*), число коихъ состояло по величинѣ опасности, и сїя легкая предосторожность очистила скоро всѣ дороги столь исправно, что безъ всякой опасности можно было ѣхать съ великими деньгами безъ наималѣйшаго прикрытїя: ибо, при безпрестанномъ разъѣздѣ сей вооруженной команды по всѣмъ дорогамъ, чужестранные купцы принуждены бывали отъ каждаго города брать видъ, безъ коего не могли они быть нигдѣ пропускаемы вовсе, чрезъ что, грабители оставались безъ всякой надежды быть спокойными отъ поисковъ, и принуждены были съ поспѣшностїю оставить Персидскїе предѣлы. Притомъ, всѣ Персїяне, а особливо вся военная сила Государства, имѣла повелѣнїе дѣлать всевозможное вспоможенїе симъ коннымъ разсыльщикамъ; и *Усонгъ* конечно за то наказать не оставилъ бы строжайшимъ образомъ надмѣнность своихъ военнослужащихъ, кои, пользуясь отъ Государства всякимъ награжденїемъ, отреклись бы служить внутреннему онаго спокойствїю. Итакъ, всѣ безпорядки, грабежи и насильства сего, пали потомъ на неспособ-

(*) Les Rahdars, или рейтары, упоминаетъ *Делла Валла* въ VIмъ томѣ своей гисторїи, назывались сїи конные сыщики.

собныхъ къ столь исправному порядку въ полицїи Оттоманнъ, коихъ земли опустошаемы стали безчисленными толпами сихъ наглыхъ разбойниковъ.

Между тѣмъ, вспомнилъ Императоръ и о совѣтѣ посла Патанскаго, преподаваемомъ имъ ему нѣкогда, потому что приближавшаяся его старость требовала непремѣнно, чувствовалъ онъ, нѣкотораго облегченїя въ трудахъ его; чего ради, разсудилъ онъ за нужное снабдить вышнїя правительства Имперїи достойными начальниками, изъ коихъ каждое мѣсто получило своего предсѣдателя, которой трудиться долженствовалъ вмѣсти съ своимъ Государемъ. Четыре дни въ недѣлѣ назначены были для засѣданїя сихъ четырехъ учрежденныхъ министровъ; а въ протчїе, упражнялся каждой изъ нихъ, въ присудствїи всѣхъ другихъ начальниковъ, въ дѣлахъ вообще до Государства касающихся. Но какъ изъ всѣхъ сихъ присудственныхъ мѣстъ не въ одно время предлагаемы были дѣла, то употреблять долженъ онъ былъ остающееся отъ того время на разсматриванїе и рѣшенїе представленїй господъ намѣстниковъ. Каждый изъ вышеупомянутыхъ предсѣдателей имѣлъ четырехъ при себѣ засѣдателей, кои выбраны были притомъ изъ самыхъ тѣхъ же присудствїй, гдѣ

сперьва они находились. При обыкновенномъ теченіи дѣлъ, долженъ былъ таковой предсѣдатель дѣлать всегда Императору о каждомъ дѣлѣ порознь подробное объясненіе, и всѣ доказательства его по оному долженствовали быть на то непремѣнно готовыми: ибо, весьма часто, а особливо для единаго испытанія начальника, принимывался Государь сей совсемъ нечаянно изслѣдывать сходствіе его изъясненія съ обстоятельствами дѣла, и огорчался весьма, когда находилъ въ томъ хотя малѣйшее только различіе, а паче неправильное какое толкованіе; будежъ дѣло требовало на разсмотрѣніе многаго времяни, то приказывалъ онъ обыкновенно представлять себѣ всѣ его свидѣтельства и документы, и разсматривалъ оное, какъ скоро находилъ токмо къ тому свободные часы, или поручалъ то кому изъ своихъ повѣренныхъ, и наблюдалъ притомъ безпрестанно, чтобъ до настоящаго еще заключенія дѣла, каждый предсѣдатель и всѣ засѣдатели порознь подавали ему письменно отъ себя свои объ ономъ мнѣніи: подобное отбираніе ихъ разсужденій, дѣлало оныхъ весьма осторожными въ производствѣ каждаго дѣла, дабы ни малѣйшей не учинить въ томъ погрѣшности. Впротчемъ, не отнялъ

нялъ онъ права и у каждаго изъ подданныхъ, прибѣгать въ случаѣ нужды къ самому Императору, такъ что ежедневно всякъ могъ безпрепятственно пользоваться честію въ предложеніи дѣла своего оному самъ собою.

Исмаилъ, достигши между тѣмъ настоящаго возраста, въ которомъ наставленіе въ наукахъ и различныхъ знаніяхъ гораздо важнѣйшихъ предъ прежними, дѣлали его уже совершенно способнымъ къ понятію оныхъ, причинилъ тѣмъ новую заботу Государю Персидскому. Императоръ приставилъ къ нему, изъ всѣхъ четырехъ вновь учрежденныхъ имъ департаментовъ, по одному искусному и притомъ кроткаго сложенія человѣку, учителями, присовокупя къ онымъ еще и пятаго, которой бы наставлять его могъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся до всего Государства, яко наслѣдника со времянемъ учиниться имѣвшему оному. Такимъ образомъ, научился онъ безъ всякаго труда съ юности еще своей совершенно знать богопочитаніе, военное искуство, правосудіе и дѣла до разныхъ сборовъ и гражданскаго порядка принадлежащія назначеннаго ему Государства. Чтожъ касалось до военнаго упражненія, то всегда долженъ онъ былъ присудствовать при разныхъ экзерци-

ціяхЪ Императорской гвардіи, такЪ какЪ и около сосѣдственныхЪ столицѢ городовЪ находящихся войскЪ; потому что юность обыкновенно, считалЪ *Усонгъ*, научается болѣе чрезЪ побуждающіе чувствіе примѣры. Ему показываны были сверьхЪ того нужныя художества, какЪ то, литье пушекЪ, оружейныя мастерскія и знатнѣйшія вЪ ГосударствѢ работы и упражненіи. ИмператорЪ приказывалЪ его вводить также и вЪ присудствіи верьховнаго суда, дабы, слушая тамЪ производства дѣлЪ, узнавать онЪ могЪ чрезЪ то чинимыя различныя судейскія мнѣніи и самыя основаніи, на коихЪ утверждались оныхЪ рѣшеніи. КтомужЪ еще, не оставлялЪ онЪ обучаться также верьховой ѣздѢ, фехтованію и даже самому плаванію; и какЪ нравЪ его былЪ притомЪ весьма пылкой и гибкой, то полетѣлЪ онЪ, такЪ сказать, всѣми путями кЪ чести; а примѣрЪ великаго его дѣда внушалЪ ему чрезмѣрное желаніе кЪ достиженію во всемЪ надлежащаго совершенства.

Усонгъ позволилЪ ему предпринять потомЪ ежегодно установленныя имЪ по всему Государству путешествіи, кои для самаго его уже тягостными начинали казаться. СЪ нимЪ отпущены были избранные самимЪ ИмператоромЪ достойные

ные провожатые, кои должны были наставлять его въ примѣчаніяхъ всѣхъ достопамятныхъ случаевъ, въ чемъ чинилъ онъ послѣ самъ вѣрной отчетъ пекущемуся о немъ своему дѣду, сообщая притомъ и свои собственныя о всемъ мнѣніи, что ни примѣчалъ онъ только важнаго, до четырехъ новыхъ присудствій относящагося.

Впротчемъ, каждой народъ, какъ не безъизвѣстно надѣюсь, чувствуетъ обыкновенно чрезвычайную склонность къ своимъ младымъ Принцамъ, и составляетъ всегда въ сердцахъ своихъ наиприятнѣйшее для оныхъ предразсужденіе; а особливо, когда находитъ еще притомъ въ нихъ соединяющимися цвѣтъ возраста съ сѣмянемъ премудрости. *Исмаилъ*, будучи великодушнымъ, каковымъ былъ дѣдъ его, спасобнымъ ко всему, на подобіе *Нуширваны*, и прекраснымъ какъ *Гайдеръ*, родитель онаго, покоря себѣ безъ изъятія всѣхъ сердца, наслаждался безпрестанно знаками полной горячности, коими осыпали его повсюду.

И какъ *Усонгъ* не сроденъ былъ вовсе къ тому, будучи великаго духа Монархъ, чтобъ имѣть нѣкую зависть противъ оказывавшихся успѣховъ презящнаго разума молодаго своего внука; то хотѣлось ему, чтобъ *Исмаилъ* при-

 угото-

уготовить себя могъ и къ воинскому искуству нѣкогда; а воспослѣдовавшій къ тому удобный случай вскорѣ, открылъ свободной путь Императору къ совершенному исполненію своего намѣренія. Возмущеніе нѣкоторыхъ Баллушъ, одного дикаго горнаго народа, поколѣнія Патанскаго, но далѣе токмо на полдень живущихъ, побудило Государя Персидскаго отправить небольшей корпусъ войска противъ оныхъ. Искусному *Шерину* поручено было главное надъ онымъ предводительство; а *Исмаилъ* отправился при немъ приватно въ сей походъ, гдѣ ревностный военачальникъ не преминулъ открывать ему намѣренія каждаго повелѣнія, чинимаго имъ, и каждаго почти слѣда, такъ сказать, которой ни дѣлало только его войско.

Съ начала, шелъ предводитель Персидскій весьма осторожно въ горы, занимая понемногу высоты токмо оныхъ, покуда не соединилось съ нимъ все его войско, котораго огнестрѣльное оружіе, сколь ни мало находилось его при немъ тогда, привело весьма скоро вовсе невооруженныхъ почти сихъ дикихъ въ такой страхъ, что они всѣ тотчасъ принуждены были покориться сильному корпусу *Шерина*. Они положа предъ нѣкоторымъ пригоркомъ, покрытымъ гу-

густою травою, гдѣ *Исмаилъ* присудствовалъ въ великолѣпномъ воинскомъ нарядѣ, свое оружїе, дали отъ себя немедлѣнно аманатовъ въ залогъ непремѣнной ихъ вѣрности. Въ нужныхъ мѣстахъ подѣланы были потомъ нѣкоторыя укрѣпленїи, снабденныя достаточными гарнизонами, и легкихъ войскъ лагерь оставался нѣсколько лѣтъ при подшвахъ горъ сихъ. *Исмаилъ* возвратился послѣ того назадъ, преисполненъ будучи приличной возрасту его радости, и горя нетерпѣливостїю въ обьясненїи дѣду своему о всемъ происхожденїи похода сего: его нѣжное сердце восхищалось отъ сильнаго движенїя перьвой сей побѣды, происходившей въ собственныхъ его глазахъ. *Усонгъ*, обнявъ любви достойнаго своего наслѣдника наичувствительнѣйшимъ образомъ при семъ случаѣ, опредѣлилъ его потомъ имѣть засѣданїе въ собранїи четырехъ вновь учрежденныхъ имъ департаментовъ, спрашивалъ иногда его мнѣнїя, похвалялъ оное, или опровергалъ дружескимъ образомъ, поправляя притомъ случающїяся въ томъ ошибки, и приобучилъ его наконецъ къ постоянному сношенїю бремя, которое по теченїю времяни слѣдовало ему носить на себѣ скоро.

Нуширвана напротивъ того, стараясь между тѣмъ неутомимымъ образомъ въ изъискиванiи различныхъ средствъ усладить всячески приближающуюся старость почтеннаго своего родителя, выдумывала безпрестанно новыя для него увеселенiи. Иногда заставляла она спускать дратся между собою дикихъ звѣрей, чемъ утѣшался Императоръ не мало; потому что всегда, какъ говаривалъ онъ, погибалъ притомъ хищникъ, и собирала изъ всѣхъ мѣстъ рѣдчайшiе рода оныхъ: словомъ, все можно было найти при дворѣ *Усонговомъ*, чемъ только ни удивляло естество въ своемъ сильномъ произведенiи, какъ то, обезьяну съ гривою, подобную весьма львиной, коей красная шерсть (*) съ черными пятнами походила много на тигровую, и Еѳiопскую гираффу (**) съ вельблюжьею шеею и леопардовою шерстью, которая изображала въ свирѣпѣйшемъ ея видѣ, преудивительную кротость. Иногда приказывала

(*) О семъ упоминается въ примѣчанiяхъ о посольствѣ *Контарины* и *Барбары* къ *Усонгу*.

(**) Подъ симъ названiемъ разумѣется нѣкоторой дикой звѣрь въ Африкѣ, котораго многiе полагаютъ быть самкою леопарда: шерсть онаго бываетъ обыкновенно бѣлая съ пятнами разныхъ цвѣтовъ. Древнiя народы приписываютъ ему одному изъ всѣхъ звѣрей, имѣть отъ себя прiятной запахъ.

вала разумная сія Принцесса упражняться корпусу гвардіи въ различныхъ военныхъ экзерциціяхъ; въ другое время представляла она великое множество мастеровыхъ, изъ коихъ каждой несъ разныя товары предъ Императора, которыя работалъ онъ самъ, и при чемъ замыслователя *Нуширвана* вымышляла всегда нѣчто новое и вовсе неожидаемое показывать своему родителю; иногда предлагаемы бывали ему Индейскіе дорогіе каменья, цѣна и качество коихъ довольно ему извѣстны были, и коими по четверти часа въ праздное время занимался онъ, случалось; а иногда призываны бывали и искуснѣйшіе стихотворцы читать предъ нимъ свои сочиненіи. Она не оставила также въ иное время заставлять нѣкоторыхъ славныхъ борцевъ спорить между собою о преимуществѣ и награжденіи безъ причиненія притомъ всякаго вреда другъ другу; подобныя тому награжденіи раздаваемы были резвымъ бѣгунамъ и прыткимъ лошадямъ также. Но изъ всѣхъ сихъ зрѣлищъ, отдавалъ *Усонгъ* главнѣйшее преимущество сему послѣднему, потому что ободряло то весьма Персовъ, лошадей своихъ совокуплять съ Арабскими жеребцами, кои и самымъ Персидскимъ предпочитаются даже.

Усонгъ, видя довольно, что всѣ сїи различныя перемѣны составляли одно только искуство попечительной горячности премудрой его *Нуширваны*, оказывалъ потому единственно свое величайшее удовольствїе при всѣхъ сихъ позорищахъ, нежели бы онъ подлинно самъ могъ чувствовать то: ибо, не въ силахъ былъ онъ уже приобрѣсти болѣе своей прежней бодрости духа, лишившись дражайщей его *Лїосуи*. Хотя и обращался онъ съ Трапезунтскою Деспоиною, какъ нѣжнѣйшїй супругъ, стараясь тѣмъ болѣе сдѣлать ее щастливою, чѣмъ суровѣе была ея участь и оной всего рода; но между тѣмъ, и собственное его здоровье претерпѣвало не мало отъ бывшей еще его болѣзни въ пальмовомъ лѣсѣ. Онъ чувствовалъ часъ отъ часу силы свои ослабѣвающимися, и всегдашнее ко всему отвращенїе заступало безпрестанно у него во всемъ мѣсто. Часто видали его по ночамъ взиравшаго пристально на достопамятность прежней его супруги; и хотя весьма былъ онъ притомъ воздерженъ, чтобъ не обезпокоивать горестїю своею настоящую его супругу, то примѣчали всѣ однакожъ, что онъ не долго надѣился быть въ разлукѣ съ своею возлюбленною скончавшеюся.

Между

Между тѣмъ, новое посольство изъ Венецїи пресѣкло вскорѣ несносное безпокойствїе Персидскаго Императора. *Iосифъ Барбаро*, нѣкоторый знатный Республиканецъ, присланъ былъ къ нему оттуда для подтвержденїя крѣпчайшихъ узъ продолжительнѣйшей дружбы между обоими Державами: онъ привезъ съ собою паки довольное число припасовъ, принадлежавшихъ къ войнѣ, и людей, кои въ приготовленїи оружїя и онаго употребленїи, весьма были искусны, въ предшествїи притомъ многочисленной свиты *Николая Креслы*, Герцога нѣкоторыхъ островов въ Эгейскомъ морѣ, молодаго и любви достойнаго господина, соединявшаго прїятность Европейскихъ нравовъ съ величайшими преимуществами своего важнаго вида.

Цено, жившїй еще въ то время, прислалъ при семъ случаѣ къ почтеннѣйшему своему другу великое множество разныхъ книгъ, кои напечатаны были свинцовыми литерами, уже не столь рѣдкимъ изобрѣтенїемъ, бывшимъ въ тогдашнее время, между коими лучшихъ писателей въ Италїи и древняго Рима находились сочиненїи. Великодушный *Цено* доказывалъ тѣмъ самымъ, что онъ изъ перьвыхъ былъ согражданъ своихъ, которой, имѣя случай узнать совершенно вели-

величество во младости еще *Усонговой*, почиталЪ его уже и тогда весьма много.

Впрочемъ, супруга Императорская наслаждалась полною свободою, каковою бы она и у восточныхЪ ХристїянЪ могла только пользоваться: она имѣла собственную свою домовую церьковь, гдѣ безпрепятственно исправляла службу Божїю вмѣсти сЪ младою своею сестрою, прекрасною *Евдокїею*. Сїя, присудствуя нѣкогда при нѣкоторомЪ великомЪ торжествѣ ХристїянЪ, гдѣ и *Кресло* находился тогда также, заставила онаго тотчасЪ примѣтить изЪ подЪ приличнаго ея состоянїю великолѣпнаго одѣянїя блестящїя прелести молодой Княжны Трапезунтской: оныя составляли прїятную смѣсь набожности, скромности и всѣхЪ ЦарскихЪ достоинствЪ, вкупѣ соединенныхЪ. ГерцогЪ Накскїй взиралЪ на красоту ея при семЪ случаѣ не безЪ чувствительности; ему нравились весьма притомЪ, сверьхЪ привлекающей ея прелести, слѣды добродѣтели, кои примѣтилЪ онЪ во всѣхЪ поступкахЪ молодой сей красавицы, и изыскавЪ случай видать ее часто, заражался оными часЪ отЪ часу повседневно.

СверьхЪ того, супруга *Усонгова*, почитая всѣхЪ ХристїянЪ безЪ изЪятїя вЪ странѣ иновѣрныхЪ за своихЪ едино-

кров-

кровныхЪ, отдавала предЪ всѢми преимущество сему Князю Накскому, кое, какЪ рожденіе, такЪ и пріятныя его свойства заслуживали ему совершенно. ИтакЪ, будучи ободренЪ сею милостію, покусился онЪ наконецЪ открыть ДеспоинѢ, что желаетЪ сердечно заслужить только согласіе на то любезной ея сестры; и хотя супруга Императора не хотѢла было сильно разлучиться сЪ своею сестрою, однакожЪ находила она гораздо болѢе надежды вЪ благополучіи молодой *Евдокіи* при сочетаніи ея сЪ ХристіянскимЪ КнявемЪ, нежели бы когда ниесть учинилось то сЪ МагометаниномЪ; не смотря ни мало на то, что сама она не имѢла никаковаго затрудненія вЪ свободномЪ исправленіи ея вѢры; но знала притомЪ довольно, сколь сильно впротчемЪ Князья странЪ восточныхЪ старались склонять всѢхЪ прекраснѢйшихЪ обитательницЪ ихЪ серралей кЪ принятію правилЪ ихЪ закона; чего ради, подавЪ вЪ томЪ несомнѢнную надежду *КреслѢ*, довела дѢло наконецЪ до того, что могЪ онЪ свободно открыть потомЪ чувствительнѢйшую свою страсть и молодой КняжнѢ. *Кресло* приобрѢлЪ вскорѢ столь великой успѢхЪ кЪ себѢ вЪ ея благосклонности и почтеніи, что *Евдокія* не хотѢла вовсе предписывать себѢ никаковаго дру-

другаго условія, какъ токмо единаго на то согласія ея защитника *Усонга*, которое также не трудно было получить ему: ибо, премудрая онаго благость, простиралась только о совершенномъ тѣхъ благополучіи, коихъ любилъ онъ чрезвычайно. Онъ не находилъ никакого важнаго препятствія, противнаго *Кресловy* усильному требованію. Бракосочетаніе сіе долженствовало происходить со всевозможною тишиною, и глубокое молчаніе наблюдаемо было о всемъ производствѣ дѣла того, что въ восточныхъ странахъ для знатной дѣвицы весьма порочно и наимяновать даже.

Прекрасная *Евдокія*, желая между тѣмъ посѣтить нѣкогда добродѣтельную *Нуширвану*, вошла туда въ самое то время, когда *Исмаилъ* совсемъ нечаянно пришелъ также въ покой любезной своей матери съ нѣкоторою прозьбою по своей молодости. Княжна Трапезунтская не могла никакъ сокрыться при семъ случаѣ, будучи притомъ безъ покрывала въ полной свободѣ, позволенной всѣмъ женщинамъ на Востокѣ при посѣщеніи вѣрныхъ друзей ихъ наединѣ. *Исмаилъ*, примѣтивъ оную, почувствовалъ тотчасъ себя зараженнымъ всѣми тѣмижъ прелестями, кои обожалъ въ ней и Греческій Князь; и хотя вышла она

столь

столь скоро, сколько возможно ей было только, изъ покоя Императорской дочери; но глаза ея успѣли при всемъ томъ произвести нещастную свою силу въ дѣйство. *Исмаилъ* сталъ воспаленъ вдругъ всемъ жаромъ равныхъ его лѣтъ юношѣ; и преисполненное страстію восточнаго жителя сердце, не находило благополучія себѣ болѣе, какъ только быть во владѣніи красавицы Греческой.

Не въ силахъ будучи такимъ образомъ никакъ преодолѣть страсти своей, просилъ онъ свою родительницу о ея всевозможномъ въ томъ ходатайствѣ у Императора, предлагая притомъ представить оному и то, что онъ, какъ единый будучи наслѣдникъ престола Персидскаго, и слѣдовательно, не можетъ навсегда остаться въ томъ состояніи, въ коемъ есть онъ нынѣ, надѣится совершенно, что не откажутъ ему никакъ въ той невѣстѣ, въ коей онъ все свое благополучіе найти уповаетъ.

Нуширвана, хотя и любила весьма сына своего; но добродѣтель казалась ей и того еще милѣе: она имѣя тѣжъ самыя нѣжныя чувствіи справедливости, чрезъ кои Государь Персидскій, ея родитель, учинился столь славнымъ, имя котораго на себѣ носила она, старалась было всячески доказывать страстному

Исма-

Исмаилу истинное существо дѣла того, и отвращать онаго отъ его вреднаго предпріятія, утверждая, что *Евдокія* не имѣетъ уже и сама власти въ томъ болѣе; да и любовь, коя будетъ въ противномъ случаѣ противною и законамъ даже, осуждала она также всячески; но онъ отвергая все то, не могъ удержаться, чтобъ не испускать преужаснѣйшихъ своихъ на то жалобъ; и самое почтеніе къ его родительницѣ не въ силахъ было воспрепятствовать ему произнести нѣкоторыхъ словъ противъ своего совмѣстника, означающихъ тайныя угрозы оному, такъ что узнали потомъ отъ его приближенныхъ, что стремленіе страсти его умножилось еще сильнѣе тогда, какъ скоро возвратился онъ только отъ матери въ покои свои.

Нуширвана надѣялась впротчемъ, что великій *Усонгъ* могъ совершенно утолить пламя сіе въ младомъ Князѣ, и преодолѣть намѣреніе, которое Императору конечно весьма непріятно быть могло, какъ такому, который самъ былъ настоящимъ примѣромъ совершенной во всемъ воздержности, и въ имянитомъ домѣ коего, никогда еще никакая страсть не была извѣстною, которая бы добродѣтель могла опорочить нѣкогда.

Чего

Чего ради, велѣлъ *Усонгъ* позвать къ себѣ наслѣдника Персіи. „*Исмаилъ*, сказалъ достойный сей Монархъ, не сомнѣвается ни мало, думаю я, о моей къ нему горячности: онъ единый есть безъ сомнѣнія предмѣтъ всѣхъ моихъ трудовъ и попеченій: все, что ни дѣлаю я для Персіи, чиню то для него только въ томъ единственно намѣреніи, дабы оставить ему спокойное и благополучное Царство; но я люблю притомъ, продолжалъ говорить Императоръ, добродѣтельнаго и пріуготовляющагося къ похвальному правительству *Исмаила*; справедливости же ненаблюдающаго, и насиліе употреблять дерзающаго *Исмаила*, любить я не могу вовсе, ниже тогда, когда онъ сыномъ есть возлюбленной моей *Нуширваны*.„

„*Исмаилъ*, говорю я, отдаленъ на два шага только отъ престола, и въ короткое время почувствуетъ онъ самъ, сколь тягостенъ Скипетръ онаго. При всемъ томъ однакожъ, бремя сіе возможно облегчить совершенно, когда *Исмаилъ* со славою добродѣтельнаго Князя займетъ престолъ сей, и когда Персія возчувствуетъ отъ онаго истинное свое благополучіе; въ то время, всѣхъ сердца не преминутъ ему покориться вскорѣ, и всѣ его желаніи учинятся тогда единою токмо волею всего народа.„

„Но какъ можетъ быть то, когда тотъ, которой по мнѣ наслѣдовать долженъ, будетъ Княземъ, предпочитающимъ страсти свои справедливости, отъемлющїй сговоренныхъ невѣстъ отъ жениховъ ихъ и разрывающїй узы, кои ни единый изъ смертныхъ развязать не въ силахъ? Чего ожидать можетъ Персїя отъ *Исмаила* тогда, когда младый тигръ, на цѣпи будучи еще родительской власти, начинаетъ уже употреблять насилїе, и оказываетъ лютость свою прежде, нежели отросли еще у него кохти? Кто будетъ считать себя въ безопасности предъ тираномъ, которой пылаетъ токмо единымъ мщенїемъ, и коего никакой законъ и никакое подобострастїе не могутъ ограничить болѣе."

„Однакожъ *Исмаилъ*, знаю я, не будетъ столь злополученъ. Онъ не предпочтетъ, думаю, удовольствїя единаго мгновенїя чести, остаться навсегда добродѣтельнымъ Княземъ: презрительная страсть молодаго человѣка не будетъ имѣть болѣе надъ нимъ власти, когда надежду благополучнаго царствованїя, удовольствїе всѣхъ его Персовъ и щастїе продолжительной жизни, коей изображенїе имѣетъ онъ предъ своими очами, вообразитъ только себѣ здравымъ образомъ."

Исма-

Исмаилъ, хотя и былъ горячаго сложенія, но притомъ не менѣе и добродѣтеленъ также, принужденъ былъ уступить наконецъ мѣсто въ своемъ сердцѣ совѣту благоразумнаго его дѣда. Онъ выслушавъ премудрое сїе разсужденїе, поклонясь низко, и поцѣловавъ у Императора руку въ знакъ своего повиновенїя, просилъ притомъ позволить ему отлучиться на нѣкоторое время, когда долженъ онъ былъ на вѣки уже лишиться прекрасной *Евдокїи*: ибо, взирать ему на идущую ее въ объятїи совмѣстника его, превышало, казалось, силы слабой еще его добродѣтели.

Между тѣмъ случилось, что Усбеки, по долговремянномъ спокойствїи подъ владѣнїемъ новаго и алчнаго къ обогащенїю своего Властелина, учинили новыя нападенїи на Кгорассанъ; то *Усонгъ* приказалъ, подъ предводительствомъ *Нортимура*, одного изъ оставшихся еще при немъ въ маломъ количествѣ Новїанъ, легкимъ своимъ войскамъ выступить въ походъ, и *Исмаилъ*, желая приумножить искуство свое въ военныхъ подвигахъ, отправился съ Персами вмѣсти противъ сихъ разбойниковъ. *Нортимуръ*, прибывъ съ корпусомъ своимъ туда, и расположась противъ непрїятелей лагеремъ, предпринялъ не только прогнать ихъ,

чрезъ чтобъ Персія не долго наслаждаться могла спокойствіемъ; но вознамѣрился при семъ случаѣ, какъ наказать ихъ достойно, такъ и удержать ихъ быстрое стремленіе неистовства, на долгое время обезпокоивать миролюбивыхъ своихъ сосѣдей.

Они, примѣтя приближеніе къ себѣ Персовъ, удалились тотчасъ къ своимъ границамъ, и какъ поля Кгорассана лежали за ними, то не преминули они завладѣть одною узкою долиною между крутыхъ горъ, простиравшуюся къ ихъ землѣ.

Но военачальникъ Персидскій, снабдя себя довольнымъ числомъ лошадей, кои Усбекамъ наипріятнѣйшею служили добычею, и расположась въ нѣкоторой лощинѣ, примыкающейся къ пространному полю, которое непріятелями его занято было отвсюду, сомкнулъ все свое войско такъ, что оное казалось токмо небольшею кучею; а лошадей пустилъ между тѣмъ подъ небольшимъ прикрытіемъ пастись въ глазахъ непріятелей. Сіи грабители, желаніе коихъ ни чемъ инымъ, кромѣ единаго страха не могло быть обуздано, сочли тотчасъ оное самою легкою своею добычею: они выскоча изъ крѣпкой своей засады, начали похищать алчнымъ образомъ сей многочисленной табунъ, котораго прикрытіе ушло не теряя времяни,

и

и *Нортимуръ* самъ подвинулся между тѣмъ нарочно назадъ со всемъ своимъ войскомъ.

Видя такимъ образомъ Усбековъ, упражненныхъ въ преслѣдованіи за бѣгущими лошадьми Персидскими, изъ коихъ каждый почти долженъ былъ управляться съ лошадью, потому что оныя упрямились слѣдовать добровольно за чужими господами, приказалъ *Нортимуръ* вдругъ выставить большее Персидское знамя; и какъ всякому не безъизвѣстно было, что оное служило совершеннымъ знакомъ къ сраженію, то бросились всѣ немедлѣнно, опустя повода, съ преострыми въ рукахъ Гирканскими мечами на разсѣянныхъ повсюду Усбековъ. Они нашли слабое себѣ сопротивленіе при семъ случаѣ отъ добычею удрученныхъ сихъ непріятелей, и разбойники сіи кинулись было всѣ не теряя время чрезъ узкой проходъ въ свои укрѣпленіи; но какъ не возможно было ни подъ какимъ видомъ проходить оной, какъ только по одному человѣку въ рядъ, то большая часть изъ нихъ была порублена Персами, и принесена въ жертву настоящаго ихъ мщенія, такъ что весьма рѣдкой кто могъ спастись изъ оныхъ въ то время.

Предводитель Персидскаго войска не преминулъ впротчемъ слѣдовать за ними,

 и

и осадить лучшiе ихъ города: ибо, ничего не можетъ быть болѣе разстроеннымъ, какъ побѣжденные злодѣи. Хотя намѣренiя его и не было вовсе распространять предѣлы Персiи при семъ случаѣ; но онъ не прежде согласился даровать миръ устрашеннымъ непрiятелямъ, покуда не принудилъ ихъ дать себѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ Мурзъ въ аманаты, коихъ чрезъ каждые три года должны они были равнымъ числомъ вымѣнивать непремѣнно. Сей залогъ вѣрности раздѣленъ былъ по крѣпкимъ мѣстамъ Кгорассана, и каждый изъ нихъ пользовался, окромѣ свободы, всѣми знаками снисхожденiя и благосклонности со стороны Персовъ; да и *Усонгъ*, желая испытать успѣхъ въ покоренiи себѣ ихъ сердецъ, успѣлъ наконецъ въ томъ не мало у многихъ.

Въ продолженiе между тѣмъ подкрѣпленiя чести Персiи *Нортимуромъ*, и удовольствованiя *Исмаиломъ* ревностнаго желанiя, относящагося до славы его имяни, чрезъ свое мужество и старанiе приумножить знанiи свои въ военномъ искуствѣ, была прекрасная *Евдокiя* обвѣнчана, и принуждена оставить Ширасъ. Она переселилась потомъ въ Венецiю, и дщери ея (*) повышли напослѣдокъ за знатнѣйшихъ

(*) Читай о томъ *Бизарро*.

шихъ людей изъ фамилій Республики; а *Усонгъ*, не преминулъ съ своей стороны наградить достойною щедротою своего природнаго великодушія сестру его супруги. Итакъ, по радостномъ наконецъ возвращеніи *Исмаила*, были всѣ предмѣты страсти онаго удалены уже совершенно.

По окончаніи всего того, знаменитѣйшимъ упражненіемъ *Усонгу* служило родительское наставленіе, которое самъ онъ сдѣлалъ для своего наслѣдника престола, и съ коего списокъ препроводилъ онъ въ каждое изъ четырехъ отдѣленій Государственнаго правительства, съ тѣмъ, чтобъ всей Имперіи учинить то извѣстнымъ, въ чемъ состояли *Усонговы* правила, касающіяся до Государства, дабы *Исмаилъ* зналъ сообразовать правленіе свое съ совѣтами его великаго дѣда и предшественника, итакъ судить о немъ, какъ поступать онъ будетъ по онымъ. „Я ничего не имѣю тайнаго, говорилъ великодушный Монархъ сей, и хочу, чтобъ каждый Персіянинъ могъ ясно видѣть всю внутренность моего сердца, и проницать причины, кои управляютъ онымъ." Подлинникъ сихъ трудовъ его, предпринялъ онъ вручить самъ *Исмаилу* при нарочно учрежденномъ для того имяниномъ торжествѣ, что твердо и исполнить

нить вознамѣрился онъ, которой былъ написанъ притомъ собственною рукою Императора Персидскаго, и содержалъ въ себѣ самое существо, состоящее въ слѣдующей выпискѣ.

УСОНГА,
ИМПЕРАТОРА ПЕРСИДСКАГО,
послѣднее завѣщанїе,
Шаху *Садé Исмаилу.*

Усонгъ, преподавая возлюбленному своему внуку и наслѣднику сїи благїе совѣты, испыталъ самъ собою довольно пользу оныхъ. Онъ живучи долго, и правительствуя не малое время, узналъ совершенно, что истинная добродѣтель въ свѣтѣ, ни что иное есть, какъ сущая токмо премудрость.

„Не страшись ничего столько, возлюбленнѣйшее чадо мое, какъ собственной своей власти; потому что оная не имѣетъ предѣловъ вовсе. Государство Персидское оставило на меня полную свою довѣренность, безъ наималѣйшаго притомъ предписанїя правилъ мнѣ въ правленїи онымъ. Сїя великая власть впротчемъ, тогда только добромъ можетъ почесться, когда управляема бываетъ

ваетъ премудростію; но послужитъ непремѣнно въ погибель всему народу, когда воля твоя учинится побудительною причиною всѣхъ дѣлъ единоначальствующаго своего Государя. Чего ради, старайся всегда всячески ограничивать самъ себя, раздѣляй власть свою безпристрастно съ законами, предписанными правилами и Государственными узаконеніями, и оставляй для себя не болѣе оной, какъ сколько для общественной пользы потребно быть имѣетъ. Изслѣдывай каждое требованіе воли своей, и каждое возстающее желаніе въ мысляхъ твоихъ, прежде нежели произведены оныя будутъ въ настоящее дѣйствіе, и отвергай ихъ, сколь скоро не осмѣлисся признаться въ томъ откровенно предъ твоимъ народомъ, потому что оныя суть истинныя враги твои."

"Памятуй притомъ, что всѣ мы привязаны безъ изъятія почти къ тому только, чрезъ что щастливы мы быть надѣемся. Когда Персы во владѣніе твое въ спокойствіи и свободѣ жить будутъ, когда плоды трудовъ ихъ будутъ составлять ихъ сущее стяжаніе, буде правосудіе начнутъ находить онѣ въ судахъ, естьли никто притомъ страдать не будетъ, и когда законъ возъимѣетъ свое дѣйствіе: тогда, тогда, говорю,

да возлюбятъ искренно всѣ подданныя Государя своего, при которомъ ощутительнымъ образомъ наслаждаются онѣ толикимъ благополучїемъ, и другїя иноплеменныя народы не преминутъ поспѣшать конечно искать защиты и покровительства подъ крылами твоими.„

„Но чтобъ Государство твое управляемо быть могло съ надлежащимъ успѣхомъ, то долженствуешъ ты самъ непремѣнно управлять онымъ: ибо Везырь, который подъ рачительнымъ присмотромъ Государя разумно и правосудно управляетъ Царствомъ, будетъ при слабомъ Властелинѣ, коему добродѣтель и порокъ въ его подданныхъ равными между собою кажутся, или лѣнивъ, или совершенный тиранъ. Итакъ, не ожидай того, чтобъ другой, хотя и вѣрной тебѣ довольно рабъ впротчемъ, трудился за тебя болѣе, нежели бы самъ ты исполнить то могъ. Чего ради, любя труды, назначай каждому упражненїю свое время, и не пропускай ни единаго часа втунѣ, коими обѣщалъ ты ненарушимо жертвовать твоему Государству; въ противномъ случаѣ, будетъ сїе настоящее похищенїе, которое учинишъ ты собственному своему Царству. Когдажъ приобыкнешъ ты вѣрнымъ и ничемъ непоколебимымъ быть къ своей должности, то

учи-

учинится она тебѣ и легкою и пріятною; но чѣмъ болѣе пропускать то будешь, тѣмъ сильнѣе и тѣмъ чувствительнѣе наконецъ омерзѣетъ она тебѣ: ибо, каждое неустройство дѣлаетъ все безпорядочнымъ.»

„Не страшись ни мало труда, поелику оной есть совершенный источникъ славы, которая производитъ обыкновенно безопасность. Но когда пребудешь порабощеннымъ добродѣтели, то будешь имѣть всегда право по справедливости отдавать самому себѣ надлежащее преимущество, и твое внутренное достоинство устрашитъ непремѣнно гласъ всякаго порока: оной не осмѣлится никогда приближиться къ таковому сердцу, гдѣ не обрѣтаетъ онъ ни малѣйшаго тайнаго съ собою согласія. Естьли же будешь подражать роскоши и праздности, то не можешь тогда никакъ почитать самъ себя; слѣдовательно, какъ могутъ исполнять то и протчія въ разсужденіи тебя, когда ты самаго себя презирать будешь долженъ?»

„Каждое нерадѣніе, есть наивеличайшій порокъ въ Государѣ: заразившись онымъ, измѣняетъ онъ народу своему, продаетъ оной, дабы пріобрѣсть себѣ недостойную праздность, и выдаетъ себя въ руки своихъ корыстолюбивыхъ льстецовъ: онъ отрицается отъ славы,

быть

быть источникомъ всеобщаго благосостоянія, и уничижаетъ себя до степени единой токмо тѣни оной, которой, хотя и представляетъ въ себѣ человѣка твердаго, но слѣдуетъ во всемъ чужимъ склонностямъ. При лѣнивомъ Государѣ терпятъ подданныя гораздо болѣе, нежели при преисполненномъ злости, потому что неистовства и притѣсненіи многихъ своевольныхъ нижнихъ начальниковъ простирается даже и въ самыя хижины каждаго гражданина; ярость же тирана, остается опасною только однимъ его приближеннымъ (*). Но трудолюбивый Государь никогда дурнымъ совершенно быть не можетъ: ибо, благосостояніе подданныхъ, есть неоспоримое добро всего Государства, которое составляетъ настоящее наслѣдство Государя, для сохраненія чего, будетъ онъ самъ, когда узнаетъ только въ чемъ какой либо недостатокъ, помышлять о пріобрѣтеніи каждаго любви и благосклонности; когдажъ любитъ онъ труды, то и страсти не въ силахъ уже будутъ привлечь его къ разлученію собственнаго его благополучія съ благополучіемъ всего Государства. Преданные

(*) *Тиверій, Гадріянъ* и *Абасъ*, были наиопаснѣйшіе Государи для своихъ придворныхъ и вельможъ; но притомъ хорошіе и полезные правители для Государства.

данные ему, не будутЪ притѣснять болѣе народЪ, потому что Государь ясно видитЪ то, и который, расточителя своего наслѣдства конечно наказать за то не оставитЪ.»

„Учись познавать различїе между милостивымЪ и хорошимЪ ГосударемЪ. ПерьвымЪ называетЪ вЪ заблужденїи разсуждающей народЪ такого Государя, который окружающихЪ его безпрестанно одѣляетЪ щедро различными награжденїями и подарками, и помогаетЪ бѣдному иногда вЪ нуждѣ, когда случится таковому попасться нечаянно вЪ глаза Государя сердобольнаго, преисполненнаго мягкосердїемЪ; но добродѣтели сей предѣлы, суть весьма тѣсны. НапротивЪ того послѣднїй, печется безпрестанно о всѣхЪ его подданныхЪ благосостоянїи, о самыхЪ тѣхЪ, коихЪ и не видывалЪ онЪ вовсе и о потомствѣ даже всего своего народа. ОнЪ препровождаетЪ ихЪ кЪ истинной добродѣтели и прилѣжанїю, открываетЪ имЪ пути ко всегдашнему сохраненїю и удовольствїю ихЪ, кои послѣ трудовЪ обыкновенно должны слѣдовать, не отягощаетЪ народЪ, и старается бѣдныхЪ обогащать еще вдвое. *Ардеширъ* (*) Гу-

---

(*) ПодЪ симЪ имянемЪ, разумѣется *Артаксерксъ Лонгиманъ*, то есть, сЪ долгою рукою.

Густаспидъ, былъ неоспоримо милосердый Государь; но правосудный *Нуширванъ* напротивъ того, былъ достойный правитель.»

„Хотя Царь Персидскій и не имѣетъ недостатка въ преизящныхъ прелестяхъ, такъ какъ и въ наиприятнѣйшихъ удовольствіяхъ всякаго рода; но при всемъ томъ, не долженъ онъ допускать мнимому отъ того удовольствію учинится единственнымъ въ себѣ предмѣтомъ: сіе самое, сдѣлаетъ его безъ сомнѣнія къ тому сильно привязаннымъ, а потому и ни къ какимъ трудамъ неспособнымъ вовсе, безъ коихъ престолъ его будетъ служить ему истиннымъ лономъ, услаждающимъ его лѣность, на которомъ онъ собственную славу и благополучіе всего своего народа просыпать долженъ будетъ безпрестанно.»

„Чего ради, полагай все твое удовольствіе токмо въ благополучіи подданныхъ, утѣшайся, когда увидишъ ихъ совершенное благосостояніе, почитай себя богатымъ, когда число ихъ начнетъ увеличиваться и славнымъ, когда каждой изъ твоихъ Персовъ имѣть будетъ надлежащее во всемъ удовольствіе.»

„Вставай ранѣе: ибо, тотъ день потерянъ, которой начинается поздно. Слушай каждой день прибѣгающихъ къ тебѣ

тебѣ своихъ подданныхъ, кои половино-утѣшенными себя считаютъ уже въ ихъ нуждахъ и требованїяхъ, когда свѣдомы только тебѣ ихъ прозьбы. Преодолѣвай себя всячески, буде противно покажется тебѣ управлять Государственнымъ престоломъ, и не допускай взоръ свой изобразить когда ниесть нѣкое неудовольствїе твое подданнымъ: помни, что каждый употребленный тобою часъ на то, десять другихъ, подобныхъ тѣмъ, щастливыми, и каждой пропущенный, десять протчихъ часовъ злощастными учинитъ непремѣнно. „

„Не вдавайся сильно въ безполезное упражненїе какой либо охоты: ибо, время жизни твоей весьма дорого, употреблять оное на то безъ пользы; потому что каждый день, посвященной тобою къ тому, стоить будетъ тебѣ благополучїя многихъ подданныхъ. „

„Совѣтуй ежедневно съ вѣрными начальствующими Государственнаго правительства; потому что та подпора Царства обрушиться должна непремѣнно, которую ты оставлять будешъ часто безъ присмотра. „

„Хотя и не въ силахъ ты самъ обозрѣвать все; однакожъ многое не сокроется отъ глазъ твоихъ, естьли будешъ только прилагать къ тому все-

воз-

возможное твое старанiе. Не допускай ни въ единомъ изъ твоихъ приближенныхъ воцаряться надеждѣ, чтобъ могъ изъ нихъ кто совѣтывать тебѣ когда ниесть какую несправедливость, которая бы не открылась нѣкогда. Имѣй безпрестанно не дремлющимъ око попеченiя своего надъ оными, устрашай ихъ своею неусыпною осторожностiю, и искушай оныхъ при разныхъ случаяхъ въ ихъ справедливости и непоколебимости.,,

,,Не приемли ни отъ кого какихъ либо подарковъ, и не допускай, чтобъ оные предлагаемы были когда ниесть другимъ, окружающимъ тебя приближеннымъ; понеже они служатъ сильнымъ ядомъ, а народу несносною тягостiю: ибо, на томъ и лежитъ токмо все иго, когда знатной одаряетъ чемъ либо Государя. Докажи всему Государству, что ты самое грабительство сносить скорѣе согласисся, нежели какое мздовоздаянiе. (*),,

,,Остерегайся отягощать часто подданныхъ своихъ новыми учрежденiями, и принуждая повиноваться ихъ законамъ, не увеличивай оныхъ должности. Не мѣшайся никогда въ ихъ домашнiя дѣла, не предписывай имъ правилъ въ одѣянiи, и

(*) Мздовоздаянiе, составляетъ величайшiй порокъ и совершенное паденiе всѣхъ восточныхъ Государствъ.

и не обуздывай воли ихъ необходимо требующаго исполненія своими повелѣніями: ибо, все то колеблетъ и ослабѣваетъ весьма свободный духъ человѣка; потому что многіе изъ законовъ, препятствуютъ наслажденію отъ естества одареннаго блага онымъ. Одна токмо необходимость можетъ добраго Государя принудить, наложить въ случаѣ оковы на его народъ; но сверьхъ оной, ни что другое не должно доводить его, обуздывать оныхъ стараться. Тѣ законы, кои стремятся въ противность побужденіямъ природы, бываютъ обыкновенно исполняемы съ неудовольствіемъ: они должны непремѣнно подкрѣплены быть въ исполненіи строгостію въ наказаніяхъ; а не то, будутъ они втунѣ безъ всякаго дѣйствія. Итакъ, первое производитъ неудовольствіе, а послѣднее дѣлаетъ правленіе презрительнымъ. Народъ, научающейся изъ одного закона презирать повелѣніи Государя, возмнитъ со времянемъ и въ другихъ быть оному преслушнымъ; а чрезъ то самое, все правленіе переобразуется или въ сущее тиранство, или сдѣлается презрительнымъ посмѣшищемъ недѣйствительныхъ предписаній.»

„Персы, имѣютъ великое пристрастіе къ тщеславію; но оное требуетъ

не малаго иждивенія: оно дѣлаетъ знатныхъ людей бѣдными и наконецъ алчными, обогащеніе и величайшее имущество учинятся чрезъ то у нихъ единою добродѣтелію; а заслуги и достоинства будутъ презираемы, когда не станутъ онѣ блистать токмо наружнымъ сіяніемъ. Бѣдный, которой едва только нужное имѣетъ у себя, долженъ будетъ раздѣлять тогда все съ сильнымъ, и самъ терпѣть голодъ и нужду, дабы знатной могъ расточать то по своему произволу. Блескъ престола, хотя и требуетъ конечно у Царя надлежащаго великолѣпія, чтобъ приобрѣсть чрезъ то славу въ народѣ; но не слѣдуетъ похвалять онаго никогда въ своихъ подданныхъ Государю. Чего ради, не предоставляй никогда преимущества богатому одѣянію, и не почитай вовсе блестящаго одними драгоцѣнными каменьями. Дай знать всему твоему народу, что ты ненавидишъ жестоко расточителей, и никакой пользы не ожидаешъ отъ того, коего угнѣтаетъ какое либо ненасытное желаніе.»

„Имѣй безпрестанно склонность къ наукамъ, потому что онѣ пріятны и полезны въ одно время; онѣ превозносятъ душу, и держатъ всегда предъ нею свѣтозарный вѣнецъ, которой означаетъ почтеніе въ свѣтѣ добродѣтели достойнаго

Вла-

Владѣтеля. Чини всякую помощь онымъ и въ народѣ: ибо, никто не склоненъ толико къ возмущенiямъ, какъ одни токмо варвары; просвѣщенныя народы допускаютъ управлять собою единымъ токмо словомъ, что у тѣхъ напротивъ того, чрезъ узду повиновенiя происходить должно.»

„Не старайся распространять болѣе Государства твоего: ибо оное, довольно пространнымъ тогда называться можетъ, когда не страшится своихъ сосѣдей, и всѣ купно завоеванiи не стоятъ того нещастiя, кое производитъ побѣдитель народу своему. Не трогай никого; но защищай себя всегда твердо, когда притѣснять начнутъ твоихъ подданныхъ, или изнемогать будетъ слава твоего Государства: обѣ вещи сiи, требуютъ отъ одного тебя неминуемой помощи.»

„Не погружай себя въ неоплатные долги, плати оные непремѣнно безъ всякаго отлагательства, и не предпринимай ничего, къ чему не имѣешъ у себя въ готовности денегъ: понеже долги Государственные, принуждаютъ не рѣдко Владѣтеля къ отягощенiю своего народа; и когдабъ какая либо война учинила необходимыми оные, то останется отъ того бремя и въ мирное время даже на подданныхъ.»

„Держи всячески слово свое, и наблюдай ненарушимо вѣрность. Вѣроломство, хотя и можетъ быть иногда на минуту полезно; но оно имѣетъ по себѣ продолжительное зло: ибо Государь, не сохраняющій свято своихъ обѣтовъ, имѣетъ во всѣхъ его сосѣдяхъ тайныхъ себѣ непріятелей, и какъ скоро постигнетъ его только какое нещастіе, то не найдетъ уже онъ ни единаго себѣ въ томъ соучастника.„

„Остерегайся оказывать высокоуміе и надменность свою противъ другихъ Владѣтелей: ибо, много великихъ Государей подвергли себя неизбѣжимой чрезъ то опасности, что оказывали свое презрѣніе окрестнымъ имъ Владѣльцамъ. Когда одинъ изъ таковыхъ вооружался токмо противъ сего несноснаго поступка, то и всѣ прочіе приставали тотчасъ къ его сторонѣ; слѣдовательно, на что и тебѣ то дѣлать, чего отъ другихъ ты терпѣть не можешъ?„

„Не имѣй ни къ чему особливой привязанности; понеже слухъ твой, есть общій всѣмъ твоимъ подданнымъ: правосудіе твое должно расширяться до всѣхъ равно, и награжденію слѣдуетъ быть непремѣнно собственнымъ единымъ токмо заслугамъ и достоинствамъ. Безмѣрная твоя милость, возгордитъ любимца твоего,

его, потому что оная имѣетъ великую силу, когда бываетъ нераздѣльна; и хотя дары твои обогатятъ его, но народу твоему удастся безъ сомнѣнія заплатить оные послѣ.»

„Не перемѣняй порядка правленія въ Персіи и при самыхъ ощутительнѣйшихъ причинахъ, безъ совѣта всѣхъ четырехъ учрежденныхъ отдѣленій; но и тѣхъ самыхъ принудь прежде подавать о томъ письменно себѣ ихъ мнѣніе, а потомъ, оставляй довольно достаточное время на разсмотрѣніе еще нѣсколько разъ важнаго сего намѣренія: ибо, вообще всякое учрежденіе вновь вводимое, непріятно бываетъ съ начала, и пріобрѣтаетъ уваженіе отъ народа не въ скоромъ времяни, кое бы основывалось на долговремянномъ оныхъ продолженіи; а притомъ, какъ новые законы служутъ истиннымъ свидѣтельствомъ, что издатель прежнихъ погрѣшилъ въ оныхъ, то по чемужъ и другой таковой не можетъ въ томъ ошибиться когда ниесть?»

„Остерегайся во всякое время допускать до того, чтобъ какое званіе было наслѣдственнымъ; чрезъ сію неосторожность лишились сильнѣйшіе Государи въ западныхъ странахъ своихъ владѣній: и не опредѣляй вовсе никакихъ сборовъ съ доходовъ деревень, или какого

 селе-

селенія (*), дабы подданныхъ твоихъ не притѣснили сильные исполнители сего повелѣнія, и слабой подчиненной не отягощенъ былъ въ своемъ награжденіи; чего ради, плати то лучше всегда самъ изъ твоей казны.»

„Чти достодолжно богослуженіе, и посѣщай часто публичныя мечети, въ чемъ подданныя твои, почитая тебя, не отрекутся конечно подражать тебѣ всячески; но когда презришъ ты самъ оное, то и въ нихъ изчезнетъ со времянемъ страхъ Божій.»

„Пребывай навсегда непремѣннымъ въ исповѣданіи предка твоего *Алія*, покаряйся во всемъ всесильной десницѣ единаго всѣхъ тварей Создателя, и памятуй, что вездѣ-сущее Его око зритъ на тебя безпрестанно; а слѣдовательно, и отчета потребуетъ отъ тебя во всемъ непремѣнно. Снося же равнодушно и протчихъ вѣръ исправленіе, заставишъ ихъ совокупно за тебя молиться; но притѣсняя оныя, содѣлаешъ себѣ тысящи недоброхотовъ, коихъ вѣрность въ рукахъ своихъ имѣешъ ты. Да и на чтожъ имѣть тебѣ злодѣевъ толико, тому, которой отцемъ всего народа считается?»

„Под-

(*) Сіи тіулы, или поборы, составляютъ величайшій недостатокъ въ министерствѣ Персидскомъ. Читай о томъ *Шардина* томъ VI й.

„Поддерживай неусыпнымъ старанїемъ своимъ учебныя мѣста, и выискивай въ оныя цѣломудренныхъ молловъ: ибо, какъ можетъ внушить добродѣтель тотъ въ сердца другихъ, которой истребилъ оную въ своемъ собственномъ?"

„Не употребляй духовныхъ особъ къ исправленїю свѣтскихъ дѣлъ; понеже они и безъ того имѣютъ тяжкую должность: ибо попеченїе о вѣчности, есть ихъ единое токмо упражненїе. Чрезъ сїе сдѣлаются они дурными блюстителями духовенства, и не будутъ ничего имѣть, окромѣ тѣснаго понятїя въ управленїи Государствомъ. Остерегайся отъ примѣра Оттоманнъ, гдѣ Муфти чрезъ фетфу (*), будучи въ силахъ лишить Везыра жизни, научится потомъ легко судить и самаго Султана."

„Не допускай у себя усиливаться дервишамъ, дабы не обезсилить чувствительно чрезъ то все Государство: ибо, каждый оженившїйся гражданинъ приемлетъ участїе въ благосостоянїи Государства, и дѣти онаго наслѣдствуютъ въ общемъ благополучїи; онъ даетъ притомъ закладъ своему отечеству, которой не менѣе терпѣть долженствуетъ, когда благо-

(*) Слово сїе, значитъ у Турокъ уполномочїе.

благоденствіе Государства постигаетъ какое злополучіе.„

„Будь миролюбивъ; но не оставляй между тѣмъ учиться и военному искуству: ибо, помощію хорошаго въ войнѣ устройства, получить можешъ и миръ непремѣнно; почему, всѣ упражненіи и всѣ пріуготовленіи къ тому должны тебѣ довольно быть извѣстными. Не отрекайся предводительствовать самъ всегда своими войсками, потому что присудствіемъ своего Государя, будучи ободренъ подданный, дратся будетъ съ двойною бодростію; понеже награжденіе и похвала у полководца часто сомнительными быть могутъ, которой обыкновенно имѣетъ своихъ собственныхъ къ нему приближенныхъ, а притомъ, и власть онаго ограничена весьма: напротивъ того у Государя, каждой изъ подданныхъ долженъ быть равнымъ между собою, коего любить онъ долженъ подобно всѣмъ protчимъ, покореннымъ его Скипетру.„

„Чествуй исправныхъ военачальниковъ и градоначальниковъ; но никому изъ нихъ не ввѣряй всего совершенно въ полную ихъ власть. Награждай военныхъ людей, доставляй имъ достаточное содержаніе; однакожъ, ни мало не допускай притѣснять имъ протчихъ твоихъ

ихЪ подданныхЪ, дабы защитники народа не почитались онаго непрїятелями. Наблюдай весьма военную дисциплину; но щади притомЪ всячески кровь, принадлежащаго тебѣ народа: ибо, жизнь человѣческая не отЪ Государя происходитЪ, а только одно награжденїе и честь зависятЪ отЪ онаго.»

„Принуждай подданныхЪ твоихЪ безпрестанно кЪ воинскому упражненїю; понеже довольно искусныя и ко всему готовыя народы, должны весьма превосходить дикую смѣлость и отчаянїе. Старайся научаться ЕвропейскимЪ военнымЪ подвигамЪ, выдумывай самЪ оныя, и исправляй ихЪ притомЪ всячески.»

„Пекись о учрежденїи исправной пѣхоты; потому что недостатокЪ вЪ томЪ, послужить имѣетЪ настоящимЪ паденїемЪ Государству. Вооружай лучше невольниковЪ (*), буде нерадивый и надмѣнный ПерсїянинЪ настоять будетЪ служить на лошади. Приумножай всячески искуство огнестрѣльнаго орудїя и артиллерїи твоей, безЪ чего долженЪ будешЪ опасаться всегда страшныхЪ ОттоманнЪ.»

„Не препятствуй заслуги простаго всадника достигать высочайшей степени достоинства и чести; но произ-

 води

(*) Сему примѣру, послѣдовали многїе изЪ *Усонговых* преемниковЪ.

води то только по степенямъ, а не противными совѣсти какими либо скачками, или вдругъ: ибо, наиисправнѣйшій сотникъ, негоднѣйшимъ полководцемъ безъ того быть можетъ; чего ради, изобрѣтай притомъ и другія многія награжденіи и отличности, кои воспламеняютъ бодрость, и не служутъ ни мало въ тягость Государству.„

„Сохраняй предѣлы Востока, Запада и Сѣвера весьма рачительно, укрѣпляй тамъ города и протчія мѣста, и снабдѣвай оныя исправными гарнизонами; но внутренность Государства твоего не отягощай трудами, въ сооруженіи крѣпостей и другихъ укрѣпленій, ниже неподвижными какими либо войсками.„

„Не уменьшай никакъ твою военную силу, дабы не навлечь чрезъ то на себя презрѣнія, и не умножай также оную сильно, чтобъ не притѣснить тѣмъ наконецъ своего народа.„

„Правосудіе, должно быть крѣпкою подпорою твоему престолу; почему, первѣйшее твое попеченіе долженствуетъ состоять въ томъ единственно, чтобъ доставлять оное всему народу безвредно и свободно.„

„Будь примѣчателенъ за судьями, не отрѣшай никого изъ нихъ отъ должности прежде, покуда вина его не будетъ

детъ доказана ясно: ибо, каждой судія долженъ быть всегда безъопасенъ въ томъ, что никакая злоба сильныхъ погубить его не въ силахъ; будь же неупросимымъ напротивъ того противъ тѣхъ, кои за нарушившихъ справедливость по какимъ либо собственнымъ своимъ выгодамъ, убѣждать тебя начнутъ прозьбою. „

„Оказывай вышнимъ присудствующимъ достодолжнѣйшее почтеніе, коихъ помощь защититъ тебя непремѣнно всегда въ народѣ; они не допустятъ никакъ, чтобъ зловредная какая сила могла поколебать когда ниесть престолъ твой, отъ лучей коего и сами они освѣщаются безпрестанно. Повѣряй имъ собственныя свои дѣла, допускай всѣ присудствіи свободно судить себя съ простымъ гражданиномъ, и хвали ихъ, когда они основательно осудятъ тебя самаго въ противномъ случаѣ; потому что потеря нѣсколькихъ десятинъ земли, награждена будетъ въ тысящу кратъ болѣе довѣренностію, которую народъ къ своему Властелину имѣетъ, у коего правосудіе гораздо болѣе стоитъ, нежели всѣ его несмѣтныя сокровища. „

„Чего ради, почитай свято обыкновенные примѣры истинны, безъ чего все будетъ въ замѣшательствѣ. Наблюдай время

время и учрежденные дни къ производству дѣлъ, понеже ты не можешъ быть благоугоднымъ никакому гражданину, чтобъ другой подобной не страдалъ чрезъ то сколько ниесть.„

„Не поручай никогда дѣло одному судіи: ибо, чрезъ сіе учинишъ ты то самое, что врагъ Божій дѣлать стремится всегда, то есть, искушать правду. Не назначай вовсе самъ судіею къ рѣшенію дѣла частнаго гражданина, или наказанію каковаго преступленія, дабы народъ твой не почелъ виновныхъ за невинныхъ, когда оныя осуждены будутъ самопроизвольно учрежденнымъ судомъ.„

„Присудствуй почасту въ верьховныхъ судахъ, и разсматривай иногда самъ Государственныя дѣла: ибо, легчайшій трудъ сей содѣлаетъ судей справедливыми; потому что всегда опасаться они будутъ твоего правосудія.„

„Умѣряй всячески наказаніи, и не употребляй ни малѣйшей жестокости при оныхъ; но и не оставляй притомъ также каждое преступленіе безъ взысканія. Щади всѣми мѣрами кровь своихъ подданныхъ, и когда сохранить жизнь виновника разсудишъ за благо, то старайся производить въ дѣйство то такимъ образомъ, чтобъ оное полезно было всему обще-

обществу, а притомъ и самому ему служило бы къ поправленiю впредь.„

„Не допускай вовсе, чтобъ подъ какимъ либо предлогомъ налагать новыя подати на твоихъ подданныхъ, или умножать Государственные сборы: ибо, не можешъ и ты быть богатымъ тогда, когда народъ твой обнищаетъ. Но сносное состоянiе землед҃ѣльца въ Персiи, оставитъ ему непремѣнно силы распространить болѣе обработанную имъ землю, и учинить самыя пустыни плодороднѣйшими полями. Чужеземецъ, притѣсненный жестокосердiемъ своего Государя, будетъ искать тогда о твоемъ позволенiи, поселиться въ странѣ тебѣ подвластной, и обработывать тамъ дичайшiя степи. Употребленiемъ обоихъ сихъ средствъ, умножить можешъ ты конечно твои доходы, потому только, что оные возвышать не будешъ. Утѣшайся тѣмъ, когда Персiянинъ можетъ, за всемъ нужнымъ къ его содержанiю, имѣть нѣчто излишное для его удовольствiя: ибо, они люди, и имѣютъ тѣжъ самыя чувствiи, какiя и ты имѣешъ.„

„Наблюдай за чистотою, спокойствiемъ и безопасностiю проѣзжихъ дорогъ. Защищай торгующихъ людей; потому что онѣ служутъ подпорою Государству, и почитай ихъ достодолжно; по-

понеже сіяніе престола твоего, есть совершенный плодъ ихъ трудовъ.»

„*Усонгъ* не имѣлъ впротчемъ случая, сыскать довольно времяни, пещись много о мореплаваніи, и потому самому, берега Персидскіе по большей части еще окружены обширнѣйшими пустынями; то памятуй, что торговля на сухомъ пути имѣетъ тѣсные предѣлы; напротивъ того на морѣ, можетъ она распространиться до безконочности. Самая Венеціянская республика, служитъ въ томъ яснѣйшимъ доказательствомъ: ибо оная, изъ рыбачьяго пустаго острова, учинилась чрезъ оную наконецъ сильнымъ Государствомъ.»

„Покровительствуй всѣмъ наукамъ и художествамъ, подкрѣпляй ихъ различными награжденіями, полезными учрежденіями и великими преимуществами; но отнюдь не дѣлай того чрезъ словесныя обѣщаніи, кои погубляютъ совершенно начальника еще въ оныхъ; потому что онѣ побуждаютъ его предпринимать болѣе, нежели силы его позволить ему могутъ. Чти изобрѣтателя полезнаго плуга, равно съ благотворителемъ Государственнымъ, и считай того себѣ искреннимъ другомъ, которой научать тебя будетъ снимать болѣе жатвы съ посѣва. Предпочитай одну хорошую пашню всѣмъ увеселительнѣйшимъ гульбищамъ

бищамъ и единый пшеничный колосъ гораздо лучше, нежели всѣ цвѣты, Морскими имянуемыя (*), дабы всѣ преимущества происходили отъ единаго стремленія ко всеобщему благу.»

„Ты будешъ богатъ и силенъ, когда Персія изобиловать будетъ людьми; потому что помощію рукъ одерживаются побѣды, и чрезъ тожъ самое приобрѣтаются сокровища: ибо, и необитаемый рай, есть ни что иное, какъ токмо безплодная пустыня. Не заботься никогда о томъ впротчемъ, чтобъ земля не могла продовольствовать своихъ многочисленныхъ обсеЛянъ; она изъ устроенной порядочно пашни тѣмъ скорѣе учинится изобилующимъ всемъ вертоградомъ; но чѣмъ пространнѣе земля, тѣмъ слабѣе оная, когда недостатокъ имѣетъ она въ жителяхъ: ея предѣлы ослабѣваютъ тогда совершенно, и вся помощь бываетъ удалена отъ нее вовсе.»

„Твои намѣстники, или правители, должны представлять Государское достоинство; чего ради, принадлежитъ имъ пристойное званію сему великолѣпіе, кое просвѣщаетъ покорность малыхъ простолюдиновъ; и какъ гражданскій порядокъ

(*) Подъ сими разумѣются большіе двойные душистые жесмины.

рядокъ въ провинцїяхъ, благосостоянїе народовъ, содержанїе коммерцїи и земледѣлїя поручается имъ токмо однимъ, то избирай оныхъ съ разсмотрѣнїемъ, наслѣдникъ Императорскаго престола! ибо, по нихъ единственно будетъ судить и о тебѣ самомъ Персїя. Тебѣ должно преподавать имъ обстоятельное о всемъ наставленїе (*), сколь многочисленны жители ихъ провинцїи, какїе доходы и плоды тщанїя, или природы суть тамъ, и чемъ имянно питаетъ торговля оныхъ. Имъ слѣдуютъ быть предписаны правила, по коимъ поступать они должны. Пустой Керманъ, не можетъ быть управляемъ такъ, какъ изобильныя поля Тавриса; потому что Гебернецъ повинуется Государю какъ рабъ его, а Курдъ, есть совершенный другъ онаго.„

„Хотя города и почитаются престоломъ сокровища въ Государствѣ; но и земля, не должнажъ по тому быть презираемою: ибо, тѣмъ полезнѣе будетъ для Государства, чѣмъ болѣе земледѣлецъ достаетъ себѣ хлѣба въ потѣ лица своего; чрезъ привычку къ тому, окрѣпчаетъ онъ сильнѣе, а чрезъ воздержность будетъ здоровѣе; сїи обѣ вещи, служутъ настоящею, такъ сказать, школою военному

(*) Читай о томъ *Шардина* томъ VIй.

ному человѣку: при хорошемъ Государѣ составляютъ оныя блаженнѣйшую часть народа, потому что надежда его столь же велика, какъ онаго и желанїе. Кто радостнѣе быть можетъ, какъ не жнецъ подъ пекущимъ солнцемъ его жатву, и какъ не виноградарь, которой собираетъ плодъ свой осенью. Земледѣлецъ ощущаетъ здравїе и силы, кои при городскихъ работахъ никогда сохранены быть не могутъ, и потому заслуживаетъ онъ также достойное преимущество въ защищенїи своего отечества.„

„Города и крѣпости принадлежатъ ремесленникамъ и торговлѣ; а художества производятъ болѣе успѣха, когда онѣ соединены между собою, и каждое изъ нихъ порознь трудится для тѣхъ, съ коими имѣетъ оно только нѣкоторое сношенїе. Безъ городовъ, или укрѣпленныхъ мѣстъ, несметныя способности жизни не моглибъ достигнуть никогда до желаннаго совершенства, и долженствовали бы служить Персїянамъ совершенною податью посторроннимъ, а можетъ быть еще и самымъ своимъ непрїятелямъ. Онѣ суть загражденїи противъ оныхъ, отъ грабительства коихъ, земля безъ нихъ была бы пустою вовсе. Напротивъ того оныя, должны питать земледѣльца, отъемля отъ него выработываe-

тываемые имъ плоды, и обмѣнивая оные на свои необходимости, безъ коихъ щедрое естество хотя бы и доставило пропитанїе, но никогда однакожъ не было бы средствъ къ прїобрѣтенїю различныхъ родовъ металловъ и протчихъ другихъ необходимостей въ жизни человѣческой.,,

,,Итакъ, защищай непремѣнно города, пекись, чтобъ они имѣли способныхъ Калантаровъ, а большїе изъ нихъ искусныхъ Дароговъ, выбирай оныхъ изъ числа собственныхъ ихъ судей: ибо, всѣ подданныя твои должны непремѣнно быть наставляемы въ различныхъ дѣлахъ, снабдѣвай ихъ такъ, чтобъ не имѣли онѣ нужды въ присвоиванїи законопреступныхъ взятокъ, заставь ихъ надѣиться чрезъ ревностную и усердную службу восходить на степени достоинства, и производи изъ нихъ потомъ въ градоначальники и правители; но при всемъ томъ, не допускай никого исправлять сїю должность въ отечественной каждаго провинцїи.,,

,,Какъ тысящью мѣлочьми занимаются обыкновенно учрежденные блюстители благочинїя, то непремѣнно долженъ и ты оставить нѣкоторую власть ихъ должности, для облегченїя сей нижней части правленїя; но покори притомъ

всѣхъ

всѣхъ сихъ служителей вѣденїю и страху верьховныхъ правителей, дабы не могли они притѣснять твоего народа, когда ожидать они имѣютъ за маловажныя выгоды тяжкаго себѣ наказанїя.,,

,,Вспомоществуй городамъ различными образы, почитай домъ и маетности каждаго гражданина за собственныя твои чертоги и имѣнїе, что самое послужить имѣетъ къ большей пользѣ Государству, нежели всѣ величайшїя достопамятности Густаспидовъ, прекрасныя зданїи коихъ уподобляются изъ розановъ сплетеннымъ оковамъ для гражданъ, которыя сохранять онѣ поттщатся ненарушимо подъ твоимъ Скипетромъ; а кто изъ нихъ и лишится чего ниесть по какому либо случаю, то тотъ легче учинится тому и виновнымъ.,,

,,Какъ не безъизвѣстно тебѣ, что Персїя лежитъ въ горячемъ климатѣ, коей пути весьма безпокойны и несносны даже отъ нестерпимаго зноя солнечнаго, а притомъ, и всѣ возвышенныя мѣста суть безлѣсны по большей части, то старайся ободрять всячески народъ насаждать по онымъ разныя деревья: ибо, лѣсистыя горы соберутъ источники водъ, и пустыни могутъ быть свободнѣе обработаны, когда велишъ ты повсюду подѣлать пруды и колодцы. Еди-

ная пашня, коей лишишь ты сего преимущества, стоитъ двадцати таковыхъ, прїобрѣтенныхъ тобою отъ твоихъ непрїятелей.„

„Правители твои хотя и должны быть вмѣсто собственныхъ твоихъ очей; но не допускай ихъ отнюдь имѣть власть рукъ своихъ. Когдажъ поручишъ имъ на произволъ ихъ исполненїе различныхъ взысканїй (*), то своевольная оныхъ власть преобразуется потомъ въ совершенное неистовство. Итакъ, должны они наблюдать пристально за духовенствомъ, военною силою, правосудїемъ, гражданскимъ порядкомъ и Государственными сборами; словомъ, за всѣми корнями общественной пользы, предъупреждая всячески зло, могущее заразить легко оныя; чего ради, защищай ихъ твердо, покамѣстъ наблюдаютъ они, примѣтишъ ты, истинну, и сохраняютъ непорочно правосудїе: будучи подъ тѣнїю благоразумїя твоего, не должны они ни мало опасаться угрозъ военачальника, хитрости министра и роптанїя самаго народа; хотя надъ гласомъ послѣдняго изъ сихъ, и самый премудрый Государь владычеству-

(*) На подобїе того, какъ нѣкоторыя повѣренныя особы имѣютъ во власти своей иногда бланкеты, то есть, скрытныя Государскїя повелѣнїи, или свидѣтельства.

ствуетъ съ величайшею осторожностію; потому что оной уподобляется отдаленной грозѣ, которая разсыпается вдругъ, когда не раздѣлена она бываетъ прежде; но гласъ истинны и того еще достойнѣе, которой ожидать имѣешъ ты отъ своихъ правителей, изъ коихъ каждый, не только о насиліи большихъ людей въ Государствѣ, но ниже о нерадѣніи начальниковъ въ городахъ, такъ какъ и алчности сборщиковъ никогда не долженъ утаивать, а притомъ еще и помогать каждой прозьбѣ притѣсненнаго въ свободномъ прибѣжищѣ къ престолу; твоя же должность состоитъ въ томъ, чтобъ разсматривать тогда рачительно всѣ сіи доносы, и препятствовать старатьcя всячески увѣщаніями, а въ случаѣ и наказаніями, вкравшемуся злу."

"Таковой правитель обязанъ тебѣ усерднѣйшимъ во всемъ повиновеніемъ и искреннѣйшею справедливостію; когдажъ соотвѣтствуетъ онъ рачительно симъ важнымъ должностямъ, на него возложеннымъ, то долженствуетъ быть непремѣнно и ближайшимъ къ твоему престолу; но естьли нарушаетъ онъ высочайшую твою милость въ довѣренности твоей къ нему, то наказаніе оному должно быть тогда тягчайшее изъ всѣхъ."

„Итакъ, заключаю я симъ самымъ, возлюбленнѣйшїй мой внукъ, открывъ тебѣ истинныя пути въ ономъ послѣднемъ моемъ преданїи, кои довольно уже извѣстны мнѣ самому. Тогда, тогда то умретъ *Усонгъ* спокойно, когда увѣренъ онъ можетъ быть въ томъ, что онѣ будутъ и твоими также."

Усонгъ не преминулъ между тѣмъ сдѣлать также особое учрежденїе и о воспитанїи наслѣдника престола, въ случаѣ смерти своей въ малолѣтствѣ онаго. „Благосостоянїе Персидскаго Государства, говорилъ онъ, зависитъ единственно отъ премудрости и тщанїя въ неусыпныхъ трудахъ оной Самодержца: столь обширнѣйшее владѣнїе, должно непремѣнно впасть въ пагубнѣйшее состоянїе, когда будетъ имѣть нерадиваго или незнающаго ничего Государя. Итакъ, естьли постигнетъ въ случаѣ подобное злополучїе Персїю, то начальники верьховныхъ присудственныхъ мѣстъ Государственнаго правительства должны печащись съ матерью малолѣтнаго Императора о приличномъ особѣ его воспитанїи. Мать, утверждалъ онъ, защищать имѣетъ безопасность слабаго; а начальники, будучи одарены премудростїю, должны его наставлять въ прїуготовленїи себя достойнымъ Властелиномъ великаго

ликаго народа. Они то тѣ самые, кои заступая высочайшія мѣста въ Государствѣ, должны непремѣнно соблюдать величайшій залогъ, повѣренной имъ, свято, обязаны выискивать искуснѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ мужей, коибъ могли внушать повсечасно младому наслѣднику престола добродѣтель, любовь къ народу и къ наукамъ, и доводить его любить то дѣйствительно. Сіи начальники должны всячески смотрѣть, чтобъ драгоцѣнное сіе время не пропадало напрасно, въ продолженіе коего нѣжный нравъ ко всему способно обращенъ быть можетъ; они должны съ достойнымъ отвращеніемъ взирать на ласкателей, кои подъ разными предлогами утаевать стараются отъ будущаго своего Государя всякія преступленіи, или начинаютъ отвлекать его какимъ либо образомъ отъ его должностей. Сіе постоянство въ разсужденіи своего Монарха, хотя и ослабѣваетъ сильно бодрость въ подчиненныхъ; но вѣрный сынъ отечества, долженъ предпочитать пользу онаго собственной своей жизни: ибо, испорченный Государь будетъ весьма опаснымъ своимъ наставникамъ; но пріобученный къ добродѣтели напротивъ того, не останется быть совершенно благодарнымъ за великодушное оныхъ усердіе, при воспитаніи его ими оказанномъ.»

Между тѣмъ, началъ *Усонгъ* примѣтнымъ образомъ приходить въ слабость; небольшїе припадки, преслѣдуемые его старостїю, истощевали часъ отъ часу силы онаго, и спустя нѣсколько мѣсяцовъ, примѣчено было между протчимъ, что нѣкоторый Назареянинъ не отходилъ отъ него почти вовсе, которой назывался *Верибенїемъ.* Онъ былъ оружейный мастеръ, прибывшїй изъ Брезцїи въ Персїю съ *Ѳомою Имолою*, уроженецъ страны, лежащей между Францїею и Италїею, которой считался тогда начальникомъ всѣхъ пребывающихъ въ Персїи художниковъ. Повседневно бесѣдовалъ Императоръ съ нимъ, провождая цѣлые часы въ разговорахъ съ онымъ и притомъ еще наединѣ всегда. Не примѣтно было впротчемъ, чтобъ помянутый *Верибенїй* имѣлъ какое особливое дѣло предлагать Государю Персидскому, ниже требовалъ бы когда отъ онаго какой либо себѣ милости: его одежда была сходная всегда съ его состоянїемъ, и видъ безпрестанно имѣлъ спокойной, безъ наималѣйшаго знака печали. Съ самаго начала съ нимъ таковаго обращенїя Императорскаго, примѣтно стало, что *Усонгъ* началъ безпрестанно казаться задумчивымъ; его видали многїя съ тѣхъ поръ всегда вздыхающаго и возводящаго часто глаза

глаза свои къ небу, съ знаками величайшаго сокрушенія и подобострастія.

Нуширвана, коей единственное попеченіе состояло въ сохраненіи здравія великаго ея родителя, не могла долго сносить сей тайны терпѣливо, происходившей между имъ и симъ неизвѣстнымъ чужеземцемъ. Она рѣшилась открыть сомнѣніе свое въ томъ немедлѣнно *Усонгу*: „*Верибеній*, сказала она Императору нѣкогда, можетъ быть причиняетъ печаль сію тебѣ дражайшій родитель, которая столь примѣтна нынѣ на лицѣ твоемъ, и грозитъ прежде времяни сокращеніемъ дней твоихъ.„ *Усонгъ*, обнявъ возлюбленную свою дщерь при семъ случаѣ, просилъ ее воздержаться отъ любопытства въ томъ: „Ты узнаешъ, сказалъ онъ ей въ отвѣтъ, дочь моя послѣ, о чемъ разсуждаю я съ симъ православнымъ Христіяниномъ; но еще время не пришло открыть тебѣ то.„

Спустя послѣ того нѣсколько времяни, перемѣнился видъ *Усонга* совершенно; онъ сдѣлался веселъ, но притомъ, величайшее спокойствіе видно стало довольно изображеннымъ на челѣ его и во всѣхъ онаго движеніяхъ. Хотя въ здравіи его и не примѣтно было особливой перемѣны; но въ сердцѣ онаго казалась чистѣйшая и величайшая надежда владычеству-

чествующею, отъ коей спасительныхъ лучей изчезла вовсе прежняя его грусть.

Усонгъ чувствовалъ уже давно впротчемъ, что тѣло его погружалось часъ отъ часу въ ощутительное изнеможенїе, и приближалось къ своему непремѣнному премѣненїю: онъ видѣлъ ясно привлекаемаго себя непреоборимымъ стремленїемъ къ вѣчности. Его глубочайшее постиженїе разума было довольно основательно, чтобъ сокрыться могло то отъ него когда, что въ будущей вѣчности имѣетъ быть время настоящему опредѣленїю, гдѣ всевысочайшее Существо оказать долженствуетъ непремѣнно Свою угодность, или Свое негодованїе мыслящимъ Своимъ тварямъ, скрывая все то отъ человѣка въ сей жизни по особливымъ непостигаемымъ разумомъ смертнаго причинамъ, и допуская часто терпѣть нещастїе добродѣтельнѣйшимъ въ семъ вѣкѣ, а оставляя злыхъ въ безпрестанномъ благополучїи провождать дни свои (*).

Сколь ни добродѣтеленъ былъ *Усонгъ*, и сколь ни премудро управлялъ онъ Персїею, однако чувствовалъ довольно, что наружными сими достоинствами не замѣнялъ онъ ни мало своей вины предъ всевысочайшимъ Существомъ. Его совѣсть, под-

(*) Въ подобныхъ размышленїяхъ окончалъ и *Абасъ* великїй послѣднїе года своей жизни.

подкрѣпляемая сильно разумомъ, представляла очамъ его яснѣйшимъ образомъ недостатокъ и притомъ наивеличайшiй еще предъ всѣми, коему большая часть и лучшiя люди подвергаютъ себя безпрестанно, то есть, чрезъ совершенную неблагодарность противъ ихъ Создателя, непостоянство въ любви въ разсужденiи достодолжнаго почтенiя къ Творцу всѣхъ благъ, сильную привязанность ко всему настоящему и тайное удостовѣренiе на разсѣенное зло суетою мiрскою.

Ожесточеннымъ сердцемъ противъ Бога и прилѣпленными сильно къ тлѣннымъ вещамъ жизни человѣческой мыслями, не надѣился *Усонгъ* угодить всемогущему Творцу, Которому сердце свое онъ никогда не поручалъ иначе, какъ токмо несправедливымъ образомъ раздѣленное; да и какъ могли, думалъ онъ, прощены быть ему грѣхи его. Кто можетъ удержать вѣчное Онаго правосудiе, разсуждалъ сей благоразумный Государь, взирать съ достойнымъ на то негодованiемъ, что оное заслуживаетъ, которое впрочемъ ни что иное есть, какъ прiуготовленная для грѣшниковъ самая геенна.

Долго дѣйствовали въ сердцѣ *Усонга* сiи угрызающiя совѣсть его безпокойныя мысли, и опровергали все его душевное

упо-

упованіе, какѣ случилось ему нѣкогда, будучи вѣ таковомѣ состояніи, вошедѣ вѣ оружейную мастерскую, взирать отвратительнымѣ и прискорбнымѣ взоромѣ на столь пріятныя ему прежде производимыя тамѣ работы; при семѣ то случаѣ, осмѣлился наконецѣ вышеупомянутый *Верибеній*, которой давно уже примѣчалѣ внутреннее безпокойствіе вѣ своемѣ милосердомѣ благодѣтелѣ, броситься кѣ стопамѣ Императорскимѣ.

„Кѣ чему дерзаю я приступать нынѣ, сказалѣ всякаго почтенія достойный сей престарѣлый мужѣ, что осмѣливаюсь проницать движеніе сердца Государя моего? Но при всемѣ томѣ, не вѣ силахѣ я никакѣ противостоять моему дерзскому любопытству безѣ наималѣйшаго страха, хотя безѣ сомнѣнія и не минуемую смерть заслуживаю я за то, чтобѣ не спросить, какая бы печаль безпокоила столь много сердце великаго *Усонга*? Можетѣ быть буду я служить слабѣйшимѣ, но притомѣ и отличнѣйшимѣ дѣйствіемѣ вѣ вспоможеніи его прискорбію."

Усонгъ хотя и отвѣтствовалѣ ему на то весьма милостиво, однако не открылѣ еще ничего при семѣ случаѣ любимому имѣ сему чужестранцу; но какѣ сердце его имѣло нужду вѣ повѣреніи тайны своей наивѣрнѣйшему человѣку

изѣ

изъ смертныхъ, то, видя въ *Верибенiѣ* довольное постоянство, основанie, справедливость и великую притомъ скромность, признался ему во всемъ вскорѣ, что терзало его сердце столь сильно, и отвергало все спокойствiе отъ его мыслей.

Верибенiй, былъ впротчемъ истинный Христiянинъ, которой не въ суевѣрiи и не въ единой наружности маловажнѣйшихъ дѣлъ коварнаго такъ сказать сердца искалъ мыслямъ своимъ успокоенiя, полагая всю надежду свою на непостижимый промыслъ всемогущаго своего Создателя, и искавъ пути къ своему спасенiю тамъ, гдѣ открывали ему только откровеннѣйшiя писанiи священнаго Закона. Онъ преподавая частыя наставленiи Императору Персидскому, обратилъ его наконецъ совершенно къ познанiю заблужденiя рода человѣческаго, открылъ ему ясно безсилiе и невозможность смертныхъ удовлетворить чемъ либо Божiе правосудiе, и растолковалъ ему всѣ средства, кои выдумало безприкладное милосердiе праведнаго Судiи къ соединенiю съ Его всесильнымъ правосудiемъ спасенiя грѣшнику. *Усонгъ*, слушая все то съ великимъ вниманiемъ, вступилъ вскорѣ на путь сей, провождавшiй его единственно къ полной во всемъ надеждѣ; онъ началъ вѣрить всему

тому

тому безпрекословно, и съ тѣхъ то самыхъ поръ изчезло въ немъ все его прискорбїе. Прїятное воображенїе, открыло отверстымъ его очамъ неизмѣримую бездну благополучїя, и онъ взиралъ съ удовольствїемъ на приближающуюся къ нему вѣчность, коя возвращала его ко примирившемуся съ нимъ сотворшему его Существу.

Вскорѣ послѣ того, обѣявилъ всенародно Императоръ Персидскїй, что онъ положилъ намѣренїе уступить престолъ свой Шаху *Саде́*: ибо, исправленїе Государственныхъ дѣлъ, казалось уже для него въ тягость; а потому, и не хотѣлъ онъ оставлять оныя безъ надлежащаго дѣйствїя, и народъ свой лишить безъ пекущагося о немъ безпрестанно начальника, подтверждая сїе тѣмъ, что *Уссигу* было собственно для самаго себя нѣкоторое важное дѣло, кое требовало непремѣнно всѣ его силы и все его притомъ время. „Статься можетъ, что сїе спокойствїе, говорилъ онъ ласковымъ образомъ попечительной о себѣ *Нуширванѣ*, продлитъ еще на нѣсколько времяни дни мои.„

Къ исполненїю сего важнаго предпрїятїя, назначенъ былъ день. Военачальники, правители всѣхъ верьховныхъ присудствїй, намѣстники, знатнѣйшїе судїи, Дароги,

Дароги, губернаторы провинцїй и оставшїеся при Дворѣ его нѣкоторые Новїяны, принуждены были предстать всѣ въ великой Дыванъ. Престолъ воздвигнутъ былъ тамъ въ открытомъ пространномъ залѣ, по сторонамъ коего находились лучшїе воины Государства, а протчее остававшееся мѣсто наполнено было многочисленнымъ народомъ. *Усонгъ* явился съ полною помпою восточнаго Императора на престолѣ, по сторону коего нѣсколько пониже находился и наслѣдникъ Персидскаго Государства.

„Почтенные граждане Персидскїе, говорилъ *Усонгъ*, вставъ между тѣмъ самъ съ мѣста, нынѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ ровно, какъ вы посадили меня на престолъ досей. Я благодарю васъ за вашу къ себѣ довѣренность, и приношу искреннѣйшую мою благодарность за вашу всегдашнюю ко мнѣ вѣрность. Признаюсь, что ни одинъ изъ Персовъ не огорчилъ *Усонга* во все сїе время своимъ каковымъ либо сопротивленїемъ, и ни единаго не имѣлъ онъ еще изъ нихъ своимъ злодѣемъ; но нынѣ не тотъ уже я болѣе, которой прежде за благосостоянїе ваше и всѣхъ вашихъ домашнихъ единственно выступалъ въ поле; мои руки стали изнеможенными, слабое зрѣнїе притупило взоръ мой, мой гласъ становится уже невнятнымъ, и

въ скоромъ времяни буду я можетъ быть единая тѣнь токмо Самодержавца."

„Впослѣдніе уже, видите вы меня нынѣ, возлюбленные мои соучастники, впослѣдніе предстою я теперь взору вашему; но знайте притомъ, что не оставлю я Персію по себѣ вдовствующею и безъ всякаго призрѣнія. Я все употребилъ къ доставленію вамъ достойнаго наслѣдника, примите его съ достодолжною искренностію, почитайте, и любите его, какъ вы меня любили: ибо въ немъ, соединяется благороднѣйшая кровь человѣковъ, *Исмаила* и великаго *Ченгиса*." „Да здравствуетъ *Исмаилъ* Пади-шахъ, Императоръ Персидскій! вскричалъ потомъ *Усонгъ*." При произнесеніи сихъ словъ, сошелъ онъ въ низъ съ престола, опоясалъ внука своего *Рустановымъ* посвященнымъ мечемъ, и возвелъ его потомъ на оставленной имъ престолъ свой.

Прискорбныя, подвигнутыя къ сожалѣнію, тронутыя притомъ прекраснѣйшимъ благороднымъ видомъ младаго юноши и пріобыкшія почитать всѣ совѣты *Усонга* истиннымъ изреченіемъ премудрости присудствовавшія тогда, повторяли всѣ единогласно слова бывшаго ихъ возлюбленнѣйшаго Государя: „Да здравствуетъ *Исмаилъ* Пади-шахъ, и да

владычествуетъ пусть оной подобно *Усонгу!*» кричали всѣ безпрестанно.

Всѣ большіе и знатные вельможи засвидѣтельствовали при семъ случаѣ новому Импримѣру восточныхъ странъ новому Императору свою подданническую преданность; а *Усонгъ* искалъ между тѣмъ обремяненный слабостію себѣ покоя.

Верибеній оставлялъ весьма рѣдко уже потомъ сего благоразумнаго Государя: силы его ослабѣвали часъ отъ часу, и ежедневно наполнялись очи его наивеличайшимъ удовольствіемъ, коихъ источники не отъ мірскихъ суетъ происходили однакожъ. Предъ кончиною своею, приказалъ онъ просить къ себѣ новаго Императора, своего наслѣдника, и увидѣвъ онаго предъ собою, повторялъ ему прежнія свои завѣщанія. „*Исмаилъ*, хотя еще и молодъ, говорилъ онъ; но онъ любитъ добродѣтель, знаю я; чего ради, слушай, возлюбленный сынъ мой, совѣты матери твоей; понеже и дѣдъ твой слушалъ оные, находя ихъ всегда полезными: ибо, никто не можетъ любить тебя болѣе, кромѣ одной ея. Не полагайся много на свои силы, совѣтуй съ протчими, разсуждай все со вниманіемъ, и потомъ приступай уже къ исполненію твоего намѣренія. Во время моего правленія Государствомъ, старался я всячески зани-

мать всѣ званiи въ Государствѣ людьми достойными, преисполненными всякаго почтенiя; то не перемѣняй и ты оныхъ отнюдь поспѣшно безъ особливой къ тому нужды. Люби и почитай друзей дѣда твоего, кои всегда ему были вѣрными, и коихъ различные опыты учинили довольно премудрыми.„ Потомъ, обнявъ сокрушеннаго *Исмаила*, и обратясь къ рыдающей неутѣшно *Нуширванѣ*, говорилъ ей наинѣжнѣйшимъ образомъ: „Продолжай дражайшiй залогъ любви моей, сказалъ онъ, возлюбленнѣйшая дщерь, которая всегда была достойна наимяноваться истиннымъ моимъ другомъ, и употребляй всѣ убѣдительнѣйшiя средства великаго твоего духа, содержать сына твоего въ своемъ послушанiи: ибо участь Персiи, имѣетъ свое основанiе единственно отъ вашей взаимной дружбы. По разлученiижъ моемъ съ вами, откроетъ достойный *Верибенiй* тебѣ то самое, что принудило желать мнѣ столь сильно конца жизни моей. Итакъ, послѣдуй мнѣ, любезная дщерь, и ты исполнять то, и умри съ тѣмъ же самымъ, съ чѣмъ и *Усонгъ* умираетъ нынѣ.„

Онъ обнималъ потомъ и утопавшую въ слезахъ свою супругу, прося ее усильнѣйшимъ образомъ искать въ *Нуширваниномъ* дружествѣ своего утѣшенiя. Простился

стился съ вѣрнымъ своимъ *Шериномъ* и всѣми его приближенными любимѣйшими ему служителями, и потомъ просилъ оставить его одного въ покоѣ. Я не могу уже болѣе. . . . Едва могъ онъ промолвить слова сіи. Одинъ *Верибеній* не отходилъ токмо отъ него прочь ни на минуту: иногда слышно было отвѣтствовавшаго его на нѣкоторые вопросы почтеннѣйшаго сего собесѣдника; но и то вскорѣ пресѣклось, такъ что *Верибеній* одинъ принужденъ былъ говорить только.

Нуширвана, находясь между тѣмъ въ ближайшемъ отъ того покоѣ, не въ силахъ была наконецъ воздержаться, чтобъ не кинуться потомъ предъ кроватью умирающаго ея родителя: Ахъ! дражайшій мой родитель, повторяла она въ отчаяніи однѣ токмо слова сіи нѣсколько разъ; но *Усонгъ* глядѣлъ на нее только съ пріятнымъ взоромъ, на коемъ распространялось сіяніе небесной радости безъ наималѣйшаго притомъ затмѣнія, и сей взглядъ былъ уже послѣднимъ въ его жизни; умираючи, вскинулъ онъ глаза свои на свою возлюбленную, и заключилъ ихъ потомъ вскорѣ вѣчно.

Верибенію предложено было потомъ за исполненіе вѣрной его службы принять великія дары Императорской щедроты; но онъ отрекся отъ того вовсе. „Нѣтъ, гово-

говорилъ онъ, мои услуги найдутъ непремѣнно и безъ того свое достойное награжденіе, я умру спокойнымъ нынѣ; потому что величайшій изъ смертныхъ позналъ истинну. Но никто не долженъ подозрѣвать меня въ томъ, чтобъ имѣлъ я притомъ времянныя какія либо намѣреніи. Сія единая прозьба пусть пребудетъ мнѣ невозбранною за мои успѣхи. Прійми, и познай великодушная *Нуширвана* сіе повѣствованіе послѣднихъ часовъ обратившагося родителя твоего на путь истинны, оное есть послѣднее его тебѣ завѣщаніе.„ *Верибеній*, удалился потомъ въ уединеніе, и желаніе его исполнилось вскорѣ: ибо, умеръ онъ не долго послѣ того безъ друзей, безъ свидѣтелей и безъ всякой житейской утѣхи; но Тотъ Костался токмо при немъ навсегда, Который въ вѣчности не допускаетъ появляться въ очахъ совѣсти его слезамъ вовсе.

Конецъ Iй части.

Гос. Историч. Публ. Б-ка
РСФСР
Инвент. №
193 г.

Погрѣшности.

Стра:	*Стро:*	*Напечатано:*	*Читай.*
1	15	блѣскЪ	блескЪ
-	20	обладателя	Обладателя
13	23	сЪ востока	сЪ Востока
—	—	шолковыми	шелковыми
17	12	обошолся	обошелся
21	2	пѣкущїйся	пекущїйся
—	17	воспитавши-мися	воспитовавши-мися
22	5	четырнатцати	четырнадцати
23	9	отЪ двора	отЪ Двора
—	20	потѣрею	потерею
24	27	итти	идти
25	1	приобыкшихЪ	прїобыкшихЪ
26	—	погибѣль	погибель
—	27	послѣдовали	послѣдовало
—	28	кинулись	кинулось
28	10	нашолЪ	нашелЪ
—	20	пребывающѣе	пребывающее
—	26	не избежимой	неизбѣжимой
31	20	приложена	проложена
32	11	для нѣе	для нее
35	13	чужестранцомЪ	чужестранцемЪ
42	7	властелину	Властелину
50	20	даже	даже,
52	21	повелителей;	Повелителей;
—	26	царствЪ	ЦарствЪ
53	2	полудня	Полудня
—	12	тритцать	тридцать
—	27	ИзЪ дватцати	ИзЪ двадцати
55	3	посетить	посѣтить
—	20	существо сїе	Существо Сїе
58	27	республики	Республики
—	30	вошолЪ	вошелЪ
61	15	*Тvръ*	ТvрЪ
—	21	державЪ,	ДержавЪ,
62	1	Венецїане	Венецїяне

Стра:	*Стро:*	*Напечатано*	*Читай.*
65	1	однимЪ словомЪ: истязаніе,	однимЪ словомЪ, истязаніе
—	3	скипетра	Скипетра
73	9	сначала	сЪ начала
—	11	тагчайшей	тягчайшей
—	27	небольшое	небольшее
74	29	но вЪ Китаѣ	но вЪ Китаѣ,
79	25	королевства	Королевства
80	9	ОттоманЪ	ОттоманнЪ
83	1	и спроситЪ	и спросить
86	5	и наискуснѣйшимЪ	и наиискуснѣйшимЪ
88	12	предвидѣть	предвидѣть то
89	7	освящать	освѣщать
91	27	чорныя	черныя
92	24	приими	прійми
93	7	предЪ концомЪ	предЪ концемЪ
94	23	Ефрата	Евфрата
97	22	миляе	милѣе
—	31	снити	снидти
98	22	лицо	лице
99	—	похнщать	похищать
103	27	Анаскій	Анасскій.
107	4	совѣтовалЪ	совѣтывалЪ
115	1	невоздержною.	невоздержную.
—	22	весма	весьма
116	25	чежолая	тяжелая
117	5	онаго;	онаго,
122	1	состоитЪ	и состоитЪ
128	13	повелѣніе,	повелѣнія,
136	11	*Нушурвана*	*Нуширвана*
152	19	вЪ прежнѣю	вЪ прежнюю
—	23	Греками,	Греками
156	29	также,	и то также,
157	4	загражденіемЪ,	загражденіемЪ
179	14	матеріи,	матерій,
182	27	сочиненіи.	сочиненій.
183	2	изобрѣтеніи,	изобрѣтеній,
188	--	орудіи,	орудій,
190	1	„	Двора,

Стра:	*Стро:*	*Напечатано:*	*Читай.*
190	5	объятіи	объятій
191	11	нынѣшнихъ	тогдашнихъ
202	6	похищаемою	похищаемую
205	14	чаямаго	чаемаго
223	12	приуготовленіи.	пріуготовле- ніи.
223	20	имъ	каждымъ изъ онаго
—	24	по приѣздѣ	по пріѣздѣ
225	11	учрежденіи,	учрежденій,
247	8	чувствіи	чувствія
281	15	времяна?	времяна,
282	7	остаепся,	остается.
283	8	Различныя	Различные
284	2	государства	Государства
289	30	Госрдарь	Государь
290	18	ниспосланнымъ	низпослан- нымъ
291	6	сомнѣніе	сомнѣнія
293	3	пракрасной	прекрасной
294	9	*Нуширвана*	*Нуширвана*
305	20	ощущаемою	ощущаемую
316	17	слѣдствій,	слѣдствіи,
320	12	презреніе	презрѣніе
328	32	пад-	шимъ
333	15	доставшіяся	доставшіеся
405	20	спасобнымъ	способнымъ

Оик № 8945

ЖСБ·49-60